

Народо аселение

ISSN 1561-7785

3 . 2024

июль-сентябрь

- ▼ **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- ▼ **УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- ▼ **ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ**
- ▼ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й   Н А У Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л

2024. Том 27. № 3 (июль-сентябрь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3; EDN: SLOWMA

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д.32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2024.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24153 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.09.2024.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024. Vol. 27. No. 3 (July-September)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3; EDN: SLOWMA

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2024.

© ISESP FCTAS RAS, 2024.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24153. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.09.2024

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2024. Том 27. № 3 (июль-сентябрь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Синица А. Л. МОНИТОРИНГ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИК КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ.....	4
Олейник Е. Б., Ивашина Н. В., Храмова М. Н. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СУБЪЕКТАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	17
Узнародов Д. И. РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭСТОНИИ: ОСНОВНЫЕ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ (2000–2021 ГГ.).....	31
Архангельский В. Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ	48
Ростовцев А. И. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ВРП В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	62
Швец Ю. Ю., Симагин Ю. А., Луговской А. М., Морковкин Д. Е. ТЕНЕВОЙ ЭФФЕКТ ПАНДЕМИИ: КОРОНАВИРУС УСУГУБИЛ СМЕРТНОСТЬ ОТ ХРОНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ	73

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Крошилин С. В., Медведева Е. И. МЕТОДИКА РАНЖИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ ПО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ	85
Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	98
Максимова И. В., Симагин Ю. А. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В НЕГО	111
Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Васильева А. В. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?	124
Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликowa С. В. ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ РОССИЯНЕ УДЕЛЯЮТ ЗАБОТЕ О СОБСТВЕННЫХ ДЕТЯХ?	137

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ К УСЛОВИЯМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ....	153
Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	165
Белехова Г. В., Шматова Ю. Е., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	180
Макар С. В., Ярашева А. В. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ	193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА КАК ГЕНЕРАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ» НА IX САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.....	206
ЧТО БЕСПОКОИТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»	213

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 3 (July-September)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Arseny L. Sinitza METHODOLOGICAL GUIDELINES FOR MONITORING OF THE IMPLEMENTATION OF DEMOGRAPHIC AND FAMILY POLICIES	4
Elena B. Oleynik, Natalya V. Ivashina, Marina N. Khranova ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF MOTIVATIONAL FACTORS ON THE FORMATION OF EMIGRATION MOODS OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE SUBJECTS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT.....	17
Dmitry I. Uznarodov RUSSIAN POPULATION IN ESTONIA: MAIN GEODEMOGRAPHIC TRENDS (2000–2021)	31
Vladimir N. Arkhangel'sky, Natalya A. Bezverbnaya, Vadim A. Bezverbny, Elena V. Zemlyanova RELATIONSHIP OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF GENERATIONS IN THE FAMILY	48
Andrey I. Rostovtsev INTERDEPENDENCE OF POPULATION AND GRP IN THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS	62
Yury Yu. Shvets, Yury A. Simagin, Alexander M. Lugovskoy, Dmitry E. Morkovkin THE SHADOW EFFECT OF THE PANDEMIC: CORONAVIRUS HAS INCREASED MORTALITY FROM CARDIOVASCULAR DISEASES	73

CONDITIONS AND QUALITY OF LIFE OF POPULATION

Sergey V. Kroshilin, Elena I. Medvedeva THE METHODOLOGY OF RANKING FEDERAL DISTRICTS BY SOCIO-ECONOMIC INDICATORS	85
Mairash S. Toksanbaeva, Olga A. Kolennikova, Raisa I. Popova SOCIO-ECONOMIC FACTORS AFFECTING THE QUALITY OF LABOR POTENTIAL IN THE REGIONS OF RUSSIA	98
Irina V. Maksimova, Yury A. Simagin HUMAN CAPITAL AND THE EFFECTIVENESS OF INVESTMENTS IN IT	111
Alexander D. Volkov, Alexander O. Averianov, Natalia A. Roslyakova, Anastasia V. Vasilieva SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE ARCTIC REGION AND PRACTICES OF HUMAN CAPITAL REPRODUCTION: IS THERE A CONNECTION?	124
Anatoly I. Antonov, Vera M. Karpova, Sofia V. Lyalikova PRESSED FOR TIME: HOW MUCH TIME DO RUSSIANS SPEND CARING FOR THEIR CHILDREN?	137

ECONOMIC BEHAVIOR OF POPULATION

Irina I. Korchagina, Lidia M. Prokofieva RUSSIAN FAMILIES' ADAPTATION TO THE CONDITIONS OF LIMITED CONSUMPTION	153
Marina Yu. Malkina, Dmitry Yu. Rogachev IMPACT OF VALUES ON FINANCIAL BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH	165
Galina V. Belekhova, Yuliya E. Shmatova, Leila N. Natsun, Tatiana S. Soloveva WELL-BEING OF THE OLDER GENERATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL SOCIAL POLICY	180
Svetlana V. Makar, Aziza V. Yarasheva LABOR PRODUCTIVITY: FEATURES OF DIFFERENTIATION OF THE SOCIO-ECONOMIC SPACE OF THE FAR EASTERN MACROREGION.....	193

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

ROUND TABLE «SOCIAL SPHERE AS A GENERATOR OF HUMAN POTENTIAL: THE STATE, PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT» AT IX SAINT PETERSBURG ECONOMIC CONGRESS (SPEC-24)	206
WHAT WORRIES MODERN RESEARCHERS: RESULTS OF VI INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE «SOCIAL DYNAMICS OF POPULATION AND HUMAN POTENTIAL»... 213	

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-4-16
EDN: SVDZJH

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ МОНИТОРИНГА РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИК

Синица А. Л.

МГУ имени М. В. Ломоносова
(119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46)

E-mail: sinitza@econ.msu.ru

Для цитирования:

Синица А. Л. Методологические принципы проведения мониторинга реализации демографической и семейной политик // Народонаселение. – Т. 27. – № 3. – С. 4-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-4-16; EDN: SVDZJH

Аннотация. В России на всех уровнях власти наблюдается низкое качество управления демографическими процессами. Слабость государственной политики в сфере семьи и воспроизводства населения связана с низким уровнем её информационно-аналитического сопровождения. В результате действующая система мер демографической и семейной политик не позволяет обеспечить расширенное воспроизводство населения и поддержать институт семьи. Одним из наиболее важных направлений совершенствования обеих форм государственной политики является обеспечение её разработки и реализации необходимой информацией, для чего нужен мониторинг решений, принимаемых федеральными и региональными органами власти. В статье рассматриваются принципы и подходы к осуществлению такого мониторинга. Он должен иметь два основных направления. В рамках первого оценивается качество концептуальных документов, определяющих контуры политики: рассматриваются их цели, задачи и принципы и проверяются на предмет отсутствия взаимных противоречий и наличия направленности на решение именно демографических и семейных проблем в указанные сроки. Второе направление показывает, как заявленные теоретические принципы и подходы реализуются на практике. Оно позволяет определить финансовые затраты на реализацию политики, выявить применяемые формы помощи семьям и их вклад в семейный бюджет, а также сравнить регионы между собой по объёмам и формам помощи. Рассматриваемый мониторинг поможет повысить качество государственного управления территориями на федеральном и региональном уровнях при реализации демографической и семейной политик, упростить органам власти всех уровней процесс принятия решений в области демографии.

Ключевые слова: демографическая политика, семейная политика, государственная политика, мониторинг политики, демографическое развитие.

Введение

Следующий год — время подведения итогов Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., хотя уже сейчас можно утверждать, что большинство её стратегических целей, связанных с численностью и естественным движением населения (например, численность населения на 1 января, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, рождаемость, измеренная по суммарному коэффициенту рождаемости), при исключении из рассмотрения новых территорий достигнуты не будут. Более того, перспективы демографической динамики на ближайшие 10–15 лет неблагоприятны: естественная убыль населения сохранится, а выбывающее за пределы страны население с высоким образовательным уровнем будет замещаться неквалифицированными мигрантами из Средней Азии. Многие региональные программные документы в сфере демографической политики тоже заканчиваются в следующем году. Было бы важно оценить и их результаты, но этому препятствует ряд причин.

Характерной особенностью государственного управления в России является то, что стратегические документы, определяющие долгосрочные тенденции развития, имеют низкое качество и не согласованы между собой [1]. Часто декларируются одни принципы и подходы, но при реализации политики на бытовом уровне население сталкивается с совсем другими, что особенно заметно в сфере демографии. В результате создаётся впечатление, что со стороны общества наблюдается запрос на одни меры (налоговые вычеты, льготная и семейная ипотека, развитие социальной инфраструктуры, особенно в сфере медицины), но государство реализует другие, более удобные для него и ограниченные во времени (разовые выплаты при рождении ребёнка) или доступные не всем нуждающимся меры (особенно по обеспечению жильём).

На такую двойственность обратили внимание политологи, которые отметили, что камень преткновения государственного

управления — слабая реализация власти, вызванная серьёзными проблемами коммуникации между властью и обществом, из-за чего наблюдается низкое доверие к государству и органам власти [2; 3]. Некоторые исследователи считают качество коммуникации между властью и обществом наиболее значимой проблемой, поэтому поиску баланса между интересами граждан и государства следует уделять особое внимание [4, с. 106].

В основе развития любой территории лежит учёт местного контекста и интересов проживающего там населения, поэтому позиция региональных и муниципальных органов власти в отношении реализуемой политики становится основной при формировании итоговых результатов по стране в целом. В связи с этим большую важность для качества управления территориями приобретают профессиональные компетенции государственных и муниципальных служащих, но даже федеральные органы власти далеко не всегда обладают требуемыми компетенциями в сфере демографии [5]. Наряду с повышением демографической грамотности чиновников необходимо повышение информационно-аналитического сопровождения государственной политики, особенно если учесть, что демографическая ситуация продолжит ухудшаться. Следовательно, разработка и реализация мониторинга демографической и семейной политики является актуальным направлением их совершенствования.

Методологические принципы разработки демографической и семейной политик

Принципы разработки и реализации государственной политики неоднократно рассматривались в литературе. В отношении семейной политики стоит отметить работы [6–10]. С. В. Дармодехин, О. В. Кучмаева и другие авторы неоднократно отмечали сложность определения её проблемного поля и выступали за её автономию от других видов социальной политики. Демографическая политика хорошо представлена в рабо-

тах [11–17]. Л. Л. Рыбаковский, В. В. Елизаров и другие исследователи говорили о методологической неопределённости и этого термина, а также об ошибочности сведения демографической политики только к политике повышения рождаемости. Выделим три основных направления, которые включают в себя большинство принципов разработки и реализации демографической и семейной политик: системность и мощное информационное обеспечение, которые дополняют друг друга, а также универсальность. Более подробно они рассмотрены в [18].

Достижение системности политики, а также её внутренней и внешней непротиворечивости требует чёткости формулировок политики, её целей, задач, инструментов реализации и целевых индикаторов. Они должны быть согласованы между собой и с выделяемыми ресурсами, а также с показателями, целями и задачами других направлений государственной политики. То же касается и нормативно-правовых актов, связанных с реализацией политики. Государственная политика должна иметь иерархию: направления одного уровня (например, демографическая и семейные политики) должны быть равноправными и наделяться свойственными только им функциями. Система мероприятий должна включать в себя материальное и нематериальное стимулирование, а также пропагандистские меры. Мероприятия органов власти более высоких уровней надо дополнять мерами политики органов власти более низких уровней с учётом местных особенностей территорий. Таким образом проблемы, стоящие перед обществом, будут учтены комплексно, в связи с наблюдаемыми явлениями и тенденциями. Срок реализации мер должен быть достаточно большим, чтобы они могли внести свой вклад в изменение ситуации. Наконец, необходим единый орган координации усилий по разработке и реализации политики.

Вторым направлением является создание информационного обеспечения, задачей которого является повышение эффективности политики. Для этого необходимо, чтобы предлагаемые меры были обсуждены

с широким кругом экспертов и научно обоснованы. Также необходим контроль принимаемых решений, для чего требуется единая база нормативно-правовых актов, позволяющая сравнивать цели политик и их результирующие показатели. Методика оценки эффективности мер политики должна быть единой и научно обоснованной, при этом она должна учитывать особенности конкретной территории. Также необходима экспертиза других направлений государственной политики на предмет того, как решения, принимаемые в их рамках, влияют на целевое направление государственной политики, в духе оценок регулирующего и фактического воздействий. Разработка и реализация политики должны осуществляться квалифицированными работниками, получающими достойное вознаграждение за свой труд. Наконец, необходимо информирование широких слоёв населения о принципах и мерах реализуемой политики. Универсальность подразумевает, что обе политики должны реализовываться на территории всей страны всеми уровнями власти, иметь не адресный характер, а затрагивать всех, на кого нацелены, и быть унифицированы по принципам и средствам реализации.

В настоящее время большинство представленных принципов не соблюдается, поэтому для контроля организации общественного развития и повышения качества управления социальными процессами требуется мониторинг нормативно-правовых актов, связанных с разработкой и реализацией демографической и семейной политик на региональном и федеральном уровнях. Такой мониторинг должен осуществляться федеральными органами власти или организацией, имеющей контакты с экспертами требуемой квалификации, потому что региональные власти не всегда ими располагают и интересуются лишь своим регионом.

Принципы разработки и реализации мониторинга

Мониторинг предлагается проводить на основе регулярно пополняемой базы текстовых и цифровых данных, которая вклю-

чает в себя нормативно-правовые акты (действующие и уже прекратившие действие) и представленные в них показатели, связанные с реализацией демографической и семейной политик. Если брать международный опыт, то этот мониторинг похож на сборник World Population Policies, регулярно публикуемый ООН, или базу Mutual Information System on Social Protection, которую ведут страны ЕС, но дополненную текстами самих документов в сфере демографической и семейной политик, что позволяет анализировать не только текущую ситуацию, но и эволюцию обеих политик в России и её регионах.

Цели, задачи, принципы, механизмы реализации и целевые показатели должны быть перемещены из текстов документов, в специальную программную среду. Она даст возможность сравнивать их между собой, выявлять приоритетные цели и задачи, искать повторяющиеся формулировки (не меняющиеся между регионами), и различия между ними, что позволит группировать регионы по целям и путям их достижения. То же следует сделать в отношении различных форм помощи семьям и индивидам, которые реализуются в каждом регионе. Благодаря мониторингу получится построить динамические ряды, оценить принципы и результаты реализуемой политики на региональном уровне с учётом финансовых затрат и ежегодной индексации выделяемых средств.

Первое направление реализации мониторинга

Данный мониторинг имеет две составляющие. Первая из них, направленная на анализ основных подходов и принципов демографической и семейной политик, позволяет оценить, насколько концептуальные документы, способны дать ответ на наиболее значимые вопросы. Для этого из документов федерального и регионального уровней вычлняются цели, задачи, принципы и целевые показатели (где они представлены¹) демографической и семейной поли-

тик и рассматриваются на предмет непротиворечивости, достижимости и соответствия текущим демографическим условиям. В базе должен быть указан период действия документа, а программные документы имеют тенденцию к синхронизации между собой, поэтому проверять действует ли программа или вместо неё приняли другую достаточно раз в два-три года.

Благодаря мониторингу пользователи смогут увидеть, в каких регионах есть документы или разделы в демографических концепциях, посвящённые семейной политике. В случае отсутствия специального документа в программной оболочке следует отметить, что она в явном виде не реализуется. Однако при наличии специального раздела в концепции демографического развития необходимо проставить отметку, что обе политики объединяются, но демографическая политика имеет большую важность, то есть мониторинг покажет реальное отношение властей разного уровня к семейной политике, что очень актуально в свете начала реализации нового национального проекта «Семья». В результате мониторинг позволит устранить ряд недостатков, которые заметно снижают эффективность демографической и особенно семейной политик.

Наиболее значимым недостатком является отсутствие единой базы документов и данных, посвящённых демографическим и семейной политикам. В условиях новой волны депопуляции и долгосрочного кризиса семьи это означает разрозненность реализуемых мер и слабое информационное обеспечение обеих политик. Так, например, региональные или местные органы власти зачастую не знают об успешных случаях реализации мер поддержки семей в других регионах и муниципальных образованиях, которые могли бы быть использованы и в их условиях. Зачастую на местах используются неудачные, двусмысленные или противоречивые формулировки, из-за чего сильно страдает качество документов. Ярким примером может служить тот факт,

1 Например, в «Концепция демографического развития Рязанской области на период до 2015 года» (Распоряжение губернатора Рязанской области от 26.06.2006 № 265-пр) они отсутствуют. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/439011675> (дата обращения: 09.03.2024).

что во многих документах основная цель концепции демографической политики — «создать условия для роста населения», не оговаривая на сколько или до какого уровня увеличение должно произойти², или в качестве целевого ориентира указывается просто «снизить уровень смертности»³. Такая расплывчатая постановка вопроса позволяет утверждать, что цель достигнута даже при отсутствии реальных успехов, благодаря чему можно принять новый документ с такой же формулировкой, которая вновь не позволит оценить итоговый результат реализации концепции и её вклад в изменение демографических тенденций.

Слабость региональных документов также в некоторой степени обусловлена методологической неопределённостью понятия «демографическая политика», представленной в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Наряду со стабилизацией численности населения и её ростом, увеличением ожидаемой продолжительности жизни третьей основной целью концепции является повышение качества жизни. Этот термин в первую очередь связан с благосостоянием населения, а не с его воспроизводством или миграцией, он более экономический и социальный, чем демографический. Широкое толкование сути демографической политики затрудняет выбор мер, необходимых для воздействия на население, и оценку их результативности, а также ведёт к дублированию функций других политик.

В результате региональные документы, которые ориентируются на федеральную концепцию, могут иметь серьёзные недостатки, обусловленные неправильным пониманием целей демографической полити-

ки. Примером слишком широкого подхода может служить «Концепция демографической политики Тульской области на период до 2025 года»⁴. В ней среди приоритетов и основных направлений деятельности по решению задач повышения рождаемости и укрепления семьи представлены те, которые явно не относятся к демографической или семейной политикам: «активизация работы по трудовому обучению, профессиональной ориентации, консультированию детей и подростков, подготовке к будущей трудовой деятельности с учетом их склонности, интересов и состояния здоровья» и «укрепление материальной базы профессиональных образовательных организаций». Однако можно говорить об их связи с качеством жизни.

Интересным примером является Брянская область. Сравнивая концепции демографической политики в Брянской области на период до 2019 и 2025 годов видно, что разделы III–VIII абсолютно одинаковы, то есть цели, задачи и приоритеты между документами не претерпели изменений⁵. С одной стороны, подобное сходство — хорошо: обеспечивается преемственность между периодами и направлениями воздействия. С другой — отсутствие изменений может означать, что ни одна из задач решена не была. Впрочем, подтвердить или опровергнуть это утверждение нельзя, поскольку в документах не приводятся цифровые индикаторы, к достижению которых стремятся власти. Вызывают сомнения и приоритеты политики. Так, в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи в документах представлены следующие формулировки: «обеспечение действенно-

² Например, см. «Концепция демографической политики Ярославской области на период до 2025 года» (Постановление Правительства Ярославской области от 09.11.2015 № 1217-н). — URL: <https://docs.cntd.ru/document/430656055> (дата обращения: 09.03.2024).

³ Например, см. «Концепция демографической политики Тамбовской области на период до 2025 года» (Постановление Администрации Тамбовской области от 27.11.2007 № 1284). — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=116022197&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 09.03.2024).

⁴ Постановление Администрации Тульской области от 27.10.2008 № 673 «Об утверждении Концепции демографической политики Тульской области на период до 2025 года». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/430645583> (дата обращения: 09.03.2024).

⁵ Распоряжение Правительства Брянской области от 20.02.2015 № 56-рп «Об утверждении Концепции демографической политики в Брянской области на период до 2019 года». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/974034932>; Распоряжение Правительства Брянской области от 02.03.2020 № 75-п «Об утверждении Концепции демографической политики в Брянской области на период до 2025 года». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/974057720> (дата обращения: 09.03.2024).

го надзора за соблюдением социальных гарантий ... несовершеннолетних независимо от организационно-правовой формы предприятия», «разработка мер по развитию системы социального партнёрства на областном и местном уровнях» и «создание в регионе условий для приоритетного развития местных производителей и переработчиков пищевого сырья, фирменной торговли в целях производства и реализации населениям продуктов массового потребления по доступным ценам». Очевидно, что вклад этих мер в стимулирование рождаемости и укрепление семьи весьма незначительный, если есть вообще. Подобные примеры присутствуют почти в каждом документе.

Ещё одной проблемой документов является то, что заявленные целевые индикаторы могут быть заведомо недостижимыми. Примером может служить «Концепция демографической политики Дальнего Востока»⁶, в которой стратегической целью является «стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 8,3 млн человек к 2020 г. и ее увеличение до 8,6 млн человек к 2025 г.». Несмотря на актуальность такой постановки вопроса в условиях оттока населения из регионов Дальнего Востока, достичь эту цель за столь короткий срок при недостаточном финансировании и низком уровне жизни населения возможно только при массовом завозе мигрантов из-за пределов страны, что, очевидно, не соответствует потребностям общества. Впрочем, реальная жизнь уже наглядно это показала: на конец 2020 г. численность населения Дальнего Востока составляла 8,0 млн человек, а на конец 2022 г. — 7,9 млн человек. Примером заведомо недостижимых результатов на региональном уровне может служить «Концепция демографического развития Алтайского края на период 2025 года»⁷. В ней к концу первого этапа (2020 г.) плани-

ровалось добиться прекращения миграционной убыли населения, а к концу второго этапа (2025 г.) — обеспечить миграционный прирост населения на уровне, восполняющем естественную убыль (не менее 2 тыс. человек в год).

Региональные программы иногда сталкиваются с проблемой слишком консервативных целевых показателей. Например, в программе «Улучшение демографической ситуации в Курской области» на 2011–2013 гг. планировалось за время её действия снизить смертность населения трудоспособного возраста с 700 случаев до 699 случаев на 100 тыс. человек населения трудоспособного возраста⁸. Реализация предлагаемого мониторинга позволит оценить качество подготовки разделов, посвящённых целевым показателям, и поможет разработчикам более обоснованно подойти к их выбору. В некоторых регионах власти понимают необходимость подобного мониторинга и периодической ревизии демографической и семейной политик, прописывая это в качестве одной из задач соответствующей программы⁹. Однако существующие единичные случаи лишь подчёркивают необходимость федерального мониторинга, который позволил бы избежать указанных недостатков.

Второе направление реализации мониторинга

Пособия и другие монетарные формы помощи семьям с детьми играют особую роль в условиях их низкого уровня жизни и низких заработных плат, поэтому для населения они являются одними из важнейших и самыми видимыми инструментами демографической и семейной политик.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 г. № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: 09.03.2024).

⁷ Распоряжение губернатора Алтайского края от 31.07.2015 № 54-пр. — URL: https://www.aksp.ru/work/sd/demograf/dem_docs/reg_konc.pdf (дата обращения: 09.03.2024).

⁸ Постановление Администрации Курской области от 25.10.2010 № 497-па — URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-44772/> (дата обращения: 09.03.2024).

⁹ Постановление Правительства Тверской области от 07.02.2020 г. № 60-пп «О государственной программе Тверской области «Развитие демографической и семейной политики Тверской области» на 2020–2025 годы». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6900202002110001?index=60> (дата обращения: 09.03.2024).

Кроме того, некоторые учёные считают размер пособий одним из индикаторов отношения власти к социальному институту семьи [19]. В настоящее время регулярные пособия и налоговые вычеты не выполняют ту роль, для которой они вводились, потому что имеют маленькие размеры [20]. О том, что Россия серьёзно отстает от зарубежных стран в отношении объёмов средств, идущих на поддержку семей с детьми, уже неоднократно говорилось [21–23], но ответы, почему так происходит и на сколько именно мы отстаём, до сих пор не получены.

В связи с этим в рамках второго направления мониторинга анализируется система помощи семьям. Для этого по стране в целом и для каждого региона в отдельности из нормативно-правовых актов (программных документов, прилагающихся планов мероприятий и документов, изменяющих предшествующие документы) отбираются и переносятся в программную среду действующие и действовавшие меры политики, а также выделяемые на их финансирование средства. Такой подход позволит показать, как теоретические принципы и подходы нормативно-правовых документов реализуются на практике. Исследователи смогут отслеживать эволюцию перечня мер на федеральном и региональном уровнях. Станет возможным провести расчёт, сколько процентов от ВРП (ВВП на федеральном уровне) составляют расходы на конкретную меру и на всю систему мер. Мониторинг должен осуществляться ежегодно, потому что размер выделяемых на поддержку семей денежных средств и покупательная способность денег с течением времени меняются.

Для второго направления мониторинга наиболее значимы три аспекта. Первый из них — создание единой базы, в которой ретроспективно представлены формы помощи семьям, обозначены условия их получения и финансовые затраты на их реализацию. Такая база позволит увидеть весь спектр мер помощи семьям, реализуемых в стране и отдельных регионах, выявить региональные особенности, ранжировать регионы и сравнивать их между собой по раз-

ным критериям. Она будет полезна и для региональных органов власти, которые смогут подобрать меры, наиболее точно отвечающие условиям региона и узнать про особенности их реализации.

Второй аспект заключается в том, что мониторинг позволит сравнивать затрачиваемые денежные ресурсы на все реализуемые меры (или хотя бы на наиболее важные из них) с ВРП (с ВВП на федеральном уровне) по отдельности и совокупно. В результате станет возможно не только сравнивать регионы между собой, но и определить сколько органы власти тратят на государственную демографическую и семейную политики, а значит, какое место они занимают в структуре приоритетов государства, и какова динамика этих расходов. Дополнив затраты на региональные меры затратами на федеральные меры, получится рассчитать полную стоимость реализации политики в регионе. В конечном итоге получится понять, насколько далеко мы находимся от уровня в 2% от ВВП (целевой размер помощи семьям в развитых европейских странах) и по каким компонентам мы особенно отстаём.

Третий аспект подразумевает учёт размеров пособий в зависимости от душевых доходов в семьях с разным числом её членов (в первую очередь иждивенцев). Вклад мер политики в бюджет семьи без проведения специальных обследований часто определить непросто, особенно если учесть, что ряд мер являются разовой поддержкой (материнский (семейный) капитал, помощь при рождении ребёнка, помощь к 1 сентября, помощь в приобретении дров или угля и аналогичные формы поддержки семей). При мониторинге выплачиваемые пособия и прочие формы поддержки семьи сравниваются с прожиточным минимумом и с бюджетами более высоких уровней, а также со средней по региону заработной платой. Такой подход позволит примерно оценить, какую роль каждая мера играет в бюджете семей и насколько они все вместе позволяют компенсировать затраты родителей на уход и присмотр за детьми.

Заклучение

Проблема воспроизводства населения является одной из наиболее важных для российского общества уже долгое время, но она всё так же далека от решения. Отчасти это связано с кризисом семьи и снижением потребности в детях. Тем не менее власть сама не до конца понимает суть политики, призванной обеспечить демографический рост и поддержать основную ячейку общества. Это выражается в том, что программные документы до сих пор содержат противоречивые и не относящиеся к делу тезисы, а наиболее ярким примером является семейная политика, которая зачастую подменяется демографической и выполняет несвойственные для себя функции [24]. В результате особое внимание при подготовке текста программ, направленных на изменение сложившихся тенденций, должно уделяться подбору используемых формулировок целей и задач. Однако информационно-аналитическое сопровождение разработки и реализации демографической и семейной политик в том виде, котором оно в настоящее время имеется, не позволяет решить данную проблему, а также оценить качество стратегических документов, определяющих долгосрочные цели и принципы социального развития российского общества. Данная проблема является частью более общей проблемы доступности статистики и её обработки [25], хотя в современных условиях нельзя добиться результатов, если государство не имеет достаточно информации о себе и протекающих социальных процессах. Следовательно, низкая культура государственного управления тормозит демографическое развитие и препятствует реализации интересов государства и общества.

Для улучшения ситуации и повышения качества управления социальными процессами был предложен мониторинг демографической и семейной политик. В рамках двух направлений реализации он име-

ет три основных задачи. Первая — создание базы данных стратегических документов, направлена на выявление их недостаточно проработанных и противоречивых положений. Её решение позволит повысить качество этих документов за счёт устранения несогласованности между целями, задачами, принципами, механизмами реализации и целевыми показателями, что в конечном итоге прояснит задачи, которые ставит перед собой государство и намечаемые пути их достижения. Второй задачей является повышение качества коммуникации между всеми участниками процесса разработки и реализации демографической и семейной политик. Наконец, третья задача связана с обеспечением информацией процесса принятия решений. К ней относятся создание перечня мер, которые могут быть использованы органами власти, оценка затрат на реализуемые меры и их вклада в бюджет семьи на протяжении длительного периода времени. Данная задача является наиболее значимой, потому что ранее в таком объёме в отечественной практике не рассматривалась.

Мы понимаем, что предложенная концепция мониторинга государственной политики является дискуссионной и в процессе реализации потребует доработки. Его реализация трудоёмка, хотя современные программные средства отчасти решают эту проблему. Также существуют ограничения, связанные с доступностью текстов документов. Тем не менее технических проблем, препятствующих его проведению, нет. Положительные результаты, которые получают субъекты разработки демографической и семейной политик, несомненны и перевесят сложности, связанные с его созданием и поддержанием, поэтому мы надеемся, что органы власти или иные организации найдут возможность реализовать такой мониторинг и внести свой вклад в повышение качества информационно-аналитического обеспечения государственной политики.

Список литературы и Интернет-источников

1. **Авдеев, Ю. А.** Какая программа развития нужна Дальнему Востоку? / Ю. А. Авдеев // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2020. — № 4. — С. 84–98. DOI: 10.24866/1815-0683/2020-4/84-98; EDN: UVJQEY
2. **Латов, Ю. В.** Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга). / Ю. В. Латов // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 5. — С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11; EDN: SYMSKW
3. **Тихонова, Н. Е.** Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ. / Н. Е. Тихонова // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 6. — С. 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11; EDN: AKZYVR
4. **Подъячев, К. В.** Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии. / К. В. Подъячев // Власть. — 2012. — № 2. — С. 103–106. EDN: ORSSRF
5. **Авдеев, Ю. А.** Какая демографическая политика сможет оживить экономику Дальнего Востока. / Ю. А. Авдеев // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2016. — № 4. — С. 51–61. EDN: XIMNNF
6. **Васильева, Э. К.** Проблемы эффективности российской семейной политики. / Э. К. Васильева // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2014. — № 2. — С. 36–41. EDN: SJKAGB
7. **Дармодехин, С. В.** О состоянии и неотложных мерах по развитию государственной политики. / С. В. Дармодехин // Уровень жизни населения регионов России. — 2005. — № 10. — С. 20–27. EDN: LMBEOR
8. **Дармодехин, С. В.** Семья в системе социальных отношений современного общества. / С. В. Дармодехин // Мир психологии. — 2008. — № 3. — С. 158–169. EDN: JUZZBJ
9. **Кузин, С. В.** О реализации государственной семейной политики в современной России. / С. В. Кузин, О. В. Кучмаева // Вестник университета. — 2017. — № 1. — С. 192–198. EDN: XVSUGB
10. **Кучмаева, О. В.** Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации. / О. В. Кучмаева // Статистика и Экономика. — 2017. — № 5. — С. 85–93. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-85-93; EDN: ZSJNSL
11. **Авдеев, Ю. А.** О демографической политике для российского Дальнего Востока. / Ю. А. Авдеев // Статистика и экономика. — 2017. — № 6. — С. 59–68. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-59-68; EDN: YMWJOU
12. **Бобков, В. Н.** Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей (на примере Дальневосточного федерального округа). / В. Н. Бобков, В. В. Елизаров, Н. Г. Джанаева [и др.] // Уровень жизни населения регионов России. — 2013. — № 1. — С. 10–17. EDN: QAFVTN
13. **Калачикова, О. Н.** Демографическая политика России: региональный аспект. / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова // Экономика региона. — 2012. — № 3. — С. 77–89. DOI: 10.17059/2012-3-7; EDN: PCIBLR
14. **Рыбаковский, Л. Л.** Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования. / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2015. — № 9. — С. 62–70. EDN: UISNAP
15. **Рыбаковский, Л. Л.** Накануне выбора: второй этап депопуляции или демографический рост? / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2013. — № 4. — С. 39–49. EDN: RWORZJ
16. **Рыбаковский, О. Л.** Демографическая политика: определение, структура, цели. / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Наука. Культура. Общество. — 2019. — № 1. — С. 100–111. EDN: ZARAEP
17. **Шипунова, О. В.** Проблемы и перспективы региональной демографической политики в области рождаемости. / О. В. Шипунова // Регион: экономика и социология. — 2012. — № 1. — С. 174–184. EDN: OQPINJ

18. **Синица, А. Л.** Методологические принципы разработки демографической и семейной политики в современных условиях. / А. Л. Синица // Альманах Крым. — 2021. — № 28. — С. 95–108. EDN: EONEVI
19. **Безрукова, О. Н.** Демографическая политика государства в области рождаемости: пути преодоления кризиса. / О. Н. Безрукова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2008. — № 3. — С. 196–211. EDN: KVNKSH
20. **Синица, А. Л.** Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 2). / А. Л. Синица // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 189–200. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.4; EDN: FLNWNV
21. **Елизаров, В. В.** Новые меры демографической политики и их вклад в увеличение поддержки семей с детьми. / В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. — 2007. — № 5. — С. 5–27. EDN: MBWEXR
22. **Елизаров, В. В.** Стимулирование рождаемости: от теории к практике. / В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. — 2006. — № 5–6. — С. 91–104. EDN: MBWDAB
23. **Елизаров, В. В.** Тенденции, региональные особенности и перспективы демографического развития России. / В. В. Елизаров // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2013. — Т. 5. — № 1. — С. 70–96. EDN: RBMGFX
24. **Синица, А. Л.** Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1). / А. Л. Синица // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 50–59. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.1.4; EDN: TGCJFH
25. **Бессонов, В. А.** Анализ краткосрочных тенденций в российской экономике: как рассеять «туман настоящего»? / В. А. Бессонов // Вопросы экономики. — 2011. — № 2. — С. 93–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-2-93-108; EDN: NCKNRJ

Сведения об авторе:

Синица Арсений Леонидович, к.э.н, научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: sinitsa@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; ПИНЦ SPIN-код: 9011-5519.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-4-16

METHODOLOGICAL GUIDELINES FOR MONITORING OF THE IMPLEMENTATION OF DEMOGRAPHIC AND FAMILY POLICIES

Arseny L. Sinita

*Lomonosov Moscow State University
 (1/46, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)*

E-mail: sinitsa@econ.msu.ru

For citation:

Sinita A. L. Methodological guidelines for monitoring of the implementation of demographic and family policies. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 4-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-4-16 (in Russ.)

Abstract. *Demographic processes management is of low quality at all levels of government. Inadequate information and analytical support contribute to the weakness of state policy on family and population reproduction. Therefore, it is not possible to ensure extended reproduction of the population or support families with the current system of demographic and family measures. One of the most important directions for improving both forms of the state policy is to provide it with*

necessary information for development and implementation based on monitoring of the decision of federal and regional authorities. The article discusses the principles and approaches to carrying out such monitoring, which should have two main directions. The first is assessment of the quality of the conceptual documents that define the policy framework, which involves considering the goals, objectives, and principles, checking for the absence of contradictions between them and their focusing on solution of the demographic and family problems within the specified time frame. Implementation of the stated theoretical principles and approaches in practice is the second area. It should allow to determine the financial costs of the policy, the forms of assistance provided to families and their contribution to family budget, as well as to compare regions by the amount and forms of assistance provided to the population. This monitoring will help to improve the quality of state management of territories at the federal and regional levels in implementing the demographic and family policies. It will also simplify the decision-making process for the authorities.

Keywords: demographic policy, family policy, state policy, policy monitoring, demographic development.

References

1. Avdeev Yu. A. Kakaya programma razvitiya nuzhna Dal'nemu Vostoku? [What development program does the Far East need?]. Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke [Customs Policy of Russia in the Far East]. 2020. No. 4. P. 84–98. DOI: 10.24866/1815-0683/2020-4/84-98 (in Russ.)
2. Latov Yu. V. Institutstional'noje doverije kak sotsial'nyj kapital v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam monitoringa) [Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring)]. Polis. Politicheskije issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2021. No. 5. P. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11 (in Russ.)
3. Tikhonova N. E. Dinamika predstavlenij rossiyan o sootnoshenii interesov individua i gosudarstva: empiricheskii analiz [Russians' perceptions of the relationship between the individual and state interests: An empirical analysis of dynamics]. Polis. Politicheskije issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2021. No. 6. P. 155–170. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.11 (in Russ.)
4. Podyachev K. V. Politicheskaya nauka i politicheskaya vlast': k voprosu o predmete sovremennoj politologii [Political science and political power: to the issue of modern political science's object]. Vlast' [The Authority]. 2012. No. 2. P. 103–106. (in Russ.)
5. Avdeev Yu. A. Kakaya demograficheskaya politika smozhet ozhivit' ekonomiku Dal'nego Vostoka [Which demographic policy can revitalize the economy of the Far East?]. Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke [Customs Policy of Russia in the Far East]. 2016. No. 4. P. 51–61. (in Russ.)
6. Vassilyeva E. K. Problemy effektivnosti rossiiskoj semejnoi politiki [Problems of the effectiveness of the Russian family policy]. Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoi akademii [Vestnik of St. Petersburg Law Academy]. 2014. No. 2. P. 36–41. (in Russ.)
7. Darmodekhin S. V. O sostoyanii i neotlozhnykh merakh po razvitiyu gosudarstvennoj politiki [On the state and urgent measures for development of the public policy]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2005. No. 10. P. 20–27. (in Russ.)
8. Darmodekhin S. V. Sem'ya v sisteme sotsial'nykh otnoshenij sovremennogo obshchestva [Family in the system of social relations of the modern society]. Mir psikhologii [The World of Psychology]. 2008. No. 3. P. 158–169. (in Russ.)
9. Kuzin S. I., Kuchmaeva O. V. O realizatsii gosudarstvennoj semeinoi politiki v sovremennoj Rossii [The implementation of the state family policy in modern Russia]. Vestnik Universiteta [Vestnik Universiteta]. 2017. No. 1. P. 192–198. (in Russ.)
10. Kuchmaeva O. V. Sovremennyye problemy otsenki effektivnosti semeinoi politiki v Rossiiskoi Federatsii [Modern problems of evaluation of the family policy effectiveness in the Russian Federation]. Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]. 2017. No. 5. P. 85–93. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-85-93 (in Russ.)

11. Avdeev Yu. A. O demograficheskoy politike dlya rossiiskogo Dal'nego Vostoka [The population policy of the Russian Far East]. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*. 2017. No. 6. P. 59–68. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-59-68 (in Russ.)
12. Bobkov V. N., Elizarov V. V., Dzhanaeva N. G., et al. Metodologicheskije osnovy razrabotki regional'nykh programm demograficheskogo razvitiya s uchotom regional'nykh osobennostej (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) [Methodological foundations for elaboration of regional programs of demographic development, taking into account regional characteristics (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2013. No. 1. P. 10–17. (in Russ.)
13. Kalachikova O. N., Shabunova A. A. Demograficheskaya politika Rossii: regional'nyj aspekt [Population policy of Russia: Regional dimension]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2012. No. 3. P. 77–89. DOI: 10.17059/2012-3-7 (in Russ.)
14. Rybakovsky L. L. Kontsepsiya demograficheskoy politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniya [Demographic policy concept in Russia: experiences in development and ways of improving]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 9. P. 62–70. (in Russ.)
15. Rybakovsky L. L. Nakanune vybora: vtoroj etap depopulyatsii ili demograficheskij rost? [On the eve of the choice: the second stage of the depopulation or demographic growth?] *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 4. P. 39–49. (in Russ.)
16. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya politika: opredelenije, struktura, tseli [Population policy: definition, structure, objectives]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Science. Culture. Society]*. 2019. No. 1. P. 100–111. (in Russ.)
17. Shipunova O. V. Problemy i perspektivy regional'noj demograficheskoy politiki v oblasti rozhdaemosti [Regional birthrate policy: Problems and perspectives]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*. 2012. No. 1. P. 174–184. (in Russ.)
18. Sinitsa A. L. Metodologicheskije printsipy razrabotki demograficheskoy i semeinoj politik v sovremennykh usloviyakh [Methodological principles for the development of demographic and family policies in modern conditions]. *Al'manakh «Krym» [Almanac «Crimea»]*. 2021. No. 28. P. 95–108. (in Russ.)
19. Bezrukova O. N. Demograficheskaya politika gosudarstva v oblasti rozhdaemosti: puti preodoleniya krizisa [State demographic policy: ways of resolving the crisis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]*. 2008. No. 3. P. 196–211. (in Russ.)
20. Sinitsa A. L. Demograficheskaya i semejnaya politika v sovremennoj sotsial'noj politike: teoreticheskije podkhody, tseli, mekhanizmy realizatsii i otsenka rezul'tativnosti (chast' 2) [Demographic and family policies as a part of contemporary social policy: Theoretical approaches, goals, implementation mechanisms and performance assessment (Part 2)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 189–200. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.4 (in Russ.)
21. Elizarov V. V. Novyje mery demograficheskoy politiki i ikh vklad v uvelichenije podderzhki semej s det'mi [New measures of demographic policy and their contribution to increasing support for families with children]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2007. No. 5. P. 5–27. (in Russ.)
22. Elizarov V. V. Stimulirovanije rozhdaemosti: ot teorii k praktike [Fertility stimulation: from theory to practice]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2006. No. 5–6. P. 91–104. (in Russ.)
23. Elizarov V. V. Tendentsii, regional'nyje osobennosti i perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii [Trends, regional features and perspectives of the demographic development of Russia]. *Nauchnyje issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal [Scientific Researches of Faculty of Economics. Electronic journal]*. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 70–96. (in Russ.)
24. Sinitsa A. L. Demograficheskaya i semejnaya politika v sovremennoj sotsial'noj politike: teoreticheskije podkhody, tseli, mekhanizmy realizatsii i otsenka rezul'tativnosti (chast' 1) [Demographic and family policies as a part of contemporary social policy: Theoretical approaches,

goals, implementation mechanisms and performance assessment (Part 1)]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 50–59. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.4 (in Russ.)

25. Bessonov V. A. Analiz kratkosrochnykh tendentsij v rossiiskoi ekonomike: kak rasseyat' «tuman nastoyashchego»? [Analysis of short-term trends in the Russian economy: How to clear the «fog of the present» away?]. Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2011. No. 2. P. 93–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-2-93-108 (in Russ.)

Information about the author:

Sinita Arseniy Leonidovich, Candidate of Economics, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; Elibrary SPIN-code: 9011–5519.

Статья поступила в редакцию 09.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-17-30
EDN: REIJJZ

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭМИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Олейник Е. Б.¹, Ивашина Н. В.¹, Храмова М. Н.^{2*}

¹Дальневосточный федеральный университет
(690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10)

²ИДИ ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корпус 1)

*E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00210. – URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00210/>.

Для цитирования:

Олейник Е. Б., Ивашина Н. В., Храмова М. Н. Оценка влияния мотивационных факторов на формирование эмиграционных настроений молодых специалистов в регионах Дальневосточного федерального округа // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 17-30. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-17-30; EDN: REIJJZ

Аннотация. В статье исследуются факторы эмиграции молодых специалистов из регионов Дальнего Востока России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Регионы российского Дальнего Востока стабильно испытывают миграционный отток, теряя население как в межрегиональном обмене с другими регионами страны, так и вследствие эмиграции. Особую тревогу вызывает миграционный отток за рубеж молодых специалистов — выпускников дальневосточных вузов. Эмиграция молодых профессионалов оказывает негативное воздействие на формирование человеческого капитала стратегически важных для страны дальневосточных территорий, а также ставит под сомнение реализацию амбициозных инфраструктурных проектов, для которых наличие местных кадров является жизненно необходимым. В связи с этим исследование факторов, лежащих в основе эмиграции молодых дальневосточников, является актуальным. Для дальневосточной молодёжи динамично развивающийся регион АТР является одним из миграционно привлекательных. Среди основных притягивающих факторов, как правило, молодые люди называют возможность карьерного роста и улучшение материального положения, получение дополнительных профессиональных компетенций, хороший климат. Исследование базируется на данных онлайн опроса, проведенного в сентябре 2023 г. среди молодых специалистов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Полученные в ходе опроса данные позволили оценить регрессионные логит-модели, на основе которых нам удалось выделить основные факторы, оказывающие влияние на эмиграционные настроения молодых специалистов Дальнего Востока России. Вероятность эмигрировать зависит от пола, возраста, наличия детей, отношения к религии и уровня образования респондентов. При этом такие характеристики, как семейное положение, полученная специальность и благосостояние семьи в нашем опросе не показали значимого влияния на при-

© Олейник Е. Б., Ивашина Н. В., Храмова М. Н., 2024

нятие решения об эмиграции. Также на основе эконометрических моделей построен портрет потенциального эмигранта. Результаты, полученные в опросе, могут быть использованы в дальнейшем для принятия управленческих решений с целью сокращения миграционного потока молодых профессионалов в зарубежные страны.

Ключевые слова: эмиграция, молодые специалисты, страны АТР, факторы миграции, портрет эмигранта, Дальневосточный федеральный округ (ДФО).

Введение

Данная статья является продолжением нашего исследования об эмиграции населения из России. В статье [1] нами были исследованы мотивационные факторы международной миграции и предложена их классификация. Мотивационные факторы, побуждающие население эмигрировать, в соответствии с классификацией Т. И. Заславской [2], В. И. Переведенцева [3], можно разделить на объективные (уровень безработицы, особенности законодательства в сфере миграции, различия в размерах ВВП и среднего уровня зарплат в стране выбытия и стране прибытия) и субъективные — личные характеристики, основные из которых следующие: уровень образования, возраст, состояние здоровья. Проведённые нами исследования [4–6] позволили выделить три основных категории потенциальных мигрантов: 1) 25–35 лет, без детей, чаще жители наиболее экономически развитых регионов, работающие удалённо или имеющие свой Интернет-бизнес; 2) старше 45 лет, имеющие стабильный, достаточно высокий доход, хорошо владеющие английским языком, предпочитающие страны с высоким уровнем медицинского обслуживания; 3) пенсионного возраста, преимущественно женщины, получающие пенсию в России, имеющие небольшой постоянный пассивный доход от сдачи в аренду недвижимости в своём регионе, предпочитающие спокойные страны с комфортным климатом и невысокой стоимостью жизни. В этой работе мы сфокусируемся на первой категории эмигрантов. Цель данного исследования — выявление субъективных факторов, влияющих на формирование миграционных настроений молодёжи (ДФО), и составление

портрета среднестатистического потенциального эмигранта в возрасте до 35 лет.

В России, начиная с 2010 г., доля молодых людей в возрасте 20–35 лет неуклонно сокращается. Численность работающих младше 30 лет сократилась к концу 2022 г. до минимальных 14,9% относительно всех занятых¹. В ДФО (табл. 1) в 2022 г. количество работающей молодёжи также уменьшилось по сравнению с 2021 г. почти во всех регионах, кроме Чукотского АО (увеличение на 12,4% или на 0,5 тыс. человек — до 4,8 тыс.), и Республики Бурятия (на 1,4% или на 0,9 тыс. — до 69,1 тыс.). Наибольшая доля молодых работников на территории ДФО отмечалась в Забайкальском крае (19,2%) и Республике Саха (Якутия) (18,8%).

Факторы эмиграционных настроений: теоретические подходы к исследованию.

Многие работы российских и зарубежных авторов посвящены исследованию факторов и причин миграции. Следует отметить, что данные понятия необходимо разграничивать, поскольку, если опираться на определение Л. Л. Рыбаковского [7], «причины миграции населения — это ничто иное как реакция индивида (его потребностей, установок, ценностных ориентаций), на те факторы, которые взаимодействуют с данным явлением». При этом в работе О. Д. Воробьевой [8] отмечается, что «не все факторы трансформируются в непосредственные причины, заставляющие совершиться само явление — миграцию». Одним из подходов к изучению миграционных процессов является мотивационный (поведенческий) [9; 10], то есть миграция рассматривается как способ удовлетворения определенных

¹ FinExpertiza — URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/chisl-mol-rab-min> (дата обращения: 05.11.2023).

Таблица 1

Доля занятых младше 30 лет в регионах ДФО в 2021–2022 годах

Table 1

Share of employed people under 30 years of age in the regions of the Far Eastern Federal District in 2021–2022

Регион ДФО	Всего занятых, тыс. человек	Занятых младше 30 лет, тыс. человек	Доля занятых младше 30 лет, %	Изменение числа занятых младше 30 лет к 2021 г., тыс. человек	Изменение числа занятых младше 30 лет к 2021 г., %
Амурская область	386	63,3	16,4	-10,6	-14,3
Забайкальский край	465	89,3	19,2	-9,2	-9,3
Хабаровский край	687	116,8	17,0	-10,0	-7,9
Еврейская авт. область	73	11,6	15,8	-0,9	-7,3
Республика Саха (Якутия)	470	88,6	18,8	-4,8	-5,2
Приморский край	950	153,6	16,2	-6,9	-4,3
Магаданская область	80	10,2	12,7	-0,4	-3,5
Сахалинская область	263	39,2	14,9	-0,2	-0,5
Камчатский край	172	27,8	16,1	-0,1	-0,3
Республика Бурятия	395	69,1	17,5	0,9	1,4
Чукотский авт. округ	29	4,8	16,4	0,5	12,4

Источник: рассчитано по данным Росстата — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/>, Финэкспертизы — URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/chisl-mol-rab-min> (дата обращения: 05.11.2023).

потребностей индивида. С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть именно те мотивационные факторы миграции, которые являются субъективными и могут побудить индивида к действию или серьёзно повлиять на его миграционные настроения.

Что касается непосредственно факторов эмиграции, очень часто авторы разделяют их на две группы [11]: притяжения (характеризуют страну прибытия) и выталкивания (характеризуют страну выбытия). В работе [12] авторы отмечают, что принятие решения о миграции обычно тщательно обдумывается индивидом или семьей, и разделяют факторы миграции на две группы: экономические и неэкономические. При этом также выделяются три категории факторов, подталкивающих индивида к осуществлению переезда в другую страну: притяжения, выталкивания и социальные связи. К экономическим факторам притяжения

авторы относят предложение от работодателя, неэкономическим — воссоединение семей. В качестве экономических факторов выталкивания рассматриваются безработица и низкий уровень заработной платы, неэкономических — войны, бегство от режима и преследований. В качестве примера экономических социальных связей приводится получение информации от родственников или знакомых о работе и заработной плате, неэкономических — оказание помощи при переезде, информация о возможности получения нового опыта, приключений и подобное. Согласно теории человеческого капитала, в работе [13] в качестве основных факторов миграции рассматриваются условия труда в странах прибытия и выбытия, возраст и расходы на переезд. Авторы, исследующие эмиграцию из России в постсоветский период, констатируют, что факторы эмиграции меняются с течением времени [14–16].

Многими учёными отмечается, что в последнее время возросло число эмигрантов среди молодёжи [17; 18]. Из притягивающих именно молодёжь факторов можно выделить наличие образовательных программ для иностранных студентов в зарубежных странах и хорошие условия для проживания после получения образования. В статье [19] в качестве примера таких программ приводится американская программа Fulbright для привлечения магистров и аспирантов. Принять в ней участие могут молодые специалисты до 30 лет, имеющие диплом о высшем образовании и сертификат о владении английским языком на уровне TOEFL. В Австралии иностранным гражданам можно получить как профессиональное, так и высшее

образование или ученую степень, при этом предусмотрено семь категорий студенческих виз. После окончания обучения можно получить визу на постоянное проживание. Также в Австралии действует программа Australia Awards, по которой можно получать стипендию в размере от 18 до 24 тыс. долларов. В работе [20] отмечается, что правительством Китая реализуется специальная программа по привлечению высококвалифицированных специалистов в страну. При этом иностранным специалистам предоставляется ряд льготных условий, таких как упрощенный порядок получения рабочей визы, высокий уровень заработной платы, государственная медицинская страховка, предоставление бесплатного жилья и так далее.

Рис. 1. Схема исследования эмиграционных настроений на основе классификации источников данных о миграции

Fig. 1. Scheme of the study of emigration sentiments based on the classification of migration data sources
Источник: составлено авторами.

На рис. 1 приведена составленная авторами схема исследования эмиграционных настроений на основе классификации источников данных о миграции.

В соответствии с представленной схемой, для оценки влияния факторов на формирование эмиграционных настроений необходимы данные, которые бы характеризовали изучаемый процесс с разных сторон. Использование официальных статистических данных позволяет отследить динамику миграционных процессов на макроуровне, исследовать выталкивающие и притягивающие факторы, но не позволяет определить личностные характеристики мигрантов и субъективные факторы, влияющие на принятие решения об эмиграции на уровне индивида. Официальная статистика не ведёт учет мигрантов, которые долгое время проживают в других странах без оформления вида на жительство и официально остаются гражданами РФ, а также не относит к эмигрантам студентов, обучающихся за рубежом, хотя большая часть из них после окончания учёбы не возвращается на родину.

В связи с этим широкое распространение в исследовании миграции населения получили социологические методы. Проведение опросов является способом сбора данных о миграционных намерениях населения, факторах и причинах миграции на микроуровне. Так, Левада-центром² ежегодно, начиная с 2009 г., проводится общероссийский опрос по репрезентативной выборке городского и сельского населения в возрасте от 18 лет и старше³. Последний опрос проводился в феврале 2023 г., по его результатам желание переехать за границу выразили 11% респондентов, при этом наибольшая доля желающих эмигрировать наблюдалась в возрастной группе 18–24 лет (сумма ответов «определенно да» и «скорее да» составила 23%) и 25–39 лет (18%). Отметим, что по сравнению с 2021 г. доля желающих эмигрировать из России уменьшилась в 2

раза (с 22% до 11%). Глубинные интервью тоже являются источником информации о миграции. Так, в работе [21] помимо результатов опроса студентов, анализируются результаты 6 глубинных интервью, взятых у молодых специалистов, эмигрировавших из Ирана с целью определения причин эмиграции.

Основная причина уменьшения численности работающей молодёжи в ДФО — миграционный отток. На основе анализа данных в работах [1; 4; 6] было выделено два основных направления миграционного оттока — это переезд в западные регионы России и эмиграция в страны АТР. При этом, как отмечается в работах С. В. Рязанцева [22; 23], оценить истинные масштабы миграции российского населения в страны АТР на основе статистических данных не представляется возможным, «так как в России нет единого источника оценки эмиграционных потоков, а в странах АТР национальная статистика русских не фиксирует». Соответственно возникает вопрос, «кто он — потенциальный современный эмигрант?» — на который невозможно получить ответ, опираясь только на официальные статистические данные. Для ответа на этот вопрос нами была разработана неперсонифицированная анкета, а методологию исследования составило единство системного, логического и исторического подходов, предполагающее целостное исследование особенностей эмиграции молодых профессионалов из регионов ДФО.

Анализ результатов анкетирования

Всего было опрошено 623 жителя регионов ДФО. Наибольшее число опрошенных проживает в Приморском и Хабаровском краях. Все респонденты после ответа на вопрос «Планируете ли вы переехать в другую страну?» делились на три группы: те, кто планирует переехать в одну из стран АТР, не планирует, уже переехал. Основные описательные характеристики респондентов, участвовавших в опросе, представлены в табл. 2.

² АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Эмиграционные настроения и отношение к уехавшим из России. Опрос Левада-центра. — URL: www.levada.ru/tag/emigratsiya. (дата обращения: 14.11.2023).

Таблица 2

Основные описательные характеристики респондентов

Table 2

Basic descriptive characteristics of respondents

Характеристика респондента	Описание
Планируют переехать или уже переехали в одну из стран АТР	84,6% – нет (Y=0), 15,4% – да (Y=1)
Пол	31,8% – мужчины; 68,2% – женщины
Возраст	93,7% – возраст от 22 до 25 лет; 3,7% – от 26 до 35 лет; 2,6% старше 36 лет
Семейное положение	20,9% – не женаты и не находятся в отношениях; 10,6% – женаты/замужем; 11,9% – находятся в отношениях
Наличие/количество детей	94,9% – не имеют детей; 1,9% – имеют одного ребёнка; 1,9% – имеют двоих детей; 0,8% – имеют трёх и более детей
Отношение к религии	56,3% – неверующие; 43,7% – верующие
Уровень образования	53% – высшее (бакалавриат); 2,4% – высшее (магистратура); 44,6% – иное (среднее, среднее специальное)
Специальность	14,0% – IT специалисты; 7,4% – специалисты в области финансов/экономики; 3,1% – специалисты в технических областях; 50,4% – специалисты в гуманитарных областях и сельском хозяйстве; 24,3% – иное
Оценка уровня благосостояния	8% – низкое; 74,3% – среднее; 17,7% – высокое
Наличие работы в период проведения опроса	73,8% работают; 26,2% – не работают

Источник: составлено авторами.

Почти половина респондентов, из тех, кто планирует переехать (46%), собираются в Таиланд, 32% – в Индонезию, но большинство из них указывают эти страны как транзитные. По 5% респондентов видят свою дальнейшую жизнь в Малайзии и Южной Корее, 10% планируют выехать в Китай. А 2% хотели бы уехать, но пока не определились со страной, что в основном связано с выбором учебного заведения для продолжения обучения.

Диаграммы, полученные на основе данных google-формы, позволяют обобщить результаты опроса. Уровень образования респондентов представлен на рис. 2. На рис. 3 представлены основные мотивационные факторы, которые, по мнению опрошенных молодых людей, сдерживают эмиграцию. Каждому из опрошенных предложили расставить приоритеты: какие наиболее и наименее важные факторы сдерживают переезд. Основным мотивационным фактором является отсутствие финансовой возможности переехать и желание жить только в России. Наименее важным для

молодых людей является неодобрение родственников. На рис. 4 представлены основные мотивационные факторы, которые, наоборот, заставляют задуматься о возможном выезде из России и побуждают переехать в другую страну.

В качестве выталкивающих мотивационных факторов для эмигрантов из ДФО выделяются такие как высокие зарплаты, возможность улучшения уровня жизни, более комфортные условия жизни, наличие возможностей для самореализации и карьерного роста, больше возможностей для получения хорошего образования. Основные для молодых специалистов субъективные факторы – желание иметь более высокий доход и реализовать свой творческий потенциал.

Оценка мотивационных факторов эмиграции для молодых специалистов российского Дальнего Востока

Исходя из полученных в ходе опроса данных, нами были построены две эконо-

Рис. 2 Уровень образования респондентов (человек)

Fig. 2 Respondents' level of education (persons)

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Притягивающие мотивационные факторы для респондентов (человек)

Fig. 3 Attractive motivational factors (persons)

Источник: составлено авторами.

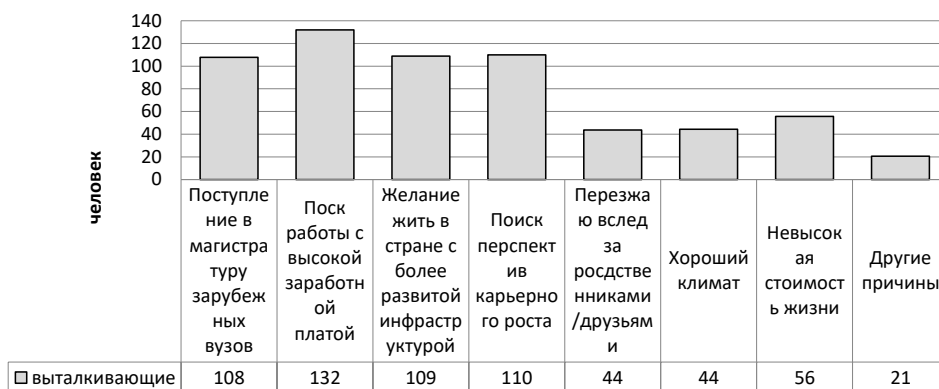

Рис. 4. Выталкивающие мотивационные факторы для респондентов (человек)

Fig. 4 The main motivational factors that prompt you to move to another country (persons)

Источник: составлено авторами.

метрические логит-модели. Результаты их оценивания представлены в табл. 3. При этом модель 1 включала полный набор факторов, а модель 2 — только значимые факторы из модели 1. Значимыми факторами оказались пол, возраст, наличие детей, отношение к религии и уровень образования респондента. А такие факторы, как семейное положение, специальность и благосостояние семьи не оказывают значимого влияния на принятие респондентом решения об эмиграции.

Для определения основных субъективных личностных факторов, оказывающих влияние на принятие решения об эмиграции, был выбран подход, основанный на использовании логистической регрессии [24; 25]. В общем случае логит-модель может быть записана следующим образом:

$$P(y_i = 1) = F(z_i) = \frac{1}{1 + e^{-z_i}}, \quad (1)$$

где F — функция логистического распределения, $Z_i = \beta_0 + \beta_0 X_{1i} + \beta_1 X_{2i} \dots + \beta_k X_{ki}$,

Y — зависимая переменная,
 $X_1, X_2, \dots, X_k$ — регрессоры

$$\forall i = \overline{1, N} \quad Y_i = \begin{cases} 1, & \text{если событие произошло} \\ 0, & \text{если событие не произошло} \end{cases}$$

$P(y_i = 1)$ — вероятность того, что

Y — примет значение равное 1

Часто модель логистической регрессии записывают в виде отношения шансов. Отношение шансов — это отношение вероятности того, что $Y=1$ к вероятности того, что $Y=0$. Другими словами, это отношение вероятности того, что событие произойдёт, к вероятности того, что оно не произойдёт:

$$\frac{P(Y_i=1)}{P(Y_i=0)} = \exp(\beta_0 + \beta_0 X_{1i} + \beta_1 X_{2i} \dots + \beta_k X_{ki}) \quad (2)$$

Предельный эффект объясняющего фактора X_i (если X — непрерывная переменная) — это частная производная по этой переменной. Предельный эффект изменения регрессора, показывает, насколько ме-

няется вероятность наступления события при небольшом изменении фактора X_i :

$$\frac{\partial P}{\partial X_i} = \frac{dP}{dZ} \frac{\partial Z}{\partial X_i} = \frac{e^{-Z}}{(1 + e^{-Z})^2} \beta_i \quad (3)$$

Для сравнения данных моделей использовался тест отношения правдоподобия (LR-тест). Р-значение для этого теста на 5% уровне значимости не позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о том, что полная и вложенная модели одинаково хорошо соответствуют данным. Таким образом, для интерпретации результатов была выбрана модель 2.

Для данной модели были рассчитаны усреднённые предельные эффекты, которые можно интерпретировать следующим образом: при прочих равных условиях 1) для мужчины вероятность эмигрировать в страны АТР выше на 6,2 п.п., чем для женщины; 2) для молодых специалистов в возрасте 25–35 лет вероятность эмигрировать в страны АТР выше на 41,8 п.п., чем для молодёжи в возрасте до 25 лет; 3) для респондента с детьми вероятность эмигрировать ниже на 12 п.п., чем для бездетного индивида; 4) для верующего вероятность эмигрировать в страны АТР ниже на 9,7 п.п., чем для неверующего; 5) для специалиста с высшим образованием вероятность эмигрировать в страны АТР выше, чем для специалиста без высшего образования (для имеющих степень бакалавра — на 5,8 п.п., для имеющих степень магистра — на 21,2 п.п.).

Полученные результаты являются логичными и обоснованными. Мужчины обычно в меньшей степени привязаны к дому и семье, чем женщины. Соответственно и переехать в другую страну им проще. В 25–35 лет молодые специалисты уже имеют опыт работы и наиболее востребованы на рынке труда, особенно при хорошем образовании. Наличие детей во многих случаях является сдерживающим фактором для эмиграции, т.к. для детей также необходимо оформление пакета документов, детей надо в новой стране устроить в детский сад или школу, адаптировать к новой языковой среде.

Таблица 3

Результаты оценивания регрессионных логит-моделей (зависимая переменная — планирует респондент эмигрировать или уже эмигрировал в одну из стран АТР: 0-нет, 1 — да)

Table 3

Results of estimation of regression logit models (dependent variable — the respondent plans to emigrate or has already emigrated to one of the Asia-Pacific countries: 0-no, 1-yes)

Фактор	Модель 1 (коэффициенты)	Модель 1 (усредненные предельные эффекты)	Модель 2 (коэффициенты)	Модель 2 (усредненные предельные эффекты)
Пол (0 — женский, 1 — мужской)	0,528** (0,252)	0,064**	0,503** (0,245)	0,062**
Возраст (0 — до 25 лет; 1–25–35 лет)	1,998*** (0,639)	0,362**	2,207*** (0,594)	0,418***
Семейное положение: (0 — свободен; 1- женат/ замужем; 2- состою в отно- шениях)	0,491 (0,439)	0,063	-	
	-0,153 (0,415)	-0,017	-	
Дети (0 — нет; 1- есть)	-1,955* (1,191)	-0,131***	-1,633** (0,752)	-0,120**
Религия (0 — неверующий; 1- верующий)	-0,918*** (0,268)	-0,100***	-0,878*** (0,261)	-0,097***
Уровень образования: (1- бакалавриат; 2- магистратура; 0- иное)	0,536** (0,261)	0,060**	0,505** (0,250)	0,058**
	0,888 (0,722)	0,130	1,287* (0,661)	0,212*
Специальность (1 — IT; 2 — финансы/эконом; 3 — тех- ническое; 4 — гуманитар- ное; 0 — иное)	0,024 (0,598)	0,003	-	
	-0,171 (0,456)	-0,019	-	
	-0,536 (0,814)	-0,052	-	
	-0,387 (0,298)	-0,046	-	
Уровень благосостояния вашей семьи (0- низкий; 1 -средний; 2 -высокий)	-0,694* (0,393)	-0,089	-	
	-0,249 (0,458)	-0,027	-	
Работаете ли Вы (1 — да; 0 — нет)	0,238 (0,287)	0,028	-	
AIC	504,02		497,49	
logLik	-232,01		-242,14	
LR-тест (p-value)			0,08873	
Площадь под ROC-кривой,%	71,63		66,72	

Примечание: значимость коэффициентов модели: *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1. В скобках представ-
лены робастные стандартные ошибки.

Источник: составлено авторами.

Поэтому издержки семьи, эмигрирующей с детьми, выше, чем для бездетных.

Заключение

Проведённое исследование позволило уточнить личностные характеристики потенциальных эмигрантов, присущие молодым специалистам ДФО. В результате было получено представление о том, кто из молодёжи с большей вероятностью уезжает из регионов Дальнего Востока в страны АТР, составлен портрет среднестатистического эмигранта. По результатам оценки модели 1, наибольшую вероятность эмигрировать из России имеет неженатый бездетный работающий мужчина в возрасте 25–35 лет, IT-специалист, закончивший магистратуру, неверующий и оценивающий свой уровень благосостояния как низкий.

В соответствии с полученными результатами возможно сформулировать ряд мер, которые могут быть приняты на федеральном и региональном уровнях для сокра-

щения миграционного оттока молодёжи из ДФО: усиление мер пронаталистской политики (повышение ценности института семьи и брака в обществе, предоставление налоговых льгот для работодателей, принимающих на работу многодетных родителей; улучшение доступности государственных дошкольных учреждений для детей (детских садов; развивающих центров), а также спортивных, музыкальных и художественных школ); разработка механизмов для повышения заработной платы IT-специалистам до уровня, сопоставимого с уровнем крупных иностранных компаний и предоставление им определенных преференций (гибкого графика работы, жилья или льготных ипотечных кредитов, упрощение процедуры получения отсрочки от мобилизации: расширение реестра аккредитованных IT-организаций, дающих отсрочку от мобилизации; уточнение понятия «критически важных функций»; продление периода отсрочки до двух лет).

Литература и Интернет-источники

1. **Олейник, Е. Б.** Мотивационные факторы международной миграции / Е. Б. Олейник, Н. В. Ивашина, П. В. Коновалова, М. В. Мейстер // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2023. — Т. 3. — № 1. — С. 24–36. DOI: 10.19181/demis.2023.3.1.2; EDN: GXJCTU
2. Статистика миграции населения / Под ред. А. Г. Волкова. — Москва : Статистика, 1973. — 359 с.
3. **Переведенцев, В. И.** Методы изучения миграции населения. / Переведенцев В. И. — Москва : Наука. — 1975. — 232 с.
4. **Шмидт, Ю. Д.** Оценка миграционной привлекательности территории для молодёжи / Ю. Д. Шмидт, Н. В. Ивашина // Экономический анализ: теория и практика. — 2021. — Т. 20. — № 1(508). С. 58–80. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-13; EDN: QMWZEY
5. **Ивашина, Н. В.** Оценка величины миграционных потоков в Дальневосточном регионе на основе среднесрочного прогнозирования / Н. В. Ивашина, Е. Б. Олейник // Экономические науки. — 2021. — № 12(205). — С. 276–280. DOI: 10.14451/1.205.276; EDN: DLEAPX
6. **Олейник, Е. Б.** Эмиграция из России в страны Юго-Восточной Азии: ситуационный анализ / Е. Б. Олейник, Н. В. Ивашина, М. Н. Храмова // Экономические науки. — 2022. — № 11(216). — С. 319–329. DOI: 10.14451/1.216.640; EDN: MGWCGF
7. **Рыбаковский, Л. Л.** Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2017. — № 2(76). С. 51–61. EDN: ZDQTLZ
8. Миграция населения: теория и политика. Учебное пособие / Под ред. О. Д. Воробьевой и А. В. Топилина. — Москва : Экономическое образование. — 2012. — 364 с.
9. **Wolpert, J.** Behavioral Aspect of the Decision to Migrate // J. Wolpert // Papers of the Regional Science Association. — 1965. — Vol. 15. — С. 159–169. DOI: 10.1007/BF01947871
10. **Ионцев, В. А.** Международная миграция населения: теория и история изучения. Выпуск 3. / В. А. Ионцев — Москва : Диалог-МГУ, 1999. — 370 с.

11. **Lee, E. S.** A theory of migration / E. S. Lee // *Demography*. — 1966. — Vol. 3. — No. 1. — P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
12. **Yomkondo, E.** What is the Trigger of Migration Trends in Asia Pacific Region? / E. Yomkondo, M. Nils // *Proceedings of Airlangga Conference on International Relations (ACIR 2018) — Politics, Economy and Security Changing Indo-Pacific Region*. — 2022. — P. 211–218. DOI: 10.5220/0010275200002309
13. **Schultz, T. W.** Investing in People. The Economics of Population Quality / T. W. Schultz — Los Angeles, CA : University of California Press. — 1981. DOI: 10.1525/9780520318540
14. **Рязанцев, С. В.** Эмигранты из России. Русская диаспора или русскоговорящие сообщества? / С. В. Рязанцев // *Социологические исследования*. — 2016. — № 12. — С. 84–94. EDN: XGV5IN
15. **Роцин, Ю. В.** Миграция населения в судьбе России / Ю. В. Роцин — Москва : Авангард. — 2008. — 288 с.
16. **Aleshkovski, I.** The changing landscape of Russia's emigration from 1990 to 2020: trends and determinants / I. Aleshkovski, A. Gasparishvili, A. Grebenyuk // *Journal of Globalization Studies*. — 2023. — Vol. 14. — No. 1. — P. 42–65. DOI: 10.30884/jogs/2023.01.04
17. **Рязанцев, С. В.** Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова // *Экономика региона*. — 2018. — Т. 14 — № 4. — С. 1298–1311. DOI: 10.17059/2018-4-19; EDN: YRQACD
18. **Липатова, Л. Н.** Международная миграция в России: основные направления и возможные последствия / Л. Н. Липатова // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. — 2020. — № 2(30). — С. 58–62. DOI: 10.37468/2307-1400-2020-2-58-62; EDN: JTRQNF
19. **Белов, Ф. Д.** Учебная миграция: факторы, влияющие на привлечение иностранных и возврат российских молодых ученых / Ф. Д. Белов // *Вестник РУДН. Серия Экономика*. — 2020. — Т. 28. — № 1. — С. 184–195. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-184-195; EDN: НРYSFG
20. **Рязанцев, С. В.** Эмиграция из России в Китай: тренды, формы, формирование русскоговорящих общин / С. В. Рязанцев, Цюньлань У // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. — 2016. — № 6. — С. 15–24. EDN: XXXKZP
21. **Афзали, М.** Молодежная эмиграция и утечка мозгов из Ирана: причины, тенденции и направления / М. Афзали // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. — 2020. — № 3(59). — С. 52–59. EDN: OYRJV1
22. **Рязанцев, С. В.** Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии / С. В. Рязанцев // *Социологические исследования*. — 2017. — № 8(401). — С. 66–72. DOI: 10.7868/S0132162517080074; EDN: ZGOXPV
23. **Рязанцев, С. В.** Факторы, формы и тенденции эмиграции российских граждан в страны Юго-Восточной Азии / С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов, А. С. Лукьянец, М. Н. Храмова, // *Сегодня и завтра российской экономики*. — 2016. — № 79–80. — С. 5–10. EDN: YNFKBV
24. **Menard, Scott W.** Logistic Regression: From Introductory to Advanced Concepts and Applications. Library of Congress Cataloging in Publication data / Scott W. Menard. — 2010. — 377p.
25. **Hilbe, Joseph M.** Practical Guide to Logistic Regression / Joseph M. Hilbe. — 2015. — Chapman & Hall/CRC. — 174p.

Сведения об авторах

Олейник Елена Борисовна, д.э.н., проф. Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: oleinik.eb@dvfu.ru; ORCID: 0000-0002-1573-2277; РИНЦ SPIN-код: 6546-1416.

Ивашина Наталья Викторовна, к.э.н., доцент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivashina_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7878-8876; РИНЦ SPIN-код: 9380-5590.

Храмова Марина Николаевна, к.физ.-мат.н., директор, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0893-3935; РИНЦ SPIN-код: 3786-0465.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-17-30

ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF MOTIVATIONAL FACTORS ON THE FORMATION OF EMIGRATION MOODS OF YOUNG PROFESSIONALS IN THE SUBJECTS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Elena B. Oleynik¹, Natalya V. Ivashina¹, Marina N. Khramova^{2*}

¹Far Eastern Federal University

(10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922)

²Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS

(6, bldg. 1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

*E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Funding:

The study was funded by the RSF, grant No. 22-68-00210. URL: <https://rscf.ru/en/project/22-68-00210/>.

For citation:

Oleynik E. B., Ivashina N. V., Khramova M. N. Assessment of the influence of motivational factors on the formation of emigration moods of young professionals in the subjects of the Far Eastern Federal District. *ONarodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 17-31. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-17-30 (in Russ.)

Abstract. *This article examines the factors of emigration of young specialists from the regions of the Russian Far East to the countries of the Asia-Pacific region. The regions of the Russian Far East are steadily experiencing a migration outflow, losing population both in interregional exchange with other regions of the country and as a result of emigration. At the same time, in the structure of migration outflow there is a large proportion of people in working age. Of particular concern is the migration outflow abroad of young specialists — graduates of Far Eastern universities. Emigration of young professionals has a negative impact on the formation of human capital in the Far Eastern territories that are strategically important for the country, and also calls into question the implementation of ambitious infrastructure projects, for which the availability of human resources is very important. In this regard, study of emigration factors of young Far Easterners is relevant. For Far Eastern youth, the dynamically developing Asia-Pacific region is one of the most attractive for migration. Among the main attracting factors, as a rule, young people indicate the possibility of further career growth and improvement of their financial situation, obtaining additional professional competencies, and a good climate. The paper provides a classification of sources and methods for collecting data on international migration, and provides a review of the literature devoted to study of migration factors. The study is based on data from an online survey conducted in September 2023 among young specialists of the Far Eastern Federal District. The data obtained in the course of survey allowed us to evaluate regression logit models, on the basis of which we were able to identify the main factors influencing the emigration sentiments of young specialists in the Russian Far East. The likelihood of emigrating depends on gender, age, presence of children, attitude to religion and level of education of respondents. At the same time, such characteristics as marital status, specialty obtained and family well-being in our survey did not show a significant influence on the decision to emigrate. Also, based on econometric models, a portrait of a potential emigrant was built. The results obtained in the survey can be used in the future to make management decisions in order to reduce the migration outflow of young professionals to foreign countries.*

Keywords: *emigration, young professionals, Asia-Pacific countries, migration factors, emigrant's portrait, Far Eastern Federal District.*

References and Internet sources

1. Oleynik E. B., Ivashina N. V., Konovalova P. V., Meister M. V. Motivatsionnyye faktory mezhdunarodnoy migratsii [Motivational factors of international migration]. *Demographicheskije issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*. 2023. Vol. 3. No 1. P. 24–36. DOI: 10.19181/demis.2023.3.1.2 (in Russ.)
2. Statistika migratsii naseleniya [Population Migration Statistics]. Ed. A. G. Volkov. Moscow. Statistika [Statistics]. 1973. 359 p. (in Russ.)
3. Perevedentsev V. I. Metody izucheniya migratsii naseleniya [Methods for Studying Population Migration]. Moscow. Nauka [Science]. 1975. 232 p. (in Russ.)
4. Shmidt Yu. D., Ivashina N. V. Otsenka migratsionnoy privlekatel'nosti territorii dlja molodezhi [Assessing the migration attractiveness of the territory for young people]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2021. Vol. 20. No. 1(508). P. 58–80. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-13 (in Russ.)
5. Ivashina N. V., Oleynik E. B. Otsenka velichiny migratsionnykh potokov v Dal'nevostochnom regione na osnove srednesrochnogo prognozirovaniya [Estimation of migration flows in the Far Eastern region based on medium-term forecasting]. *Ekonomicheskije nauki [Economic Sciences]*. 2021. No. 12(205). P. 276–280. DOI: 10.14451/1.205.276 (in Russ.)
6. Oleynik E. B., Ivashina N. V., Khramova M. N. Emigratsiya iz Rossii v strany Yugo-Vostochnoy Asii: Situatsionnyi analiz [Migration from Russia to South-East Asia: a situation analysis]. *Ekonomicheskije nauki [Economic Sciences]*. 2022. No. 11(216). P. 319–329. DOI: 10.14451/1.216.640 (in Russ.)
7. Rybakovsky L. L. Faktory i prichiny migratsii naseleniya, mekhanizm ikh vzaimosvyazi [Factors and causes of migration, mechanism of their relationship]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No. 2. P. 51–61. (in Russ.)
8. Migratsiya naseleniya: teoriya i politika. Ucheb. Posobie [Population Migration: Theory and Policy. Textbook]. Eds. O. D. Vorobyova, A. V. Topilin. Moscow. [Economic Education]. 2012. 364 p. (in Russ.)
9. Wolpert J. Behavioral aspect of the decision to migrate. *Papers of the Regional Science Association*. 1965. Vol. 15. P. 159–169. DOI: 10.1007/BF01947871
10. Iontsev V. A. Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya. Vypusk 3. [International Migration of Population: Theory and History of Studying. Iss. 3]. Moscow. Dialog-MSU [Dialogue-Moscow State University]. 1999. 370 p. (in Russ.)
11. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57. DOI: 10.2307/2060063
12. Yomkondo E., Nils M. What is the trigger of migration trends in Asia Pacific region? Proceedings of Airlangga Conference on International Relations (ACIR 2018) *Politics, Economy and Security Changing Indo-Pacific Region*. 2022. P. 211–218.
13. Schultz T. W. *Investing in People. The Economics of Population Quality*. Los Angeles, CA. University of California Press. 1981. DOI: 10.1525/9780520318540
14. Ryazantsev S. V. Emigratsiya iz Rossii. Russkaya diaspora ili russkoyazychnyye soobshchestva? [Russian diaspora abroad or Russian-speaking communities?]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2016. No. 12. P. 84–94. (in Russ.)
15. Roshchin Yu. V. Migratsiya naseleniya v sud'be Rossii [Migration of the Population in the Destiny of Russia]. Moscow. Avangard [Avant-garde]. 2008. 288 p. (in Russ.)
16. Aleshkovski I., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The changing landscape of Russia's emigration from 1990 to 2020: trends and determinants. *Journal of Globalization Studies*. 2023. Vol. 14. No.1. P. 42–65.
17. Ryazantsev S. V., Khramova M. N. Faktory emigration iz Rossii v postsovetskiy period: regional'nyje osobennosti [Factors of emigration from Russia: regional features]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2018. Vol. 14. № 4. P. 1298–1311. DOI: 10.17059/2018-4-19 (in Russ.)

18. Lipatova L. N. Mezhdunarodnaya migratsiya v Rossii: osnovnyje napravleniya i vozmozhnyje posledstviya [International migration in Russia: key directions and possible effects]. *Natsionalnaya bezopasnost' i strategicheskoye planirovaniye* [*National Security and Strategic Planning*]. 2020. No. 2(30). P. 58–62. DOI: 10.37468/2307-1400-2020-2-58-62 (in Russ.)
19. Belov F. D. Uchebnaya migratsiya: faktory, vliyayushchije na privlechenije inostrannykh i vozvrat rossiiskikh molodykh uchenykh [Educational migration: Factors influencing the attraction of foreign young scientists and return of Russian young scientists]. *Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika*. [RUDN Journal of Economics]. 2020. Vol. 28. No.1. P. 184–195. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-184-195 (in Russ.)
20. Ryazantsev S. V., Wu Qunlan. Emigratsiya iz Rossii v Kitay: trendy, formy, formirovaniye russkogovoryashchikh soobshchestv [Emigration from Russia to China: trends, forms, formation of Russian-speaking communities]. *Nauchnoye obozreniye: Seriya Ekonomika i parvo* [*Scientific Review. Series 1. Economics and Law*]. 2016. No. 6. P. 15–24. (in Russ.)
21. Afzali M. Molodezhnaya emigratsiya i utechka mozgov iz Irana: prichiny, tendentsii i napravleniya [Youth emigration and brain drain from Iran: Causes, trends and directions]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsiologicheskie nauki*. [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. 2020. No. 3(59). P. 52–59.
22. Ryazantsev S. V. Russkoyazychnyye migranty v Yugo-Vostochnoy Azii [Russian-speaking migrants in Southeast Asia]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [*Sociological Studies*]. 2017. No. 8(401). P. 66–72. DOI: 10.7868/S0132162517080074 (in Russ.)
23. Ryazantsev S. V., Kusnetsov N. G., Lukyanets A. S., Khramova M. N. Faktory, formy i tendentsii emigratsii rossijskikh grazhdan v strany Yugo-Vostochnoy Azii [Factors, forms and trends of Russian citizens' emigration in the countries of South-East Asia]. *Segodnya i zavtra rossijskoj ekonomiki* [*Today and Tomorrow of the Russian Economy*]. 2016. No. 79–80. P. 5–10. (in Russ.)
24. Menard S. W. *Logistic Regression: From Introductory to Advanced Concepts and Applications*. Library of Congress Cataloging in Publication data. 2010. 377 p.
25. Hilbe J. M. *Practical Guide to Logistic Regression*. Chapman & Hall/CRC. 2015. 174 p.

Information about the authors:

Oleynik Elena Borisovna, Doctor of Economics, Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Contact information: e-mail: oleinik.eb@dvfu.ru; ORCID: 0000-0002-1573-2277; Elibrary SPIN-code: 6546–1416.

Ivashina Natalya Viktorovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Contact information: e-mail: ivashina_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7878-8876; Elibrary SPIN-code: 9380–5590.

Khramova Marina Nikolaevna, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-0893-3935; Elibrary SPIN-code: 3786–0465.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47
EDN: TMVQUU

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭСТОНИИ: ОСНОВНЫЕ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ (2000–2021 гг.)

Узнародов Д. И.

Южный научный центр РАН
(344006, Россия, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41)

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24–28–00974 – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Для цитирования:

Узнародов Д. И. Русское население в Эстонии: основные геодемографические тренды (2000–2021 гг.) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 31–47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47; EDN: TMVQUU

Аннотация. В статье анализируется количественная, пространственная, расселенческая динамика русского населения в Эстонии в период 2000–2021 гг., изучаются сдвиги в его возрастной структуре и гендерном соотношении. Исследование подтвердило сохранение в 2000–2010-е гг. двух эпицентров системы расселения русских, включающих северо-восток Эстонии (уезд Ида-Вирумаа) и столичный субрегион (Таллин и уезд Харьюмаа). Компактное расселение, ограниченный уровень естественной убыли и близкое к нулю сальдо миграции русского населения страны способствовали значительному снижению его демографических потерь, темпы которых были минимальными в пределах всего нового зарубежья России (10,3% за 2000–2021 гг.). Незначительной в сравнении с другими постсоветскими странами была и степень деформации половозрастной структуры русских в Эстонии. Совмещение данных благоприятных факторов работает на сохранение в ближайшие десятилетия сценария замедленного сокращения русской общины страны. Но такая демографическая устойчивость не исключает серьёзных проблем, связанных с активным оттоком в столичный субрегион части русских (прежде всего, молодёжи и людей трудоспособного возраста). Следствием этого процесса является ускоренная убыль и быстрое старение большинства региональных групп русского населения. В настоящее время в 10 из 15 уездов Эстонии средний возраст русских превышает 50 лет, что делает неизбежным заметный рост их естественных потерь в перспективе 10–20 лет. К середине века две самые маленькие и возрастные региональные группы русских (уезды Сааремаа и Хийумаа) могут почти полностью прекратить существование; в 1,8–2,5 раза может сократиться русское население ещё 6–7 уездов страны. Данный геодемографический сценарий будет сопряжён с ощутимым сокращением общей системы расселения русских в Эстонии, и сверхконцентрацией их в столичном субрегионе, на который в 2045–2050 гг. может приходиться порядка 65–70% русского населения страны.

Ключевые слова: русское население Эстонии, демографическая и миграционная динамика, система расселения, половозрастная структура.

По данным переписи населения СССР 1989 г., по абсолютным размерам русского населения Эстония (ЭССР) находилась в середине демографического рейтинга союзных республик СССР (474, 8 тыс. человек, 7-е место). Но по удельному весу русских в структуре населения она уже была третьей (30,3%), уступая только Казахстану и сопредельной Латвии. Таким образом, после распада Советского Союза русские фактически стали вторым государствообразующим этносом независимой Эстонии. Что, однако, не способствовало желанию новой политической элиты страны интегрировать русских в формирующуюся гражданскую нацию. Скорее наоборот, весомый демографический вес русской общины воспринимался исключительно как угроза для нового государства и титульного этноса. Соответственно практики нациестроительства (прежде всего, условия получения гражданства) были ориентированы на системную маргинализацию русского населения и выдавливание значительной его части за пределы Эстонии. В известной степени данная государственная политика оказалась эффективной: в течение первого постсоветского десятилетия чистый отток русских из страны составил 64–65 тыс. человек. Со времени последней переписи населения СССР русская община Эстонии сократилась на 26% и составила 351 тыс. человек в 2000 году.

Тем не менее, её дальнейшая геодемографическая динамика свидетельствует о достаточно успешной (в сравнении с большинством других постсоветских государств) адаптации местных русских к новым условиям жизнедеятельности. Данное обстоятельство повышает интерес к изучению особенностей количественной, расселенческой, половозрастной динамики русской общины Эстонии. Тем более, что её геодемографические характеристики и их эволюция в 2000–2010-е гг. еще не становились объектом самостоятельного исследования.

Отдельные аспекты этой проблематики попадали в фокус исследований, посвящённых динамике русского населения и общим этнодемографическим процессам на территории постсоветской Эстонии и Прибалтики

в целом. Можно выделить работы Л.Л. Рыбаковского [1], В.А. Тишкова [2], И.В. Никифорова и В.В. Полещука [3], К.С. Халлика [4], В.А. Козлова [5], А.Г. Манакова и О.А. Чуценковой [6], П.Э. Суворкова и И.В. Ермолина [7], С.Я. Сущего [8; 9], Д.В. Житина и А.А. Ивановой [10], Н.М. Кабузана [11], С.А. Хрущёва [12]. Но, повторимся, в более детальном изучении нуждаются многие стороны геодемографической динамики русской общины современной Эстонии, в том числе количественный анализ русских в разрезе уездов страны; изучение их расселенческой и половозрастной структуры, как в целом по Эстонии, так и в разрезе крупных административно-территориальных образований; оценка среднего возраста, коэффициента и индекса старения отдельных территориальных групп русского населения. Основу инструментария исследования составили методы статистического анализа. В ходе исследования, в частности, применялись сводка, группировка, а также корреляционный и регрессионный анализ полученных статистических данных. В качестве информационной базы исследования использовались материалы переписей населения Эстонии в 2000, 2011 и 2021 гг., а также данные текущего демографического учёта населения страны, представленные на сайте Департамента статистики Эстонии.

Результаты исследования

Система расселения русской общины Эстонии сформировалась в послевоенные десятилетия советского периода. В 1950–1960-е гг., наряду с северо-восточным Нарвским районом республики, в котором русское старожильческое население составляло абсолютное большинство, в пределах ЭССР появляется еще один демографический эпицентр с многочисленным русским населением — республиканская столица. В 1989 г. русские составляли 46,8% жителей Таллина. При этом стольичные русские составляли 43,7% всех русских в Эстонии [11, с. 261]. Отметим и очень высокий уровень урбанизации местного русского населения, достигавший в это время 92%. Показатель-

но, что первое постсоветское десятилетие, связанное с масштабным сокращением русской общины, практически не изменило соотношения её основных расселенческих групп. Убыль русских была не только повсеместной, но и равномерной. На рубеже XXI в. в Таллине проживало 41,6% русских страны, а горожане составляли 92,5% представителей общины.

Можно сказать, что география русских в Эстонии к началу XXI в. сохранила особенности, сформированные в период интенсивного притока в союзную республику трудовых мигрантов из других регионов СССР, в первую очередь ориентированных на республиканскую столицу — крупнейший производственный центр ЭССР и приморскую поселенческую сеть — территории наиболее динамичного социально-экономического развития. Приморские уезды Эстонии и к началу 2000-х гг., в сравнении с большинством внутренних территориально-административных образований, отличались повышенным удельным весом русских (соответственно 9–10% и 1–4%).

Сохранилось и два основных демографических средоточия русского населе-

ния — Таллин с окрестностями (уезд Харьюмаа) и северо-восток страны — уезд Ида-Вирумаа. В 2000 г. на два данных уезда приходилось 84,3% русских в Эстонии. Причем второй из них, в значительной степени совпадавший по контурам с бывшим советским Нарвским районом (а в период Российской империи с Ямбургским уездом Петербургской губернии), сохранялся в качестве единственного административно-территориального образования Эстонии, в котором на протяжении всего постсоветского периода русские составляли абсолютное этническое большинство.

Но заметная доля русского населения фиксировалась и в ряде других уездов, в том числе Харьюмаа, Тартумаа, Валгамаа, Ляэне-Вирумаа, Пярнумаа, Ляэнемаа и Йыгевамаа (табл. 1). Среди городов с высокой или повышенной долей русских в структуре населения выделялись центры уезда Ида-Вирумаа, прежде всего Нарва (86,99%) и Кохтла-Ярве (73,57%); а также Калласте (72,94%) в уезде Тартумаа. Но следует отметить и столицу страны (34,23%), административно относящуюся к уезду Харьюмаа.

Численность русского населения Эстонии (2000–2021 гг.)

Таблица 1

Number of the Russian population of Estonia (2000–2021)

Table 1

Уезды	Численность населения (тыс. чел.)			Доля в структуре населения (в %)		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Валгамаа	4467	3662	3516	12,48	12,16	12,72
Вильяндимаа	2108	1305	1110	3,64	2,74	2,44
Вирумаа	1668	1141	1218	4,18	3,41	3,56
Ида-Вирумаа	124961	108208	97231	69,54	72,54	73,25
Йыгевамаа	2971	2190	1906	7,76	6,98	6,84
Ляэнемаа	2589	1965	1612	9,04	8,14	7,97
Ляэне-Вирумаа	7318	5794	5385	10,79	9,68	9,17
Пылвамаа	1357	1018	795	4,15	3,71	3,31
Пярнумаа	8509	6699	5752	9,33	8,11	6,71
Рапламаа	1540	1332	1095	4,1	3,82	3,27
Сааремаа	383	295	211	1,07	0,94	0,67
Тартумаа	20894	18543	16491	13,97	12,32	10,45

Харьюмаа	171009	173194	178169	32,53	31,32	28,99
Хийумаа	105	61	55	1,01	0,72	0,65
Ярвамаа	1299	828	706	3,35	2,71	2,38
Эстония в целом	351178	326235	315252	25,63	25,20	23,67

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

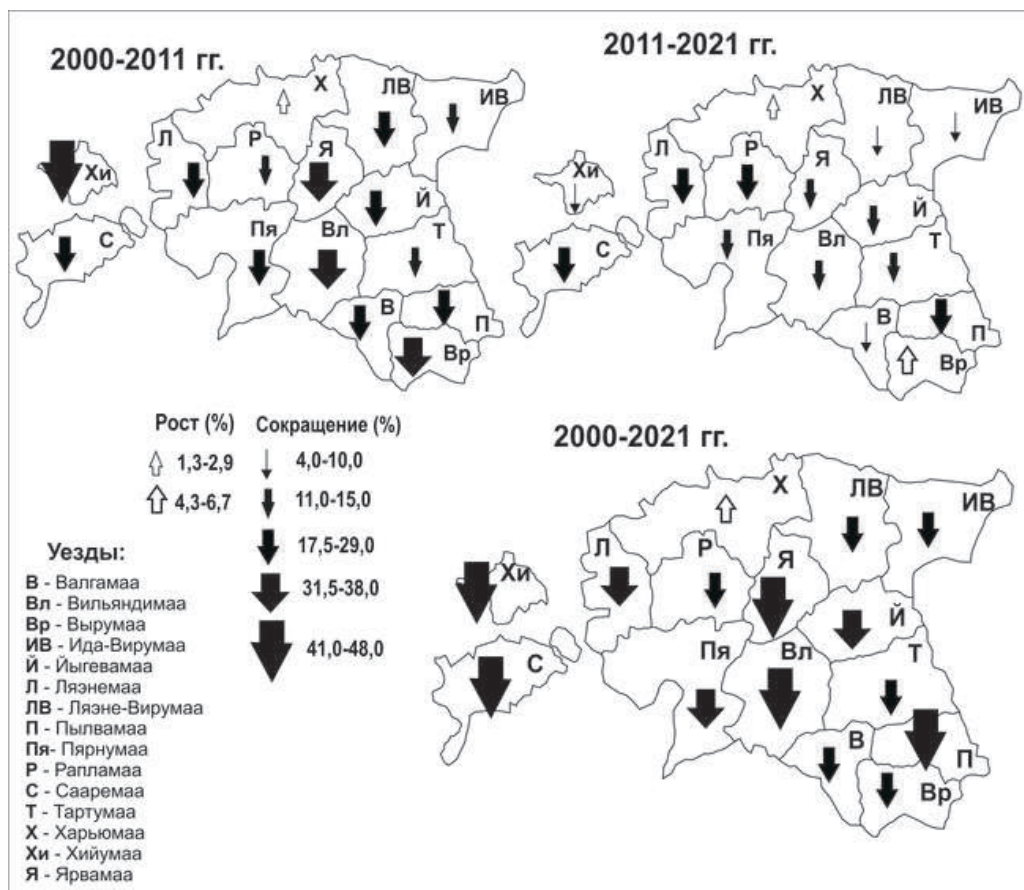

Рис. 1. Динамика русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (%)

Fig. 1. Dynamics of the Russian population by Estonian counties, 2000–2021 (%)

Источник рис. 1–2: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Процесс определённой демографической стабилизации русской общины страны начинается во второй половине 1990-х гг., после заметного снижения темпов миграционного оттока (если в 1990–1994 гг. он составлял порядка 9 тыс. в год, то в 1996–2000 гг. — около 3,2 тыс.) [8, с. 23], связанного с возвращением экономической устойчивости и постепенной адаптацией оставшегося русского населения к этнополитическим, культурно-языковым и социально-экономическим реалиям постсоветской Эстонии. В 2000–2010 гг. русская община страны сократилась на 7,3% — минимальный показатель среди всех стран ближнего зарубежья. Учитывая, что естественная убыль русских в Эстонии в данном десятилетии составила порядка 3,5–4,5%, чистый миграционный отток сократился до 1,1–1,2 тыс. в год. При этом, основной его вектор был направлен уже не на Россию, а в страны Западной и Центральной Европы.

Однако демографическая динамика отдельных территориальных групп русского населения в 2000-е гг. отличалась серьёзной спецификой. В четырех уездах страны численность русских сократилась на 31,5–42%; еще в семи — на 18–26%, в трех — на 11–13,5%. И только в столичном субрегионе (уезд Хярьямаа) выросло на 1,3% (рис. 1). Таким образом, помимо небольшого оттока русских за пределы страны происходило куда более активное их межрегиональное перемещение, прежде всего в Таллин и прилегающие к нему населенные пункты. Как результат, доля уезда Хярьямаа в структуре русской общины за 2000–2011 гг. выросла с 49,7% до 53,7%.

Этот территориальный переток, далеко не полностью учитываемый органами управления и государственной статистикой, очевидно, являлся основной причиной заметного расхождения размеров местных русских общин, установленных текущим демографическим учётом и результатами переписи 2011 года. В большинстве уездов страны разница показателей составляла 13–24%, а в трех (Хийумаа, Вильяндимаа, Ярвамаа достигала 30–40%). Причём во всех уездах Эстонии выше были именно данные те-

кущего учёта. Исключение составляла русская община столичного Хярьямаа, которая по результатам переписи оказалась больше на 2,1%, чем фиксировалось текущей демографической статистикой (что подтверждает сделанное выше предположение).

Отметим, что основные особенности геодемографической динамики русских (естественная убыль, отток за пределы страны, перемещение в столицу) были характерны и для всего остального населения страны, включая представителей титульного народа. Поэтому удельное сокращение русских по территории Эстонии оказалось далеко не столь значительным, как их абсолютные потери (табл. 1). Перечисленные геодемографические тренды, отличавшие русскую общину в 2000-е гг., перешли в следующее десятилетие. С той разницей, что с середины 2010-х г., после 7–8-летнего периода низких показателей, усилилась депопуляция, связанная со вступлением в репродуктивный возраст малочисленной генерации 1990-х гг. и мировой пандемией COVID-19. Ежегодный коэффициент естественных потерь русского населения с 2–2,5% на рубеже 2010-х гг. вырос до 8–9% в начале 2020-х годов.

Тем не менее, общие темпы убыли русской общины Эстонии снизились еще больше — за 2011–2021 гг. ее размеры сократились на 3,4%¹. Данный показатель был ниже, чем темпы сокращения русских в России, не говоря уже о других странах ближнего зарубежья, в которых он колебался в диапазоне 10–40% [9]. Учитывая масштабы естественных потерь, можно сделать вывод о фактическом прекращении оттока русского населения из Эстонии. Не исключено, что его результирующее миграционное сальдо в данный период могло иметь незначительное положительное значение. Минимальная демографическая убыль русских в 2010-е гг. указывает и на ограничен-

¹ Если же ориентироваться на данные текущего учета, демографические потери русских страны были еще меньше — только 1,1%. Очевидно, в 2010-е гг., как и десятилетием раньше, органы учёта не полностью фиксировали межрегиональную циркуляцию русских, а также могли недооценивать масштабы смены идентификации представителями смешанного населения страны, ранее самоопределявшегося как русские.

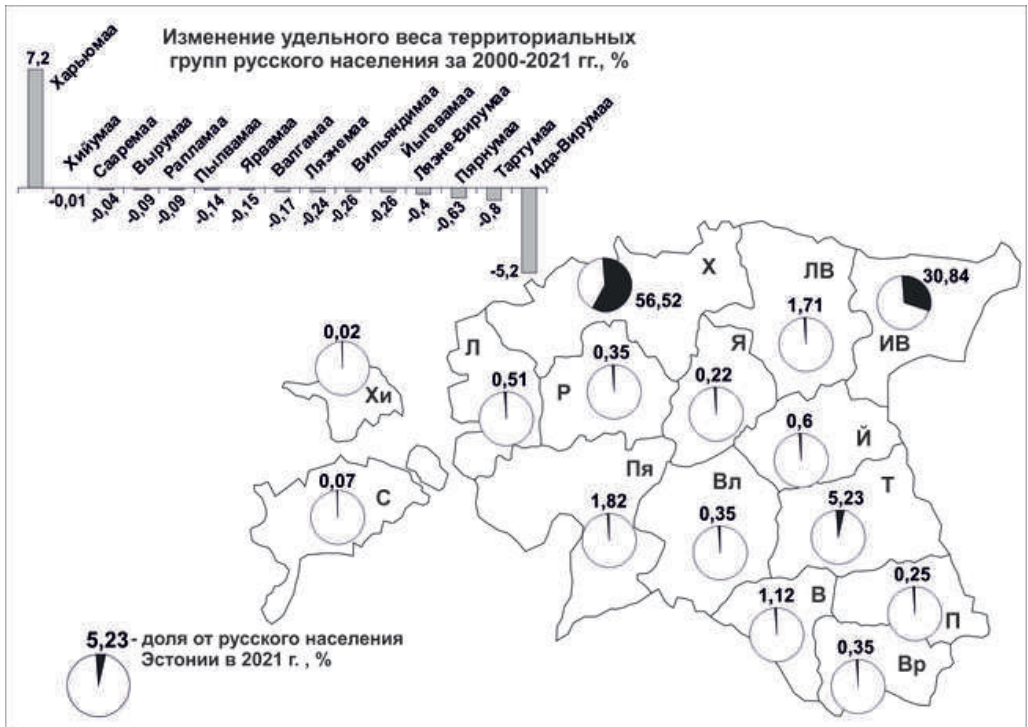
ный размер ассимиляционных потерь, игравших существенную роль в сокращении размера русских общин в двух других странах Балтии [8]. Возможно, потери, связанные с преимущественным выбором титульной самоидентичности смешанным потомством русско-эстонских семей, в значительной степени компенсировались предпочтением русской компоненты детьми в браках русских с представителями русскоязычных общин (русскими, белорусами и др.).

Ограниченное число уездов страны (15) не позволяет путем проведения развернутого регрессионного анализа получить полностью корректные оценки влияния особенностей данных территорий на геодемографическую динамику русского населения в Эстонии в 2000–2010-е гг. (рассматривались такие характеристики, как приморское/континентальное расположение уез-

дов, столичный/провинциальный статус, сопредельность с территорией России, количественные размеры местных русских общин и их вес в структуре всего населения, общий демографический потенциал последнего). Тем не менее, это не помешало зафиксировать центральную роль в изучаемом геодемографическом процессе фактора столичности, задающего и определяющего направление и масштабы количественной динамики русского населения Эстонии в первые два десятилетия XXI века².

Подтверждается этот вывод и результатами переписи 2021 г. — за последний межпереписной период доля русских страны

² Впрочем, не следует забывать, что уезд Харькумаа, помимо столичного статуса, обладает преимуществами и по большинству других измеряемых показателей, в том числе имеет приморское расположение, максимальную численность и повышенную концентрацию русских.

Рис. 2. Доля территориальных групп в структуре русского населения Эстонии, 2021 г. (%)
 Fig. 2. Share of territorial groups in the structure of the Russian population of Estonia, 2021 (%)
 Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписи населения 2021 г. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

проживающих в столичном субрегионе выросла с 53,6% до 56,6% (рис. 2). Таким образом, сохранялся переток регионального русского населения в столицу страны и ее окрестности. Удельный вес всех нестолических территориальных групп в структуре общины за 2000–2021 гг. более или менее значительно сократился в размерах.

Самостоятельный интерес представляет динамика сельского русского населения в Эстонии. В первые два десятилетия XXI в. оно демонстрировало не только демографическую устойчивость, но и количественный рост, увеличившись за 2000–2021 гг. на 20,5% (с 26,3 тыс. до 31,7 тыс. чел) (табл. 2). Можно предположить, что таким образом проявляется более глубокая укорененность местных русских «поселян», которая действительно была характерна для

ряда стран ближнего зарубежья [9]. Данное предположение отчасти было верным. Сельские русские, расселенные в провинциальных уездах страны, за 2000–2021 гг. сохранили свою общую численность, что указывало на их большую демографическую устойчивость, чем у местных городских территориальных групп. Однако количественный рост всей сельской компоненты русской общины страны определялся расширением сельской группы столичного уезда, выросшей за данный период на 68% (с 7,8 тыс. до 13,1 тыс. чел.). Если в 2000 г. в Хартюмаа проживало 29,7% сельских русских страны, то в 2021 г. — уже 41,3%. По сути, речь шла об ещё одной проекции процесса нарастающей концентрации русских в Эстонии в столичном субрегионе, включая его сельские территории.

Таблица 2

Уровни системы расселения русского населения Эстонии, 2000–2021 гг. (тыс. человек, %)

Table 2

Levels of the settlement system of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (thousand people, %)

Центры и территории	Численность, тыс. чел.			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Таллин	146,2	144,7	149,9	41,6	44,3	47,5
Остальные города	178,7	154,9	133,7	50,8	47,4	42,4
Сельская местность	26,3	26,6	31,7	7,5	8,1	10,1
Уезд Хартюмаа	171,0	173,2	178,2	49,3	53,6	56,6
Уезд Хартюмаа без Таллина	24,8	28,5	28,3	7,7	9,3	9,1
Уезд Ида-Вирумаа	125,0	108,2	97,2	35,9	33,5	30,8
Уезды Хартюмаа + Ида-Вирумаа	296,0	281,4	275,4	85,4	87,2	87,4

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2000__rahvus-emaleel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus__rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Данный процесс не только не отменял существенного разбега показателей количественной динамики остальных территориальных групп русского населения, но и определял значительные масштабы их

демографических потерь. В 2010-е гг. последние заметно сократились в сравнении с предыдущим десятилетием, но в четырех уездах по-прежнему превышали 17%, еще в семи составляли 10–15%. Таким образом,

ограниченные темпы убыли всей русской общины Эстонии в 2010-е гг. не означали ее демографического благополучия.

Половозрастная структура русских Эстонии

О том же свидетельствовал и неуклонно растущий средний возраст русского населения. За 2000–2011 гг. он поднялся на 5,6 лет (с 39,9 до 45,5 лет). При этом доля пожилого и старого населения (60 лет и старше) выросла с 18,2% до 31,8% (табл. 3). У эстонцев данный показатель составлял 24,9%. Еще ниже он был у латышей (19,1%) и немцев (21,14%). Сопоставимым с русскими он был у армян (28,75%) и литовцев (29,23%). В то же время, среди некоторых других этнических групп Эстонии доля населения старше 60 лет была значительно выше: у украинцев она составляла 36,2%, у поляков, финнов, татар нахо-

дилась в диапазоне 40,5–46,9%; у евреев и белорусов — 50,0–54,3%.

Очевидно, что этнические группы, более 40% представителей которых — люди старше 60 лет, находятся в процессе демографического угасания. Между тем сразу в нескольких уездах Эстонии на эти возрастные когорты (60+) приходилось 45–56% местного русского населения (табл. 4). Сравнительный анализ возрастной структуры территориальных групп русских и темпов их убыли в 2000–2020 гг. обнаруживает прямую корреляцию. Максимальное сокращение численности русского населения с 2000 по 2021 гг. фиксировалась в уездах Хийумаа (–47,62%), Вильяндимаа (–47,3%), Ярвамаа (–45,7%), Сааремаа (–44,9%), Пылвамаа (–41,4%). Но именно в этих уездах в начале 2020-х гг. было сосредоточено наиболее пожилое русское население (средний возраст его находился в диапазоне 55,0–62,7 лет).

Таблица 3
Возрастная структура русского населения Эстонии, 2000–2021 гг. (человек, %)

Table 3

Age structure of the Russian population of Estonia, 2000–2021 (people, %)

Возрастные группы, число лет	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес среди всех этнических групп, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
младше 10	28 302	30 494	28 503	20,07	21,59	20,23
10–19	55 843	25 937	29 787	26,44	20,54	20,76
20–29	46 590	46 927	23 512	24,64	25,07	17,48
30–39	45 469	46 011	46 339	24,45	25,79	23,28
40–49	59 220	43 178	45 267	30,45	24,8	24,65
50–59	37 881	55 528	41 580	23,69	31,2	24,24
старше 60	77 873	78 160	100 264	27,05	25,28	27,95

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Таблица 4
Возрастная структура русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (человек)

Table 4

Age structure of the Russian population by counties of Estonia, 2000–2021 (people)

Уезды	Возрастные группы, лет						
	младше 10	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
2000 год							
Валгамаа	418	617	530	516	678	536	1172
Вильяндимаа	102	188	228	245	455	343	547
Вырумаа	117	157	123	190	318	229	534
Ида-Вирумаа	10805	21151	16740	16551	21199	12251	26264
Йыгевамаа	256	404	291	350	475	394	801
Ляэнемаа	193	340	336	318	398	345	659
Ляэне-Вирумаа	638	1012	960	978	1181	804	1745
Пылвамаа	93	151	92	180	216	210	415
Пярнумаа	669	1281	986	1010	1555	916	2092
Рапламаа	63	141	141	148	349	212	486
Сааремаа	16	25	54	39	117	77	55
Тартумаа	1660	2915	2682	2550	3391	2347	5349
Харьюмаа	13198	27321	23296	22251	28595	18993	37355
Хийумаа	0	5	11	11	36	28	14
Ярвамаа	74	135	120	132	257	196	385
2021 год							
Валгамаа	307	367	276	404	524	492	1146
Вильяндимаа	34	28	37	87	171	160	593
Вырумаа	70	50	69	134	200	141	554
Ида-Вирумаа	8027	9674	7194	11777	13497	13141	33921
Йыгевамаа	90	129	116	172	343	223	833
Ляэнемаа	71	112	92	153	252	229	703
Ляэне-Вирумаа	298	420	364	526	880	766	2131
Пылвамаа	50	34	51	78	130	91	361
Пярнумаа	296	426	362	607	890	714	2457
Рапламаа	71	65	44	114	151	168	482
Сааремаа	6	2	9	18	32	29	115
Тартумаа	1371	1479	1276	2250	2193	2392	5530
Харьюмаа	17788	16972	13587	29952	22190	26622	51058
Хийумаа	3	0	0	5	7	9	31
Ярвамаа	21	29	35	62	120	90	349

Источник: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Национальный состав. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000__rahvus-emakeel-veerkeelte-oskus/RL222/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel-ja-keelteoskus-murded/RL0429/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Как показали расчёты, в период с 2011 по 2021 гг. доля русского населения Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократилась в среднем на 6%. В указанных возрастных группах максимальное сокращение численности русских происходило в уездах Вильяндимаа (на 49,6%), Рапламаа (46,6%), Ляэнемаа (45,9%). Достаточно высокими темпы сжатия данных возрастных групп были также у русских в уездах Ляэне-Вирумаа (35,6%) и Тартумаа (34,9) %.

Негативные сдвиги в возрастной структуре русской общины страны актуализировали другую проблему её демографической динамики, поскольку демонстрировавшие абсолютное и удельное сокращение «средневозрастные» генерации русских заключали группу репродуктивных женщин. Если в 2000-е гг. её размеры в Эстонии практически не изменилась, то в 2010-е гг. группа русских женщин наиболее активного детородного возраста (20–39 лет) сократилась почти на 25% (с 46,5 тыс. человек до 34,9 тыс.). При этом, в 4 уездах убыль составила 46–50%, в 7–31–38% (рис. 36). Даже в столичном субрегионе, данная группа потеряла 19,7% своего размера. Однако процесс демографического сжатия не закон-

обращения: 07.02.2024).

чен — в 2020-е гг. даже без учёта фактора миграции, женская группа активной репродукции в русской общине сократится ещё на 22,5%⁴.

Таким образом, без ощутимого повышения коэффициента фертильности у русских женщин в Эстонии, абсолютные размеры рождаемости в общине в 2020-е гг. продолжат свое быстрое сокращение, увеличивая показатель естественной убыли. Однако фиксируемая динамика детородной активности у русских женщин за 2000–2010-е гг. не даёт поводов для оптимизма (табл. 5). Суммарный коэффициент рождаемости, в 2000 г. составлявший 1,47, в 2011 и 2021 гг. был ещё ниже — соответственно 1,38 и 1,42 (рассчитано по данным переписей). Доля бездетных русских женщин в возрасте 20–29 лет за 2000–2021 гг. выросла в Эстонии с 42,9% до 68,3%; в возрасте 30–39 лет — с 8,9% до 18,2% (табл. 6). Расчёты показывают, что даже при увеличении коэффициента фертильности русских женщин в середине-второй половине 2020-х гг. до 1,5–1,6 (самый оптимистический сценарий) уро-

⁴ Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__rahvus-emaleel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

Таблица 5
Динамика уровня рождаемости у русских женщин в Эстонии, 2000–2021 гг. (чел., %)

Table 5

Dynamics of fertility of the Russian women in Estonia, 2000–2021 (people, %)

Число детей	Количество женщин, человек			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Один	54721	53433	47763	32,8	33,5	31,6
Двое	60495	60539	59148	36,2	38,0	39,1
Трое и более	14957	13114	15812	9,0	8,2	10,5
Бездетные женщины	29954	30010	27158	17,9	18,8	17,9

Источник табл. 5–6: Департамент статистики Эстонии. Результаты переписей населения 2000, 2011 и 2021 гг. Рождаемость. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2000_laste-arv-naistel/RL211/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2011_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__naised-ja-lapsed/RL0411/table/tableViewLayout2; URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__naised-ja-lapsed/RL21411/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 15.02.2024).

Таблица 6

**Уровень репродуктивной активности русских женщин
в Эстонии в группах 20–29 и 30–39 лет**

Table 6

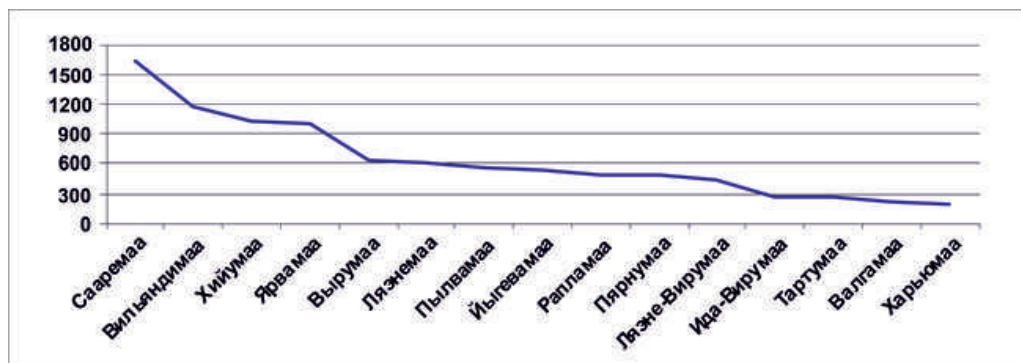
Reproductive activity of the Russian women in Estonia in the age groups of 20–29 years and 30–39 years

Число рождённых детей	2000		2011		2021	
Количество русских женщин, человек						
	20–29 лет	30–39 лет	20–29 лет	30–39 лет	20–29 лет	30–39 лет
Один	10187	11031	7116	9057	2356	7482
Двое	2188	9971	2034	8153	844	7676
Трое и более	239	1332	304	1855	228	3067
Бездетные женщины	9473	2173	12493	3549	7388	4050
Всего	22087	24507	21947	22614	10816	22275
Доля женщин с разной репродуктивной активностью, %						
Один	46,12	45,01	32,42	40,05	21,78	33,59
Двое	9,91	40,69	9,27	36,05	7,8	34,46
Три и более детей	1,08	5,44	1,39	8,2	2,11	13,77
Бездетные женщины	42,89	8,87	56,92	15,69	68,31	18,18
Всего	100	100	100	100	100	100

вень рождаемости в общине сократится с 8–8,1‰ до 6,6–7,0‰.

На то, что темпы естественной убыли русского населения в Эстонии будут заметно возрастать уже в среднесрочной перспективе, указывает и его индекс старения — соотношение численности лиц старше трудоспособного возраста к численно-

сти лиц младше трудоспособного возраста, умноженное на 100. В целом этот показатель у русских составлял 227, то есть генерации людей пожилого и старшего возраста количественно превосходили возрастные когорты детей и подростков в 2,27 раз (у эстонцев — в 1,38). Однако в ряде уездов Эстонии этот перевес достигал 6–16,5 раз

Рис. 4. Индекс старения русского населения по уездам Эстонии, 2021 г.

Fig. 4. Index of aging of the Russian population by counties of Estonia, 2021

Источник: Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emaakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

(рис. 4). Очевидно, что местное русское население даже без учёта миграционного оттока будет демонстрировать максимальные темпы убыли уже в 2020-е годы.

Конечно, общая естественная динамика русской общины будет в основном определяться двумя ее демографическими эпицентрами — территориальными группами уездов Хартюмаа и Ида-Вирумаа, но прежде всего первой из них, имевшей в 2021 г. самый низкий коэффициент старения (187,9). И поэтому масштабы естественной убыли русских страны еще несколько десятилетий будут оставаться достаточно ограниченными (в пределах 8–11‰ в год). Но до половины территориальных групп русских, даже без учёта миграционного оттока, будет терять в год 1,5–2,0% (или более) и к середине века способно сократиться в 1,8–2,5 раза, что приведёт к существенным сдвигам в широте расселения русских по территории страны.

Для русского населения в Эстонии был характерен заметный количественный перевес женщин (в 2021 г. их приходилось 122 на 100 мужчин). Однако уровень деформации полового соотношения на всем протяжении постсоветского периода оставался стабильным, в отличие от подавляющего большинства других русских общин ближнего зарубежья, в которых он постепенно возрастал. Отметим и ограниченный разбег полового дисбаланса по отдельным территориальным группам русских в Эстонии (рис. 5а). Не менее значимо, что во всех этих группах (кроме двух «островных» уездов) дисбаланс формировался исключительно за счет старших возрастных групп. У русского населения до 65 лет (дети, молодежь и люди трудоспособного возраста) он был минимальным (рис. 5б). Что, безусловно, имело положительное значение для процесса естественного воспроизводства русского населения страны.

Выводы

Исследование подтвердило сохранение в первой четверти XXI в. двух основных средоточий расселения русских, включающих

северо-восток страны (уезд Ида-Вирумаа с центрами в Нарве и Кохтла-Ярве), а также столичный субрегион (Таллин и уезд Хартюмаа в целом). За первые два десятилетия века русское население в Эстонии сократилось на 10,3%, что было лучшим показателем среди всех стран ближнего зарубежья. Учитывая же отрицательную демографическую динамику эстонцев и большинства других народов страны, удельный вес русских в национальной структуре населения за 2000–2021 гг. сократился менее, чем на 2% (с 25,6% до 23,7%).

Успешной демографической адаптации русских способствовало совмещение ряда факторов, среди которых достаточно высокий уровень жизни, минимизировавший отток в Россию; наличие ряда территорий и центров с компактным расселением русских, в которых они являлись доминирующим большинством или, по крайней мере, весомой группой местного населения, формирующей под свои особенности структуры повседневности регионального социума. Существенную роль играло то, что северо-восток Эстонии являлся территорией исторического расселения русских — основная их часть имела многопоколенную историю жизни в Нарве и её окрестностях. Но и большинство русского населения Таллина являлось коренными жителями города (а среди постсоветских мигрантов в столицу абсолютно доминировали уроженцы Эстонии).

Достаточно ограниченным по меркам ближнего зарубежья являлся и рост среднего возраста русских в Эстонии. Что должно и в дальнейшем сдерживать рост естественных потерь (по крайней мере, 15–20 лет) способных держаться на среднем уровне в 4–5‰, с возможным последующим повышением до 5–7‰. Наиболее вероятным сценарием внешней миграции русской общины на среднесрочную перспективу представляется сохранение небольшого оттока в пределах 1–2‰ в год. При таких показателях естественного воспроизводства и миграционного сальдо ежегодные демографические потери русского населения в ближайшие 15–20 лет будут со-

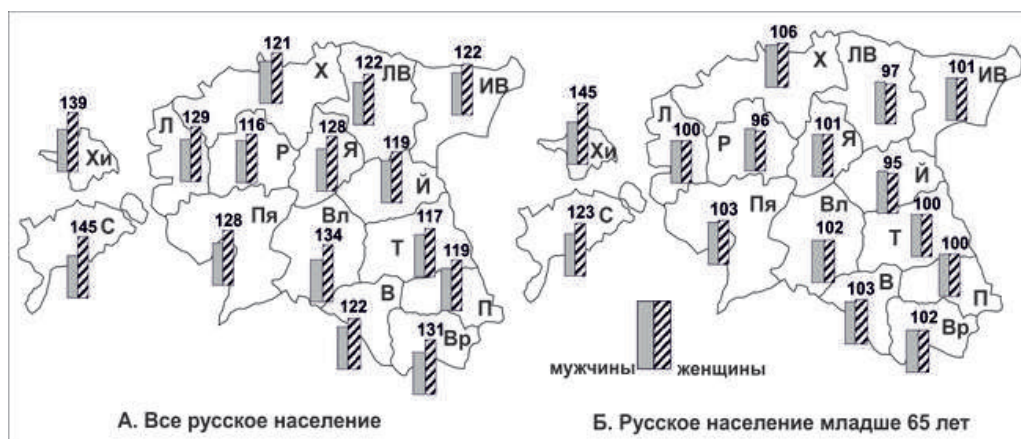

Рис. 5. Соотношение русского мужского и женского населения по уездам Эстонии, 2021 г. (число женщин на 100 мужчин)

Fig. 5. Ratio of the Russian male and female population by counties of Estonia, 2021 (number of women per 100 men)

Источник: Рассчитано по данным переписи населения 2021 г. — URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus_rel2021_rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad_rahvus-emaakeel/RL21429/table/tableViewLayout2 (дата обращения: 07.02.2024).

ставлять 0,5–0,7%. Но даже если убыль окажется выше (в пределах 0,7–1,0% в год), численность русских в Эстонии в 2030 г. может составлять 285–295 тыс. человек, в середине XXI в. — 230–250 тысяч.

Однако общая демографическая устойчивость не исключала серьезных проблем, связанных с перетоком из провинции в столичный субрегион заметной части русской молодежи и людей среднего возраста. И, как следствие, ускоренной абсолютной и удельной убыли, а также быстрого старения большинства региональных групп русского населения. В настоящее время в трёх уездах средний возраст русских превышает 60 лет, еще в семи — 50. Таким образом, в 10 из 15 уездов

Эстонии, даже без учёта оттока, будет происходить быстрая демографическая убыль русских связанная с естественными потерями.

В группе риска, прежде всего, самые маленькие и возрастные территориальные группы русских двух «островных» уездов (Сааремаа и Хийумаа), которые могут почти полностью прекратить существование уже к середине XXI века. В 1,8–2,5 раза может сократиться русское население ещё 6–7 уездов, что будет означать ощутимое сужение общей системы расселения русских в Эстонии, их сверхконцентрацию в столичном субрегионе, на который в 2045–2050 гг. уже будет приходиться порядка 65–70% русского населения страны.

Литература и Интернет-источники

1. Рыбаковский, Л. Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : ИСПИ, 1996. — 55 с.
2. Тишков, В. А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) / В. А. Тишков // Общественные науки и современность. — 1993. — № 6. — С. 87–103. EDN: SMFBIP
3. Никифоров, И. В. Демография русского населения Эстонии в XX веке / И. В. Никифоров, В. В. Полещук // Этническая политика в странах Балтии. — Москва : Наука, 2013. — С. 155–176. EDN: UCQUMU
4. Халлик, К. С. Русские в Эстонии / К. С. Халлик // Русские: этносоциологические исследования. — Москва : Наука, 2011. — С. 90–119. EDN: RBJOUX

5. **Козлов, В. А.** Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии / В. А. Козлов // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 3. — С. 50–60. EDN: XRZDCX
6. **Манаков, А. Г.** Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. / А. Г. Манаков, О. А. Чученкова. — Москва : Русская книга, 2017. — 96 с. EDN: YNHPIN
7. **Манаков, А. Г.** Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии / А. Г. Манаков, П. Э. Суворков, И. В. Ермолин // Современная Европа. — 2021. — № 7. — С. 27–38. DOI: 10.15211/soveurope720212738 EDN: BWDALM
8. **Суций, С. Я.** Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века / С. Я. Суций // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02; EDN: YNHEJF
9. **Суций, С. Я.** Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137; EDN: RYFQNV
10. **Житин, Д. В.** Демографическое развитие стран Балтии / Д. В. Житин, А. А. Иванова. — Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. — 112 с. EDN: YNHPCX
11. **Кабузан, В. М.** Русские в мире / В. М. Кабузан. — Санкт-Петербург : Блиц, 1996. — 350 с. EDN: RNOKYV
12. **Хрущёв, С. А.** Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона / С. А. Хрущёв // Балтийский регион. — 2010. — № 4. — С. 91–102. EDN: NBHQKR

Сведения об авторе:

Узнародов Дмитрий Игоревич, к.полит.н., старший научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7570-3614; РИНЦ SPIN-код: 1442-1131.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47

RUSSIAN POPULATION IN ESTONIA: MAIN GEODEMOGRAPHIC TRENDS (2000–2021)

Dmitry I. Uznarodov

Southern Scientific Center RAS

(41 Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, Russia, 344006

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Funding:

The research was funded by the RSF grant No. 24–28–00974. URL: <https://rscf.ru/project/24–28–00974/>.

For citation:

Uznarodov D. I. Russian population in Estonia: main geodemographic trends (2000–2021). *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 31–47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-31-47 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the quantitative, spatial, and settlement dynamics of the Russian population of Estonia in the period 2000–2021, examines the shifts in its age structure and gender ratio. The study confirmed preservation in 2000–2010 of two epicenters of the Russian settlement system, including the North-East of Estonia (Ida-Virumaa County) and the metropolitan subregion (Tallinn and Harjumaa County). Russian population's compact settlement, limited level of natural population decline and near-zero migration balance contributed to a significant reduction in its demographic losses, the rate of which was minimal within all of Russia's new abroad (10.3% in*

2000–2021). The degree of deformation of the age and sex structure of Russians in Estonia was insignificant in comparison with other post-Soviet countries. The combination of these favorable factors works to preserve the scenario of a slow decrease of the Russian community in the country in the coming decades. But the overall demographic stability did not exclude serious problems associated with the active outflow of some Russians (primarily young people and people of working age) to the metropolitan subregion. The consequence of this process was the accelerated decline and rapid aging of the majority of regional groups of Russian population. Currently, in 10 of the 15 counties of Estonia, the average age of Russians exceeds 50 years, which makes a noticeable increase in their natural losses inevitable in the future 10–20 years. Two smallest and oldest regional groups of Russians (Saaremaa and Hiiumaa counties) may almost completely cease to exist by the middle of the century; Russian population of another 6–7 counties of country may decrease by 1.8–2.5 times. Russians in Estonia will be significantly reduced under this geodemographic scenario, and they will be overconcentrated in the metropolitan subregion, which in 2045–2050 may account for about 65–70% of the Russian population of the country.

Keywords: Russian population of Estonia, demographic and migration dynamics, settlement system, age and sex structure.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Russkije i novoje zarubezh'je: migratsionnyj obmen i jego vliyanije na demograficheskuyu dinamiku [*Russians and the New Abroad: Migration Exchange and Its Impact on Demographic Dynamics*]. Moscow. Institut sotsial'no-politicheskikh issledovanij Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo centra Rossijskoj akademii nauk [Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS]. 1996. 55 p. (in Russ.)
2. Tishkov V. A. Russkije kak men'shinstva (primer Estonii) [Russians as minorities (the example of Estonia)]. Obshchestvennyje nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Contemporary World*]. 1993. No. 6. P. 87–103. (in Russ.)
3. Nikiforov I. V., Poleshchuk V. V. Demografiya russkogo naseleniya Estonii v 20 veke [Demography of the Russian population of Estonia in the 20th century]. Etnicheskaya politika v stranakh Baltii [*Ethnic Politics in the Baltic States*]. Moscow. Nauka [Science]. 2013. P. 155–176. (in Russ.)
4. Hallik K. S. Russkie v Estonii [Russians in Estonia]. Russkije: etnosotsiologicheskije issledovaniya [*Russians: Ethnosociological Studies*]. Moscow. Nauka [Science]. 2011. P. 90–119. (in Russ.)
5. Kozlov V. A. Demograficheskije povedeniye russkoj diaspory v stranakh Pribaltiki i Tsentral'noj Azii [Demographic behavior of the Russian diaspora in the Baltic States and Central Asia]. Vestnik Instituta ekonomiki RAN [*Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*]. 2018. No. 3. P. 50–60. (in Russ.)
6. Manakov A. G., Chuchenkova O. A. Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 g. po 2016 g. [*Dynamics of the Ethnic Composition of the Population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016*]. Moscow. Russkaya kniga [Russian Book]. 2017. 55 p. (in Russ.)
7. Manakov A. G., Suvorkov P. E., Ermolin I. V. Otsenka vosproizvodstvennogo potentsiala etnicheskikh grupp v stranakh Baltii [Assessment of the reproductive potential of ethnic groups in the Baltic States]. Sovremennaya Yevropa [*Contemporary Europe*]. 2021. No. 7. P. 27–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738> (in Russ.)
8. Sushchy S. Ya. Russkije v Pribaltike — geodemograficheskije trendy postsovetskogo perioda i perspektivy pervoj poloviny 21 veka [Russians in the Baltics — geodemographic trends of the post-Soviet period and prospects for the first half of the 21st century]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02 (in Russ.)

9. Sushchy S. Ya. Russkoje naselenije blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda [The Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137 (in Russ.)
10. Zhitin D. V., Ivanova A. A. Demograficheskoye razvitiye stran Baltii [*Demographic Development of the Baltic States*]. Moscow. Russkaya kniga [Russian Book]. 2017. 112 p. (in Russ.)
11. Kabuzan V. M. Russkiye v mire [*Russians in the World*]. Saint Petersburg. Blits. 1996. 350 p. (in Russ.)
12. Khrushchev S. A. Etnicheskoye aspekty demograficheskikh processov v stranakh Baltijskogo regiona [Ethnic aspects of demographic processes in the Baltic region states]. Baltijskiy region [*Baltic Region*]. 2010. No. 4. P. 91–102. (in Russ.)

Information about the author:

Uznarodov Dmitry Igorevich, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7570-3614; Elibrary SPIN-code: 1442-1131.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61
EDN: TVGZFP

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В СЕМЬЕ

Архангельский В. Н.^{1,2,3*}, Безвербная Н. А., Безвербный В. А.², Землянова Е. В.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

³МГУ имени М. В. Ломоносова

(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

*E-mail: archangelsky@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01314). – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01314>.

Для цитирования:

Архангельский В. Н., Безвербная Н. А., Безвербный В. А., Землянова Е. В. Взаимосвязь репродуктивного поведения поколений в семье // Народонаселение. – Т. 27. – № 3. – С. 48-61. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61; EDN: TVGZFP

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния числа детей в родительской семье на репродуктивные ориентации, основанного на данных Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (Росстат). Выявлено наличие зависимости репродуктивных ориентаций от числа детей, рождённых матерью респондента. У тех, кто вырос в семье с относительно большим числом детей, выше, в среднем, как желаемое, так и ожидаемое число детей. Можно также предположить это влияние и на следующее поколение: респонденты, выросшие в семьях с большим числом детей, в среднем, больше посоветовали бы иметь детей и своим детям. Детность родительской семьи, отчасти, детерминирует мотивацию рождения детей (в исследовании она рассматривалась в отношении вторых и третьих детей). При большем числе детей в родительской семье относительно более значим мотив получения от детей поддержки в старости, а в отношении рождения третьего ребёнка также и мотивы большей помощи по хозяйству и материальной помощи семьям с тремя детьми. Репродуктивные ориентации, мотивы рождения детей, во многом, детерминированы ценностными ориентациями. Для выросших в семьях с большим числом детей относительно более значимо наличие двоих и троих детей в семье. Результаты исследования показали, что детность родителей влияет на репродуктивные ориентации детей и может транслироваться на внуков. Это означает, что преодоление массовой малодетности и переход к режиму воспроизводства населения, обеспечивающему устойчивую положительную демографическую динамику, с каждым новым поколением будет всё более затруднительным.

Ключевые слова: репродуктивные ориентации, родительская семья, мотивы рождения детей, ценностные ориентации.

Введение

Условия социализации человека в значительной мере определяют его поведение на протяжении всей жизни. Семейное, в том числе репродуктивное, поведение, вероятно, во многом зависит от того, в какой семье воспитывался человек, сколько детей в ней было. Понятно, что различные жизненные обстоятельства в существенной мере детерминируют репродуктивные намерения. Кроме того, нужно иметь в виду, что решение о том, сколько детей будет в семье, принимают совместно оба супруга, а они могли воспитываться в семьях с разным числом детей. Но при этом, почти все исследования репродуктивного поведения, в которых изучался этот аспект, показывают существующую зависимость репродуктивных ориентаций от числа детей в родительской семье, от того, сколько детей были рождены матерью респондента.

Роль состава родительской семьи в формировании репродуктивных ориентаций в семьях их детей нередко обсуждается в отечественных и зарубежных научных публикациях. В своём диссертационном исследовании Я. В. Андрищенко говорит о том, что «социальная среда трёхдетной семьи оказывает самое значительное влияние на формирование репродуктивных установок поколения будущих родителей, а социальная роль двухдетной семьи не имеет столь заметного влияния на репродуктивную установку и по своему значению приближается к роли однодетной среды» [1]. А. Б. Синельников с соавторами показывает, что даже среди тех, кто вырос в многодетных семьях, подавляющее большинство мужчин (75%) и женщин (82%) не стали многодетными родителями. Межпоколенная преемственность имеет значение, но не является ведущим фактором, способствующим формированию многодетных семей. Создание многодетной семьи возможно при ориентации обоих супругов не только на многодетность саму по себе, но и на семейно-детный образ жизни в целом. Причём, «репродуктивная установка на многодетность значительно чаще насле-

дуется по отцовской линии, чем по материнской. Это противоречит широко распространённому мнению о том, что решение о рождении ребёнка намного больше зависит от матери, чем от отца» [2; 6].

Исследование репродуктивного поведения молодых семей, проведённое в Архангельской области, показало, что «в среднем родительские семьи респондентов имеют 2,7 ребёнка. При этом среднее желаемое число детей для самих респондентов также равно 2,7. Этот факт можно считать доказательством того, что ориентиром для репродуктивного поведения молодых семей служит число детей в их родительской семье. Однако планируют молодые семьи рождение заметно меньшего количества детей, чем их родители (2,1 и 2,7 ребёнка соответственно). Все респонденты, чьи родители имеют 4 и более детей, планируют рождение более одного ребёнка, но скорее ориентированы на двухдетную семью, чем многодетную [3]. Результаты исследования, проведённого О. В. Устиновой и Л. Б. Осиповой в Тюменской области, позволили авторам прийти к выводу, что существует тесная связь между преобладающей моделью воспроизводства в семье, в которой воспитывался респондент, и его отношением к деторождению в его взрослой жизни [4]. О. Н. Безрукова в своей статье показывает, что подростки несмотря на то, что важнейшей жизненной целью считают создание семьи, ориентированы на меньшее число детей в своих будущих семьях по сравнению со своими родителями [5]. По мнению вологодских исследователей (А. В. Короленко, О. Н. Калачикова), репродуктивные планы молодых семей во многом обуславливаются примером родительской семьи, семей их родных и близких, характером взаимоотношений супругов в этих семьях, от приобретённых семейных ценностей [7].

Интересные заключения на основании проведённого исследования формулируют уральские ученые. «Респонденты очевидно более подвержены влиянию социокультурных факторов на мотивацию рождений, более склонны принимать решения о рождении третьих и следующих детей осознанно, но по-

сле получения известия о беременности. При этом супруги в большей степени склонны выбирать многодетность заранее, в молодости (на основе гендерного разделения ролей в семье), в отличие от женщин, которые предпочитают об этом не задумываться» [8].

В работах зарубежных авторов неоднократно исследовалась корреляция между репродуктивным поведением родителей и дальнейшими моделями репродуктивных установок их детей, например, в работах [9–13] и других. В этих работах проанализированы два фактора влияния родительской семьи на репродуктивные предпочтения их детей во взрослой жизни: представление родителей о семье вообще и их предпочтения в отношении числа детей у их детей. Установки родителей в отношении времени вступления их детей в брак так же оказывают непосредственное влияние на репродуктивное поведение и желаемое число рождений [14]. В итоге, изучение механизмов заимствования детьми межпоколенческой преемственности стало фундаментальным вопросом для исследований. При этом, спектр влияния семьи на репродуктивное поведение детей часто ограничивается анализом родительского примера, не затрагивая данных о семьях братьев и сестёр. Ощутимый вклад в рассмотрение вопросов репродуктивной преемственности внесло исследование, основанное на семиволновом опросе (протяжённостью в 23 года) детей и матерей, включающих 867 семей, проживающих в Детройте (США). Лонгитюдный характер исследования позволил авторам смоделировать детерминанты репродуктивных установок детей в опрашиваемых семьях в возрасте 18 лет, а также изменения этих предпочтений между возрастными 18 и 23 лет. Результаты исследования показали, что число детей у матери статистически значимо влияет на репродуктивные предпочтения этих детей [15].

В течение XX в. в работах исследователей корреляция между влиянием репродуктивных моделей на поколения детей была выше у женщин, чем у мужчин. Это соответствует гендерно-ролевому подходу, который предполагает, что женщины, как правило, более вовлечены в семейную сферу,

чем мужчины [16] и, таким образом, могут с большей вероятностью воспроизвести родительскую модель. Однако ряд исследований 2013–2015 гг. показали, что более сильное влияние женщин на принятие супружескими парами решений о рождаемости ослабло [17]. Результаты исследований показывают, что важным фактором формирования многодетной семьи являются собственные представления родителей о детях, а также фактическая фертильность.

Ещё одним значимым проектом в области изучения репродуктивного поведения является исследование представлений подростков о родительстве авторов В. Csaba и В. Duráczy [18]. Один из выводов работы — это популярность двухдетной модели среди рождённых в многодетных семьях. Половина респондентов (15–29 лет, дети из многодетных семей) заявили, что хотят иметь двоих детей. Доля желающих иметь одного ребёнка составила 12%. Каждый третий респондент заявил, что хочет иметь большую семью: 27% хотят иметь трёх детей, 6% — четырёх, 2% — пятерых, а 1% — более пяти детей. При этом пол респондента не повлиял на планируемое число детей. Авторы исследования, разделив опрошенных 15–29 лет на возрастные группы, утверждали, что самая молодая группа (15–19 лет) планирует иметь наибольшее число детей — в среднем 2,45. В возрасте 20–24 лет, среднее значение ниже — 2,32, а в возрастной группе 25–29 лет оно ещё больше снижается — 2,17. Очерёдность рождения так же не оказала существенного влияния на желаемое число детей.

Наиболее масштабным исследованием репродуктивного поведения в России является «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения», которое проводит Росстат раз в 5 лет (2012, 2017, 2022 гг.). Результаты, представленные в статье, основываются на его данных.

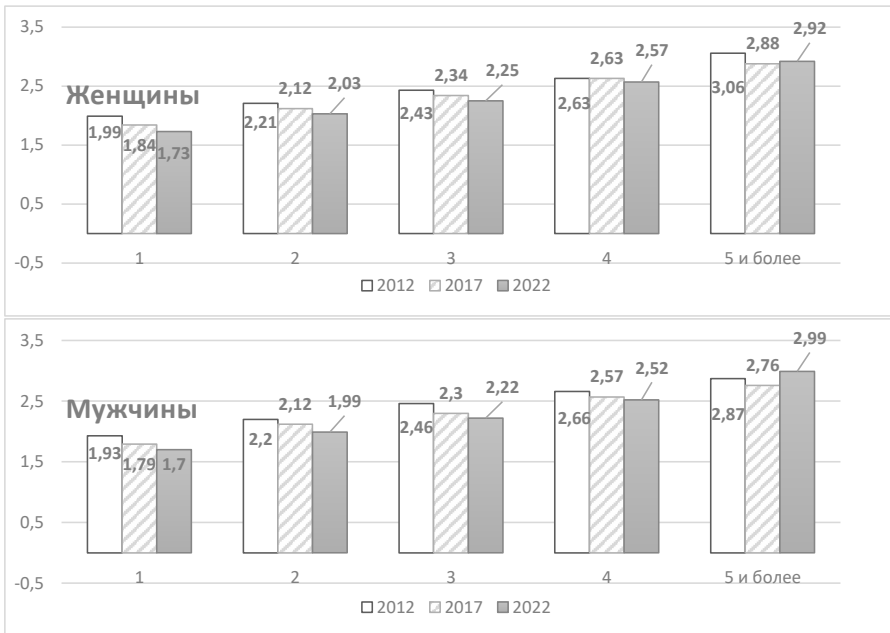
Репродуктивные ориентации в зависимости от числа детей в родительской семье

Репродуктивные ориентации респондентов существенно зависят от того, сколь-

ко было детей в родительской семье, в которой они выросли (рис. 1 и 2). Чем больше детей было рождено матерью респондента, тем существенно выше у него, в среднем, как желаемое, так и ожидаемое (планируемое) число детей. Например, по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2022 г., если у матери респондента было 5 и более рождённых детей, то среднее желаемое число на 1,19 у женщин и на 1,29 у мужчин больше, чем у тех, кто был единственным ребёнком у матери. Несколько меньшие, но тоже значительные, различия между двумя этими группами респондентов и по среднему ожидаемому числу детей: на 1,13 у женщин и на 1,06 у мужчин.

Такие же различия имеют место и по результатам обследований 2012 и 2017 годов. В 2012 г. разница в величине среднего желаемого числа детей между теми, у кого

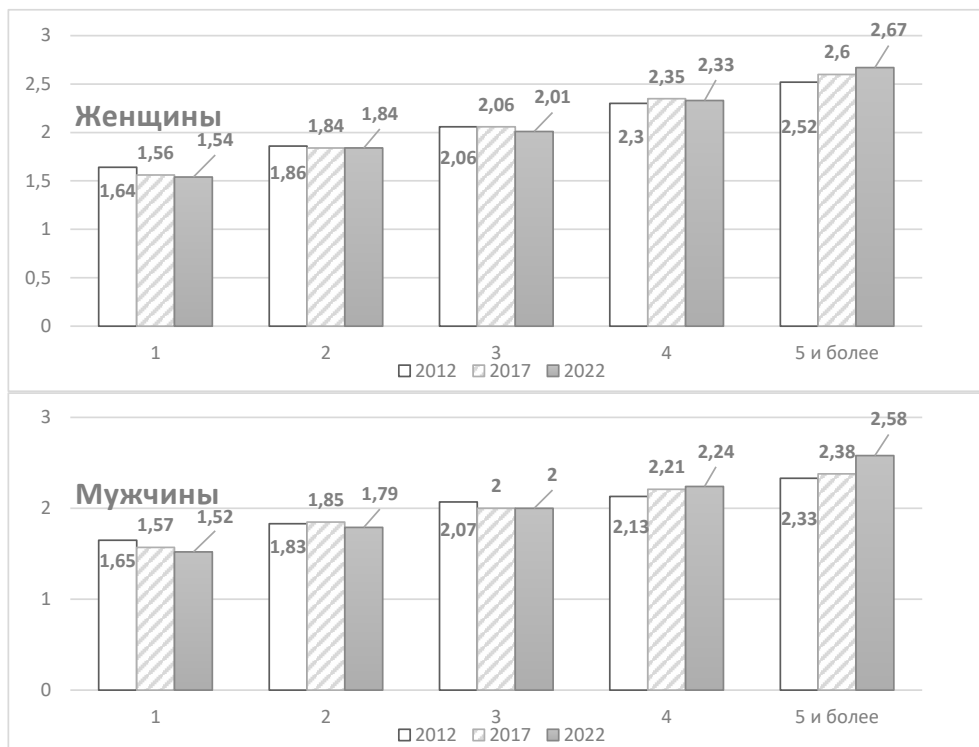
мать родила 5 и более детей, и теми, кто был единственным ребёнком, составляла 1,07 у женщин и 0,94 у мужчин, по среднему ожидаемому числу детей — соответственно, 0,88 и 0,68. В 2017 г. эта разница по среднему желаемому числу детей составляла 1,04 у женщин и 0,97 у мужчин, а по среднему ожидаемому числу детей — соответственно, 1,04 и 0,81. Таким образом, по среднему ожидаемому числу детей в динамике от обследования к обследованию возрастает разница между крайними группами по числу детей, рождённых матерью респондента (1 и 5 и более): у женщин с 0,88 в 2012 г. до 1,13 в 2022 г., у мужчин с 0,68 до 1,06. По среднему желаемому числу детей изменения не столь значительны. Если у тех, кто был единственным ребёнком в семье, среднее ожидаемое число детей снизилось с 1,64 в 2012 г. до 1,54 в 2022 г. у женщин и с 1,65 до 1,52 у мужчин, то у тех, у кого мать ро-

Рис. 1. Среднее желаемое число детей в зависимости от числа детей, рождённых матерью респондента

Fig. 1 Average desired number of children depending on the number of children born to respondent's mother

Источник: данные «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012, 2017 и 2022 годов.

Рис. 2. Среднее ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рождённых матерью
Fig. 2. Average expected number of children depending on the number of children born to respondent's mother

Источник: данные «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012, 2017 и 2022 годов.

дила 5 и более детей, оно, наоборот, возросло с 2,52 в 2012 г. до 2,67 в 2022 г. у женщин и с 2,33 до 2,58 у мужчин (рис. 2).

По данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2022 г., среднее ожидаемое число детей и у женщин, и у мужчин, у которых мать родила двоих детей, существенно выше среднего желаемого числа детей у тех, кто был единственным ребёнком у матери. У тех, чья мать родила троих детей, среднее ожидаемое число детей у женщин лишь немного ниже, а у мужчин чуть выше, чем среднее желаемое число детей у выросших в двухдетных семьях. Таким образом, относительно меньшее, в среднем, число детей в родительской семье детерминирует более низкие репродуктивные ориентации и, следо-

вательно, снижение рождаемости в следующем поколении.

Мотивы рождения детей

В зависимости от числа детей в родительской семье различаются не только репродуктивные ориентации, но и мотивы рождения детей (табл. 1 и 2). Наиболее значимым мотивом рождения второго ребёнка является: «чтобы имеющийся ребёнок не чувствовал себя одиноким». Он лидирующий у женщин и мужчин, независимо от числа детей в родительской семье. Значимость его несколько возрастает у респондентов, выросших в семьях с большим числом детей, но это, в той или иной степени, имеет место почти по всем мотивам.

Существенно меньшие, чем по другим мотивам, различия в значимости зависят от числа детей, рождённых матерью респондента, по трём мотивам: «повышение уровня жизни семьи», «желание укрепить семью» и «желание решить жилищ-

ные проблемы, используя государственную поддержку». Мотив «повышение уровня жизни семьи» у женщин, которые являются единственными детьми у матери, занимает по значимости 2-е место, а у тех, у кого есть братья или сестры — только

Таблица 1

Значимость мотивов рождения второго ребёнка в зависимости от числа детей, рождённых матерью (средний балл по пятибалльной шкале; в скобках место в ранжированном ряду по убыванию значимости)

Table 1

The significance of the motives for having a second child depending on the number of children born to respondent' mother (average score on a five-point scale (in parentheses the place in the ranked series in descending order of importance)

В какой степени рождение Вашего второго ребёнка было или может быть (если его пока нет) обусловлено следующими причинами?	Число детей, рождённых матерью респондента									
	Женщины					Мужчины				
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
Повышение уровня жизни семьи	3,00 (2)	2,93 (6)	2,94 (6)	2,94 (7)	3,09 (6-7)	2,83 (5)	2,80 (7)	2,79 (7)	2,76 (7)	2,96 (6)
Желание укрепить семью	2,98 (3-4)	3,11 (2)	3,07 (3-4)	3,16 (4)	3,17 (4)	2,97 (2)	3,08 (2)	3,00 (3)	3,03 (3-4)	3,18 (4)
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку	2,98 (3-4)	3,08 (3)	3,12 (2)	3,21 (3)	3,09 (6-7)	2,88 (4)	2,91 (5)	2,80 (6)	2,89 (6)	2,91 (7)
С двумя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	2,80 (5)	3,04 (4)	3,07 (3-4)	3,15 (5)	3,35 (2)	2,82 (6)	2,92 (4)	2,98 (4)	3,03 (3-4)	3,21 (3)
Двое детей повышают авторитет человека в обществе	2,26 (10)	2,40 (11)	2,36 (11)	2,56 (11)	2,62 (12)	2,28 (10)	2,38 (11)	2,40 (11)	2,54 (10)	2,66 (11)
Чтобы имеющийся ребёнок не чувствовал себя одиноким	3,13 (1)	3,42 (1)	3,34 (1)	3,47 (1)	3,61 (1)	3,11 (1)	3,23 (1)	3,26 (1)	3,41 (1)	3,51 (1)
Сильное желание мужа (жены) иметь второго ребёнка	2,70 (6)	3,01 (5)	3,06 (5)	3,22 (2)	3,26 (3)	2,91 (3)	3,07 (3)	3,12 (2)	3,19 (2)	3,35 (2)
Второго ребенка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решили не делать аборт	2,13 (11)	2,19 (12)	2,28 (12)	2,31 (13)	2,61 (13)	2,14 (11)	2,19 (12)	2,18 (13)	2,16 (13-14)	2,34 (13)
Первый ребенок очень хотел (хочет) братика или сестричку	2,32 (9)	2,53 (10)	2,62 (9)	2,81 (9)	2,81 (9)	2,30 (9)	2,49 (10)	2,53 (9)	2,72 (8)	2,72 (10)
У большинства друзей, знакомых двое детей, нам не хотелось (не хочется) от них отставать	1,88 (14)	2,02 (14)	2,05 (14)	2,16 (14)	2,26 (14)	1,85 (14)	2,02 (14)	2,04 (14)	2,16 (13-14)	2,13 (14)
Единственный ребёнок может вырасти эгоистом	2,68 (7)	2,91 (7)	2,87 (7)	3,02 (6)	3,11 (5)	2,65 (7)	2,86 (6)	2,87 (5)	3,02 (5)	3,01 (5)
У моих родителей или у родителей мужа (жены) было двое детей	1,92 (13)	2,73 (8)	2,60 (10)	2,64 (10)	2,63 (11)	1,91 (13)	2,70 (8)	2,56 (8)	2,49 (11)	2,54 (12)
Мы не ограничиваем число детей в семье	1,99 (12)	2,06 (13)	2,27 (13)	2,54 (12)	2,65 (10)	1,99 (12)	2,06 (13)	2,20 (12)	2,47 (12)	2,75 (9)
Хотелось (хочется) снова иметь в семье маленького ребёнка	2,55 (8)	2,72 (9)	2,80 (8)	2,88 (8)	3,00 (8)	2,35 (8)	2,51 (9)	2,52 (10)	2,64 (9)	2,76 (8)

Источник: по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2022 года.

6–7-е место. Схожая ситуация по мотиву «желание решить жилищные проблемы». У мужчин, которые были единственными детьми в семье, этот мотив занимает 4-е место, а у которых мать родила 5 и более детей — 7-е место. Можно предположить, что эти респонденты, на опыте семей, в которых они выросли, знают, что относительно большее число детей в семье, как правило, не способствует повышению её уровня жизни и лучшим жилищным условиям. Мотив «желание укрепить семью» у мужчин, выросших в одно-двухдетных, занимает 2-е место, а в семьях с 5 и более детьми — 4-е место.

Важно обратить внимание на мотив рождения второго ребёнка, относительная значимость которого выше при большем числе детей в родительской семье — «с двумя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким». У респондентов, бывших единственным ребёнком у матери, этот мотив занимает 5-е место у женщин и 6-е место у мужчин, а у выросших в семье с 5 и более детьми — соответственно, 2-е и 3-е место (отметим, что у женщин, у которых в родительской семье было 4 детей этот мотив тоже занимает только 5-е место, но у них несколько мотивов с очень близким средним баллом значимости). Возможно, что здесь тоже влияет опыт родительской семьи, но, в отличие от условий жизни, положительный, а не отрицательный.

В большей мере различия в значимости зависят от числа детей в родительской семье проявились в отношении мотивов рождения третьего ребёнка (табл. 2).

Как и в отношении второго ребёнка, при большем числе детей в родительской семье выше относительная значимость мотива «с тремя детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким»: у респондентов, бывших единственным ребенком в семье, этот мотив занимает 5-е место у женщин и 4 место у мужчин, а у тех, у кого мать родила 5 и более детей — соответственно, 2–3-е место и 1-е место. Ещё больше раз-

личия в относительной значимости мотива «трое детей в будущем смогут больше помогать по дому, в подсобном хозяйстве». У выросших в однодетных семьях этот мотив занимает 11-е место у женщин и 10-е место у мужчин, а в семьях с 4 и более детьми — соответственно, 4–5-е и 4-е место. Таким образом, у выросших в семье с относительно большим числом детей существенно более значимы мотивы рождения третьего ребёнка, связанные с получением помощи в будущем от детей.

Относительно более важен для них и мотив «семьи с тремя и более детьми имеют значительную материальную помощь от государства». У женщин, бывших единственным ребёнком у матери, этот мотив занимает по значимости 9 место, а у выросших в семьях с 5 и более детьми — 4 место. У мужчин, выросших в семьях с двумя детьми, он занимает 10 место, а в семьях с 5 и более детьми — 5 место. Однако, у выросших в семьях с большим числом детей относительно (т.е. по месту в ранжированном ряду) менее значимы мотивы рождения третьего ребёнка «повышение уровня жизни семьи» и «желание иметь ребёнка другого пола, если первые двое детей одного пола».

Ценностные ориентации

Влияние числа детей в родительской семье на репродуктивные намерения, прежде всего, происходит через формирование ценностных ориентаций. У респондентов, выросших в семьях с относительно большим числом детей, существенно выше значимость наличия двоих и троих детей в семье. У мужчин выше и значимость зарегистрированного брака (табл. 3). Напротив, у них несколько ниже значимость карьерного роста, интересного проведения досуга, общения с друзьями, «быть свободным(ой), независимым(ой) и делать то, что хочу только я».

Особо следует выделить значимость «получать высокую заработную плату за свою работу». У выросших в семье с несколькими детьми она существенно выше. Казалось бы,

Таблица 2

Значимость мотивов рождения третьего ребёнка в зависимости от числа детей, рождённых матерью (средний балл по пятибалльной шкале; в скобках место в ранжированном ряду по убыванию значимости)

Table 2

The significance of the motives for birth of a third child depending on the number of children born to the mother (average score on a five-point scale; in parentheses the place in the ranked series in descending order of importance)

В какой степени рождение третьего ребёнка было или может быть (если его пока нет, но Вы собираетесь его иметь) обусловлено следующими причинами?	Число детей, рождённых матерью респондента									
	Женщины					Мужчины				
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
Повышение уровня жизни семьи	2,80 (3)	2,87 (8)	3,02 (7)	2,97 (11)	3,24 (9)	2,72 (5)	2,74 (7-8)	2,79 (6-7)	2,89 (10)	3,03 (9)
Стремлясь детьми больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким	2,77 (5)	3,01 (3)	3,12 (3)	3,37 (3)	3,58 (2-3)	2,73 (4)	2,91 (3)	3,06 (2)	3,16 (3)	3,41 (1)
Трое детей повышают авторитет человека в обществе	2,21 (15)	2,38 (14)	2,49 (15)	2,78 (13)	2,99 (13)	2,26 (14)	2,40 (13)	2,45 (15)	2,59 (15)	2,79 (14)
Сильное желание мужа (жены) иметь третьего ребёнка	2,57 (10)	2,94 (4-6)	2,94 (9)	3,19 (7)	3,47 (6)	2,69 (7-8)	2,81 (4)	2,89 (4)	3,05 (5)	3,14 (6)
Третьего ребёнка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решили не делать аборт	2,33 (13)	2,35 (15)	2,45 (16)	2,41 (16)	2,62 (16)	2,20 (15)	2,25 (15)	2,19 (16)	2,29 (16)	2,31 (16)
Хотелось (хочется) хотя бы одному из трех детей передать свои знания, мастерство	2,35 (12)	2,51 (12)	2,51 (14)	2,74 (15)	2,93 (14-15)	2,51 (11)	2,51 (12)	2,63 (13)	2,85 (11-12)	2,80 (13)
Дети подросли (подрастут), хотелось (захочется) снова заниматься с маленьким ребенком, заботиться о нем	2,63 (8)	2,79 (11)	2,86 (11)	3,08 (9)	3,22 (10)	2,46 (12)	2,61 (11)	2,74 (9)	2,82 (13)	2,77 (15)
Хотелось (хочется), чтобы старшие дети научились заботиться о младших, вырастить из них хороших людей	2,83 (2)	3,17 (2)	3,21 (2)	3,52 (2)	3,58 (2-3)	2,87 (2)	2,97 (2)	3,02 (3)	3,21 (2)	3,35 (2)
Трое детей в будущем смогут больше помогать по дому, в подсобном хозяйстве	2,54 (11)	2,80 (10)	2,97 (8)	3,30 (4)	3,53 (5)	2,59 (10)	2,73 (9)	2,77 (8)	3,09 (4)	3,21 (4)
Желание иметь ребёнка другого пола, если первые двое детей одного пола	2,68 (7)	2,86 (9)	2,93 (10)	3,01 (10)	3,17 (11)	2,79 (3)	2,77 (5)	2,85 (5)	2,85 (11-12)	3,02 (10)
У моих родителей или у родителей мужа (жены) было трое (или более) детей	1,69 (16)	1,89 (16)	2,72 (12)	2,77 (14)	3,13 (12)	1,70 (16)	1,91 (16)	2,73 (10)	2,77 (14)	2,92 (12)
Мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст	2,24 (14)	2,41 (13)	2,57 (13)	2,96 (12)	2,93 (14-15)	2,33 (13)	2,26 (14)	2,53 (14)	2,93 (9)	2,95 (11)
Семьи с тремя и более детьми имеют значительную материальную помощь от государства	2,62 (9)	2,89 (7)	3,04 (6)	3,20 (6)	3,54 (4)	2,69 (7-8)	2,72 (10)	2,79 (6-7)	3,03 (6-7)	3,18 (5)
На третьего ребёнка предоставляется ежемесячная денежная выплата в размере прожиточного минимума ребёнка до достижения им возраста 3-х лет	2,71 (6)	2,94 (4-6)	3,06 (5)	3,21 (5)	3,44 (7)	2,68 (9)	2,75 (6)	2,69 (12)	2,98 (8)	3,13 (7)
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку	2,78 (4)	2,94 (4-6)	3,11 (4)	3,18 (8)	3,34 (8)	2,71 (6)	2,74 (7-8)	2,71 (11)	3,03 (6-7)	3,12 (8)
Желание иметь ещё одного ребёнка	3,16 (1)	3,47 (1)	3,50 (1)	3,66 (1)	3,73 (1)	3,22 (1)	3,22 (1)	3,26 (1)	3,22 (1)	3,27 (3)

Источник: по данным Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения 2022 г.

Таблица 3

Значимость ценностей в зависимости от числа детей, рождённых матерью (средний балл по пятибалльной шкале)

Table 3

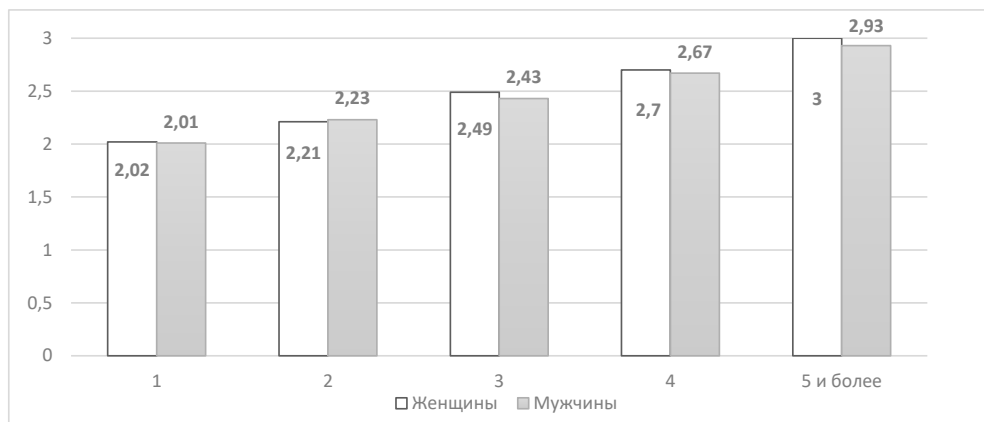
The significance of values depending on the number of children born to the mother (average score on a five-point scale)

Насколько эти цели важны для Вас лично	Число детей, рождённых матерью респондента									
	Женщины					Мужчины				
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
Собственное хорошее жилье	4,67	4,75	4,66	4,69	4,74	4,71	4,78	4,66	4,71	4,72
Жить в зарегистрированном браке с мужем (женой), своей семьёй	4,12	4,22	4,09	4,10	4,04	3,75	3,99	3,98	3,96	4,14
Воспитать ребёнка	4,54	4,66	4,62	4,61	4,65	4,24	4,44	4,44	4,46	4,57
Получать высокую заработную плату за свою работу	3,53	4,03	4,07	4,22	4,43	3,31	3,82	4,00	4,18	4,27
Материальное благополучие моей семьи	4,81	4,82	4,75	4,79	4,79	4,74	4,82	4,74	4,77	4,78
Получить образование, постоянно повышать квалификацию	4,63	4,67	4,63	4,62	4,67	4,72	4,80	4,73	4,73	4,77
Иметь семейное дело (предприятие, хозяйство, земельный участок), чтобы работать только в нём, вкладывать в него средства и силы, жить на полученный от него доход	3,87	3,86	3,72	3,73	3,67	3,54	3,54	3,44	3,44	3,49
Вырастить двоих детей	3,45	3,97	4,02	4,08	4,29	3,27	3,78	3,89	4,05	4,13
Карьерный рост	3,86	3,77	3,59	3,65	3,19	3,83	3,70	3,52	3,43	3,46
Интересно проводить досуг	4,05	3,98	3,86	3,92	3,73	4,05	3,90	3,76	3,75	3,63
Много общаться с друзьями	3,69	3,51	3,40	3,47	3,34	3,72	3,48	3,35	3,43	3,37
Быть многодетным родителем (иметь троих и более детей)	2,13	2,39	2,65	3,03	3,44	2,05	2,29	2,57	2,85	3,28
Быть свободным(ой), независимым(ой) и делать то, что хочу только я	3,13	2,86	2,86	2,95	2,69	3,17	2,87	2,81	2,78	2,95

Источник: по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2022 года.

это находится в противоречии с различиями в значимости карьерного роста, которая, наоборот, наиболее высока у единственных детей. Но можно предположить, что получение большой заработной платы ассоциируется не с собственными профессиональными успехами, а с потребностью в обеспечении семьи. Тогда логично, что значимость получения большой заработной платы выше у тех, кто, вероятно, вырос в семьях с меньшим материальным достатком, но при этом ориентирован на относительно большее число детей в своей семье.

Результаты исследования показывают, что число детей в родительской семье не только влияет на репродуктивные ориентации респондентов, но и может транслироваться на их детей (рис. 3). Респонденты, выросшие в семьях с относительно большим числом детей, и своим детям, в среднем, посоветовали бы иметь большее число детей. Различия весьма существенны: у женщин разница между выросшими в семьях, где мать родила 5 и более, и единственными детьми в семье составляет 0,98, у мужчин — 0,92.

Рис. 3. Среднее число детей, которое посоветовали бы иметь в семье своим детям, в зависимости от числа детей, рождённых матерью

Fig. 3. Average number of children that parents would advise their children to have, depending on the number of children born to the mother

Источник: по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2022 года.

Заключение

Результаты исследования показали, что детность родителей влияет на репродуктивные ориентации детей и может транслироваться на внуков. Это означает, что преодоление массовой малодетности и переход к режиму воспроизводства населения, обеспечивающему устойчивую положительную демографическую динамику, с каждым новым поколением будет всё более затруднительным.

В зависимости от числа детей в родительской семье различается значимость мотивов рождения детей. Для выросших

в семьях с большим числом детей относительно более значимо то, что с несколькими детьми (в исследовании выяснялись мотивы рождения второго и третьего ребёнка) больше гарантий, что получишь от детей поддержку в старости, не останешься одиноким, а в отношении рождения третьего ребёнка — то, что трое детей в будущем смогут больше помогать по хозяйству, и то, что семьям с тремя детьми оказывается значительная материальная помощь. Представляется, что на последний мотив стоит обратить особое внимание в свете совершенствования демографической политики, помощи семьям с детьми.

Литература и Интернет-источники

1. **Андрющенко, Я. В.** Социологические проблемы репродуктивного поведения: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.03 / Я. В. Андрющенко ; Уфимский государственный авиационно-технический университет. — Уфа, 2004. — 25 с.
2. **Синельников, А. Б.** Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства / А. Б. Синельников, В. М. Карпова, С. В. Ляликва, А. И. Антонов // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 4. — С. 71–85. — DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6; EDN: KAUWCT
3. **Федулова, А. Б.** Репродуктивное поведение молодой семьи Архангельской области / А. Б. Федулова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 5. — С. 65–75. EDN: VBHLJF

4. **Устинова, О. В.** Репродуктивный потенциал современной семьи: состояние и тенденции развития / О. В. Устинова, Л. Б. Осипова // Омский научный вестник. Социологические и экономические науки. — 2014. — № 1(125). — С. 40–43. EDN: SEFZTN
5. **Безрукова, О. Н.** Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. — 2014. — № 9(365). — С. 85–97. EDN: SOAJXZ
6. **Синельников, А. Б.** Преемственность многодетности от поколения к поколению / А. Б. Синельников // Социология. — 2023. — № 5. — С. 33–50. EDN: PYZLFH
7. **Короленко, А. В.** Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углублённых интервью) / А. В. Короленко, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11; EDN: OGIYSX
8. **Банных, Г. А.** Мотивация рождения детей в многодетных семьях со средним достатком: результаты нарративного интервью / Г. А. Банных, Е. В. Зайцева, С. Н. Костина // Петербургская социология сегодня. — 2019. — № 11. — С. 120–127. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12; EDN: TNXOPV
9. **Anderton, D. L.** Intergenerational Transmission of Relative Fertility and Life Course Patterns / D. L. Anderton et al. // Demography. — 1987. — No. 24. — P. 467–480.
10. **Johnson, B. E.** Replicating Family Size: Does Living in a Single Parent Family Matter? / B. E. Johnson, R. H. Freymeyer // Sociological Focus. — 1989. — No. 22. — P. 263–273.
11. **Johnson, N. E.** Family Size in Successive Generations: The Effects of Birth Order, Intergenerational Change in Lifestyle, and Family Satisfaction / N. E. Johnson, C. S. Stokes // Demography. — 1976. — No. 13. — P. 175–187.
12. **Kahn, J. R.** Intergenerational Patterns of Teenage Fertility / J. R. Kahn, K. E. Anderson // Demography. — 1992. — No. 29. — P. 39–57.
13. **Zimmer, B. G.** Size of Family, Life Chances, and Reproductive Behavior / B. G. Zimmer, J. Fulton // Journal of Marriage and the Family. — 1980. — No. 42. — P. 657–670.
14. **Axinn, W. G.** Family influences on family size preferences / W. G. Axinn, M. Clarkberg, A. Thornton // Demography, Springer. Population Association of America (PAA). — 1994. — Vol. 31(1). — P. 65–79. DOI: 10.2307/2061908
15. **Axinn, W. G.** Cohabitation and Divorce: Selectivity or Causal Influence? / W. G. Axinn, A. Thornton // Demography. — 1992. — No. 29. — P. 357–374.
16. **Goldscheider, F.** The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior / F. Goldscheider, E. Bernhardt, T. Lappegård // Population and Development Review. — 2015. — No. 41. — P. 207–239.
17. **Bauer, G.** Dyadic fertility decisions in a life course perspective / G. Bauer, T. Kneip // Advances in Life Course Research. — 2013. — No. 21. — P. 87–100.
18. **Csaba, B.** Fertility Desires of Adolescents and Young Adults Living in Large Families: The Role of the Family of Origin and the Cultural Stereotypes / B. Csaba, B. Duráczky // European Journal of Mental Health. — 2017. — No. 12. — P. 41–52.

Сведения об авторах:

Архангельский Владимир Николаевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7091-9632; РИНЦ SPIN-код: 1472–3201.

Безвербная Наталья Александровна, к.соц.н., Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: n.bezverbnaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6617-8723; РИНЦ SPIN-код: 6590-8965.

Безвербный Вадим Александрович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, руководитель отдела, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3148-7072; РИНЦ SPIN-код: 5758-6360.

Землянова Елена Валерьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zem_lena@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6231-1611; РИНЦ SPIN-код: 3444-9754.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61

RELATIONSHIP OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF GENERATIONS IN THE FAMILY

Arkhangelsky V. N.^{1,2,3*}, Bezverbnaya N. A., Bezverbny V. A.², Zemlyanova E. V.²

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS

(6 Fotievoi street, block 1, Moscow, Russia, 119333)

³Lomonosov Moscow State University

(1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991)

*E-mail: archangelsky@yandex.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of the RSF grant, project № 24-28-01314. – URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01314>.

For citation:

Arkhangelsky V. N., Bezverbnaya N. A., Bezverbny V. A., Zemlyanova E. V. Relationship of reproductive behavior of generations in the family. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No.3. P. 48-61. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-48-61 (in Russ.)

Abstract. *The paper presents the study results on the impact of the number of children in parental family on children's reproductive orientations, based on the data from the Sample Survey of the Reproductive Plans of the Population (Rosstat). The authors have revealed the dependence of individual's reproductive orientations on the number of children born to respondent's mother. Those who grew up in a family with a relatively large number of children have, on average, a higher number of children both desired and expected. One can also assume this influence on the next generation: respondents who grew up in families with a large number of children, on average, would advise their children to have more children. The number of children in parental family partly determines the motives for having children (in the study this was considered in relation to the second and third child). With a larger number of children in the parents' family, the motive for receiving support from children in old age is relatively more significant, and with regard to the birth of a third child, there are also motives for more household help and financial support to families with three children. Reproductive orientations and motives for having children are largely determined by value orientations. For those who grew up in families with a large number of children, it is relatively more significant to have two and three children in their own family.*

Keywords: *reproductive orientations, parental family, motives for having children, value orientations.*

References and Internet sources

1. Andryushchenko Ya.V. Sotsiologicheskije problemy reproduktivnogo povedeniya [*Sociological Problems of Reproductive Behavior*]. Author's abstract of Cand. Diss. Ufim. gos. aviats.-tekhn. un-t [Ufa State Aviation Technology University]. Ufa. 2004. 25 p. (in Russ.)
2. Sinelnikov A. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V., Antonov A. I. Vliyanije reproduktivnogo opyta roditel'skikh semej na veroyatnost' vybora mnogodetnoj strategii roditel'stva [The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2023. No. 4. P. 71–85. DOI 10.21064/WinRS.2023.4.6 (in Russ.)
3. Fedulova A. B. Reproduktivnoje povedenije molodoj sem'i Arhangel'skoj oblasti [Reproductive behaviour of young families in Arkhangel'sk region]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyje i sotsial'nyje nauki [*Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*]. — 2015. No. 5. P. 65–75. (in Russ.)
4. Ustinova O. V., Osipova L. B. Reproduktivnyj potentsial sovremennoj sem'i: sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Reproductive potential of a modern family: current state and development trends]. Omskij nauchnyj vestnik. Sotsiologicheskije i ekonomicheskije nauki [*Omsk Scientific Bulletin. Social and Economic Sciences*]. 2014. No. 1(125). P. 40–43. (in Russ.)
5. Bezrukova O. N. Modeli roditel'stva i roditel'skij potentsial: mezhpokolennyj analiz [Parentship models and parental potential: intergenerational analysis]. Sotsiologicheskije issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2014. No. 9(365). P. 85–97. (in Russ.)
6. Sinelnikov A. B. Prejemstvennost' mnogodetnosti ot pokoleniya k pokoleniyu [The succession of having many children from generation to generation]. Sotsiologiya [*Sociology*]. 2023. No. 5. P. 33–50. (in Russ.)
7. Korolenko A. V., Kalachikova O. N. Reproduktivnyje ustanovki molodyh semej: faktory i usloviya realizatsii (po materialam uglublennyh interv'yu) [Reproductive attitudes of young families: driving forces and implementation conditions (on the basis of in-depth interviews)]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends and Forecast*]. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.8011 (in Russ.)
8. Bannykh G. A., Zaitseva E. V., Kostina S. N. Motivatsiya rozhdeniya detej v mnogodetnykh sem'yakh so srednim dostatkom: rezul'taty narrativnogo interv'yu [Reproductive motivation in middle-income large families: the results of a narrative interview]. Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [*St. Petersburg Sociology Today*]. 2019. No. 11. P. 120–127. DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ky9q-vc12 (in Russ.)
9. Anderton D. L., et al. Intergenerational transmission of relative fertility and life course patterns. *Demography*. 1987. No. 24. P. 467–80.
10. Johnson B. E., Freymeyer R. H. Replicating family size: Does living in a single parent family matter? *Sociological Focus*. 1989. No. 22. P. 263–73.
11. Johnson N. E., Stokes C. S. Family size in successive generations: The effects of birth order, intergenerational change in lifestyle, and family satisfaction. *Demography*. 1976. No. 13. P. 175–87.
12. Kahn J. R., Anderson K. E. Intergenerational patterns of teenage fertility. *Demography*. 1992. No. 29. P. 39–57.
13. Zimmer B. G., Fulton J. Size of family, life chances, and reproductive behavior. *Journal of Marriage and the Family*. 1980. No. 42. P. 657–70.
14. Axinn W. G., Clarkberg M., Thornton A. Family influences on family size preferences. *Demography*. Population Association of America (PAA). 1994. Vol. 31(1). P. 65–79. DOI: 10.2307/2061908
15. Axinn W. G., Thornton A. Cohabitation and divorce: Selectivity or causal influence? *Demography*. 1992. No. 29. P. 357–74.
16. Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T. The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior. *Population and Development Review*. 2015. No. 41. P. 207–239.

17. Bauer G., Kneip T. Dyadic fertility decisions in a life course perspective. *Advances in Life Course Research*. 2013. No. 21. P. 87–100.
18. Csaba B., Duráczky B. Fertility desires of adolescents and young adults living in large families: The role of the family of origin and the cultural stereotypes. *European Journal of Mental Health*. 2017. No. 12. P. 41–52.

Information about the authors:

Arkhangelsky Vladimir Nikolaevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, FCTAS RAS, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7091-9632; Elibrary SPIN-code: 1472–3201.

Bezverbnaya Natalya Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: n.bezverbnaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6617-8723; Elibrary SPIN-code: 6590–8965.

Bezverbny Vadim Aleksandrovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Head of Department, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3148-7072; Elibrary SPIN-code: 5758–6360.

Zemlyanova Elena Valerievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS.

Contact information: e-mail: zem_ena@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6231-1611; Elibrary SPIN-code: 3444–9754.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-62-72
EDN: XOHNQN

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ВРП В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ростовцев А. И.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: manager1@rambler.ru

Для цитирования:

Ростовцев А. И. Взаимозависимость численности населения и ВРП в динамике развития регионов России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 62-72. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-62-72; EDN: XOHNQN

Аннотация. Фискальный федерализм в России является необходимостью, что определяет зависимость регионов и закономерности их развития. Как распределяются дотации, что при этом происходит с качеством жизни и какие меры возможно предпринять для повышения эффективности расходования федеральных бюджетов, какие закономерности можно выявить, рассмотрев базовые показатели в динамике развития регионов России. В российской централизованной бюджетной системе средства распределяются по непрозрачным критериям. Финансовая помощь менее развитым регионам необходима, но при отсутствии прозрачности не даёт положительного эффекта. Без поддержки и совершенствования финансовых связей теряется стабильность экономики регионов. Нарушение принципов бюджетного федерализма приводит к ослаблению государства, нестабильности бюджета, снижению эффективности экономической политики и качества жизни населения. Правительством России при формировании бюджетных программ уделяется большое внимание показателю валового регионального продукта. Валовый региональный продукт и численность населения в большинстве регионов не являются взаимосвязанными ввиду наличия различных факторов, влияющих на данную связь. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют субъекты Российской Федерации, оказавшие значительный прирост численности населения и валового регионального продукта. Зависимость показателей среди лидеров роста понятна, но в большинстве регионов необходимо учитывать их индивидуальные особенности. Необходимость развития региональных связей — одно из условий повышения эффективности. Экономическое и социальное выравнивание регионов возможно за счёт преодоления границ: как транспортных, так и коммуникационных, что, соответственно, будет способствовать выравниванию уровня и качества жизни населения в России.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, численность населения, качество жизни, региональное развитие, промышленность, природные ресурсы.

Постановка проблемы

Данное исследование рассматривает два основных показателя: ВРП и численность населения — с целью выявления их взаимосвязи с учётом особенностей регионального развития, имеющих актуальных статистических данных и возможностей построения корреляций. Бюджетный российский федерализм характеризуется отсутствием прозрачности принципов распределения дотаций и субсидирования субъектов РФ (не менее 30% трансфертов распределяются по непрозрачным критериям), что не позволяет выстроить единую модель и понять механизмы экономического взаимодействия. Тем не менее, валовой региональный продукт (ВРП) играет решающую роль в расчёте макроэкономических показателей и формировании межрегиональных отношений, учитывается в оценке деятельности регионов. Не вызывает сомнений также важность динамики численности населения как индикатора развития любой территории. В конце XX века темпы прироста ВВП на душу населения в мире увеличивались при сокращении прироста населения. Подобная тенденция отмечалась в развивающихся странах и особенно ярко в наименее развитых странах. В промышленно развитых странах некоторое снижение темпов прироста населения с 0,6 до 0,5% не сопровождалось повышением подушевого валового продукта [1]. В определённой мере это закономерно: чем выше ВВП на душу населения, тем ниже темпы его прироста — достижение пределов роста в сложившихся мирохозяйственных условиях (укладе) [2].

Почти все проведённые крупные исследования региональной экономики затрагивают показатели ВРП, численности населения, регионального или отраслевого развития. Так, Г. Б. Клейнер и М. А. Рыбачук отметили, что основным показателем развития и результативности экономической деятельности региона является ВРП. Если рассматривать регион как тетраду объектной, средовой, процессной и проектной подсистем, то каждая из них вносит вклад в экономическую деятельность региона,

и мы можем оценить объёмы данной территории, основываясь на показателях ВРП [3]. А. М. Нанавян при исследовании динамики изменения структуры ВРП России указала на то, что ВРП не может быть единственным критерием при измерении качества экономического роста и качества жизни населения, этот показатель не отражает негативные последствия экономического роста, возникают вопросы, связанные с достоверностью расчётов. Несмотря на это, другого, более адекватного показателя пока нет. Так же стоит отметить, что ВРП востребован для разработки различных моделей, и расчёт этого показателя несколькими методами предоставляет возможность оценить направленность и интенсивность развития социально-экономических процессов в регионе, анализировать те или иные аспекты межрегиональной дифференциации на основе различных показателей его структуры [4].

Н. В. Зубаревич в своих исследованиях отмечает, что душевой ВРП измеряет неравенство регионов. Методика оценок регионального неравенства постепенно совершенствуется, хотя наиболее типичным способом измерения остаётся сопоставление показателей полярных российских регионов или их групп, на основании чего делаются выводы о чрезвычайно сильной и растущей региональной дифференциации [5]. Вмешательство федеральных властей в полномочия субъектов РФ и непрозрачные критерии распределения бюджетных средств имеют негативные последствия. П. В. Дружинин при исследовании статистических данных приграничной Республики Карелия отметил, что географическое положение российских регионов играет важную роль в развитии [6]. А. Е. Демьяненко отметил, что между конкретными элементами потенциала развития региональных экономик наблюдаются различные, зачастую существенные, характеристики тесноты связей, чем определяется необходимость расчёта многофакторных зависимостей ВРП от анализируемых факторов производства, что позволяет судить об экономической отдаче каждого из включённых в многофак-

торную модель элементов потенциала развития [7]. М.В.Дубовиком и С.Г.Дмитриевым было проведено исследование с целью определения наличия взаимосвязи между ВРП и его составляющими компонентами — отраслями экономики региона в Брянской области. Между указанными переменными был проведён тест причинности Грэнджера, по результатам которого прямого влияния установлено не было [8].

И наконец, важнейшей составляющей достижения стратегических целей каждого региона является наличие кадрового потенциала, его соответствие задачам развития: достаточность трудовых ресурсов, их конкурентоспособность, высокий профессиональный уровень, соответствие потребностям региональной экономики. Совершенствование региональной экономики, её отраслевое развитие сопровождается расширением масштабов действующих предприятий и организаций, повышением технологического уровня и усложнением производственных процессов, созданием новых субъектов хозяйствования и увеличением количества рабочих мест [9].

Методология исследования

В основе исследования лежат имеющиеся статистические данные Росстата за 23 года (с 1998 по 2021 гг.) по 82 субъектам и 5 территориальным образованиям РФ. Использование статистических методов для измерения силы и направления взаимосвязи между двумя или более экономическими переменными внутри региона, в том числе, методов корреляционного анализа, помогает понять, как изменения одной переменной связаны с изменениями другой переменной, однако корреляция сама по себе не предполагает причинно-следственной связи, для её установления следует учитывать другие факторы, например особенности формирования региональных бюджетов, причинные связи, заключающиеся в отраслевой, территориальной, социальной, исторической и прочей специфике развития регионов.

Использование коэффициента Пирсона для анализа корреляции между рядами данных численности населения и ВРП допустимо при соблюдении определённых условий, которые должны быть установлены с учётом анализа статистических данных, факторов и особенностей регионального развития. Факторы регионального развития исследованы с учётом особенностей субъектов Федерации, что позволяет выделить группы регионов по коэффициентам корреляции и выявить общие закономерности. Более точную оценку силы корреляционной связи можно определить в соответствии со шкалой, которую разработал в 1925 г. американский статистик R. E. Chaddock (шкалой Чеддока) [10]. С целью повышения объективности данных и нивелирования инфляционных изменений показатели ВРП были переведены в доллары США с использованием среднегодовых курсов ЦБ РФ.

Наряду с показателями численности населения и ВРП в настоящем исследовании приведены бальные оценки, которые получали регионы по сводному показателю качества жизни¹, показатели уровня расчётной бюджетной обеспеченности в 2020 году². Данная методология в процессе исследования и анализа различных факторов неоднократно менялась и дорабатывалась, и на сегодняшний момент, является наиболее актуальной для выполнения поставленных целей и задач.

Результаты исследования

Определённое значение имеют развитие инфраструктуры и человеческого капитала: регионы с большим населением, как правило, имеют более развитую инфраструктуру, включая транспортные сети, образовательные учреждения и системы здравоохранения, это может способствовать увеличению ВРП [11]. Кроме того, важно отметить осо-

¹ Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020 // РИА Рейтинг: [сайт]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 21.03.2024).

² Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. // Минфин России: [сайт]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/mb/mb2020_2022 (дата обращения: 21.03.2024).

Таблица 1.

Шкалы величины коэффициента корреляции

Table 1

Correlation coefficient magnitude scales.

Абсолютное значение	Теснота (сила) корреляционной связи между ВРП в долл. США и численностью населения	Количество субъектов РФ
более 0,9	весьма высокая	4
от 0,7 до 0,9	высокая	10
от 0,5 до 0,7	заметная	5
от 0,3 до 0,5	умеренная	5
менее 0,3	слабая	60
Итого по состоянию на 2020 год		84

Источник: расчёты автора по данным Росстата и РИА Рейтинг: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020 // РИА Рейтинг: [сайт]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 21.03.2024).

Таблица 2

Субъекты РФ, имеющие очень высокую корреляционную связь показателей численности населения и ВРП

Table 2

Subjects of the Russian Federation that have a very high correlation between population indicators and GRP

Субъект РФ	Коэффициент Пирсона между ВРП и численностью населения	Уровень расчётной бюджетной обеспеченности в 2020 году	Рейтинговый бал уровня жизни в 2020 году
Ямало-Ненецкий АО	0,96	2,81	57,91
Карачаево-Черкесская Республика	0,93	0,35	27,69
Республика Дагестан	0,91	0,25	41,26
Ставропольский край	0,90	0,54	51,37

Источник: расчёты автора по данным Росстата и РИА Рейтинг: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020 // РИА Рейтинг: [сайт]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 21.03.2024).

бенности политики и управления в регионе. В соответствии со «Стратегией пространственного развития Российской Федерации» сокращение уровня межрегиональной дифференциации является одной из задач управления пространственным развитием³. Далее (на основе вышеизложенного) проведём «горизонтальный» статистический (корреляционный) анализ связи между ВВП (в долл. США) и численностью насе-

ления по 84 регионам России в 1998–2021 гг. (табл. 1.)

Таким образом, в подавляющем большинстве регионов (63 территории) корреляционная связь между численностью населения и ВРП слабая. Однако, есть 14 регионов, вошедшие в первую и вторую группу, где эта связь имеет высокую силу. Рассмотрим более подробно эту группу регионов (табл. 2 и 3).

Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) — уникальный в социально-экономическом плане регион Крайнего Севера, расположенный

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России: [сайт]. – URL: <http://government.ru/docs/all/120647/> (дата обращения: 21.03.2024).

в арктической зоне, прилегающий к Северному морскому пути. Регион занимает одно из ведущих мест в России и в мире по запасам углеводородов, в регионе имеются залежи редкоземельных металлов и других ископаемых. Основой экономики региона является топливно-энергетический комплекс, составляющий более 70% ВРП (97% совокупного объёма промышленного производства и 27% занятого населения). Объём ВРП ЯНАО вырос в 2020 г. по сравнению с 2010 г. в 1,5 раза с 25,76 млрд долларов до 38,47 миллиардов. За тот же период население увеличилось с 524,5 тыс. человек до 545,7 тысяч. Несмотря на высокие доходы населения, регион испытывает постоянный дефицит кадров. Большая часть населения ЯНАО — люди, приезжающие на заработки из других регионов России, в силу климатической специфики региона почти все они покидают его, выйдя на пенсию. По степени бюджетной обеспеченности (31,9%) ЯНАО является лидером после Москвы, уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций в 2020 г. составил 2,813. В ЯНАО реализуются мегапроекты освоения природных месторождений, куда привлекается население из других регионов, приток населения регулируется на государственном уровне.

В Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) развито промышленное и аграрное производство, население занято в сферах химического производства, металлообработки, деревообрабатывающей, лёгкой, пищевой и медицинской промышленности, строительства, туризма. Обрабатывающая промышленность в КЧР не развита. Объём ВРП республики сократился в 2020 г. по сравнению с 2010 г. с 1,44 до 1,32 млрд долларов — по данному показателю республика отстает от большинства регионов страны. Среди причин отставания региона можно назвать: его незначительные размеры, низкий удельный вес промышленности и высокий — сельского хозяйства в структуре ВРП, отсутствие производств с высокой долей добавленной стоимости, наукоёмких технологий⁴. По уровню бюджетной обес-

печенности республика относится к дотационным субъектам РФ, уровень до распределения дотаций в 2020 г. составил 0,345. КЧР по результатам 2020 г. входит в семёрку наиболее дотационных субъектов РФ. Бюджет КЧР социально ориентирован — почти три четверти его расходов направлено на социальную сферу. КЧР является лидером по срокам продолжительности поиска работы. По данным Росстат, на поиски работы в КЧР уходит почти год (11,6 месяцев) — это самый худший показатель по России. Это связано со слабой экономикой, кризисными рынками труда, низкими зарплатами, высокой безработицей⁵.

Республика Дагестан и Ставропольский край также являются дотационными регионами. Республика Дагестан — самый южный регион России, является одним из древних и богатых историческим прошлым регионов страны, на данный момент имеет высокий уровень безработицы. В Республике Дагестан принимаются меры, направленные на обеспечение сбалансированности и устойчивости бюджета, поддержание общего объёма финансовых ресурсов на уровне, необходимом для исполнения функций и обязательств. Проводится также комплекс мероприятий по увеличению собственных налоговых и неналоговых доходов, реализуются План мероприятий по мобилизации доходов и выявлению скрытых источников налогообложения и Программа финансового оздоровления и социально-экономического развития на 2020–2024 годы⁶.

Ставропольский край является одним из ключевых регионов Юга России и центром Северо-Кавказского макрорегиона. Экономика региона базируется на сельском

развития Карачаево-Черкесии до 2035 года. — URL: https://www.kchr.ru/mainmenu/head/news/detailed/85408/?sphrase_id=975452 (дата обращения: 21.03.2024).

⁵ Обзор рынка труда Карачаево-Черкесской Республики // НИУ ВШЭ, 2022: [сайт]. — URL: https://lirt.hse.ru/data/2022/04/14/1789080351/KCR_labour_market.pdf (дата обращения: 21.03.2024).

⁶ Закон Республики Дагестан от 12.10.2022 № 70 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202210200003?ysclid=lsumyze5397178221> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Утверждена стратегия социально-экономического раз-

хозяйстве, представляющем значительный потенциал для развития региона, промышленности и рекреационно-туристическом секторе. Широко распространены сезонные миграции на заработки в другие регионы. Правительством края, в целях увеличения ВРП, предпринимаются меры по развитию

и поддержки отраслей с высокой добавленной стоимостью и росту инвестиций.

Вторая, более многочисленная и представляющая наибольший интерес в рамках данного исследования группа из 10 субъектов РФ также не является однородной (табл. 3).

Таблица 3

Субъекты РФ, имеющие высокую корреляционную связь показателей численности населения и ВРП

Table 3

Subjects of the Russian Federation that have a high correlation between population indicators and GRP

Субъект РФ	Коэффициент Пирсона между ВРП и численностью населения	Уровень расчётной бюджетной обеспеченности в 2020 году	Рейтинговый бал уровня жизни в 2020 году
Москва	0,86	2,92	82,16
Севастополь	0,86	0,54	54,25
Белгородская область	0,85	1,01	64,77
Московская область	0,84	1,24	76,07
Санкт-Петербург	0,84	1,99	80,63
Чеченская Республика	0,83	0,24	36,75
Республика Алтай	0,75	0,33	29,43
Тюменская область	0,73	2,41	56,78
Краснодарский край	0,73	0,84	63,71
Ленинградская область	0,70	1,50	61,60

Источник: расчёты автора по данным Росстата и РИА Рейтинг: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020 // РИА Рейтинг: [сайт]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 21.03.2024).

Условно, экономически сильные и независимые конгломерации Санкт-Петербурга и области, Москвы и Московской области, Тюменскую область, имеющие высокий уровень бюджетной обеспеченности, можно отнести к одной подгруппе, а регионы преимущественно зависимые от бюджета: стратегически важный для России город федерального значения Севастополь, один из основных сельскохозяйственных регионов РФ – Краснодарский край, по сути являющийся основой для продуктовой безопасности России, Белгородскую область, Чеченскую Республику, Республику Алтай – ко второй.

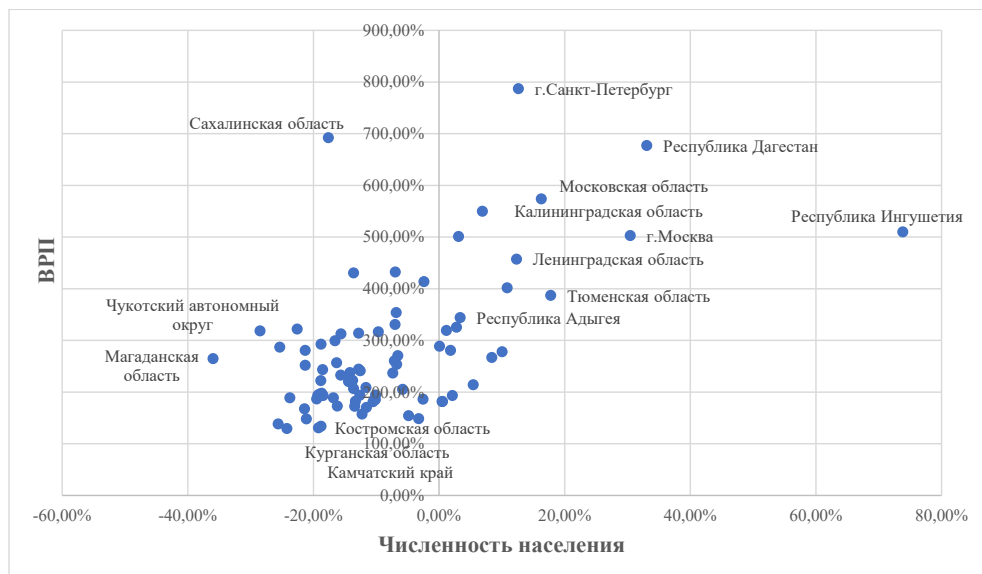
Для всех выделенных 14 регионов, имеющих очень высокую и высокую корреляционную связь показателей численности населения и ВРП характерны: 1) сильная зависимость регионов от федерально-

го бюджета; 2) сильная региональная политика бюджетного регулирования. Финансовая помощь менее развитым территориям нужна, но при больших объёмах и непрозрачных правилах она продуцирует иждивенчество [12].

Дифференциация регионов по приросту населения и ВРП

На втором этапе исследования рассмотрена взаимосвязь между приростом численности населения и ВРП по регионам России с 1998 по 2021 г. (рис. 1).

В соответствии с вышеприведённой диаграммой субъекты РФ условно можно разделить на четыре основные группы: 1) регионы-лидеры с растущей экономикой и населением: Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область; 2) регионы с быстрым

Рис. 1. Относительный прирост численности населения и ВРП по субъектам РФ в 1998–2021 гг.

Fig.1. Relative population growth and GRP by constituent entities of the Russian Federation in 1998–2021
 Источник: расчёты автора по данным Росстата.

ростом населения: республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия и Калининградская область, поддерживаемые дотациями; 3) регионы с ростом экономики при сокращении населения: области Сахалинская и Магаданская, Чукотский АО, развивающиеся за счет ценных природных ресурсов; 4) регионы со слабым экономическим ростом и сокращающимся населением: области Курганская, Костромская и большинство субъектов РФ.

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют первая и вторая группы: субъекты РФ, оказавшие значительный прирост численности населения и ВРП. Рассмотрим их более подробно (табл. 4). Как видно из выборки по таблице, субъекты РФ, показавшие значительный прирост численности населения и ВРП, имеют преимущественно высокую и очень высокую корреляционную связь показателей численности населения и ВРП. Рейтинговый бал уровня жизни не зависит от исследуемых показателей. Исключение из об-

щей выборки составляет Республика Ингушетия, статистические показатели по которой изначально являлись низкими по причинам смены границ после разделения Чечено-Ингушской АССР на Чеченскую Республику и Республику Ингушетия.

Выводы

Настоящее исследование подтверждает заявленную автором ранее выполненными исследованиями необходимость повышения прозрачности принципов распределения федеральных бюджетных дотаций на федеральном уровне. Фискальный федерализм является необходимостью для государственного и экономического выживания России. Без поддержки и совершенствования финансовых связей теряется стабильность экономики регионов. Нарушение принципов бюджетного федерализма приводит к ослаблению государства, нестабильности бюджета, снижению эффективности экономической политики и качества жизни населения.

Таблица 4

**Субъекты РФ, показавшие значительный прирост
численности населения и ВРП в 1998–2021 гг.**

Table 4

Subjects of the Russian Federation that showed a significant
growth in population and GRP in 1998–2021

Субъект РФ	Коэффициент Пирсона между численностью населения и ВРП в долларах США	Уровень расчётной бюджетной обеспеченности в 2020 году	Рейтинговый бал уровня жизни в 2020 году	Прирост численности населения с 1998 по 2021 год, %	Прирост ВРП с 1998 по 2021 год, %
Республика Ингушетия	0,55	0,231	31,45	73,84	509,7
Республика Дагестан	0,91	0,248	41,26	33,06	677,21
Санкт-Петербург	0,84	1,99	80,63	12,63	787,21
Московская область	0,84	1,24	76,07	16,28	573,83
Москва	0,86	2,92	82,16	30,45	502,87
Ленинградская область	0,70	1,50	61,60	12,34	457,12
Тюменская область	0,73	2,41	56,78	17,8	386,97

Источник: расчёты автора по данным Росстата и РИА Рейтинг: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020 // РИА Рейтинг: [сайт]. — URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 21.03.2024).

Регионы — явные лидеры (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Тюменская область), где взаимосвязано растут экономика и население, имеют обеспеченные бюджеты, что способствует росту населения и экономики, за счёт возможностей для быстрого и эффективного решения имеющихся социально-экономических проблем. В оставшихся большинстве регионов России для выявления взаимосвязи динамики численности населения и ВРП необходимо проведение специальных исследований, учитывающих их специфику.

Анализ рейтингового бала уровня жизни по приведенной выборке подтвердил отсутствие прямой связи между уровнем ВРП, численностью населения и уровнем жизни в регионах. Кроме того, по результатам

проведённого анализа отметим, что такие направления как улучшение информационной и транспортной инфраструктуры регионов, то есть фактически устранение между ними существующих границ, создающих барьер для построения экономических и социальных отношений, способны стимулировать экономический рост в слаборазвитых регионах, стимулируя малый и средний бизнес и повышая уровень и качество жизни. Именно использование новых средств коммуникации и транспорта потенциально в ближайшем будущем сможет обеспечить передвижение и распределение ресурсов, что должно привести, как к росту доходов в отстающих регионах, так и к миграции в более благополучные регионы, и в конечном итоге обеспечит выравнивание уровня и качества жизни в регионах России.

Литература и Интернет-источники

1. **Рзаев, М. А. Р.** Рост населения и его влияние на экономическое положение стран / М. А. Р. Рзаев // Наука, техника и образование. — 2019. — № 5(58). — С. 69–75. EDN: NAQBSS
2. **Глазьев, С. Ю.** Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С. Ю. Глазьев // AlterEconomics. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6; EDN: MULEYG
3. **Клейнер, Г. Б.** Системная сбалансированность экономики России: региональный разрез / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — № 2. — С. 309–323. DOI: 10.17059/2019-2-1; EDN: WSPLUD
4. **Нанавян, А. М.** Региональные особенности структурных сдвигов валового регионального продукта России по видам первичных доходов / А. М. Нанавян // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2021. — № 4(68). — № статьи в выпуске 28. EDN: SFQLPJ
5. **Зубаревич, Н. В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич; Независимый институт социальной политики. — Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с. EDN: VNFDJX
6. **Дружинин, П. В.** Особенности развития приграничных регионов / П. В. Дружинин // Регионоведение. — 2017. — Т. 25. — № 2(99). — С. 200–216. EDN: YTDGSJ
7. **Демьяненко, А. Е.** Отраслевая структура валового регионального продукта как фактор экономического развития регионов / А. Е. Демьяненко // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. — 2020. — Т. 5. — № 1. — С. 142–150. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-142-150. EDN: VYJGXU
8. **Дубовик, М. В.** Корреляционный анализ валового регионального продукта и отраслей региональной экономики / М. В. Дубовик, С. Г. Дмитриев // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2022. — Т. 19. — № 3(123). — С. 109–118. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-3-109-118; EDN: NCHMXG
9. **Базиль, Т. В.** К вопросу о выделении бюджетных мест как факторе повышения кадрового потенциала Сахалинской области / Т. В. Базиль // Ученые записки Сахалинского государственного университета. — 2020. — № 15–16. — С. 51–54. EDN: NTGQSK
10. **Chaddock, R. E.** Principles and Methods of Statistics / R. E. Chaddock. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1925. — 471 p. DOI: 10.1177/000271622612300150
11. **Маньшин, Р. В.** Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России / Р. В. Маньшин, Е. М. Моисеева // Экономика региона. — 2022. — Т. 18. — № 3. — С. 727–741. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-8; EDN: SRPJBR
12. **Зубаревич, Н.** Ручное управление регионами / Н. Зубаревич // Прямые инвестиции. — 2013. — № 3(131). — С. 22–25. EDN: PVNIEN

Информация об авторе:

Ростовцев Андрей Игоревич, к.э.н, старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: manager1@rambler.ru; ПИНЦ SPIN-код: 3836–3150.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-62-72

INTERDEPENDENCE OF POPULATION AND GRP IN THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS**Andrey I. Rostovtsev**

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

E-mail: manager1@rambler.ru

For citation:

Rostovtsev A. I. Interdependence of population and GRP in the dynamics of development of Russian regions. *Narodonaseleniye* [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 62-72. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-62-72 (in Russ.)

Abstract. *Fiscal federalism in Russia is a necessity, which largely determines the socio-economic development of regions. How subsidies are distributed, what happens to the quality of life and what measures can be taken to increase the efficiency of federal budget spending, what patterns can be identified by considering the basic indicators in the dynamics of development of Russian regions. In the Russian centralized budget system, funds are distributed according to non-transparent criteria. Financial assistance to less developed regions is necessary, but in the absence of transparency it does not have a positive effect. Without support and improvement of financial ties, the stability of the regional economy is lost. Violation of the principles of fiscal federalism leads to weakening of the state, budget instability, a decrease in the effectiveness of economic policy and the quality of life of the population. When forming budget programs, the Russian government pays a great attention to gross regional product (GRP) indicator. Gross regional product and population in most regions are not interrelated due to the presence of various factors influencing this relationship. The subjects of the Russian Federation that have had a significant increase in population and gross regional product are of greatest interest within the framework of this study. The relationship of indicators among the growth leaders is clear, but in most regions it is necessary to take into account their specific characteristics. The need to develop regional connections is one of the conditions for increasing the efficiency. Economic and social equalization of regions is possible by overcoming borders, both transport and communication, which, accordingly, will help to equalize the level and quality of life in Russia.*

Keywords: *gross regional product, population size, quality of life, regional development, industry, natural resources.*

References and Internet sources

1. Rzayev M. A. Rost naseleniya i yego vliyaniye na ekonomicheskoye polozheniye stran [Growth of the population and its influence on the economic situation of the countries]. *Nauka, tekhnika i obrazovaniye* [*Science, Technology and Education*]. 2019. No. 5(58). P. 69–75. (in Russ.)
2. Glazyev S. Yu. Global'naya transformatsiya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirokhozaystvennykh ukladov [Global transformations from the perspective of technological and economic world order change]. *AlterEconomics*. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 93–115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6 (in Russ.)
3. Kleiner G. B., Rybachuk M. A. Sistemnaya sbalansirovannost' ekonomiki Rossii: regional'nyy razrez [System balance of the Russian economy: regional perspective]. *Ekonomika regiona* [*Economy of Regions*]. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 309–323. DOI: 10.17059/2019-2-1 (in Russ.)
4. Nanavyan A. M. Regional'nyye osobennosti strukturnykh sdvigovalovogo regional'nogo produkta Rossii po vidam pervichnykh dokhodov [Regional features of structural shifts in gross regional product of Russia by types of first income]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [*Regional Economy and Management. Electronic scientific journal*]. 2021. No. 4(68). (in Russ.)
5. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. *Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki* [Independent Institute for Social Policy]. Moscow. 2010. 160 p. (in Russ.)
6. Druzhinin P. V. Osobennosti razvitiya prigranichnykh regionov [Features of development of the near-border regions]. *Regionologiya* [*Regionology*]. 2017. Vol. 25. No. 2(99). P. 200–216. (in Russ.)
7. Demyanenko A. E. Otrasleyvaya struktura valovogo regional'nogo produkta kak faktor ekonomicheskogo razvitiya regionov [Sectoral structure of gross regional product as factor of economic development of regions]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya*.

- Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2020. Vol. 5. No. 1. P. 142–150. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-142-150 (in Russ.)
8. Dubovik M. V., Dmitriev S. G. Korrelyatsionnyy analiz valovogo regional'nogo produkta i otrasley regional'noy ekonomiki [Correlation analysis of gross regional product and Industries of regional economy]. Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics]. 2022. Vol. 19. No. 3(123). P. 109–118. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-3-109-118 (in Russ.)
  9. Basil T. V. K voprosu o vydelenii byudzhetykh mest kak faktore povysheniya kadrovogo potentsiala Sakhalinskoy oblasti [On the issue of allocating budget places as a factor in increasing the personnel potential of the Sakhalin region]. Uchenyye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Sakhalin State University]. 2020. No. 15–16. P. 51–54. (in Russ.)
  10. Chaddock R. E. *Principles and Methods of Statistics*. Boston. Houghton Mifflin Company. 1925. 471 p. DOI: 10.1177/0002716222612300150
  11. Manshin R. V., Moiseeva E. M. Vliyaniye infrastruktury na razmeshcheniye naseleniya i razvitiye regionov Rossii [Influence of infrastructure on population distribution and socio-economic development of Russian regions]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 727–741. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-8 (in Russ.)
  12. Zubarevich N. Ruchnoye upravleniye regionami [Manual management of regions]. Pryamyie investitsii [Direct Investment]. 2013. No. 3(131). P. 22–25. (in Russ.)

Information about the author:

Rostovtsev Andrey Igorevich, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: manager1@rambler.ru; Elibrary SPIN-code: 3836–3150.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84
EDN: ZEVHFI

ТЕНЕВОЙ ЭФФЕКТ ПАНДЕМИИ: КОРОНАВИРУС УСУГУБИЛ СМЕРТНОСТЬ ОТ ХРОНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Швец Ю. Ю.¹, Симагин Ю. А.^{2*}, Луговской А. М.³, Морковкин Д. Е.⁴

¹Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ) (115088, Россия, Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН (117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

³Московский государственный университет геодезии и картографии (105064, Россия, Москва, Гороховский пер., 4)

⁴Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2)

*E-mail: yas63@yandex.ru

Для цитирования:

Швец Ю. Ю., Симагин Ю. А., Луговской А. М., Морковкин Д. Е. Теневой эффект пандемии: коронавирус усугубил смертность от хронических заболеваний // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 73-84. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84; EDN: ZEVHFI

Аннотация. В статье анализируется статистика смертности и заболеваемости населения Российской Федерации с 1965 по 2022 год, с фокусом на последствиях пандемии COVID-19. В период 2020–2021 гг. наблюдается резкий рост смертности от респираторных заболеваний, коррелирующий с распространением COVID-19, особенно среди лиц с хроническими недугами. Тем не менее, болезни системы кровообращения и онкологические заболевания продолжили быть главными причинами смертности, отмечался рост смертности от этих заболеваний после предыдущего периода снижения смертности от них. Более того, в период пандемии COVID-19 больные этими и другими хроническими неинфекционными заболеваниями оказались под «двойным ударом», поскольку COVID-19 более негативно влиял на людей с хроническими заболеваниями по сравнению со здоровыми людьми и, одновременно, больные с хроническими заболеваниями оказались лишены необходимой медицинской помощи из-за перегрузки системы здравоохранения больными с COVID-19. Указывается на внезапность смерти от кардиологических проблем и отсутствие предшествующей диагностики, подчёркивая важность усиления мониторинга этих заболеваний. Рост заболеваемости хроническими неинфекционными заболеваниями, такими как сахарный диабет и гипертония, подчёркивает необходимость профилактики и ранней диагностики подобных заболеваний. Выделены четыре кластера регионов РФ по причинам смертности от основных групп заболеваний. Указано на необходимость разработки специальных мер в программах развития систем здравоохранения в зависимости от региональной специфики.

Ключевые слова: население, качество жизни, COVID-19, смертность, респираторные заболевания, новообразования, заболевания системы кровообращения и хронические неинфекционные.

© Швец Ю. Ю., Симагин Ю. А., Луговской А. М., Морковкин Д. Е., 2024

Введение

Пандемия COVID-19 привлекла внимание всего мира, концентрируя ресурсы здравоохранения и исследовательские усилия на сдерживании её распространения и смягчении прямых последствий. Однако такой акцент непреднамеренно затмил более широкие последствия для общественного здравоохранения, особенно в отношении неинфекционных заболеваний. Тревожным последствием такого сужения фокуса стало существенное увеличение уровня смертности, связанной с состояниями, не связанными с коронавирусом, особенно с сердечно-сосудистыми заболеваниями [1, с. 22].

Перенаправление медицинских услуг на борьбу с пандемией — от отсрочки плановых процедур до приостановки плановых медицинских осмотров — оказало глубокое влияние на непрерывность ухода за пациентами с хроническими заболеваниями. НИИОЗММ ДЗМ представил аналитический взгляд на это явление, предложив количественные доказательства косвенных смертей от пандемии. Существуют основания полагать, что во время пандемии был замечен рост смертности от ишемической болезни сердца в 2020 и 2021 гг., хотя до этого была обратная тенденция. Принудительные меры самоизоляции, хотя и необходимы для контроля передачи вируса, также сыграли роль в усилении изоляции уязвимых групп населения, особенно пожилых людей, что впоследствии негативно повлияло на их здоровье [2, с. 47].

Методика исследования в данной работе включает в себя комплексный анализ статистических данных с использованием методов группировки и агрегирования, что позволяет выявить основные тенденции и закономерности в динамике смертности и заболеваемости населения. Для оценки распределения показателей проводились расчёты их основных характеристик. Применялось масштабирование данных для унификации и сопоставления различных параметров. В качестве ключевого инструмента анализа использовался корреляционный анализ, ко-

торый помогает определить степень взаимосвязи между исследуемыми переменными. Кроме того, для более глубокого изучения структурных особенностей в данных проводилась кластеризация методом *k*-средних, позволяющая классифицировать наблюдения на группы по сходству изучаемых признаков.

Результаты

Правительства и системы здравоохранения по всему миру не были готовы к такому «чёрному лебедю», как пандемия COVID-19. В период 2020–2021 гг. все силы медицинского персонала и политика государства были сконцентрированы именно на сдерживании и борьбе с опасным вирусом¹. Количество больных превышало все допустимые пределы, что сказалось на чрезмерной загруженности больниц и потребности в открытии новых «ковидных» госпиталей, строящихся в краткие сроки. Вследствие этого сложилась ситуация, когда медицинские учреждения круглосуточно принимали больных с COVID-19 и посменно следили за их состоянием. На проведение компьютерной томографии собирались многочасовые очереди. Люди ждали машин скорой помощи по несколько суток, что также негативно отразилось на здоровье населения.

В свете этих событий обратим внимание на больных хроническими неинфекционными заболеваниями (ХНИЗ), которые нуждаются в постоянном или частом уходе за своим здоровьем. К таким болезням относятся рак, сахарный диабет, заболевания верхних дыхательных путей и заболевания крови (инфаркт, ишемическая болезнь сердца и др.). Промедление в пике обострения любой из этих болезней чревато значительным ухудшением состояния здоровья и даже

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.20 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=412789> (дата обращения: 15.10.2023).

смертью². К сожалению, вследствие перегруженности больниц, больные ХНИЗ начали несвоевременно получать медицинскую помощь. Также могли быть отсрочены плановые операции, которые были жизненно необходимы для раковых больных. Кроме того, коронавирусная инфекция способна обострять имеющиеся у больного хронические заболевания. Таким образом, можно наблюдать «двойной удар» по больным ХНИЗ: как от самого COVID-19 напрямую, так и от несвоевременности получения медицинской помощи.

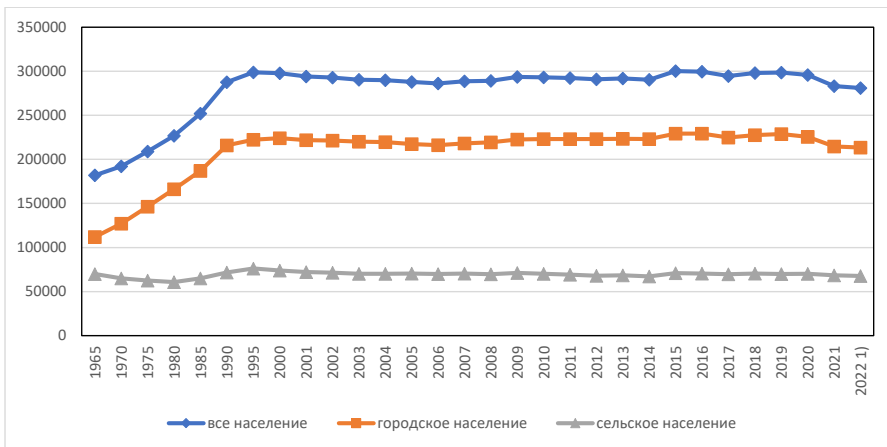
Отмечая эти негативные тенденции, мы задались целью оценить ущерб, нанесён-

ный последствиями коронавирусной инфекции, для больных неинфекционными заболеваниями. В основе анализа — данные по смертности от разных групп заболеваний в долгосрочной динамике в целом и по каждому субъекту РФ³. Зафиксируем основную тенденцию — наблюдался рост смертности от болезней системы кровообращения в 2020–2021 годах. Рассмотрим подробнее динамику смертности в разрезе городского и сельского населения за весь период по следующим причинам: новообразования (рис. 1), болезни органов дыхания, пищеварения, системы кровообращения.

Смертность от новообразований остаётся стабильно высокой, начиная с 1990 г.,

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.03.2020 № 710-р «О временном приостановлении проведения Всероссийской диспансеризации взрослого населения РФ». — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003230002> (дата обращения: 15.10.2023).

³ Здравоохранение // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.10.2023).

Рис. 1. Число умерших от новообразований за период 1965–2022 гг., человек

Fig. 1. Mortality from neoplasms for the period from 1965 to 2022, persons

Примечание: 2022 год — без данных по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Луганской областям.

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24-1_2022.xls (дата обращения: 28.10.2023).

в 2020–2021 гг. наблюдалось незначительное снижение показателя. Данный показатель включает в себя как доброкачественные, так и злокачественные образования. Однако особую роль в смертности здесь играют онкологические заболевания. Более достоверно можно будет оценить урон по ним в следующие несколько лет, так как

промедление с операцией может оказывать отсроченный негативный эффект и сказаться на значении пятилетней выживаемости. Например, больного прооперировали с онкологией на второй стадии, а могли провести операцию раньше — на первой стадии.

На фоне общей положительной динамики смертности от болезней системы крово-

обращения за 2006–2019 гг., наблюдается рост этого показателя в 2020–2021 гг., особенно заметный среди городского населения (рис. 2). Это говорит о том, что коронавирусная инфекция с большей частотой влияла на нарушения свёртываемости крови, что привело к обострению состояния у многих больных, особенно в зрелом возрасте. Сейчас мировое сообщество наблюдает многократно возросший риск инфаркта и инсульта, который затронул даже тех людей, которые ранее не имели проблем с сердцем, включая молодёжь. ВОЗ в сво-

ём исследовании спрогнозировало тенденцию к возрастанию смертности от инсультов на 50% к 2050 г. [3]. Во время лечения коронавирусной инфекции большинству пациентов требовались кроворазжижающие препараты чтобы снизить риск тромбоза. Однако анализ показал, что данные меры оказались недостаточными для полного решения проблем с кровообращением даже у здоровых людей, так как в дальнейшем часть населения была вынуждена принимать препараты для нормализации давления, разжижения крови и другие [4, с. 18].

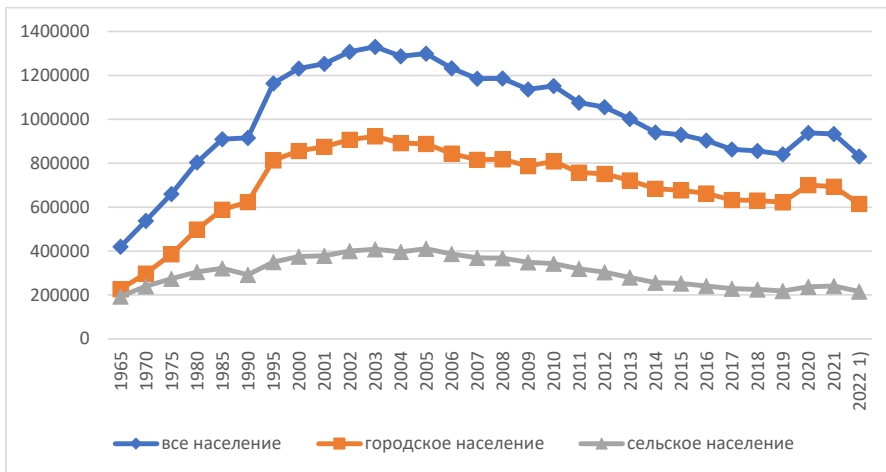

Рис. 2. Число умерших от болезней системы кровообращения за период 1965–2022 гг., человек

Fig. 2. Mortality from diseases of the circulatory system for the period from 1965 to 2022, persons
Примечание: 2022 год — без данных по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Луганской областям.

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24-1_2022.xls (дата обращения: 28.10.2023).

На рис. 3 видно многократно возросшую тенденцию смертности от болезней органов дыхания в 2020–2021 гг., что напрямую связано с пандемией COVID-19. Именно данный вирус вызывал заболеваемость пневмонией, которая могла быть смертельной, особенно у пожилых пациентов и пациентов, чей анамнез отягощён ХНИЗ. Также отметим, что до этого периода наблюдалось снижение смертности от данной причины.

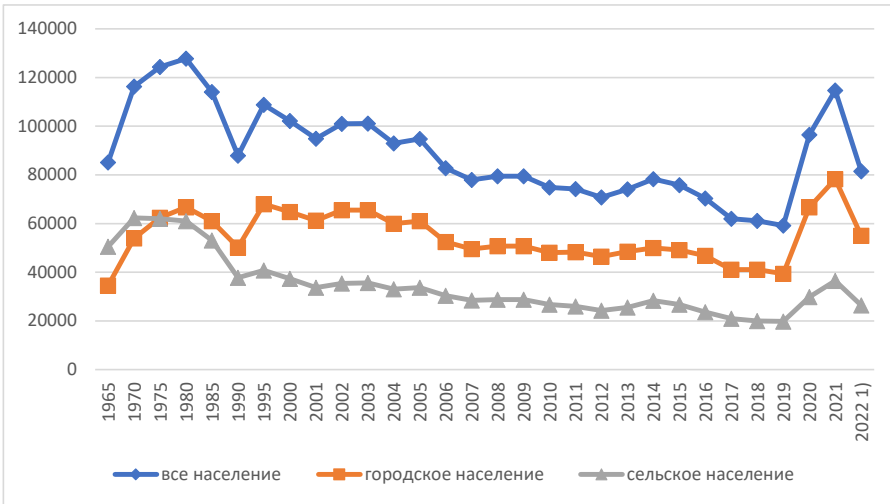
В свою очередь, обратную динамику (всё время негативную) показывает смертность

от болезней органов пищеварения (рис. 4). Смертность от болезней органов пищеварения росла как среди городского, так и среди сельского населения. Своего исторического максимума она достигла в 2020–2021 гг., что также говорит о том, что COVID-19 в большей мере поражает человека с ослабленными иммунитетом или отягощённым другими заболеваниями. Именно хроническая болезнь может становиться «мишенью» для вируса. Так, наблюдались примеры, когда больные сахарным диабетом после заболе-

вания коронавирусной инфекцией и излечения от неё, умирали от своего хрониче-

ского заболевания, так как COVID-19 поражал именно уязвлённый орган.

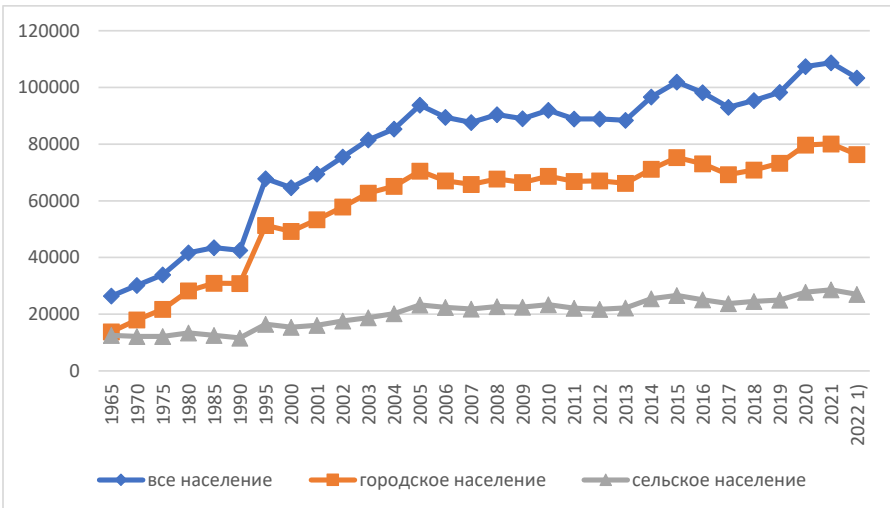

Рис. 3. Число умерших от болезней органов дыхания за период 1965–2022 гг., человек

Fig. 3. Mortality from respiratory diseases for the period from 1965 to 2022, persons

Примечание: 2022 год — без данных по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Луганской областям.

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24-1_2022.xls (дата обращения: 28.10.2023).

Рис. 4. Число умерших от болезней органов пищеварения за период 1965–2022 гг., человек

Fig. 4. Mortality from digestive diseases for the period from 1965 to 2022, persons

2022 год — без данных по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Луганской областям.

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24-1_2022.xls (дата обращения: 28.10.2023).

Рассмотрим доли причин смертей населения в общем количестве смертей. Это по-

зволит подробнее изучить динамику показателей (рис. 5).

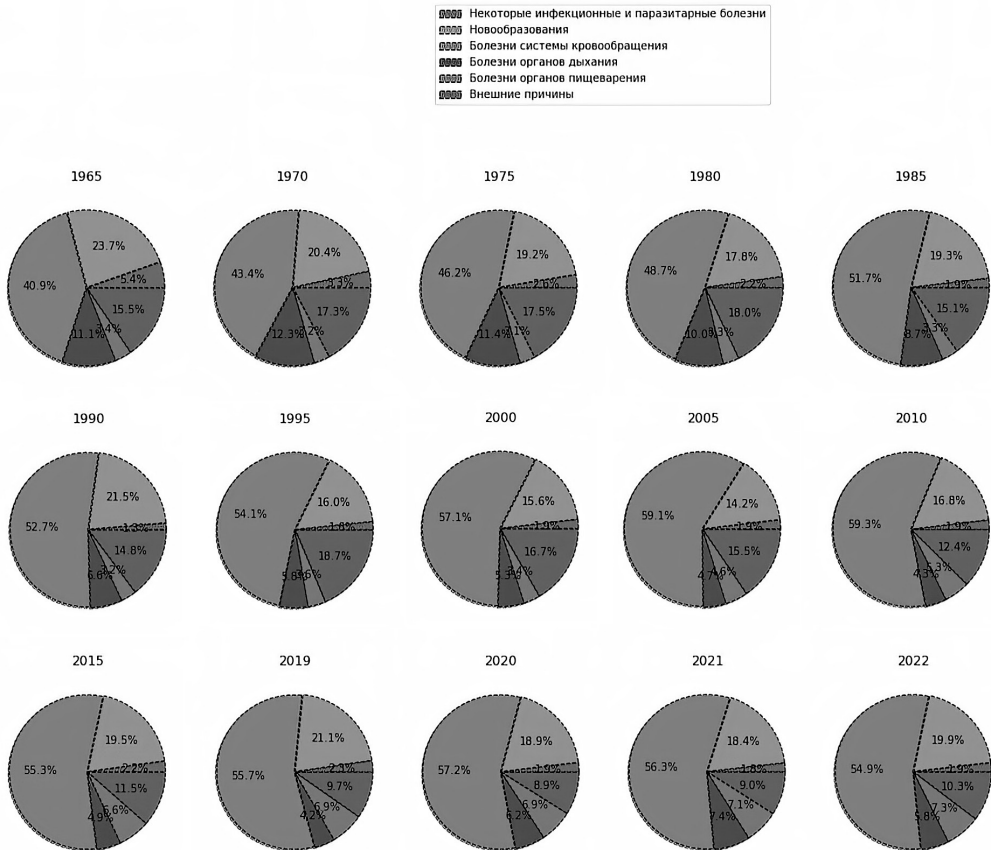

Рис. 5. Доли смертей от различных причин по годам, %

Fig. 5. Proportions of deaths from various causes by year, %

Источник: составлено по данным Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24-1_2022.xls (дата обращения: 28.10.2023).

Можно заметить, что основной причиной смерти в период 1965–2022 гг. являются болезни системы кровообращения. Вторая по значимости причина смертей — это новообразования и доля её растёт начиная с 2005 года. Также заметим, что доля этих причин в общей смертности населения остаётся стабильно высокой весь период наблюдения. Это говорит о том, что общая динамика смертности неразрывно связана с динамикой смертности от этих причин.

При этом наибольшее количество больных наблюдается с заболеваниями орга-

нов дыхательной системы. Однако при этом среди всех причин смертности данная причина занимает 3-е место. Это свидетельствует о достаточно низкой летальности этого вида заболеваний, а также говорит о том, что смертность от болезней системы кровообращения и, в частности, от болезней сердца, в большинстве случаев является неожиданной для человека. Ей далеко не всегда предшествует обращение к врачу и постановка диагноза. Поэтому требуется усиление мониторинга заболеваний органов дыхательной системы,

чтобы предотвратить от них внезапную смертность.

Рассмотрим общие коэффициенты смертности по регионам России за 2016–2022 годы. В большей части регионов наблюдается повышение коэффициентов в 2020–2021 гг. Субъекты, которые даже в период пандемии имели сравнительно низкую смертность, это северные или, наоборот, южные регионы страны: республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская, Саха (Якутия), Тюменская область и входящие в её состав автономные округа. Южные субъекты РФ, такие как Республика Дагестан, всегда показывают более высокие показатели здоровья, что, скорее всего, зависит от местного иммунитета и относительно здорового образа жизни. В северных регионах можно говорить о пониженной смертности вследствие меньшей плотности населения, что препятствует распространению инфекционных заболеваний, включая COVID-19.

По коэффициентам смертности от различных причин регионы России можно разделить на 4 кластера (табл. 1). Для регионов первого кластера характерны средние и высокие показатели смертности от нарушений мозгового кровообращения (инсульт и другие), заболеваний систем дыхательной и пищеварения при относительно низких показателях смертности от других причин. Регионы второго кластера имеют высокие показатели смертности от паразитарных заболеваний, ишемической болезни сердца и новообразований. Третий кластер представлен регионами с наиболее благоприятной ситуацией — они имеют низкие показатели смертности от всех причин, кроме паразитарных инфекций в отдельные годы. Последний, четвёртый кластер, объединяет регионы с наименее благоприятной ситуацией, которые имеют высокие показатели смертности от всех причин, кроме паразитарных заболеваний. Возможно, такая ситуация связана с тем, что данные регионы и в предыдущие годы имели такие особенности, однако не оставляет сомнений факт, что COVID-19 увеличил масштабы смертности от хронических неинфекционных заболеваний и этот урон стал явным.

Как уже отмечалось выше, наиболее благоприятна ситуация в самых южных и самых северных регионах России (кластер 3). При этом они не характеризуются высокими показателями доступности системы здравоохранения (при низкой плотности населения в сочетании с суровыми природными условиями, что даже при наличии учреждений здравоохранения с высококвалифицированным персоналом и высокотехнологичным оборудованием часто делает их недоступными для населения в экстренных случаях (северные автономные округа), или развития самой системы здравоохранения (республики на юге Европейской части России и на юге Сибири характеризуются низким уровнем развития этой системы). Общая характеристика этих регионов — молодая возрастная структура населения (из-за высокой рождаемости или миграционного притока молодёжи) — в итоге низкая смертность, в том числе и в зависимости от отдельных причин, за исключением некоторых муниципальных образований [9].

Противоположна ситуация в регионах четвёртого кластера, отличающихся самой старой возрастной структурой населения. В основном это области Центральной России и примыкающие к ним регионы Северо-Запада и Поволжья. В них и до 2020 г. смертность населения была самой высокой в стране, а пандемия COVID-19 ещё более усугубила ситуацию как прямо (от COVID-19 умирали в основном пожилые люди), так и косвенно (у пожилых значительно больше ХНИЗ, с лечением которых во время пандемии возникли серьёзные проблемы). В итоге пандемия усилила дифференцию территорий страны по естественному движению населения, так как в регионах с более сложной ситуацией она ухудшилась сильнее, хотя и до этого такая дифференциация была значительной [10].

Заключение

Изложенные материалы позволяют предположить, что пандемия COVID-19 выявила уязвимость российской системы

Таблица 1
Кластерное деление субъектов РФ по коэффициентам смертности от разных причин

Table 1

Cluster division of subjects of the Russian Federation based on mortality rates

Кластер	Субъекты РФ
1	Республика Северная Осетия-Алания, Белгородская область, Республика Бурятия, Ярославская область, Магаданская область, Омская область, Томская область, Воронежская область, Забайкальский край, Амурская область, Камчатский край, Московская область, Москва, Ивановская область, Чувашская Республика, Тамбовская область, Хабаровский край, Ростовская область, Калининградская область, Удмуртская Республика, Мурманская область, Республика Коми, Республика Мордовия, Краснодарский край, Сахалинская область, Республика Адыгея, Липецкая область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Астраханская область, Ненецкий АО
2	Севастополь, Ульяновская область, Санкт-Петербург, Пермский край, Приморский край, Кемеровская область – Кузбасс, Красноярский край, Алтайский край, Свердловская область, Новосибирская область, Самарская область, Ленинградская область, Курганская область, Иркутская область, Челябинская область, Оренбургская область
3	Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Тюменская область без АО, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Ханта-Мансийский АО – Югра, Чукотский АО
4	Республика Карелия, Кировская область, Республика Хакасия, Пензенская область, Костромская область, Республика Крым, Саратовская область, Орловская область, Владимирская область, Вологодская область, Тульская область, Архангельская область без АО, Псковская область, Новгородская область, Рязанская область, Еврейская автономная область, Брянская область, Калужская область, Курская область, Тверская область, Смоленская область, Волгоградская область, Архангельская область, Нижегородская область

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.10.2023).

здравоохранения, которая оказалась не готова к столь всеобъемлющему и сложному кризису. Пандемия привела к системному сдвигу приоритетов здравоохранения, что отрицательно сказалось на пациентах с хроническими неинфекционными заболеваниями из-за задержки медицинской помощи и ухудшения показателей здоровья. Более того, «двойной удар», нанесённый пациентам с ХНИЗ — как из-за усугубления их состояния из-за COVID-19, так и из-за задержки оказания необходимой медицинской помощи — подчёркивает острую необходимость в сбалансированных стратегиях развития здравоохранения, которые бы отвечали как на вызовы внезапно возникающих пандемий, так и соответствовали бы текущим потребностям в лечении ХНИЗ⁴. Данные проблемы оказались острыми не только для России, но и большинства стран мира, в том числе тех, где традици-

онно считалось, что системы здравоохранения имеют высокий уровень развития (США, Великобритания и другие)⁵.

Тенденции смертности свидетельствуют о росте смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в 2020–2021 годах. Это говорит о том, что пандемия COVID-19 могла усугубить сердечно-сосудистые заболевания из-за таких осложнений, как нарушения свёртываемости крови, что существенно повлияло на население среднего и пожилого возраста. Более того, в ближайшие годы может проявиться отсроченное влияние на уровень смертности от рака из-за отложенных операций во время пандемии, что, возможно, повлияет на долгосрочную выживаемость больных онкозаболеваниями. Анализ данных показывает, что пандемия COVID-19 привела к значительному

⁴ Статистика здравоохранения нового времени: Материалы Второго съезда медицинских статистиков Москвы (Москва, 8–9 октября 2020 г.). — Москва : НИИОЗММ ДЗМ, 2020. — 106 с.

⁵ COVID-19 pandemic cost 31 countries 28 million combined years of life in 2020 with the US being among the nations that suffered most, study finds // DailyMail: [сайт]. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-10162633/COVID-19-pandemic-cost-31-countries-28-million-combined-years-life-2020.html> (дата обращения: 28.10.2023).

увеличению смертности от болезней органов дыхания и органов пищеварения, особенно среди лиц с хроническими заболеваниями. В то же время сохраняется высокая смертность от заболеваний кровообращения и новообразований, что требует усиленного мониторинга и профилактики этих болезней.

Региональные различия в коэффициентах смертности по её причинам подчёркивают необходимость адаптированного для разных субъектов РФ подхода к политике развития системы здравоохранения. Причём это должна быть именно федеральная политика, так как политика регионов толь-

ко усиливает имеющуюся дифференциацию: «богатые» регионы имеют больше возможностей обеспечить свои медицинские учреждения высокотехнологичным оборудованием и привлечь медицинский персонал, в том числе из «бедных» регионов страны, которые и так отличаются сравнительно низким уровнем развития системы здравоохранения. Возможно, с течением времени покажут себя предпринимаемые на федеральном уровне меры, направленные на сокращение территориальной дифференциации: надбавки к заработным платам медицинским работникам в сельской местности и малых городах.

Литература и Интернет-источники

1. **Малинникова, Е. Ю.** Новая коронавирусная инфекция. Сегодняшний взгляд на пандемию XXI века / Е. Ю. Малинникова // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. — 2020. — Т. 9. — № 2. — С. 18–32. DOI: 10.33029/2305-3496-2020-9-2-18-32; EDN: RZEBGJ
2. **Кобякова, О. С.** Хронические неинфекционные заболевания: эффекты сочетанного влияния факторов риска / О. С. Кобякова, И. А. Деев, Е. С. Куликов [и др.] // Профилактическая медицина. — 2019. — Т. 22. — № 2. — С. 45–50. DOI: 10.17116/profmed20192202145; EDN: VZUNCG
3. **Ступак, В. С.** Здравоохранение России в период пандемии COVID-19: вызовы, системные проблемы и решение первоочередных задач / В. С. Ступак, А. В. Зубко, Е. М. Манюшкина [и др.] // Профилактическая медицина. — 2022. — Т. 25. — № 11. — С. 21–27. DOI: 10.17116/profmed20222511121; EDN: IZOBGL
4. **Харченко, Е. П.** Коронавирус SARS-Cov-2: сложности патогенеза, поиски вакцин и будущие пандемии / Е. П. Харченко // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. — 2020. — Т. 19. — № 3. — С. 4–20. DOI: 10.31631/2073-3046-2020-19-2-4-20; EDN: PXKUAV
5. **Швец, Ю. Ю.** Применение подходов робастного управления для перехода к ценностно-ориентированному здравоохранению / Ю. Ю. Швец // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № S2. — С. 1176–1182. — DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1176-1182; EDN: VQNOKL
6. **Логинов, Д. М.** Социальное самочувствие в условиях коронакризиса: кто принял основной удар? / Д. М. Логинов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 93–106. — DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8; EDN: NYSYJI
7. **Чупина, Ж. С.** Применение статистико-математических методов в социально-экономических исследованиях / Ж. С. Чупина, Д. Е. Морковкин, А. М. Сорокин [и др.] // Вопросы истории. — 2022. — № 5–1. — С. 118–130. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi06; EDN: TUBQNU
8. **Тимербулатов, В. М.** Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 / В. М. Тимербулатов, М. В. Тимербулатов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2020. — Т. 35. — № 2(98). — С. 77–86. DOI: 10.24411/1728-5283-2020-10209; EDN: GVGSDS
9. **Симагин, Ю. А.** Территориальное распределение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне / Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05; EDN: XQСXJR
10. **Пациорковский, В. В.** Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. / В. В. Пациорковский, Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Вестник института социологии. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589; EDN: UQDWRV

Сведения об авторах:

Швец Юрий Юрьевич, к.э.н., доцент, научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: jurijswets@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-6557-1416; РИНЦ SPIN-код: 7942-1891.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881-6084.

Луговской Александр Михайлович, д.геогр.н., доцент, проф. Московского государственного университета геодезии и картографии, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: alug1961@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3985-4535; РИНЦ SPIN-код: 4623-6112.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент кафедры экономической теории, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277-4480.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84

THE SHADOW EFFECT OF THE PANDEMIC: CORONAVIRUS HAS INCREASED MORTALITY FROM CARDIOVASCULAR DISEASES

Yury Yu. Shvets¹, Yury A. Simagin^{2*},
Alexander M. Lugovskoy³, Dmitry E. Morkovkin⁴

¹Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Healthcare
(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

³Moscow State University of Geodesy and Cartography
(4 Gorokhovskiy lane, Moscow, Russia, 105064)

⁴Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: yas63@yandex.ru

For citation:

Shvets Yu. Yu., Simagin Yu. A., Lugovskoy A. M., Morkovkin D. E. The shadow effect of the pandemic: coronavirus has increased mortality from cardiovascular diseases. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 73-84. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the statistics of mortality and morbidity of the population of the Russian Federation from 1965 to 2022, with a focus on the consequences of the COVID-19 pandemic. In the period 2020–2021, there is a sharp increase in mortality from respiratory diseases, correlating with the spread of COVID-19, especially among people with chronic ailments. Nevertheless, diseases of the circulatory system and oncological diseases continued to be the main causes of death, there was an increase in mortality from these diseases after the previous period of reduction in mortality from them. Moreover, during the COVID-19 pandemic, patients with these and other chronic non-*

communicable diseases were under a “double blow”, since COVID-19 had a more negative impact on people with chronic diseases as compared to healthy people and, at the same time, patients with chronic diseases were deprived of necessary medical care due to the overload of the healthcare system with COVID-19 patients. The suddenness of death from cardiac problems and the lack of previous diagnosis are pointed out, emphasizing the importance of strengthening monitoring of these diseases. The increase in the incidence of chronic non-communicable diseases, such as diabetes mellitus and hypertension, underscores the need for prevention and early diagnosis of such diseases. Four clusters of the RF regions have been identified for the causes of mortality from the main groups of diseases. The authors point out the need to develop special measures in the health system development programs depending on the regional specifics.

Keywords: population, quality of life, COVID-19, mortality, respiratory diseases, circulatory system diseases, neoplasm, chronic non-communicable diseases.

References and Internet sources

1. Malinnikova E. Yu. Novaya koronavirusnaya infektsiya. Segodnyashniy vzglyad na pandemiyu 21 veka [New coronavirus infection. Today's view at the pandemic of the XXI century]. *Infektsionnyye bolezni: novosti, mneniya, obucheniye* [Infectious Diseases: News, Opinions, Training]. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 18–32. DOI: 10.33029/2305-3496-2020-9-2-18-32 (in Russ.)
2. Kobyakova O. S., Deev I. A., Kulikov E. S., et al. Khronicheskiye neinfektsionnyye zabolvaniya: efekty sochetannogo vliyaniya faktorov riska [Chronic noncommunicable diseases: combined effects of risk factors]. *Profilakticheskaya meditsina* [The Russian Journal of Preventive Medicine]. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 45–50. DOI: 10.17116/profmed20192202145 (in Russ.)
3. Stupak V. S., Zubko A. V., Manoshkina E. M., et al. Zdravookhraneniye Rossii v period pandemii COVID-19: vyzovy, sistemnyye problemy i resheniye pervoocherednykh zadach [Healthcare in Russia during the COVID-19 pandemic: challenges, systemic problems, and addressing priorities]. *Profilakticheskaya meditsina* [The Russian Journal of Preventive Medicine]. 2022. No. 25(11). P. 21–27. DOI: 10.17116/profmed2022251121 (in Russ.)
4. Kharchenko E. P. Koronavirus SARS-Cov-2: slozhnosti patogenezha, poiski vaktsin i budushchiye pandemii [The coronavirus SARS-Cov-2: the complexity of infection pathogenesis, the search of vaccines and possible future pandemics]. *Epidemiologiya i Vaktsinoprofilaktika* [Epidemiology and Vaccinal Prevention]. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 4–20. DOI: 10.31631/2073-3046-2020-19-2-4-20 (in Russ.)
5. Shvets Yu. Yu. Primeneniye podkhodov robnastnogo upravleniya dlya perekhoda k tsennostno-orientirovannomu zdravookhraneniyu [Applying robust management approaches to transit to value-based healthcare]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Issues of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine]. 2023. Vol. 31. No. S2. P. 1176–1182. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1176-1182 (in Russ.)
6. Loginov D. M. Sotsial'noye samochuvstviye v usloviyakh koronakrizisa: kto prinyal osnovnoy udar? [Social well-being in coronacrisis: Who took the brunt of it?]. *Narodonaseleniye* [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 93–106. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.8 (in Russ.)
7. Chupina Zh. S., Morkovkin D. E., Sorokin A. M., et al. Primeneniye statistiko-matematicheskikh metodov v sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh [The application of statistical and mathematical methods in socio-economic research]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2022. No. 5–1. P. 118–130. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi06 (in Russ.)
8. Timerbulatov V. M., Timerbulatov M. V. Zdravookhraneniye vo vremena i posle pandemii COVID-19 [Healthcare during and after COVID-19]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. 2020. Vol. 35. No. 2(98). P. 77–86. DOI: 10.24411/1728-5283-2020-10209 (in Russ.)
9. Simagin Yu. A. Territorial'noye raspredeleniye sil'noy depopulyatsii v Rossii na munitsipal'nom urovne [Territorial coverage of intensive depopulation in Russia at the municipal level]. *Narodonaseleniye* [Population]. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05 (in Russ.)

10. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Dinamika chislennosti naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy Rossii v 2010–18 gg. [The population dynamic in Russian municipal formations from 2010 to 2018]. Vestnik instituta sotsiologii [*Bulletin of the Institute of Sociology*]. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589 (in Russ.)

Information about the authors:

Shvets Yury Yurievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: jurijswets@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-6557-1416; Elibrary SPIN-code: 7942–1891.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Lugovskoy Alexander Mikhailovich, Doctor of Geography, Associate Professor, Professor, Moscow State University of Geodesy and Cartography, Moscow, Russia.

Контактная информация: e-mail: alug1961@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3985-4535; Elibrary SPIN-code: 4623–6112.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economic Theory, Leading Researcher of the Institute for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97
EDN: WUBVEN

МЕТОДИКА РАНЖИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ

Крошкилин С. В.^{1,2,3*}, Медведева Е. И.^{1,2}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²НИИОЗММ ДЗМ

(115088, Россия, Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9)

³Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
(390026, Россия, Рязань, ул. Высоковольтная, 9)

*E-mail: krosh_serгей@mail.ru

Для цитирования:

Крошкилин С. В., Медведева Е. И. Методика ранжирования федеральных округов по социально-экономическим показателям // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 85-97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97; EDN: WUBVEN

Аннотация. Целью исследования являлась разработка и апробация методики ранжирования федеральных округов по социально-экономическим показателям. Методика строится на вычислении интегральной оценки на основе расчёта рейтингов отобранных (выделенных) категорий и подкатегорий, которые в определённой мере могут характеризовать исследуемые показатели. Для расчётов авторы используют социально-экономические показатели Росстата (витрины данных Регионы России — Социально-экономические показатели 2022 г.). Предложенный подход является универсальным, так как может базироваться как на статистических данных, так и на результатах, полученных в процессе проведения качественных исследований. В перечень категорий и подкатегорий возможно включить дополнительные параметры, исходя из конечных целей и подзадач построения рейтинга. Существует вариант визуализации полученных данных рейтингования на основе результатов, внесённых в итоговую матрицу рейтингов с применением маркеров типа «светофор». Предложенная методика прошла апробацию и доказала свою состоятельность. Согласно полученным данным, ЦФО является лидером по всем категориям и подкатегориям (Рейтинг=1). На втором месте СЗФО (Рейтинг=2), на третьем — ЮФО (Рейтинг=3). Остальные федеральные округа имеют более низкие позиции, однако применение ранжирования и маркеров типа «светофор» позволяют визуализировать расчётные данные и выделить критические категории. Конечная цель применения механизма отслеживания — это получение консолидированной (интегральной) оценки основных параметров системы, которые имеют различные метрические шкалы измерения и поэтому не могут быть непосредственно сопоставлены друг с другом. Разработанный подход может быть полезен специалистам, учёным, исследователям и административным работникам, которые занимаются проблемами развития и оценки социально-экономических показателей населения.

Ключевые слова: качество жизни населения, социально-экономические показатели, рейтингование, построение рейтинга регионов, методы оценки качества жизни, ранжирование федеральных округов.

© Крошкилин С. В., Медведева Е. И., 2024

Введение

В своём обращении к Федеральному Собранию Президент России В.В. Путин подчеркнул: «...К 2030 году все наши регионы должны стать экономически более самостоятельными. Это вопрос справедливости, равных условий для самореализации граждан и высоких стандартов жизни на всей территории страны»¹. В этой связи особое значение приобретают вопросы, связанные с созданием механизмов оценки и рейтингования социально-экономических показателей регионов. Значительное внимание в таких методиках должно уделяться возможности оценки, прежде всего, качественных характеристик, таких как «качество жизни граждан», «успешность», «благополучие», «благополучие».

Рассмотрение благосостояния населения как теоретической дефиниции [1] и как реальной обеспеченности граждан страны необходимыми для жизни материальными [2; 3], социальными [4; 5] и духовными благами отражено в многочисленных публикациях российских и зарубежных учёных [6–8]. Вопросы измерения социально-экономического качества и уровня жизни [9] изучаются в разрезе отдельных демографических групп населения в зависимости от места жительства [10], от финансовой устойчивости и удовлетворённости условиями жизни. Среди значимых аспектов повышения качества жизни населения исследователи выделяют обеспеченность жильём и потребность в улучшении жилищных условий [11], обеспеченность необходимыми для здоровья продуктами питания, укомплектованность учреждений здравоохранения медицинскими кадрами, приемлемый уровень заработной платы и устойчивую занятость, экологическое состояние окружающей среды.

В настоящее время существуют различные подходы и методики для построения рейтингов на основе социально-экономических показателей регионов. Сам

процесс составления рейтинга (рейтингование) связан с вычислением некоего интегрального показателя, как правило, на основе определённой шкалы [12; 13], который, опираясь на выбранные параметры функционирования социально-экономической системы, может служить индикатором для проведения периодического или регулярного мониторинга изменения различных объектов. Конечная цель применения такого механизма (инструментария) отслеживания — это получение консолидированной (интегральной) оценки основных параметров системы, которые имеют различные метрические шкалы измерения и поэтому не могут быть непосредственно сопоставлены друг с другом.

В последние годы особое внимание при анализе социально-экономических показателей регионов стали уделять качественным характеристикам. В своих работах И.А. Гурбан связывает измерение регионального благополучия «... с пониманием различий в качестве жизни населения регионов внутри страны... региональное благополучие является комплексной и многокритериальной категорией и описывается, как правило, широким спектром несопоставимой информации ...» [14]. Очевидно, что большое количество метрически отличающихся между собой показателей, охват большого массива данных, измеренного по разным критериям и шкалам, существенно затрудняют возможность эффективной аналитической оценки. Именно в этой связи и применяется рейтингование [12], которое становится удобным и релевантным инструментом проведения сравнительного анализа в социально-экономических системах и регионах. М.Ю. Малкина утверждает, что «...значительное внимание уделяется межрегиональным сравнениям отдельных показателей развития, а также проблемам конвергенции (дивергенции) регионов по этим показателям. ... Вместе с тем наблюдается явный дефицит исследований обобщающих функций благосостояния регионов...» [15]. Имеются и другие методики [4; 13]. Все они различаются подходами и используемым математическим аппаратом для выстраивания

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.03.2024).

рейтинга в зависимости от конечных целей исследования. Одним из таких вариантов рейтингования является «Рейтинг регионов России от РБК»², который опирается на собственный рассчитываемый индекс, описывающий качество жизни с точки зрения личного благосостояния жителей, а также учитывает окружающую обстановку в аспекте благоустроенности. В нём используется ранжирование по 7-бальной шкале (где 1 — худший балл) по всем регионам РФ. Это позволяет сравнивать показатели с разными единицами измерения. Конечная цель данного рейтингования состоит в получении ответа на вопрос «Где в России жить хорошо?». Существуют и иные подходы. Например, «Рейтинг регионов России», разработанный агентством «РИА Рейтинг»³. Он базируется на подсчёте среднего арифметического по следующим показателям: качество жизни граждан, социально-экономическое положение, рынок труда, материальное благополучие, НТР, приверженность жителей к здоровому образу жизни. Исследователи из Вологодского научного центра РАН также рассчитывают «Уровень жизни населения» [16] по собственной методике. Она предполагает оценку доходов и расходов населения, потребление продуктов и услуг, жилищные условия, финансовые практики, а также другие компоненты и показатели уровня жизни с использованием не только статистических данных, но и результатов социологических опросов, которые проводятся в регионе на постоянной основе.

Сегодня целесообразно производить оценку придерживаясь экономического подхода в трактовке «благосостояние», а именно с позиции «наличия необходимых ресурсов для полноценной жизни ..., мере, степени обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования»⁴. Однако в большинстве выстраиваемых рей-

тингов преследуют лишь выборочные цели («удобные» показатели) для трактовки качественных характеристик уровня жизни населения, а комплексная оценка не производится. Кроме того, нет возможности самостоятельно строить рейтинг, включая необходимые (для исследователя и/или в соответствии с поставленными задачами) параметры или показатели. Предложенная авторская методика является универсальной. На этапе составления рейтинга может быть использовано как экспертное мнение, так и математический аппарат, который позволяет «сводить воедино» социально-экономические показатели, которые измерены разными величинами. В перечень анализируемых категорий, которые могут характеризовать качественные характеристики, возможно включить дополнительные параметры. Существует возможность визуализации полученного результата с применением маркеров типа «светофор» — для цветового обозначения (в дальнейшем для составления определённых рекомендаций) достигнутого уровня показателей.

Методология исследования

Методика рейтингования российских округов (регионов, субъектов, федеральных округов) по социально-экономическим показателям может быть построена на основе определённого набора показателей (характеристик). Учитывая необходимость получения релевантных данных, для расчётов были выбраны параметры из опросов, включая витрину данных с актуальной информацией Росстата⁵, а именно социально-экономические показатели регионов России⁶ (и приложение к сборнику) 2022 года. Из всего многообразия параметров, для создания рейтингов самыми представительными и отражающими основные тренды измерения социально-экономического

² Как рассчитывается рейтинг регионов РБК // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/607814af9a7947d1389416b3> (дата обращения: 26.02.2024).

³ Итоговый рейтинг регионов России — 2023 // РИА Новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20240327/zapad-1936105682.html> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. — Москва : ИНФРА-М, 1999. — 479 с.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 26.02.2024).

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (приложение) // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2023.rar (дата обращения: 26.02.2024).

благополучия являются: 1) доходы и расходы граждан, 2) уровень занятости и показатели безработицы, 3) жилищные условия и 4) экологические показатели регионов, 5) качество медицинского обслуживания и уровень заболеваемости граждан, 6) показатели потребления товаров и услуг, а также 7) доступность информационно-коммуникационных технологий на основе количественной оценки устройств (персональных компьютеров, сотовых телефонов), доля населения, подключённая к сети интернет.

Очевидно, что список показателей может быть более многогранным, а перечень варьируемым в зависимости от конкретных задач исследования. На данном этапе для апробации и решения конкретных задач исследования, а именно оценки благополучия населения регионов были выбраны перечисленные составляющие. Алгоритм расчёта рейтингов регионов (округов) следующий.

I. Для каждого из регионов по каждой из категории необходимо рассчитать ранг:

$$R_C = \sum_{i=1}^n r_{C_i}, \quad (1)$$

где R_C – ранг региона, r_{C_i} – ранг категории i для региона. Ранг категории i для региона определяется на основе формулы:

$$C_1 \oslash C_2 \oslash C_3 \oslash \dots \oslash C_{i-1} \sim C_i, \quad (2)$$

где C_i – одна из категорий.

В нашем случае под ранжированием понимается процедура упорядочивания (присваивания ранга или места) множества значений определённого показателя $A(C_i)$ на основе выстраивания последовательности от первого значения $C_1 \rightarrow \max A(C_i)$ (ранг = 1) до $C_n \rightarrow \min A(C_i)$ (ранг = n, где n – количество элементов в множестве $A(C_i)$). Выбор ранга может быть осуществлён экспертом или связанными рангами на основе упорядочивания имеющихся значений в множестве $A(C_i)$.

В первом случае эксперт на основе собственного опыта, располагая знаниями о возможном значении каждого из пока-

зателей может предопределить его ранг, то есть расположить показатели в порядке предпочтений. При этом, как правило, эксперт руководствуется одним или несколькими правилами (условиями) для определения ранга – приписывает элементам множества $A(C_i)$ соответствующие числовые значения:

$$\begin{aligned} r_1 &= f(C_1)=1; \\ r_2 &= f(C_2)=2; \\ r_3 &= r_4 = 3; \\ r_5 &= r_6 = 4; \\ \dots r_n &= f(C_n)=n \end{aligned} \quad (3)$$

Главным условием в данном случае является монотонность последовательности приписываемых значений. Для удобства ранжирования обычно используют натуральный ряд чисел. Наиболее предпочтительному значению показателя присваивается ранг 1 ($r_1 = 1$), по мере убывания предпочтения ранг возрастает ($r_n = N$). Эквивалентным значениям (равным по значению показателя) присваивается одинаковый ранг (например, $r_2 = r_3 = 2$).

Во втором случае, ранжирование можно осуществить, используя упорядочивание имеющихся значений в множестве $A(C_i)$, т.е. равные среднему арифметическому значению порядковых номеров. Такое ранжирование называют связанным или связанными рангами. При этом сумма рангов m значений в множестве $A(C_i)$ равна сумме натуральных чисел от 1 до m . Это позволяет более оптимально реализовать предложенную методику, т.к. не требует привлечения экспертов. Кроме того, это может быть нацелено на использование авторского подхода к любому множеству элементов (показателей) $A(C_i)$. В нашем случае будем использовать второй вариант ранжирования.

II. В случае необходимости (если категорию определяют несколько показателей или параметров) рассчитывается ранг подкатегории j для региона на основе формулы 4:

$$r_{C_i} = \sum_{j=1}^m r_{SC_{ij}}, \quad (4)$$

где r_{c_i} – ранг категории, $r_{sc_{ij}}$ – ранг подкатегории j для категории i . Ранг подкатегории j для категории i региона может быть определён (5):

$$\begin{aligned} SC_{i1} \oslash SC_{i2} \oslash SC_{i3} \oslash \dots \\ \oslash SC_{ij-1} \sim SC_{ij} \end{aligned}, \quad (5)$$

где SC_{ij} – одна из подкатегорий j категории i .

3) После вычисления всех указанных рангов категорий и подкатегорий проводится проверка правильности ранжирования. Для этого необходимо рассчитать сумму рангов по формуле 6:

$$1 + 2 + 3 + \dots + N = N(N + 1) / 2, \quad (6)$$

где N – число показателей, которые участвуют в ранжировании. Например, если в данном случае 8 федеральных округов, то $8 \times (8 + 1) / 2 = 36$. Для проверки необходимо сложить величины рангов по каждой из категорий. Если суммы совпали, то ранжирование произведено верно.

В качества параметров, которые будут использованы при рейтинговании, были отобраны показатели, сгруппированные по 7 категориям («Доход», «Работа», «Питание», «Жильё», «Здоровье», «Экология», «ИКТ»), указанным выше. В каждую из категорий включены несколько подкатегорий, характеризующие данный показатель. Например, в категории «1. Доход» в подкатегорию были включены данные из списка Социально-экономических показателей регионов России⁷: «4.37. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг. В процентах от общей суммы потребительских расходов». Этот рейтинг рассчитывается по формулам (1, 2). В другую подкатегорию были включены данные о среднедушевых денежных доходах населения и величине прожиточного минимума, установленная в субъектах РФ на 2022 г. в IV квартале (на душу населения; рублей в месяц). Данные показатели были

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 26.02.2024).

обозначены «Доход_2_1» и «Доход_2_2» соответственно. Их рассчитывали по формулам 4 и 5.

Для расчёта данного показателя было использовано отношение двух величин (7):

$$RVT_{(D_2)} = \frac{\bar{T}_{(D_2)}}{C_{(D_2)}}, \quad (7)$$

где $RVT_{(D_2)}$ – относительная величина среднего дохода индивида в месяц («Доход_2»), $\bar{T}_{(D_2)}$ – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, рублей) («Доход_2_1»), $C_{(D_2)}$ – величина прожиточного минимума, установленная для региона (в месяц, рублей) («Доход_2_2»). Расчёт $RVT_{(D_2)}$ (показатель «Доход_2») позволяет определить во сколько раз доходы индивида превышают или ниже величины прожиточного минимума в рассматриваемом регионе (формулы 4, 5). Аналогично были сделаны расчёты по категориям 2–7 (табл. 1).

После вычисления всех рангов по заявленным категориям проводится проверка (по формуле 6) ранга и правильности процедуры ранжирования. Для этого необходимо рассчитать сумму рангов. Условием правильности расчёта является совпадение расчётных сумм. Далее необходимо создать итоговую матрицу рейтингов округов по социально-экономическим показателям (табл. 2).

Матрица позволяет представить в обобщённом виде показатели рейтингов. На основе итоговых структурированных данных можно осуществить процесс визуализации для представления исследуемых территорий. В частности, в данной методике предлагается использовать маркер – типа «светофор». При рейтинговании 8 округов, итоговая матрица может быть построена по 8 уровням. Для первых двух (1 и 2 мест) – маркер «зелёный» (отличные значения итогового показателя); для 3 и 4 – «жёлтый» («хорошо»); для 5 и 6 – «красный» («удовлетворительно»: необходимо принять меры для улучшения показателей); для 7 и 8 мест – «чёрный» («неудовлетворитель-

Таблица 1

Категории и подкатегории, отобранные* для рейтингования федеральных округов России по социально-экономическим показателям

Table 1

Categories and subcategories selected for rating Russian districts by socio-economic indicators

Категория	Подкатегория (обозначение)	Социально-экономический показатель региона (данные Росстата**)
1. Доход	Расходы на ЖКХ (Доход_1)	4.37. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг
	Отношение доходов к прожиточному минимуму (Доход_2)	4.18. Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах РФ на 2022 год 4.4. Среднедушевые денежные доходы населения
	Величина прожиточного минимума (Доход_2_1)	4.18. Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах РФ на 2022 год
	Средний доход в месяц (Доход_2_2)	4.4. Среднедушевые денежные доходы населения
2. Работа	Занятость населения (Работа_1)	3.10. Уровень занятости населения
	Безработица (Работа_2)	3.21. Уровень безработицы
3. Питание	Потребление мяса (Потребление_1)	4.28. Потребление мяса и мясoproдуктов, молока и молочных продуктов на душу населения
	Потребление молока (Потребление_2)	4.28. Потребление мяса и мясoproдуктов, молока и молочных продуктов на душу населения
	Потребление яиц (Потребление_3)	4.30. Потребление яиц и сахара на душу населения
	Потребление масла (Потребление_4)	4.31. Потребление растительного масла на душу населения
4. Жильё	Общая площадь жилья (Жильё_1)	4.34. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя
5. Здоровье	Заболееваемость (Здоровье_1)	6.8. Заболееваемость на 1000 человек населения
	Численность врачей и среднего медперсонала (Здоровье_2)	6.4. Численность врачей всех специальностей 6.6. Численность среднего медицинского персонала
	Численность врачей (Здоровье_2_1)	6.4. Численность врачей всех специальностей
	Численность среднего медперсонала (Здоровье_2_2)	6.6. Численность среднего медицинского персонала
6. Экология	Выброс загрязняющих веществ (Экология_1)	8.3. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников
	Улавливание загрязняющих веществ (Экология_2)	8.4. Улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников
7. ИКТ	Использование ПК (ИКТ_1)	18.8. Использование персональных компьютеров и сети Интернет в домашних хозяйствах
	Использование Интернета (ИКТ_2)	18.9. Использование сети Интернет населением
	Использование сотовой связи (ИКТ_3)	18.10. Число подключённых абонентских устройств мобильной связи

* В данном случае расчёты проводились именно по указанным категориям, однако методика позволяет включать любое количество элементов для осуществления оценки.

** Регионы России. Социально-экономические показатели (приложение) // Росстат: [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2023.rar (дата обращения: 26.02.2024).
Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 26.02.2024).

Источник: составлено авторами с использованием данных Росстата.

Таблица 2

**Итоговая матрица рейтингов федеральных округов
по социально-экономическим показателям**

Table 2

The final matrix of ratings of federal districts by socio-economic indicators

Регион	Ранг (K_1)	Ранг (K_2)	...	Ранг (K_i)	Ранг
Регион (1)	$r_{C_1}(1)$	$r_{C_2}(1)$	...	$r_{C_i}(1)$	$R_C(1)$
Регион (2)	$r_{C_1}(2)$	$r_{C_2}(2)$	...	$r_{C_i}(2)$	$R_C(2)$
...	...	...	...	...	...
Регион (t)	$r_{C_1}(t)$	$r_{C_2}(t)$	...	$r_{C_i}(t)$	$R_C(t)$

Источник: составлено авторами.

но»: необходимы срочные меры и административные решения для улучшения ситуации). В зависимости от задач исследования, количества регионов, маркер — «светофор» может быть модернизирован и видоизменён под существующие установки.

Результаты исследования

Рейтингование федеральных округов России по социально-экономическим показателям позволило на основе данных Росстата выявить и определить их дифференциацию. Расчёт производился согласно указанному алгоритму в последовательности обозначенных категорий. При этом рассчитывались ранги подкатегорий. Вычисления по категории «1. Доход» производились в два этапа: первоначально вычислялась подкатегория (Доход_2) согласно формуле (7). Затем были рассчитаны ранги для Доход_1 и Доход_2. Ранг по категории Доход_1 (Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг) показывает, что в тройке лидеров федеральные округа Северо-Кавказский (СКФО), Сибирский (СФО), Южный (ЮФО) (рис. 1а). Данный ранг был рассчитан с использованием реверсивной шкалы, так как показатель характеризует долю расходов. Центральный федеральный округ (ЦФО) занял

последнее 8 место. Ранг по категории Доход_2 (Отношение доходов к прожиточному минимуму): в лидерах ЦФО, СЗФО и ЮФО.

Ранг по категории работа, также учитывает две подкатегории. Подкатегория Работа_1 (Занятость населения) (рис. 1б) демонстрирует лидерство федеральных округов Северо-Западного (СЗФО), ЦФО и Дальневосточного (ДФО). Подкатегория Работа_2 (Безработица) была рассчитана с использованием реверсивной шкалы. Самая благоприятная ситуация по данному показателю у ЦФО, СЗФО и Уральского федерального округа (УФО) (согласно данным Росстата за 2022 г.).

Вычисления по категории «3. Питание» осуществлялись с использованием необходимых подкатегорий (Потребление_1, Потребление_2, Потребление_3, Потребление_4) по формулам 4,5. В тройку лидеров по потреблению «мяса» вошли ЦФО, СЗФО, ЮФО распределив соответственно 1, 2 и 3 место в рейтинге потребления. По «молоку» — первое место у СЗФО, второе — у Приволжского федерального округа (ПФО), третье — у СФО. В подкатегории «яйцо» лидирует ЮФО. На втором и третьем местах СЗФО и ЦФО соответственно. По «растительному маслу» максимальный объём у ЦФО, ЮФО и ПФО. На втором месте СКФО, УФО, на третьем СЗФО, СФО, ДФО. Затем был рассчитан ранг Питание (рис. 1в). Лидерство

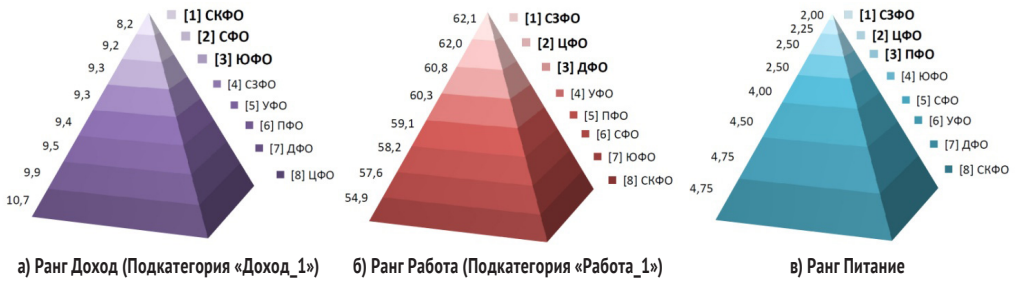

Рис. 1. Примеры визуализации рассчитанных рангов по некоторым категориям

Fig. 1. Examples of visualization of calculated ranks for some categories

Источник: расчёты авторов на основе данных Росстата за 2022 год.

по рангу «Питание» и «Жильё» принадлежит СЗФО. По питанию ЦФО на втором месте, а по жилью на четвёртом. ПФО на третьем по питанию, а по жилью на втором.

При вычислении ранга подкатегории (Здоровье_1) использовалась реверсивная шкала. Вычисления по подкатегории (Здоровье_2) производилось в два этапа: вначале вычислялся рейтинг для двух показателей «Численность врачей» (Здоровье_2_1) и «Численность среднего медперсонала» (Здоровье_2_1) на 10 тыс. чел. населения. Расчёты производились согласно формулам (4,5). В тройку лидеров по количеству врачей вошли СЗФО (1), ДФО (2), ЦФО и СФО (3) распределив соответственно 1, 2 и 3 места в рейтинге. Иная ситуация с количеством среднего медицинского персонала: первое место у ЦФО и ПФО, второе — СКФО, третье — ЮФО и ДФО.

Результаты вычисления по категории «6. Экология»: рассчитаны две подкатегории — «Выброс загрязняющих веществ» (Экология_1) (где использовалась реверсивная шкала) и «Улавливание загрязняющих веществ» (Экология_2). Расчёт производился согласно формулам (1,2). По категории «7. ИКТ» также были посчитаны показатели в два этапа: вначале вычислили рейтинги для подкатегорий: «Использование ПК» (ИКТ_1), «Использование Интернета» (ИКТ_2), «Использование сотовой связи» (ИКТ_3) согласно формулам (4,5), а затем был рассчитан ранг использования ИКТ. В тройку лидеров по применению персональных компьютеров (ПК) в домохозяйствах вошли ЦФО, СЗФО, ЮФО распре-

делив соответственно 1, 2 и 3 места в рейтинге. Использование интернета населением: первое место у ЮФО, второе — ЦФО, третье — СКФО. По числу подключённых абонентских устройств мобильной связи в лидерах ЦФО, на втором месте СЗФО, на третьем — УФО (согласно данным Росстата за 2022 г.).

Визуализация итогов ранжирования федеральных округов по всем рассмотренным категориям (представленным как среднее арифметическое значение), приведена на рис. 2. Для наглядного представления полученных значений рейтингования по социально-экономическим показателям также была составлена обобщающая итоговая матрица (табл. 3). Таким образом, ЦФО является лидером по всем заявленным для исследования категориям и подкатегориям. У данного ФО имеется только один низкий ранг подкатегории — «доля расходов на ЖКХ». На втором месте СЗФО: у него выявлены два критических показателя — подкатегория «Здоровье_1 (Заболеваемость)» и «ИКТ_2 (Использование сотовой связи)». На третьем месте ЮФО с двумя критическими показателями — подкатегория «Работа_1 (Занятость населения)» и «Экология_2 (Улавливание загрязняющих веществ)». Представленный вариант позволяет ранжировать и визуализировать полученные результаты с выделением показателей, соответствующих среднему значению по стране, выше этого значения, либо ниже.

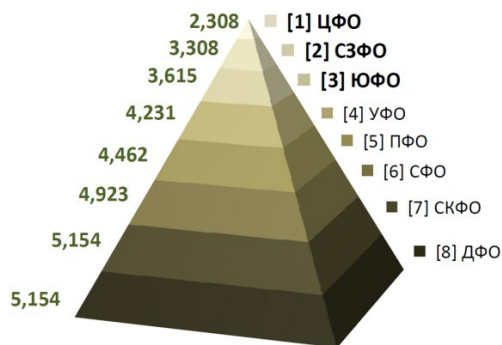

Рис. 2. Визуализация итогового ранжирования регионов (Федеральных округов)

Fig. 2. Visualization of the final ranking of regions (federal districts)

Источник: расчёты авторов (на основе данных Росстата за 2022 г.).

Современные подходы к рейтингованию регионов отличаются как с точки зрения методологии, так и применяемым математическим аппаратом. Все они преследуют определённые цели и решают актуальные задачи. Главным во всех подходах остаётся необходимость использования релевантных данных, которые могут в полной мере характеризовать исследуемые показатели. В авторской методике рейтингования федеральных округов по социально-экономическим показателям были использованы данные Росстата, что в значительной мере подтверждает объективность построенного рейтинга. Кроме того, пред-

Таблица 3

Итоговая матрица рейтингов регионов (округов) по социально-экономическим показателям

Table 3

The final matrix of ratings of regions (districts) by socio-economic indicators

Ранг / Регион	Доход (Подкатегория «Доход_1»)	Доход (Подкатегория «Доход_2»)	Работа (Подкатегория «Работа_1»)	Работа (Подкатегория «Работа_2»)	Питание	Жильё	«Здоровье (Подкатегория «Здоровье_1»)	«Здоровье (Подкатегория «Здоровье_2»)	«Экология (Подкатегория «Экология_1»)	«Экология (Подкатегория «Экология_2»)	«ИКТ (Подкатегория «ИКТ_1»)	«ИКТ (Подкатегория «ИКТ_2»)	«ИКТ (Подкатегория «ИКТ_3»)	РАНГ
1. Центральный федеральный округ	7	1	2	1	2	3	3	1	4	2	1	2	1	1
2. Северо-Западный федеральный округ	3	2	1	2	1	1	7	4	5	6	2	7	2	2
3. Южный федеральный округ	4	3	7	4	3	4	2	2	2	7	3	1	5	3
4. Северо-Кавказский федеральный округ	1	7	8	7	6	7	1	2	1	8	8	3	8	7
5. Приволжский федеральный округ	5	5	5	3	3	2	5	5	6	4	5	6	4	5
6. Уральский федеральный округ	5	4	4	3	5	3	6	3	7	3	4	5	3	4
7. Сибирский федеральный округ	2	5	6	5	4	5	4	3	8	1	7	8	6	6
8. Дальневосточный федеральный округ	6	6	3	6	6	6	3	6	3	5	6	4	7	8

Источник: расчёты на основе применения авторской методики по данным Росстата за 2022 год.

ложенная методика является универсальной, так как на этапе составления рейтинга может быть использовано и экспертное мнение, и статистические данные, которые

благодаря использованию математического аппарата, позволяют «сводить воедино» социально-экономические показатели, измененные и обозначенные абсолютно разными

ми величинами. Это существенно облегчает построение рейтинга. В перечень категорий и подкатегорий возможно вводить дополнительные параметры исходя из конечных целей и подзадач. При этом имеется вариант использования реверсивной шкалы для показателей, которые оказывают «отрицательно воздействие» на рейтинг.

В методике предложена визуализация рейтинга рассчитанных категорий и подкатегорий, а также итоговой матрицы рейтингов регионов (округов) по социально-экономическим показателям с маркером типа «светофор». Всё это позволяет каче-

ственно, объективно и наглядно осуществить рейтингование. Предложенная методика прошла апробацию на данных Росстата по социально-экономическим показателям за 2022 г. и доказала свою состоятельность. Дальнейшим развитием методики может быть расчёт рейтинга по разным территориям и с применением более сложной взвешенной шкалы оценивания. Такой подход интересен и полезен специалистам, учёным, исследователям и административным работникам, которые занимаются проблемами оценки социально-экономических показателей регионов России.

Литература и Интернет-источники

1. **Kakwani, N.** Welfare measures: An international comparisons / N. Kakwani // Journal of Development Economics. — 1981. — Vol. 8(1). — P. 21–45. DOI: 10.1016/0304-3878(81)90044-4
2. **Lambert, P.** The Distribution and Redistribution of Income (third ed.) / P. Lambert // UK, Manchester University Press. — 2002. — 336 p.
3. **Гамукин, В. В.** Детерминанты финансового благосостояния населения Тюменской области / В. В. Гамукин // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 148–162. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13; EDN: YVWOQL
4. **Пыжев, А. И.** Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края: новый подход / А. И. Пыжев, Ю. И. Пыжева // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 34(409). — С. 30–40; EDN: UIWGFХ
5. **Медведева, Е. И.** Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире / Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Дискуссия. — 2023. — № 2(117). — С. 14–26. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26; EDN: VESMLV
6. **Linder, P.** Factor decomposition of the wealth distribution in euro area / P. Linder // Empirica. — 2015. — Vol. 42(2). — P. 291–322. DOI: 10.1007/s10663-015-9290-6
7. **Крошилин, С. В.** Построение модели оценки удовлетворённости качеством жизни: эконометрический подход / С. В. Крошилин, Е. И. Медведева, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 87–98. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8; EDN: ZDTPTZ
8. Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование) / О. А. Александрова, Н. В. Аликперова, М. А. Вершинина [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН. 2023. — 270 с. DOI: 10.19181/MONOGR.978-5-89697-422-2.2023; EDN: KARIND
9. **Локосов, В. В.** Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035; EDN: GKMLZ
10. **Ярашева, А. В.** Региональные аспекты изменения качества жизни россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 10(156). — С. 38–46. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-10-38-46; EDN: ZSKAIU
11. **Ноздрина, Н. Н.** Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России / Н. Н. Ноздрина, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 4–17. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.1; EDN: ZVCXTI
12. **Айвазян, С. А.** К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения / С. А. Айвазян // Экономика и математические методы. — 2003. — Т. 39. — № 2. — С. 33–53; EDN: OOLILV

13. **Камалова, П. М.** Интегральная оценка уровня качества жизни населения региона на основе формализованной процедуры / П. М. Камалова // Актуальные вопросы экономических наук. — 2014. — № 37. — С. 96–102; EDN: SATLAL
14. **Гурбан, И. А.** Рейтингование территорий как инструмент измерения регионального благополучия / И. А. Гурбан // Экономический анализ: теория и практика. — 2015. — № 42(441). — С. 36–51; EDN: UNYOXF
15. **Малкина, М. Ю.** Социальное благополучие регионов Российской Федерации / М. Ю. Малкина // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — № 1. — С. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5; EDN: YGKDTN
16. **Шабунова, А. А.** Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы / А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова, Г. В. Леонидова [и др.]. — Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2022. — 295 с. EDN: PREFFP

Сведения об авторах:

Крошкилин Сергей Викторович, к.т.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ; доцент Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения РФ, Рязань, Россия.

Контактная информация: e-mail: krosh_servey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; РИНЦ SPIN-код: 8035-9831.

Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; РИНЦ SPIN-код: 1609-2427.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97

THE METHODOLOGY OF RANKING FEDERAL DISTRICTS BY SOCIO-ECONOMIC INDICATORS

Sergey V. Kroshilin^{1,2,3*}, Elena I. Medvedeva^{1,2}

¹*ISESP FCTAS RAS*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²*Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare*

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

³*Ryazan State Medical University*

(9 Vysokovolttnaya str., Ryazan, Russia, 390026)

*E-mail: krosh_servey@mail.ru

For citation:

Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. The methodology of ranking federal districts by socio-economic indicators. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 85-97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study was to develop and test a methodology for ranking federal districts by socio-economic indicators. The methodology is built on an integral assessment based on the calculation of ratings of selected (chosen) categories and subcategories, which to a certain extent can characterize the studied indicators. For calculations, the authors use socio-economic indicators of Rosstat (data showcases Regions of Russia — Socio-economic indicators). The proposed approach is universal, since it can be based both on statistical data and on the results of empirical studies. It is possible to include additional parameters in the list of categories and subcategories based on the final goals and subtasks of building a rating. There is an option to visualize the obtained rating data on the*

basis of the results entered into the final rating matrix using markers of the «traffic light» type. The proposed method has been tested and proved its viability. According to the results, Central Federal District is the leader in all categories and subcategories (Rating = 1). In second place is Northwestern Federal District (Rating = 2), in third place is the Southern Federal District (Rating = 3). The rest of the federal districts occupy lower positions, but the use of ranking and markers like «traffic light» allows you to visualize the calculated data and highlight critical categories. The developed approach can be useful to specialists, scientists, researchers and administrative workers who deal with the problems of development and assessment of socio-economic indicators of the population.

Keywords: quality of life of population, socio-economic indicators, rating, rating of regions, methods of assessing the quality of life, ranking of federal districts.

References and Internet sources

1. Kakwani N. Welfare measures: An international comparison. *Journal of Development Economics*. 1981. Vol. 8(1). P. 21–45. DOI: 10.1016/0304-3878(81)90044-4
2. Lambert P. *The Distribution and Redistribution of Income* (third ed.). Manchester University Press. UK. 2002. 336 p.
3. Gamukin V. V. Determinanty finansovogo blagosostojanija naselenija Tjumenskoj oblasti [Determinants of financial well-being of the population of Tyumen oblast]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 148–162. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13 (in Russ.)
4. Pyzhev A. I., Pyzheva Yu. I. Otsenka regional'nogo sotsio-ekologo-ekonomicheskogo blagopoluchija Krasnojarskogo kraja: novyj podhod [Evaluation of regional ecological and socio-economic well-being of the Krasnoyarsk krai: a new approach]. *Regional'naja ekonomika: teorija i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2015. No. 34(409). P. 30–40. (in Russ.)
5. Medvedeva E. I., Yarasheva A. V., Makar S. V. Schast'je i blagopoluchije: osnovnyje determinanty v sovremennom mire [Happiness and well-being: the main determinants in the modern world]. *Diskussija [Discussion]*. 2023. No. 2(117). P. 14–26. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26 (in Russ.)
6. Linder P. Factor decomposition of the wealth distribution in euro area. *Empirica*. 2015. Vol. 42(2). P. 291–322. DOI: 10.1007/s10663-015-9290-6
7. Kroshilin S. V., Medvedeva E. I., Yarasheva A. V. Postrojenije modeli otsenki udovletvorjonnosti kachestvom zhizni: ekonometricheskij podhod [Creating a model for assessing satisfaction with the quality of life: an econometric approach]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 87–98. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8 (in Russ.)
8. Aleksandrova O. A., Alikperova N. V., Vershinina M. A., et al. Finansovoje povedenije naselenija (monitoringovoje issledovanije) [*Financial Behavior of the Population* (Monitoring Study)]. FNISTs RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. Moscow. 2023. 270 p. DOI: 10.19181/MONOG.978-5-89697-422-2.2023 (in Russ.)
9. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Klasterizatsija regionov Rossii po pokazatelam kachestva zhizni i kachestva naselenija [Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035 (in Russ.)
10. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyje aspekty izmenenija kachestva zhizni rossijan [Regional aspects of changing the quality of life of Russians]. *Regional'nyje problemy preobrazovanija ekonomiki [Regional Aspects of Economic Transformation]*. 2023. No. 10(156). P. 38–46. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-10-38-46 (in Russ.)
11. Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. Kachestvo zhizni i zhilischnyje uslovija naselenija v krupnejshikh aglomeratsijakh i gorodakh-millionnikakh Rossii [Quality of life and housing conditions of the population in the largest agglomerations and million-plus cities of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 4–17. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.1 (in Russ.)

12. Aivazian S. A. K metodologii izmerenija sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naselenija [Towards a methodology of measuring of the population's life quality synthesized categories]. *Ekonomika i matematicheskiye metody* [Economics and Mathematical Methods]. 2003. Vol. 39. No. 2. P. 33–53 (in Russ.)
13. Kamalova P.M. Integral'naja otsenka urovnja kachestva zhizni naselenija regiona na osnove formalizovannoj protsedury [Integral assessment of the quality of life of the population of the region on the basis of a formalized procedure]. *Aktual'nyje voprosy ekonomicheskikh nauk* [Current Issues of Economic Sciences]. 2014. No. 37. P. 96–102 (in Russ.)
14. Gurban I.A. Rejtingovanije territorij kak instrument izmerenija regional'nogo blagopoluchija [Territorial rating as a tool to measure the well-being of regions]. *Ekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice]. 2015. No. 42(441). P. 36–51 (in Russ.)
15. Malkina M. Y. Sotsial'noje blagopoluchije regionov Rossijskoj Federatsii [Social well-being of the Russian Federation regions]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions]. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5 (in Russ.)
16. Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Leonidova G. V., et al. Sotsial'noje razvitije territorij: aktual'nyje trendy i novye vyzovy [Social Development of Territories: Current Trends and New Challenges]. *Vologodskij nauchnyj tsentr Rossijskoj akademii nauk* [Vologda Research Center RAS]. Vologda. 2022. 295 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Kroshilin Sergey Viktorovich, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow; Associate Professor, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia.

Contact information: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; Elibrary SPIN-code: 8035-9831.

Medvedeva Elena Ilyinichna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; Elibrary SPIN-code: 1609-2427.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-98-110
EDN: WENHTT

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Токсанбаева М. С.*, Коленникова О. А., Попова Р. И.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: matoksan@mail.ru

Для цитирования:

Токсанбаева М. С., Коленникова О. А., Попова Р. И. Социально-экономические факторы, влияющие на качество трудового потенциала населения регионов России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 98-110. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-98-110; EDN: WENHTT

Аннотация. В число задач масштабного исследования человеческого потенциала населения регионов входит изучение такого его элемента, как трудовой потенциал. Для обоснования направлений развития этого потенциала он рассматривается со стороны его количественных и качественных характеристик, а также влияющих на них факторов. В ходе предшествующего анализа эти характеристики описаны и сформированы их показатели, необходимые для проведения межрегионального анализа. А целью исследования, представленного в статье, стали факторы, которые оказывают на них влияние. Поскольку в основу изучения качественных параметров трудового потенциала положена квалификация работников как способность к труду определённого содержания и сложности, анализ сосредоточен на социально-экономических факторах. Среди них выбраны те, которые непосредственно воздействуют на квалификацию занятых. В состав данных факторов входят полученное работниками формальное (в вузах и колледжах) и дополнительное профессиональное образование (на внутрифирменном уровне). Это также занятость в отраслях, связанных с развитием трудового потенциала (обрабатывающая индустрия и отрасли производства услуг с высокой занятостью специалистов). Эти отрасли предъявляют значительный спрос на квалифицированный труд. В число факторов включены и внутрифирменные затраты, необходимые для поддержания и повышения квалификации, а именно затраты на рабочую силу и расходы на дополнительное профессиональное образование. Для проверки валидности отобранных факторов методом парной корреляции выявлялась теснота связи между их показателями и показателями качества трудового потенциала. В абсолютном большинстве случаев значимая корреляционная связь установлена, а значит, предложенные факторы могут быть использованы при обосновании регулирующих воздействий на качественные параметры трудового потенциала.

Ключевые слова: трудовой потенциал, регион, качество, работник, квалификация, социально-экономический фактор, корреляция.

Введение

На предыдущем этапе исследования трудового потенциала населения субъектов РФ рассматривалось качество этого потенциала. Акцент был сделан на его интеллектуальной (квалификационной) составляющей ввиду её высокой представительности как качественной характеристики и низкой доступности статистической информации по другим составляющим. Определено, что для межрегионального анализа подходят три иерархически сформированных показателя трудового потенциала. Они рассчитываются по квалифицированным, высококвалифицированным и сверхквалифицированным работникам на основе авторской методики [1]. Затем было намечено изучить факторы, влияющие на качество трудового потенциала.

Но, прежде чем приступить к их изучению, в предложенные показатели и их состав внесены коррективы. Во-первых, предшествующий анализ выявил, что методика построения показателя по квалифицированным работникам нуждается в уточнении. В его знаменателе численность рабочей силы заменена на методически более корректную численность занятого населения. Во-вторых, для повышения надёжности межрегионального анализа из состава субъектов РФ исключены те, в которых по показателям качества трудового потенциала установлены статистические выбросы (выброс выявлен по показателю высококвалифицированных работников — город Москва, этот регион исключён из региональных совокупностей). В-третьих, в состав показателей качества трудового потенциала дополнительно включены стоимостные оценки, также отражающие его качественные характеристики: средняя региональная заработная плата и чистый региональный продукт (ЧРП) в расчёте на одного работника (в % к средним по региону показателям). Их включение обусловлено следующим обстоятельством: если указанные выше три показателя дают представление о трудовых способностях работников, то две дополнительные оценки индициру-

ют реализацию этих способностей, выраженную в стоимостных измерителях. Данные оценки также «впитывают» квалификационные параметры занятых. Так, заработная плата находится в прямой зависимости от квалификации: чем сложнее, квалифицированнее труд, тем выше зареботки, а соответственно и трудоёмкость производства [2]. Что касается валового регионального продукта (ВРП) и ЧРП на одного работника, то они, по исследованию группы специалистов, коррелируют с потребностями работодателей в квалификационных компетенциях персонала [3].

Некоторые исследователи считают целесообразным включать в стоимостные оценки качества трудового потенциала удельный ВРП [4], что, полагаем, является не совсем корректным, и предпочтение следует отдать удельному ЧРП. В отличие от ВРП, чистый региональный продукт формируется живым трудом и зависит от трудоёмкости производства. Поэтому для его расчёта необходимо из ВРП вычитать амортизацию, которая образуется прошлым трудом и обусловлена фондоёмкостью производства. Но Росстат публикует информацию об амортизации только по организациям (юридическим лицам), поэтому в расчётах показателя по ЧРП именно она вычиталась из ВРП. Такой расчёт представляется допустимым, поскольку производства в неформальном секторе (без образования юридического лица) не являются фондоёмкими и поэтому характеризуются скромными величинами амортизации. Таким образом, совокупность показателей качества трудового потенциала населения регионов увеличена до пяти единиц, по которым в соответствии с целью данной работы определялись факторы, влияющие на это качество.

Основные подходы к исследованию социально-экономических факторов качества трудового потенциала

Факторам, влияющим на качественные характеристики трудового потенциала, посвящена обширная научная литература, в которой они описаны на разных иссле-

довательских уровнях (страна, регион, отрасль, предприятие, индивид и пр.) [5–7]. Для межрегионального анализа лучше подходят факторы макро- и мезоуровня (регион). В их число обычно включают демографические, социально-экономические, социально-психологические, технико-технологические, природно-климатические факторы, с некоторыми вариациями образующие костяк этой группы [8; 9]. В статье их состав ограничен социально-экономическими факторами, важными для планируемого в дальнейшем обоснования направлений и способов воздействия на качество трудового потенциала. В этом отношении они отличаются от факторов, которые можно отнести к группе, которая ввиду их объективного характера слабо поддаётся регулирующим воздействиям (демографические, природно-климатические). Кроме того, предпочтение отдаётся факторам, непосредственно влияющим на качество трудового потенциала (в отличие от технико-технологических) и/или не создающим серьёзных проблем статистики (как социально-психологические).

Для показателей по квалифицированным и высококвалифицированным работникам, а также по стоимостным оценкам отбирались одни и те же факторы. Это связано с тем, что у показателей, отражающих способность к труду, при всех их различиях схожие принципы построения. А стоимостные оценки сильно с ними коррелируют (по коэффициенту корреляции Пирсона), потому и к ним можно приложить те же факторы. Что касается сверхквалифицированных работников, то из-за методических и статистических проблем они представлены только очень ограниченным контингентом специалистов в сфере науки, поэтому построенный на этой основе показатель определён как иллюстративный. К нему соответственно применены особые факторы. Как и показатели качества трудового потенциала, факторные показатели рассчитывались по данным на одного работника в процентах от средних величин по региону или по всей совокупности регионов. Далее для проверки корректности отобранных факто-

ров методом парной корреляции устанавливалась взаимосвязь между показателями качества трудового потенциала и факторными показателями (на основе коэффициента Пирсона). Результаты подвергнуты содерзательному анализу в аспекте интерпретации полученных данных.

Основные результаты

Качество трудового потенциала населения определяется квалификацией и сопутствующим ей уровнем профессионального образования занятых. Поэтому в состав социально-экономических факторов, влияющих на это качество, вошли работники, обладающие формальным высшим и средним профессиональным образованием (то есть полученным в образовательных организациях). Именно такая подготовка важна для квалифицированного труда. Несмотря на то, что в структуре обоих рассматриваемых показателей присутствует профессионально подготовленный персонал, в основу их формирования приоритетно положена квалификация, не всегда соответствующая уровню формального образования. Этот уровень может быть выше или ниже требуемого. Но развитие производств, предъявляющих спрос на квалифицированных работников, зависит от общего уровня профессиональной подготовки всего персонала.

В состав социально-экономических факторов качества трудового потенциала включены также характеристики занятости в производствах, предъявляющих значительный спрос на квалифицированный персонал. В их число включены кадры обрабатывающей промышленности, которая выделена из состава индустриальных отраслей. Во-первых, в отличие от неё добывающая индустрия связана с наличием в регионах природных ресурсов, а их значительные запасы определяют территориальную локализацию этой отрасли и нередко производственную специализацию. Во-вторых, и это главное, обрабатывающая промышленность относится к ключевым фондосоздающим отраслям, инвестирующим в физический капитал, от которого во мно-

гом зависит социально-экономическое развитие страны и её территорий в условиях растущих запросов на новую индустриализацию [10]. Для её обеспечения необходимы работники с качественным и перманентно прогрессирующим трудовым потенциалом. В-третьих, труд во многих подотраслях обрабатывающей промышленности характеризуется высокой сложностью, а потому в ней сосредоточены квалифицированные кадры. Так, на долю специалистов приходится почти четверть персонала, что выше, чем в других индустриальных видах деятельности (кроме более фондёмкой электроэнергетики) и в целом в реальном (товаропроизводящем) производстве.

Несмотря на то, что занятость в обрабатывающей индустрии длительное время имела тенденцию к снижению и стаби-

лизировалась на уровне 14–14,2% только в последнее десятилетие, по данным обследования Росстата «Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников» (ОЗПП), квалификационная структура работников в ней улучшалась благодаря повышению отраслевой доли специалистов с 19,4% в 2015 г. до 22,3% в 2021 г. (рис. 1). Повышение доли специалистов высшей и средней квалификации в обрабатывающей промышленности сопровождается внедрением современных технологий и некоторым сокращением персонала меньшей квалификации. Данные процессы оказывают позитивное влияние на интеллектуальную составляющую трудового потенциала как в отрасли, так и в целом по совокупности работников.

Рис. 1. Численность специалистов высшего и среднего уровня квалификации в обрабатывающей промышленности РФ в 2015–2021 гг., %

Fig. 1. Number of specialists with higher and mid-level qualification in the Russia manufacturing industry in 2015–2021, %

Источник: Рассчитано по ОЗПП за октябрь 2015–2021 гг. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 16.01.2024).

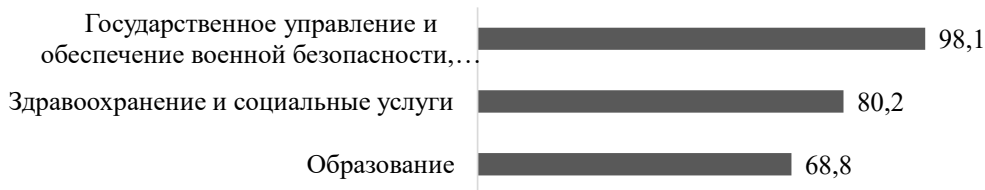
Ещё одна группа отраслей, предъявляющих значительный спрос на квалифицированных работников, представлена видами деятельности, относящимися к деловым и профессиональным услугам. В большей их

части концентрируется высокая доля специалистов, превосходящая аналогичный показатель во всех прочих отраслях. Поэтому они охарактеризованы как отрасли с высокой занятостью специалистов. Так, по ин-

формации ОЗПП, даже относительная численность специалистов высшей квалификации в основном доходит в них не менее, чем до 48–50%. Например, в 2021 г. в деятельности в области информации и связи их доля составила 65,1%, в профессиональной и научно-технической деятельности — 51,9%, в сфере образования — 56,3%. Высокую долю и, тем более, увеличение «беловоротничкового» персонала в этих отраслях принято считать одним из признаков постиндустриального развития [11]. Но для межрегионального анализа качества трудового потенциала из их состава решено исключить отрасли, в которых преобладает занятость в бюджетных организациях. И это несмотря на то, что такие «бюджетные» виды деятельности, как образование и здравоохранение, подобно обрабатывающей промышленности, являются инвестиционными отраслями (в данном случае — инвестирующими в человеческий капитал).

Трансформация «бюджетной» занятости в территориальном разрезе не всегда протекает по типу перехода от индустриальной к постиндустриальной занятости. Так,

в ряде субъектов РФ, где промышленность слабо развита, доля персонала образования и здравоохранения значительно выше средних показателей. Примером может служить слабо индустриализированная Республика Тыва. Кроме того, в «бюджетных» отраслях действуют разного рода бюджетные ограничения, не лучшим образом сказывающиеся на деятельности сотрудников соответствующих организаций. В частности, это относится к размерам заработной платы (рис. 2). При существенной занятости специалистов высшей и средней квалификации заработная плата в «бюджетных» отраслях не дошла до среднего уровня по всем работникам. При этом в финансовой и страховой деятельности она достигла 188,8% среднего показателя, в деятельности в области информатики и связи — 165,9%, в профессиональной, технической и научной деятельности — 149,1%. Такие характеристики зарплат подтверждают особый статус «бюджетных» отраслей как одну из причин их исключения из группы с высокой занятостью специалистов для проведения межрегионального анализа.

Рис. 2. Средняя заработная плата в бюджетных видах деятельности РФ в 2021 г., % к средней по всем работникам

Fig. 2. Average wages in the budget sectors of Russia in 2021, % of the average for all employees

Источник: Рассчитано по ОЗПП в 2021 г. // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 16.01.2024).

В число социально-экономических факторов, влияющих на качество трудового потенциала, входит также участие работников в дополнительном профессиональном образовании (ДПО), которое углубляет, обновляет и расширяет их знания и навыки. Это связано с одной из особенностей квалификации. Она, как правило, постоянно нуждается в поддержании и повышении, поскольку причины, воздействующие на неё,

подвержены перманентным изменениям. Более того, в настоящее время эти изменения значительно ускорились, что приводит к стремительному устареванию уже приобретённых профессиональных знаний и умений и к актуализации их обновления. В этих условиях ДПО фактически становится непрерывным.

Ещё полвека назад эта проблема нашла отражение в программах ЮНЕСКО по об-

учению населения на протяжении всей жизни. В текущем столетии они стали частью программы устойчивого развития ООН до 2030 года¹. По отношению к занятому населению данное обучение подразумевает получение помимо формального ещё и ДПО. Эти требования во многом обусловлены процессами внедрения инноваций в действующие и новые производства, которые в совокупности, по мнению ряда специалистов, являются основными для формирования запросов на дополнительное образование [12]. В реализации данных процессов важнейшая роль отводится программам ДПО, направленным на получение узкопрофессиональных компетенций (жестких навыков). Но в последние годы

возрастает значение надпрофессиональных (мягких) навыков, которые также необходимо учитывать в программах ДПО.

По информации последнего выборочного исследования Росстата об участии работников в непрерывном образовании в 2020 г., в ДПО участвовало около трети занятого населения, что заметно меньше, чем в развитых странах². Этот показатель значительно варьировался по видам экономической деятельности (ВЭД) — от 20,1% в сельском, лесном, охотничьем и рыбном хозяйстве до 56,8% в добыче полезных ископаемых. Чтобы установить, какие отрасли лидируют по участию работников в ДПО, выделены те из них, где уровень этого участия превосходит средний (табл. 1).

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Цели устойчивого развития ООН и Россия / под ред. С.Н.Бобылева и Л.М.Григорьева. — Москва: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. — 298 с.

² Дополнительное профессиональное образование в России — итоги реформ // Бюллетень о сфере образования. — 2017. — № 14. — 28 с.

Таблица 1
Участие занятого населения в ДПО выше среднего уровня по ВЭД в РФ в 2020 г., %

Table 1

Participation of the employed population in additional education above the average level by type of economic activity in Russia in 2020, %

ВЭД	Участие в дополнительном образовании, %
В среднем по ВЭД	28,0
Добыча полезных ископаемых	50,1
Обрабатывающая промышленность	30,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	38,8
Деятельность в области информации и связи	33,2
Финансовая и страховая деятельность	32,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	29,9
Административная деятельность и сопутствующие услуги	31,1
Государственное управление и военная безопасность	34,4
Образование	34,5
Здравоохранение и социальные услуги	33,4

Источник: Федеральное статистическое наблюдение участия населения в непрерывном образовании. 2020 г. // Росстат: [сайт]. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2020/index.html (дата обращения: 19.01.2024).

Данные табл. 1 показывают, что в состав отраслей, работники которых лидируют по уровню участия в ДПО, входят только виды деятельности, относящиеся к отраслям со значительной долей квалифицированных работников. А это отрас-

ли промышленности, в том числе обрабатывающая индустрия, и виды деятельности с высокой занятостью специалистов. Существенные различия этого показателя выявлены также по профессиональным группам. Участие в ДПО, превышающее

средний уровень, характерно для наиболее квалифицированного персонала, а именно для руководителей и специалистов (30–35%), а также для квалифицированных рабочих (почти 30%). К лидерскому составу примыкают операторы, сборщики, водители (27%), которые, по существу, тоже являются квалифицированными рабочими и незначительно уступают лидерам. В индустриальных отраслях все они относятся к ключевым профессиональным группам. В отраслях с высокой занятостью специалистов в число ключевых групп входят специалисты высокой и средней квалификации. Поэтому можно утверждать, что наиболее значительное участие в ДПО представителей этих групп не обошлось без их отраслевой принадлежности.

В состав социально-экономических факторов, влияющих на качество трудового потенциала, включены также стоимостные характеристики, которые показывают, какие средства тратятся на поддержание и повышение этого качества на внутрифирменном уровне. К их числу относятся затраты организаций на рабочую силу (по сути — на работников). В них входят заработная плата работников (3/4 всех затрат), неденежные виды заработков, единовременные премии, затраты на социальную защиту. Большинство элементов данных затрат связано с квалификационными параметрами персонала. Ещё одна стоимостная характеристика факторов трудового потенциала — расходы организаций на профессиональное обучение. Они преимущественно идут на обеспечение «жёстких» навыков, специфичных для конкретного производства.

Перечисленные социально-экономические факторы относятся к показателям качества трудового потенциала по квалифицированным и высококвалифицированным работникам. Для показателя по сверхквалифицированным работникам ввиду его иллюстративности предложен только один фактор — занятость в сфере научных исследований и разработок. По всем отобраным социально-экономическим факторам сформированы статистические показатели, необходимые для межрегиональ-

ного анализа: 1) региональная численность работников-обладателей высшего и среднего профессионального образования, % к занятым в субъекте РФ; 2) региональная численность работников обрабатывающей промышленности, % к занятым в субъекте РФ; 3) региональная численность работников отраслей с высокой занятостью специалистов (без персонала «бюджетных» отраслей), % к занятым в субъекте РФ; 4) региональная численность работников организаций, прошедших ДПО, % к занятым в субъекте РФ; 5) среднемесячные региональные затраты организаций на рабочую силу на одного работника % к средним по субъектам РФ; 6) средние региональные расходы организаций на профессиональное обучение на одного работника, % к средним по субъектам РФ; 7) региональная численность занятых в научных исследованиях и разработках, % к занятым в субъекте РФ.

Далее для проверки корректности перечисленных факторов методом парной корреляции выявлялась взаимосвязь между показателями качества трудового потенциала и факторными показателями (на основе коэффициента корреляции Пирсона). Фактор занятости в научных исследованиях и разработках использовался только для показателя по сверхквалифицированным работникам. Расчёты парной корреляции обобщены в табличном материале (табл. 2), в котором для четырёх показателей качества трудового потенциала (кроме показателя по сверхквалифицированным работникам) применялись условные обозначения: 1) ТПкв — показатель по квалифицированным работникам (региональная численность руководителей и специалистов на крупных и средних предприятиях); 2) ТПквк — показатель по высококвалифицированным работникам (региональная численность высококвалифицированных работников без г. Москвы как статистического выброса); 3) ТПзп — показатель средней заработной платы (средняя региональная заработная плата); 4) ТПчрп — показатель чистого регионального продукта на одного работника (чистый региональный продукт на одного занятого).

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона по показателям качества трудового потенциала и его социально-экономических факторов

Table 2

Pearson correlation coefficient for indicators of the quality of labor potential and its socio-economic factors

Показатели факторов качества трудового потенциала	Показатели качества трудового потенциала			
	ТПкв	ТПквк	ТПзп	ТПчрп
Региональная численность работников с высшим и средним профессиональным образованием	0,317	0,555	0,401	0,304
Региональная численность занятых в обрабатывающей промышленности	-0,562	-0,302	-0,536	-0,434
Региональная численность работников в отраслях с высокой долей специалистов (без «бюджетных» отраслей)	0,125*	0,585	0,299	0,07*
Региональная численность работников организаций, прошедших ДПО	0,294	0,111*	0,263	0,15*
Среднемесячные региональные затраты организаций на рабочую силу на одного работника	0,717	0,587	0,987	0,682
Средние региональные расходы организаций на профессиональное обучение на одного работника	0,39	0,216	0,601	0,418

*корреляция не подтверждена (не значима).

Источник: авторские расчёты коэффициента корреляции Пирсона на основе показателей Росстата.

Согласно табл. 2, между показателями качества трудового потенциала по квалифицированным и высококвалифицированным работникам, а также по стоимостным оценкам и факторными показателями в большинстве случаев выявляется корреляционная связь. Не значимая связь частично проявилась по факторам занятости в отраслях с высокой долей специалистов и доле работников, прошедших ДПО. В определённой степени это обусловлено занятостью в малом бизнесе, которая отсутствует в показателе качества трудового потенциала по квалифицированным работникам, но наличествует в показателе по высококвалифицированному контингенту. Так как в малом бизнесе, в отличие от крупных и средних предприятий, отрасли с высокой занятостью специалистов имеют немалое распространение, это сказалось на том, что корреляция фактора данной занятости с показателями по квалифицированным работникам не подтвердилась, а по высококвалифицированным — оказалась на среднем уровне. По фактору

участия персонала в ДПО корреляционная связь не подтверждена по показателю высококвалифицированных кадров, поскольку в малом бизнесе масштабы прохождения ДПО невысоки. По обоим названным факторам не значимой оказалась и связь с показателем удельного ЧРП, что также может быть обусловлено занятостью в малом бизнесе с его сравнительно небольшой доходностью.

В одном из случаев, а именно по фактору занятости в обрабатывающей промышленности корреляционная связь носит обратный характер. На данный результат повлияли различия субъектов РФ, связанные с их отраслевой специализацией. Часть из них отличается низкой занятостью в обработке, но, судя по средней заработной плате и среднему ЧРП, является высокодоходной (столичные мегаполисы, сырьевые регионы Севера). Ещё в одной части регионов занятость в обрабатывающей индустрии выше среднего уровня, но преимущественно за счёт потребительского сектора промышленности, а потому относится к малодоход-

ным (Ивановская область). Территории таких типов способствуют обратной корреляции рассматриваемого фактора с показателями качества трудового потенциала.

С фактором численности занятых с высшим и средним образованием показатели качества трудового потенциала находятся в умеренной корреляционной взаимосвязи. Исключением является средняя корреляция с показателем по высококвалифицированным работникам, поскольку в его конструкции заложена более высокая доля профессионально образованного контингента, чем в показатель по квалифицированным работникам. По факторам доли работников в отраслях с высокой занятостью специалистов и численности прошедших ДПО также выявляется в основном умеренная корреляция (кроме не подтверждённой). Коэффициент Пирсона у первого из двух названных факторов достигает среднего уровня по высококвалифицированным работникам, полагаем, потому что в данный контингент входят занятые в малом бизнесе. В нём, как отмечалось, доля работающих в отраслях с высокой занятостью специалистов имеет большее распространение.

В основном сильно коррелирующим с показателями качества трудового потенциала является фактор удельных затрат организаций на рабочую силу, поскольку в их составе преобладают затраты на заработную плату, зависящие от квалификации персонала. По фактору удельных расходов организаций на профессиональное образование ввиду скромного их уровня коэффициент Пирсона попадает в «зону» умеренной корреляции помимо показателя по высококвалифицированным работникам. Часть этого персонала трудится в малом бизнесе, а в нём профессиональное обучение меньше распространено, чем на крупных и средних предприятиях, и обходится дешевле. Отдельно проведён расчёт корреляции показателя качества трудового потенциала по сверхквалифицированным работникам с факторным показателем занятости в сфере научных исследований и разработок: коэффициент Пирсона составил

0,959. Этот высокий результат обусловлен тем, что сверхквалифицированные работники сосредоточены в основном в данной сфере.

Заключение

Отбор факторов, которые влияют на качество трудового потенциала населения, проводился с целью поиска направлений развития этого потенциала путём повышения его качества. Данным обстоятельством обусловлен выбор для анализа социально-экономических факторов, поскольку они оказывают непосредственное воздействие на качественные параметры названного потенциала и могут способствовать улучшению этих параметров с помощью мер как государственного, так и корпоративного регулирования. Каждому отобранному фактору дано обоснование и развёрнутая характеристика. В число факторов вошла занятость в отраслях, которые в наибольшей мере обеспечивают развитие этого потенциала, поскольку предъявляют более высокий, чем в других отраслях, спрос на квалифицированную рабочую силу. Кроме того, предложены факторы формального и дополнительного профессионального образования работников, вносящие серьёзный вклад в формирование уровня их квалификации. В состав факторов включены также внутрифирменные затраты на рабочую силу и расходы на ДПО, дающие представление о том, с какими издержками сопряжено улучшение квалификационных параметров занятости.

По совокупности факторов сформированы статистические показатели, подходящие, как и показатели качества трудового потенциала, для межрегионального анализа. С целью проверки их факторной функции выполнен корреляционный анализ между показателями качества этого потенциала и его факторов методом парной корреляции. Установлено, что в большинстве случаев между ними выявляется корреляционная связь — от умеренной до сильной. Объяснено, чем обусловлена то или иное значение коэффициента кор-

реляции Пирсона — особенностями конструкции показателей качества трудового потенциала и их стоимостных величин, спецификой региональной вариации факторных показателей. В целом есть основания полагать, что рассмотренные характеристики качества трудового потенциала и набор его социально-экономических факторов могут быть использованы для дальнейшего межрегионального исследования направлений и способов развития этого потенциала.

Литература и Интернет-источники

1. **Токсанбаева, М. С.** Показатели качества трудового потенциала населения регионов России / М. С. Токсанбаева, Р. И. Попова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10; EDN: EBUTVX
2. **Винокуров, Е. Ф.** Спрос на российском рынке труда / Е. Ф. Винокуров // *Экономическая наука современной России*. — 2023. — № 3(102). — С. 101–107. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-3(102)-101-107; EDN: NVFSXX
3. **Коршунов, И. А.** Вклад высококвалифицированных работников в развитие экономики регионов / И. А. Коршунов, Н. Н. Ширкова, Н. С. Завиваев // *Экономика региона*. — 2021. — Т. 17. — Вып. 3. — С. 873–887. DOI: 10.17059/econ.reg.2021-3-11; EDN: OFKKYX
4. **Фурсов, В.** Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России / В. Фурсов, Е. Кривокожа, В. Стриелковский // *Terra Economicus*. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 95–115. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115; EDN: VPKIZE
5. **Атаева, Е. А.** Классификация факторов, определяющих уровень трудового потенциала / Е. А. Атаева // *Экономика промышленности*. — 2005. — № 2(28). — С. 181–186.
6. **Мингазова, А. Ф.** Факторы взаимосвязи и взаимовлияния человеческого капитала и трудового потенциала / А. Ф. Мингазова // *Экономические науки*. — 2021. — № 11(204). — С. 280–287. DOI: 10.14451/1.204.280; EDN: JUWLDK
7. **Тацев, А. К.** Трудовой потенциал промышленного предприятия и его трансформация в человеческий капитал / А. К. Тацев // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Экономика и менеджмент. — 2013. — Т. 7 — № 1. — С. 92–96. EDN: PXPDPX
8. **Алиева, П. Р.** Факторы развития национального трудового потенциала / П. Р. Алиева // *Современные проблемы науки и образования*. — 2014. — № 5. — С. 400. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14994> (дата обращения: 25.01.2024). EDN: SZVODN
9. **Леонидова, Г. В.** Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния / Г. В. Леонидова, А. М. Панов // *Проблемы развития территории*. — 2013. — № 3(65). — С. 60–70. EDN: QBNIN
10. **Зяблюк, Р. Т.** Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность (обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России) / Р. Т. Зяблюк, Н. И. Титова // *Вестник Московского университета*. — Сер. 6. Экономика. — 2016. — № 2. — С. 119–135. EDN: WFQAMJ
11. **Аникин, В. А.** Профессиональная структура населения России и тип экономического развития страны / В. А. Аникин // *Terra Economicus*. — 2013. — Т. 11. — № 2. — С. 41–68. EDN: QZLNDB
12. **Коршунов, И. А.** Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления / И. А. Коршунов, О. С. Гапонова // *Вопросы образования*. — 2017. — № 4. — С. 36–59. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-36-59; EDN: XPUYLI

Сведения об авторах:

Токсанбаева Майраш Сейтказыевна, д.э.н., главный научный сотрудник, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; РИНЦ SPIN-код: 7200–6511.

Коленикова Ольга Александровна, к.э.н, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; РИНЦ SPIN-код: 8352-5335.

Попова Раиса Ивановна, старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8548-6294; РИНЦ SPIN-код: 1964-5700.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-98-110

SOCIO-ECONOMIC FACTORS AFFECTING THE QUALITY OF LABOR POTENTIAL IN THE REGIONS OF RUSSIA

Mairash S. Toksanbaeva*, Olga A. Kolennikova, Raisa I. Popova

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: matoksan@mail.ru

For citation:

Toksanbaeva M. S., Kolennikova O. A., Popova R. I. Socio-economic factors affecting the quality of labor potential in the regions of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 98-110. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-98-110 (in Russ.)

Abstract. *The tasks of a large-scale research of the human potential of the population in regions include studying one of its elements — labor potential. To substantiate the directions of its development, the paper considers the quantitative and qualitative characteristics of labor potential and the factors affecting them. These characteristics and their indicators, which are necessary for conducting an interregional analysis, were analyzed in the previous study. The purpose of the presented study is to identify the factors that act on characteristics of labor potential. Study of the qualitative parameters of labor potential is based on the qualification of employees as the ability to work of a certain content and complexity. Therefore, the analysis focuses on socio-economic factors that directly affect the qualifications of employees. These factors include formal education received by employees (at universities and colleges) and additional professional training (at the intra-company level). Other factors are based on the share of the employed in industries related to development of labor potential (manufacturing and service industries with high employment of specialists). These sectors have a significant demand for skilled labor. The factors also include internal costs of maintaining and improving skills: labor costs and cost of additional professional training. To verify validity of the selected factors, the closeness of the relationship between their indicators and indicators of the quality of labor potential was examined by the method of paired correlation. In the vast majority of cases, a significant correlation has been established. Therefore, the proposed factors can be used to substantiate the regulatory effects on the quality of labor potential.*

Keywords: labor potential, region, quality, employee, qualification, socio-economic factor, correlation.

References and Internet Sources

1. Toksanbaeva M. S., Popova R. I. Pokazateli kachestva trudovogo potentsiala naseleniya regionov Rossii [Indicators of the labor potential quality of the Russian region population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10 (in Russ.)
2. Vinokurov E. F. Spros na rossijskom rynke truda [Demand in the Russian labor market]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economics of Contemporary Russia]*. 2023. No. 3(102). P. 101–107. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-3(102)-101-107 (in Russ.)
3. Korshunov I. A., Shirkova N. N., Zavivaev N. S. Vklad vysokokvalifitsirovannykh rabotnikov v razvitije ekonomiki regionov [Contribution of highly qualified employees to regional economy]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 873–887. DOI: 10.17059/econ.reg.2021-3-11 (in Russ.)
4. Fursov V., Krivokora E., Strielkowski V. Regional'nyje aspekty otsenki trudovogo potentsiala v sovremennoj Rossii [Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia]. *Terra Economicus*. 2018. Vol. 16. No. 4. P. 96–115. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-95-115 (in Russ.)
5. Ataeva E. A. Klassifikatsiya faktorov, opredelyayushchikh uroven' trudovogo potentsiala [Classification of factors determining the level of labor potential]. *Ekonomika promyshlennosti [Russian Journal of Industrial Economics]*. 2005. No. 2(28). P. 181–186. (in Russ.)
6. Mingazova A. F. Faktory vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya chelovecheskogo kapitala i trudovogo potentsiala [Factors of interconnection and mutual influence of human capital and labor potential]. *Ekonomicheskije nauki [Economic Sciences]*. 2021. No. 11(204). P. 280–287. DOI: 10.14451/1.204.280 (in Russ.)
7. Tashchev A. K. Trudovoj potentsial promyshlennogo predpriyatiya i jego transformatsiya v chelovecheskij kapital [Labour potential of industrial enterprise and its transformation to the human capital]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural University. Series Economics and Management]*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 92–96. (in Russ.)
8. Alieva P. R. Faktory razvitiya natsional'nogo trudovogo potentsiala [Factors of the national labor potential development]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]*. 2014. No. 5. P. 400. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14994>. (Accessed: 25 January 2014). (in Russ.)
9. Leonidova G. V., Panov A. M. Trudovoj potentsial: territorial'nyje aspekty kachestvennogo sostoyaniya [Territorial aspects of labour potential quality]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2013. No. 3(65). P. 60–70. (in Russ.)
10. Zyablyuk R. T., Titova N. I. Neoindustrializatsiya ekonomiki Rossii: neobkhodimost' i vozmozhnost' (obzor materialov kruglogo stola po neoindustrializatsii ekonomiki Rossii) [The neoindustrialization of Russian economy: necessity and possibility (Review of the roundtable on neoindustrialization of Russian economy)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*. 2016. No. 2. P. 119–135. (in Russ.)
11. Anikin V. A. Professional'naya struktura naseleniya Rossii i tip ekonomicheskogo razvitiya strany [Professional structure of Russian population and mode of the nation's economic development]. *Terra Economicus*. 2013. Vol. 11. No. 2. P. 41–68. (in Russ.)
12. Korshunov I. A., Gaponova O. S. Npreryvnoje obrazovaniye vzroslykh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya i kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Lifelong learning in the context of economic development and government effectiveness]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. 2017. No. 4. P. 36–59. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-36-59 (in Russ.)

Information about the authors:

Toksanbaeva Mairash Seitkazyevna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3570-592X; Elibrary SPIN-code: 7200–6511.

Kolennikova Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 000-0002-0138-6115; Elibrary SPIN-code: 8352–5335.

Popova Raisa Ivanovna, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8548-6294; Elibrary SPIN-code: 1964–5700.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-111-123
EDN: ZQDAHU

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В НЕГО

Максимова И. В.^{1*}, Симагин Ю. А.²

¹Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
(400066, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: maksimova-iv@ranepa.ru

Для цитирования:

Максимова И. В., Симагин Ю. А. Человеческий капитал и эффективность инвестиций в него // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 111-123. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-111-123; EDN: ZQDAHU

Аннотация. В статье приводятся результаты исследований по оценке человеческого капитала, его роли в экономическом развитии стран и эффективности государственных инвестиций в здравоохранение и образование. В первой части статьи раскрывается сущность современных представлений о человеческом капитале; приводятся показатели и методы для его оценки, описываются методы исследования. Во второй части изложены основные результаты исследования и представлен их подробный анализ. Авторами, в частности, подчёркивается, что произведённая оценка человеческого капитала продемонстрировала более низкие его значения в России по сравнению с рядом экономически развитых стран мира, в основном из-за более высокой заболеваемости инфекционными болезнями, более высокой детской смертности и более низкой ожидаемой продолжительности жизни. Сделано заключение о доминирующем влиянии на экономический рост в России когнитивной части человеческого капитала по сравнению с его физической частью. По результатам проведённых исследований сделан вывод о том, что эффективность государственных инвестиций в человеческий капитал в России выше, чем в ряде экономически развитых стран Европы, а также в США и Японии. В дифференциации по федеральным округам России выявлена значительная асимметрия в значении показателя человеческого капитала, что может быть связано, в том числе, с разными объёмами государственных инвестиций в здравоохранение и образование на душу населения, а также с традиционной для России очень значительной региональной дифференциацией по большинству социально-экономических показателей, в том числе человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, когнитивный капитал, физический капитал, экономический рост, эффективность государственных инвестиций.

Постановка проблемы

Оценка значения человека в социально-экономическом развитии страны представляет собой и теоретический, и особый практический интерес. Для измерения влияния человека на социально-экономическое развитие используются разные показатели. Среди них наиболее часто применяются показатели человеческого потенциала и человеческого капитала. Дефиниция человеческого потенциала характеризует общие возможности человека к развитию. Так, согласно определению В.В.Локовского: «*Человеческий потенциал — совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определённых социально-исторических и природно-географических условий*» [1, с. 7]. В отличие от человеческого потенциала, человеческий капитал — это способность человека к производительной деятельности, то есть его реальный вклад в повышение собственного благополучия или экономического развития страны.

Основоположителем теории человеческого капитала считается Т.В.Шульц, который в середине XX в. выдвинул положение о том, что уровень человеческого капитала зависит от навыков, образования и здоровья. Вследствие чего для развития человеческого капитала необходимы инвестиции в знания и здоровье [2]. В изучении человеческого капитала его принято дифференцировать на физический и когнитивный. Физический капитал — это, главным образом, здоровье и физические возможности работника. Когнитивный капитал — его интеллектуальные способности. Как отмечает Е.Янчек-Страла: «Когнитивный капитал — это знания, информация, интеллектуальная собственность и опыт, которые могут быть использованы для создания богатства» [3, с. 195].

Оценка человеческого капитала осуществляется на всех уровнях управления. Самым известным показателем выступает индекс человеческого капитала Всемирного банка. Для оценки используются: доля

детей, доживающих до пятилетнего возраста; продолжительность обучения; качество образования (верные результаты тестов); доля пятнадцатилетних подростков, доживающих до 60 лет; доля детей с задержкой развития в возрасте до 5 лет [4]. Как следует из методики, здесь одновременно оценивается когнитивная часть (образование населения) и физическая часть (состояние здоровья и долголетие населения) человеческого капитала.

Существует много методик дифференцированной оценки когнитивной и физической частей человеческого капитала. В оценке когнитивной составляющей преимущественно используют данные социологических опросов, чаще всего — тест PISA¹. Его применение подробно описано, например, в исследованиях П.Акьола, К.Кришны и У.Цзиньвэня [6]. С помощью этого теста авторы делают выводы о развитии когнитивной части человеческого капитала по успеваемости студентов в 72 странах. Применяются также и специально разработанные тесты. Например, Х.Чжао при помощи тестов по оценке речи, применения вычислительной техники и логики, анализирует когнитивную часть человеческого капитала учащихся школ в Китае [6].

Анализ влияния человеческого капитала на повышение благосостояния часто предполагает употребление в качестве результирующего показателя заработную плату. Например, исследователи Н.Р.Кельчевская и Е.В.Ширилкина [7] используют её в модели Дж. Минсера как функцию от пройденного обучения (накопленные годы обучения) и полученного опыта работы (продолжительности работы по профессии). На основе прироста заработной платы исследователи Л.Хендрикс и Т.Шеллман [8] проводят измерение роста человеческого капитала у мигрантов. В качестве результирующего показателя используется также показатели ВВП и объёма производства на душу населения. Так, в изысканиях Ю.Чжана, С.Кумара и Х.Хуана [9] анализируется влияние качества здравоохранения (показатель

¹ PISA Test. — URL: <https://www.oecd.org/pisa/> (дата обращения: 02.05.2024).

НСQI²) на развитие когнитивного и физического капитала, а также взаимосвязь между качеством человеческого капитала и объёмом производства на душу населения в различных провинциях Китая. В числе показателей человеческого капитала здесь использовались: предложение рабочей силы и среднее количество лет обучения.

Употребление показателя валовой добавленной стоимости (объёма выпуска за вычетом промежуточного потребления) как результирующего признака влияния человеческого капитала на экономический рост отдельных предприятий раскрывается в исследованиях Н. Асгара, М. Н. Даниша и Н. У. Рехмана [10]. Факторными признаками выступали: уровень образования, средняя продолжительность обучения, доля квалифицированных сотрудников. Для анализа влияния человеческого капитала применялся метод наименьших квадратов. С. Алаташ [11] в качестве результирующего показателя использовал показатель ВВП на душу населения. Для оценки человеческого капитала фигурировали: количество лет обучения и отдачи от обучения, коэффициент младенческой смертности. Моделью исследования служила производственная функция.

Для измерения результата влияния человеческого капитала, кроме единичных, применяются также и комплексные показатели. В качестве примера можно привести исследование Ю. Ма, М. Чжана, Ф. Янга и С. Ли [12], которое посвящено оценке влияния человеческого капитала на комплексный показатель уровня экономического развития, который рассчитывался при помощи метода минимально-максимальной нормализации. Для измерения уровня развития здесь использовались 5 критериев (инновационное развитие, развитие зелёной экономики, открытость, координация, совместное использование) и 21 показатель.

Широко представлены в литературе исследования, раскрывающие значение инвестиций в человеческий капитал как ме-

ханизма экономического развития. Например, результаты исследований Н. Веселиновича, В. Кристича и Т. Раденовича [13] доказывают взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал и результатами бизнеса (выручкой, прибылью и рентабельностью) на основе регрессионного анализа. Ф. Кунья и Я. Я. Хекман [14] в своём исследовании обосновывают концепцию взаимодополняемости между саморазвитием человека и инвестициями в человеческий капитал и подчёркивают важность ранних инвестиций, начиная с рождения ребёнка. Цель данного исследования заключалась в проверке гипотезы о влиянии человеческого капитала на развитие экономики России и необходимости увеличения инвестиций в здравоохранение и образование как основных факторов развития человеческого капитала.

Методы исследования

Исследование проводилось на примере России и некоторых экономически развитых стран — Германии, Испании, Италии, Великобритании, Франции, Японии и США. В качестве показателей для оценки человеческого капитала в странах мира применялись классические показатели здравоохранения и образования: количество случаев заболевания туберкулёзом на 100 тыс. населения, количество случаев заболевания гепатитом В на 100 тыс. населения, продолжительность жизни при рождении, младенческая смертность на 100 тыс. населения, доля охвата населения средним и высшим образованием в соответствующем возрасте. Для адекватности оценки по странам мира эти показатели были переведены в обратные величины, то есть 1 делилась на исходные значения показателей. Соответственно в числе показателей для оценки человеческого капитала в федеральных округах (ФО) России использовались: количество инфекционных и паразитарных заболеваний на 1 тыс. населения, новообразований на 1 тыс. населения, болезней крови и кровяной системы на 1 тыс. населения, болезней эндокринной системы на 1 тыс.

² НСQI — проект ОЭРС по оценке международного качества здравоохранения. — URL: The OECD Health Care Quality Indicators Project: history and background (turbopages.org) (дата обращения: 02.05.2024).

населения, болезней нервной системы на 1 тыс. населения, болезней органов дыхания на 1 тыс. населения, врождённых аномалий на 1 тыс. населения; младенческая смертность на 1 тыс. новорождённых; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; выпуск специалистов по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры на душу населения.

Все исходные единичные показатели были переведены в относительные величины методом минимально-максимальной нормализации. Обобщённый показатель человеческого капитала находили сложением нормализованных единичных показателей, то есть

$$K_i = \sum A_j^i, \quad (1)$$

где K_i — i -ый обобщённый показатель человеческого капитала в отдельно взятой стране или ФО России; A_j^i — j -ый нормализованный единичный показатель, характеризующий достижения соответственно страны или ФО России в области здравоохранения и образования. Для оценки взаимосвязи между значениями человеческого капитала и уровнем развития экономики (ВВП или ВРП на душу населения) рассчитывался коэффициент Спирмена.

В целях исследования дифференцированного влияния на уровень развития экономики физической и когнитивной частей человеческого капитала проводили сравнительный анализ темпов изменения показателя человеческого капитала — с одной стороны, и показателей ВВП (ВРП) на душу населения и ВВП (ВРП) на одного занятого — с другой. Кроме того, для оценки влияния человеческого капитала на экономический рост рассчитывались индексы опережения/отставания, где в числителе использовался индекс результативного признака (то есть ВВП или ВРП на душу населения и ВВП или ВРП на одного занятого), а в знаменателе — индекс факторного признака, то есть обобщённый показатель человеческого капитала.

Для оценки эффективности государственных инвестиций в человеческий ка-

питал рассчитывались показатели средней и предельной эффективности. Результирующим показателем по странам и ФО России соответственно выступали ВВП и ВРП на душу населения. Факторными показателями по странам выступали: государственные инвестиции в здравоохранение и образование на душу населения, а по ФО России: государственные инвестиции в здравоохранение и спорт, в образование на душу населения. Для сопоставимости государственные инвестиции в разных странах оценивались в единой валюте — долларах США. В качестве метода исследования эффективности государственных инвестиций применялась производственная функция Кобба-Дугласа. Адекватность функции проверялась с помощью критерия Фишера.

Результаты исследования

Согласно полученным данным, все изучаемые страны по уровню показателя человеческого капитала можно разделить на 3 группы (рис. 1). В первой группе значения показателя человеческого капитала в 2021 г. составили менее 2 (Россия), во второй группе — от 2 до 4 (Германия, Италия, Франция, Великобритания, Япония и США), в третьей группе — более 4 (Испания).

Сравнение обобщённого показателя человеческого капитала в динамике демонстрирует, что во всех исследуемых странах, кроме Испании и Японии, показатель человеческого капитала к 2021 г. снижается. Расчёт коэффициента Спирмена между показателем человеческого капитала и ВВП на душу населения по данным за 2010–2021 гг. выявил средние значения связи (величина около 0,5) у таких стран, как Россия, Германия, Испания, Франция, Япония. И высокие значения связи (величина около 1,0) у таких стран, как Италия, Великобритания и США.

Темпы изменения показателей ВВП на душу населения и ВВП на одного занятого иллюстрируют влияние человеческого капитала на рост экономики в преобладающем количестве стран (рис. 2). Судя по полученным данным, наиболее высокие зна-

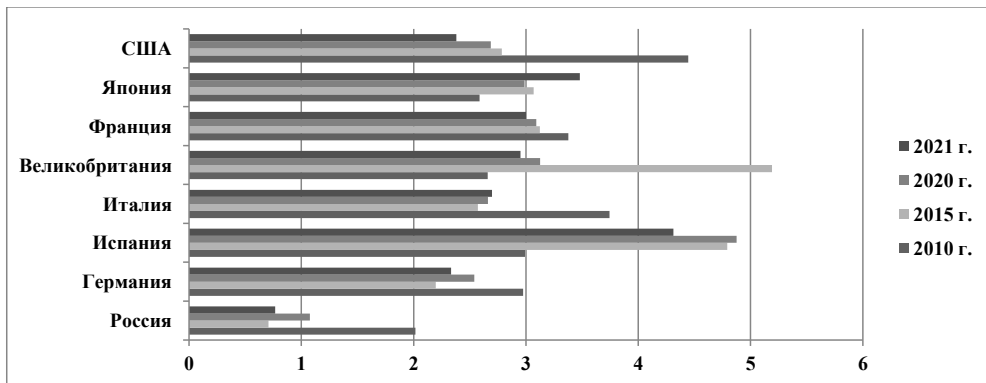

Рис. 1. Значения показателя человеческого капитала в странах мира

Fig. 1. Human capital indicator values in the countries of the world

Источники: Россия и страны мира // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru>; World GDP. Statistic Times. — URL: <https://Times.com>; GDP — Gross Domestic Product. — URL: <https://GDP/Gross Domestic Product 2015/countryeconomy.com> (дата обращения: 02.02.2024).

чение индекса опережения/отставания отмечается в первой группе стран, то есть в России (более чем в 3 раза). Во второй группе стран наиболее высокие значения индексов опережения/отставания отмечаются у США — около 3 раз (то есть почти такое же значение, что и в России). В третьей

группе стран по уровню показателя человеческого капитала, куда отнесены Испания и Япония, значение индекса опережения/отставания было ниже 1.

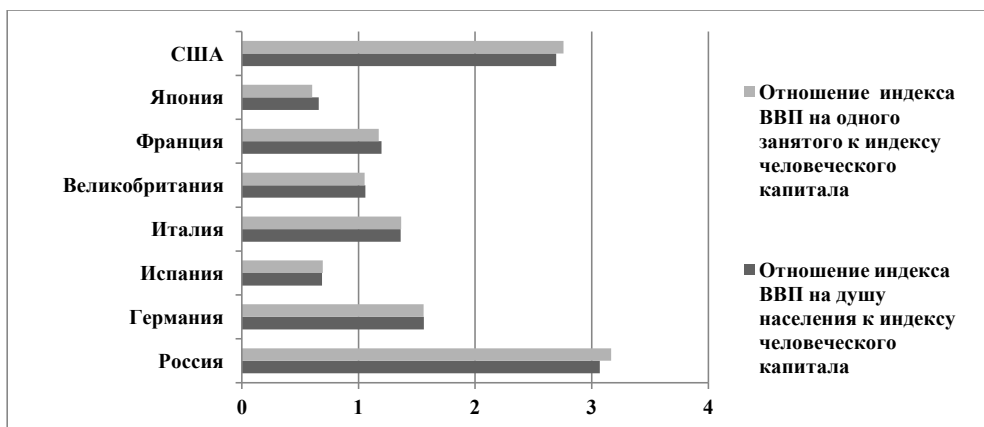

Рис. 2. Индекс опережения/отставания в странах мира по данным за 2010 и 2021 гг.

Fig. 2. Global Lead/Gap Index for 2010 and 2021

Источники: Россия и страны мира // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru>; World GDP. Statistic Times. — URL: <https://Times.com>; GDP — Gross Domestic Product. — URL: <https://GDP/Gross Domestic Product 2015/countryeconomy.com> (дата обращения: 02.02.2024).

Результаты исследования эффективности государственных инвестиций в здравоохранение и в образование (табл. 1) указывают на то, что в порядке убывания по размеру государственных инвестиций, исследуемые страны можно разместить в последовательности: США, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Италия, Испания, Россия. В то же время в порядке убывания по показателям средней и предельной эффективности инвестиций, согласно полученным данным, страны можно рас-

положить почти в обратном порядке: Россия, Испания, Италия, Япония, Германия, Великобритания, Франция, США. В России и Японии показатели средней эффективности инвестиций в здравоохранение выше, чем средней эффективности инвестиций в образование. В Германии, Италии, Великобритании, Франции и США ситуация обратная. В Испании значения средней эффективности инвестиций в здравоохранение и образования имеют почти одинаковые значения.

Таблица 1

Показатели экономической эффективности государственных инвестиций в странах мира

Table 1

Economic performance of public investment in the world

Год	Средняя эффективность		Предельная эффективность		Средняя эффективность		Предельная эффективность	
	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование
	Россия				Германия			
2010	32,2	24,4	10,0	12,1	10,0	19,0	1,0	9,1
2015	32,7	25,6	10,1	12,7	10,5	22,1	1,1	10,6
2020	26,3	28,5	8,1	14,1	9,1	21,3	0,9	10,2
2023	24,0	27,4	7,4	13,5	8,7	20,4	0,9	9,8
	Испания				Италия			
2010	32,2	24,4	10,0	12,1	13,3	20,6	1,8	17,1
2015	32,7	25,6	10,1	12,7	14,4	20,5	1,9	17,0
2020	26,3	28,5	8,1	14,1	10,4	21,5	1,4	17,8
2023	24,0	27,4	7,4	13,5	10,4	21,4	1,4	17,7
	Великобритания				Франция			
2010	10,0	15,2	4,7	7,2	7,9	14,1	5,7	4,1
2015	9,6	21,8	4,5	10,2	7,8	14,2	5,7	4,1
2020	9,1	20,3	4,3	9,5	7,3	16,9	5,3	4,9
2023	8,1	18,1	3,8	8,5	7,3	17,0	5,3	4,9
	США				Япония			
2010	5,5	12,4	4,3	2,7	17,3	11,7	10,1	7,1
2015	5,4	13,8	4,2	3,0	14,2	13,0	8,2	7,9
2020	5,0	17,4	3,9	3,8	7,2	25,7	4,2	15,7
2023	5,0	17,4	3,9	3,8	8,1	22,4	4,7	13,7

Источники: Россия и страны мира // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru>; World GDP. Statistic Times. — URL: <https://Times.com>; GDP — Gross Domestic Product. — URL: <https://GDP/Gross Domestic Product 2015/countryeconomy.com> (дата обращения: 02.02.2024).

Таблица 2
Показатели экономической эффективности государственных инвестиций в России*

Table 2

Economic performance of public investment in Russia

Год	Средняя эффективность		Предельная эффективность		Средняя эффективность		Предельная эффективность		
	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	Государственных расходов на здравоохранение	Государственных расходов на образование	
Центральный ФО					Приволжский ФО				
2005	30,6	64,3	15,6	11,6	12,5	20,3	2,4	16,9	
2010	28,4	27,6	14,5	5,0	13,5	20,2	2,6	16,8	
2015	19,7	24,7	10,0	4,4	11,1	21,4	2,1	17,8	
2020	17,4	28,0	8,9	5,0	11,0	21,7	2,1	18,0	
2022	18,2	23,3	9,3	4,2	12,8	21,1	2,4	17,5	
Северо-Западный ФО					Уральский ФО				
2005	18,5	23,1	16,2	1,7	25,4	50,1	2,0	35,2	
2010	17,3	23,9	15,1	1,7	30,3	40,3	2,4	28,3	
2015	16,6	25,6	14,5	1,9	15,5	36,9	1,2	26,0	
2020	16,2	24,3	14,2	1,8	15,4	33,7	1,2	23,7	
2022	16,4	20,0	14,3	1,4	17,8	31,5	1,4	22,2	
Южный ФО					Сибирский ФО				
2005	11,7	23,1	2,8	18,0	19,4	20,1	4,1	4,2	
2010	13,6	21,2	3,3	16,6	16,2	18,6	3,4	3,9	
2015	11,4	21,4	2,9	16,7	11,3	18,7	2,4	3,9	
2020	10,6	21,3	2,7	16,7	11,5	17,4	2,4	3,7	
2022	12,1	20,5	3,1	16,0	12,9	16,2	2,7	3,4	
Северо-Кавказский ФО					Дальневосточный ФО				
2005	12,6	14,8	6,5	4,7	11,7	11,0	1,7	14,2	
2010	11,8	11,4	6,1	3,7	2,9	17,6	0,4	22,7	
2015	9,1	12,3	4,7	3,9	18,2	17,3	2,6	22,3	
2020	9,1	10,6	4,7	3,4	22,5	20,4	3,2	26,3	
2022	9,9	8,8	5,2	2,8	30,1	21,7	4,3	28,0	

*2005 и 2010 гг. – без учёта Республики Крым и г. Севастополя

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru>; Рейтинг социально-экономического развития регионов в 2022 году. – URL: <https://realnoevremya.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

Исследования по ФО России иллюстрируют резкую дифференциацию макрорегионов практически по всем показателям, включая эффективность государственных инвестиций (табл. 2). Существенно отличаются в ФО показатели человеческого ка-

питала (рис. 3) и его влияния на экономический рост (рис. 4). Расчёт коэффициента Спирмена между показателями человеческого капитала и ВРП на душу населения демонстрировал среднее значение связи (0,5–0,6).

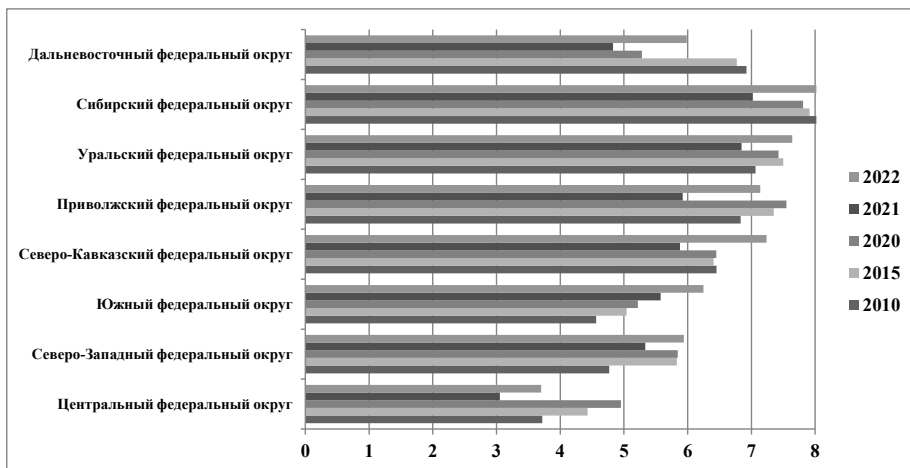

Рис. 3. Значения показателя человеческого капитала в ФО России

Fig. 3. Human capital index values in the federal districts of Russia

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. — URL: <https://rosstat.gov.ru>; Рейтинг социально-экономического развития регионов в 2022 году. — URL: <https://realnoevremya.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

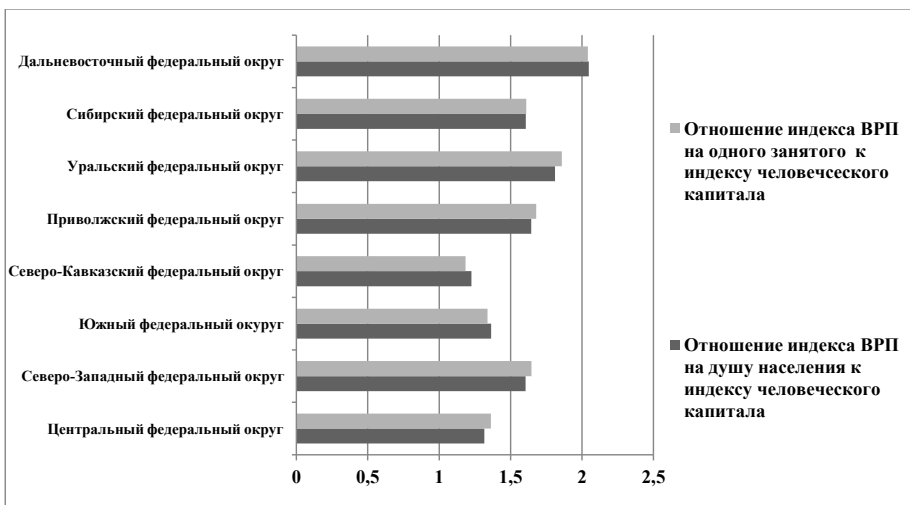

Рис. 4. Индекс опережения/отставания в России по данным за 2015 и 2022 гг.

Fig. 4. Lead/Gap Index in Russia for 2015 and 2022

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. — URL: <https://rosstat.gov.ru>; Рейтинг социально-экономического развития регионов в 2022 году. — URL: <https://realnoevremya.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

Выводы

Согласно полученным данным, значения обобщённого показателя человеческого капитала коррелируют со значением показателя уровня развития экономики в отдельных странах и федеральных округах России, то есть показателем ВВП/ВРП на душу населения. Это согласуется с данными других исследователей, например, исследованиями о влиянии человеческого капитала на экономический рост Е. Пелинеску [15].

Результаты исследований позволяют утверждать, что на экономическое развитие отдельных стран и ФО России оказывают влияние не только физическая, но и когнитивная часть человеческого капитала. Влияние физической части человеческого капитала иллюстрируется ростом ВВП/ВРП на душу населения, то есть общего объёма ВВП/ВРП. Влияние когнитивной (интеллектуальной) части человеческого капитала — ростом производительности труда, то есть показателем ВВП/ВРП на одного занятого. Это подтверждает выводы других исследований, например, А. Боровски [16] о влиянии когнитивной части человеческого капитала на экономическое развитие отдельных стран. При этом в России значения темпов роста ВВП на одного занятого аналогичны темпам роста этого показателя в таких экономически развитых странах, как Германия, Великобритания и Франция, но несколько ниже, чем в США.

Рассматривая показатель человеческого капитала в качестве факторного признака роста экономики, можно сделать вывод о том, что в России влияние когнитивной части человеческого капитала на рост экономики более выражено, чем влияние его физической части. Аналогичная ситуация, судя по полученным данным, наблюдается также в США. А вот в преобладающем количестве европейских экономически развитых стран влияние физической и когнитивной частей человеческого капитала на рост экономики приблизительно одинаково и значительно ниже, чем в России.

Оценка эффективности вложения государственных инвестиций в развитие чело-

веческого капитала позволяет заключить, что в России оно не менее, а подчас даже и более эффективно, чем в экономически развитых странах мира. Однако нужно учитывать, что в России объёмы инвестиций в здравоохранение и образование на душу населения значительно ниже, чем в экономически развитых странах мира. Поэтому более низкая эффективность в экономически развитых странах мира, связана скорее с законом убывающей отдачи, когда дальнейшее накопление ресурсов в меньшей степени сказывается на результативном показателе. Этот эффект хорошо описан в литературе, например, в исследованиях Н. Аршада, Х. У. Рехмана и М. Назима [17].

Полученные результаты исследований позволяют также утверждать, что в России необходимо увеличение государственных инвестиций в человеческий капитал и повышать их до уровня других развитых стран. Дальнейший рост инвестиций в человеческий капитал будет способствовать более интенсивному развитию экономики, в первую очередь за счёт его когнитивной части.

Развитие человеческого капитала в отдельных ФО России противоречиво и характеризуется как значительными достижениями, так и серьёзными проблемами. Колебания значения обобщённого показателя человеческого капитала составляли по различным ФО в разные годы от 3 до 8, то есть в 2,7 раза, что объясняется весьма существенными отличиями регионов по показателям заболеваемости населения на 1 тыс. населения по таким категориям, как новообразования, болезни крови и кровообращения, болезни органов дыхания. Более проблемными по уровню заболеваемости на общем фоне выглядят Приволжский, Уральский и Сибирский ФО. Значительные отличия по показателям заболеваемости населения, вероятнее всего, объясняются как уровнем развития здравоохранения, так и влиянием на экологию регионов вредных производств.

Оценка эффективности государственных инвестиций в здравоохранение, спорт и образование в ФО России также продемонстрировала широкую варибель-

ность значений показателей. Как правило, наиболее высокие значения средней и предельной эффективности инвестиций в здравоохранение и спорт соответствуют наиболее высоким показателям объёма инвестиций в здравоохранение и спорт на душу населения. Самые высокие значения средней и предельной эффективности государственных инвестиций в здравоохранение и спорт отмечаются в Центральном и Северо-Западном ФО, что возможно, связано с более высоким уровнем развития здесь организаций здравоохранения и спорта, в том числе федерального значения. В других ФО показатели средней и предельной эффективности государственных инвестиций в здравоохранение и спорт находятся приблизительно на одном уровне. Исключение составляет Северо-Кавказский ФО, где средняя и предельная эффективность государственных инвестиций в здравоохранение и спорт заметно ниже, чем в других федеральных округах. Это может свидетельствовать о более низком уровне развития здравоохранения и спорта. Данное предположение подтверждается, в частности, тем, что в Северо-Кавказском ФО самые низкие затраты на здравоохранение и спорт на душу населения в России.

Самые высокие значения средней эффективности на фоне невысоких значений пре-

дельной эффективности государственных инвестиций в образование наблюдаются в Центральном, Северо-Западном и Уральском ФО. Это говорит, скорее всего, о том, что на значение показателей одновременно повлияли более высокий уровень развития регионов, с одной стороны, и концентрация значительного количества высших учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров не только для этих регионов, но и для всей страны, с другой. В остальных ФО ситуация более ровная, значения средней и предельной эффективности государственных инвестиций находятся в прямой зависимости от их объёма. И, как правило, чем выше объём инвестиций, тем выше показатели их средней и предельной эффективности. Но опять обращает на себя внимание ситуация в Северо-Кавказском ФО, где значения средней и предельной эффективности государственных инвестиций в образование значительно ниже, чем в других регионах. Возможно, как и в случае со здравоохранением, это связано с меньшим количеством учебных заведений высшего образования по сравнению с другими регионами. Это обуславливает необходимость дальнейшего развития в Северо-Кавказском ФО данных учебных заведений, учитывая, кроме того, что здесь более высокие показатели рождаемости и плотности проживания населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Локосов, В. В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В. В. Локосов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND
2. **Schultz, T. W.** Investment in human capital / T. W. Schultz // The American economic review. — 1961. — No. 51(1). — P. 1–17.
3. **Janczyk-Strzała, E.** O koncepcji zarządzania kapitałem intelektualnym uczelni / E. Janczyk-Strzała // Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu. — 2014. — January. — P. 194–202. DOI: 10.15611/pn.2014.366.18
4. **Angrist, N.** Measuring human capital. / N. Angrist, S. Dzhankov, P. K. Goldberg, H. A. Patrinos. // Working paper on Policy Research; The World Bank, Washington. — 2019. — No. 8742. — P. 1–8. DOI: 10.2139/ssrn.3339416
5. **Akyol, P.** Taking PISA Seriously: How Accurate are Low Stakes Exams? / P. Akyol, K. Krishna, W. Jinwen // National Bureau of Economic Research. — 2018. — August (8). — P. 1–31. DOI: 10.3386/w24930

6. **Zhao, X.** The Influence of Shadow Education on Cognitive Ability and Non-Cognitive Ability / X. Zhao // *Modern Economy*. — 2019. — Vol. 10. — No. 3. — P. 945–961 DOI: 10.4236/me.2019.103063
7. **Кельчевская, Н. Р.** Региональные детерминанты эффективности использования человеческого капитала в цифровой экономике / Н. Р. Кельчевская, Е. В. Ширинкина // *Экономика региона*. — 2019. — Т. 15 — № 2. — С. 465–482. DOI: 10.17059/2019-2-12; EDN: YQSOYH
8. **Hendricks, L.** Human Capital and Development Accounting: New Evidence from Wage Gains at Migration / L. Hendricks, T. Schoellman // *The Quarterly Journal of Economics*. — 2018. — Vol. 133 — Is. 2. — P. 665–700. DOI: 10.1093/qje/qjx047
9. **Zhang, Y.** Human capital quality and the regional economic growth: Evidence from China / Y. Zhang, S. Kumar, X. Huang, Y. Yuan // *Journal of Asian Economics*. — 2023. — Vol. 86. — P. 101593. DOI: 10.1016/j.asieco.2023.101593
10. **Asghar, N.** Human Capital and Labour Productivity. A Case Study of District Lahore / N Asghar, M. H. Danish, H. U. Rehman // *Journal of the Punjab University Historical Society*. — 2017. — No. 30(1). — P. 147–163.
11. **Alatas, S.** The Effect of Human Capital on Economic Growth: A Panel Data Analysis. / S. Alatas // *Journal of Administrative Sciences*. — 2016. — No. 14(27). — P. 539–555. DOI: 10.14689/ejer.2021.93.7
12. **Ma, Y.** Exploration of the Role of Human Capital in China's High-Quality Economic Development and Analysis of Its Spatial Characteristics / Y. Ma., M. Shang, F. Yang, C. Li // *Sustainability*. — 2023. — Vol. 15. — Is. 5. — P. 3900. DOI: 10.3390/su15053900
13. **Veselinović, N.** The impact of human capital value on human capital efficiency and business performance / N. Veselinović, B. Krstić, T. Rađenović // *Facta Universitatis, Series: Economics and Organization*. — 2022. — Vol. 19. — No. 1. — P. 13–26. DOI: 10.22190/FUEO211118002V
14. **Cunha, F.** Interpreting the Evidence on Life Cycle Skill Formation / F. Cunha, J. J. Heckman, L. Lochner, D. V. Masterov // *Handbook of the Economics of Education*. — 2006. — Vol. 1. — P. 697–812. DOI: 10.2139/ssrn.766744
15. **Pelinescu, E.** The Impact of Human Capital on Economic Growth / E. Pelinescu // *Procedia. Economics and Finance*. — 2015. — Vol. 22. — P. 184–190. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00258-0
16. **Borowski, A.** Methods of human capital measurement / A. Borowski // *Managing Intellectual Capital and Innovation for Sustainable and Inclusive Society*. — 27–29 May 2015. — P. 571–577.
17. **Arshed, N.** Evading love of diminishing returns, a case of human capital development / N. Arshed, H. Ur Rehman, N. Muneeba, S. Asma // *Journal of Contemporary Issues in Business and Government*. — 2021. — No. 27 (5). — P. 2569–2584. DOI: 10.47750/cibg.2021.27.05.133

Сведения об авторах:

Максимова Ирина Васильевна, д.э.н., доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия.

Контактная информация: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-9028-2942; РИНЦ SPIN-код: 2274–8721.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-111-123

HUMAN CAPITAL AND THE EFFECTIVENESS OF INVESTMENTS IN IT

Irina V. Maksimova^{1*}, Yury A. Simagin²

¹Volgograd Institute of Management — branch of RANEPA
(8 Gagarin str., Volgograd, Russia, 400066)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: maksimova-iv@ranepa.ru

For citation:

Maksimova I. V., Simagin Yu. A. Human capital and the effectiveness of investments in it. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 111-123. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-111-123 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of research on the assessment of human capital, its role in the economic development of countries and the effectiveness of public investments in healthcare and education. The first part of the article reveals the essence of modern ideas about human capital; provides indicators and methods for its assessment, describes research methods. In the second part, the main results of the study are presented and their detailed analysis is presented. In particular, the authors emphasize that the assessment of human capital demonstrated its lower values in Russia compared to a number of economically developed countries of the world, mainly due to a higher incidence of infectious diseases, higher infant mortality and lower life expectancy. The conclusion is made about the dominant influence on economic growth in Russia of the cognitive part of human capital in comparison with its physical part. Based on the results of the conducted research, it was concluded that the effectiveness of state investments in human capital in Russia is higher than in a number of economically developed European countries, as well as in the USA and Japan. In differentiation by federal districts of Russia there was revealed a significant asymmetry in the value of the human capital indicator, which may be due, among other things, to different amounts of public investment in health and education per capita, as well as to the traditional for Russia very significant regional differentiation in most socio-economic indicators, including human capital.*

Keywords: *human capital, cognitive capital, physical capital, economic growth, public investment performance.*

References and Internet sources

1. Lokosov V. V. Chelovecheskij potentsial: kontseptual'nyje podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P.4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
2. Schultz T. W. Investment in human capital. *The American Economic Review*. 1961. No. 51 (1). P. 1–17.
3. Janczyk-Strzała E. O koncepcji zarządzania kapitałem intelektualnym uczelni [About the concept of intellectual capital management of the University]. *Prace Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu [Research Papers of Wrocław University of Economics]*. 2014. January. P. 194–202. DOI: 10.15611/pn.2014.366.18 (in Polish)
4. Angrist N., Dzhankov S., Goldberg P. K. Measuring human capital. *Working Paper on Policy Research*. The World Bank. Washington. 2019. No. 8742. P.1–8. DOI: 10.2139/ssrn.3339416
5. Akyol P., Krishna K., Jinwen W. Taking PISA seriously: How accurate are low stakes exams? *National Bureau of Economic Research*. 2018. August (8). P. 1–31. DOI: 10.3386/w24930

6. Zhao X. The influence of shadow education on cognitive ability and non-cognitive ability. *Modern Economy*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 945–961. DOI: 10.4236/me.2019.103063
7. Kelchevskaya N. R., Shirinkina E. V. Regional'nyje determinanty effektivnosti ispol'zovaniya chelovecheskogo kapitala v tsifrovoy ekonomike [Regional determinants of effective use of human capital in the digital economy] *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 465–482. DOI: 10.17059/2019-2-12 (in Russ.)
8. Hendricks L., Schoellman T. Human capital and development accounting: New evidence from wage gains at migration. *The Quarterly Journal of Economics*. 2018. Vol. 133. Iss. 2. P. 665–700. DOI: 10.1093/qje/qjx047
9. Zhang Y., Kumar S., Huang X. Human capital quality and the regional economic growth: Evidence from China. *Journal of Asian Economics*. 2023. Vol. 86. P. 101593. DOI: 10.1016/j.asieco.2023.101593
10. Asghar N., Danish M. H., Rehman H. U. Human capital and labour productivity. A case study of district Lahore. *Journal of the Punjab University Historical Society*. 2017. No. 30(1). P. 147–163.
11. Alatas S. The effect of human capital on economic growth: A panel data analysis. *Journal of Administrative Sciences*. 2016. No. 14(27). P. 539–555. DOI: 10.14689/ejer.2021.93.7
12. Ma Y., Shang M., Yang F. Exploration of the role of human capital in China's high-quality economic development and analysis of its spatial characteristics. *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 5. P. 3900. DOI: 10.3390/su15053900
13. Veselinović N., Krstić B., Rađenović T. The impact of human capital value on human capital efficiency and business performance. *Facta Universitatis. Series: Economics and Organization*. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 13–26. DOI: 10.22190/FUEO211118002V
14. Cunha F., Heckman J. J., Lochner L., Masterov D. V. Interpreting the evidence on life cycle skill formation. *Handbook of the Economics of Education*. 2006. Vol. 1. P. 697–812. DOI: 10.2139/ssrn.766744
15. Pelinescu E. The impact of human capital on economic growth. *Procedia. Economics and Finance*. 2015. Vol. 22. P. 184–190. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00258-0
16. Borowski A. Methods of human capital measurement. *Managing Intellectual Capital and Innovation for Sustainable and Inclusive Society*. 27–29 May 2015. Bari. Italy. P. 571–577.
17. Arshed N., Rehman H. Ur, Nazim M. Evading lаве of diminishing returns, a case of human capital development. *Journal of Contemporary Issues in Business and Government*. 2021. No. 27(5). P. 2569–2584. DOI: 10.47750/cibg.2021.27.05.133

Information about the authors:

Maksimova Irina Vasilievna, Doctor of Economics, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd, Russia.

Contact information: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-9028-2942; Elibrary SPIN-code: 2274–8721.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136
EDN: ZTUKRJ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И ПРАКТИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

Волков А. Д.^{1*}, Аверьянов А. О.^{1,2}, Рослякова Н. А.^{1,3}, Васильева А. В.¹

¹Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра
РАН (185910, Россия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11)

²Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета
(185910, Россия, Петрозаводск, Ленина 33)

³Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН
(117342, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 65)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-78-10192. – URL:
<https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

Для цитирования:

Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Васильева А. В. Социокультурные особенности населения Арктического региона и практики воспроизводства человеческого капитала: есть ли связь? // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 124-136. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136; EDN: ZTUKRJ

Аннотация. Представленная работа посвящена изучению социокультурных особенностей населения Арктической Карелии и выявлению связей между этими особенностями и практиками воспроизводства человеческого капитала. Информационную основу составили данные опроса населения рассматриваемого региона (n=1042), осуществлённого осенью 2023 года. Решались задачи выявления значений социокультурных характеристик населения Арктической Карелии, а также их соотношения с планируемыми мерами и практиками респондентов в области воспроизводства человеческого капитала. Были выдвинуты гипотезы о связи между социокультурными характеристиками «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» — с одной стороны, и характеристиками деятельности респондента — с другой. Применялись методы дисперсионного анализа, H-критерий Краскала-Уоллиса, тесты Тьюки (Tukey HSD test) и Даннета (Dunnnett's test). В результате исследования были выявлены социокультурные особенности населения Арктической Карелии. Подтвердились предположения о том, что значение показателя «избегание неопределённости» у предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму (бюджетная сфера и частный сектор), в то время как значение измерителя «долгосрочность целеполагания» наоборот — выше. Эти различия мы связываем также с особенностями возрастных групп, а также половой принадлежности респондентов. Представленные результаты вносят вклад в концептуальное обновление научной и информационной базы институционального проектирования Российской Арктики и призваны повысить качество управления.

Ключевые слова: социокультурные особенности, арктический регион, Арктика, Арктическая Карелия, модель Хофстеде, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность.

Введение

В стратегии развития Арктической зоны РФ (АЗ РФ) и обеспечения национальной безопасности к перечню стратегических приоритетов страны в арктическом макрорегионе отнесены эффективное освоение стратегической ресурсной базы и её рациональное использование в целях ускорения экономического роста, обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения, охрана окружающей среды, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и так далее. Учитывая контекст обострения международной напряжённости, особую роль Арктики в обеспечении безопасности страны и важность поддержания контроля над арктическим пространством исключительное значение имеет обновление информационно-аналитических основ регулирования социально-экономических процессов на территории этого макрорегиона.

Исследование культурной специфики и отличий регионов и территорий Российской Арктики имеет особую актуальность по нескольким причинам и связано с: 1) отсутствием научных данных о культурной специфике арктических регионов, полученных с использованием единого стандартизированного инструментария, и подходящих для междисциплинарных экономико-социологических исследований; 2) своеобразием пространственных условий отбора институтов и культурных паттернов на территориях традиционного Севера и Арктической зоны; 3) особым историческим путём формирования сообществ в условиях Арктики, сочетающий в себе многонациональность и традиционность. Следует отметить, что на разных этапах заселения Российской Арктики осуществлялось как принудительное переселение народов и этнических групп, локализация заключённых (система ГУЛАГ), так и характерное для второй половины XX в. привлечение пассионарной молодёжи со всех концов СССР. Затем в постсоветский период – деградация экономики, обусловленная вы-

сокими издержками «северности» и несоответствием сложившейся модели освоения Севера новым реалиям. Особое значение имеет существование старожильского и коренного населения на части арктических территорий.

Таким образом, актуальность изучения социокультурных особенностей населения Арктики определяется тем, что арктический макрорегион ранее не подвергался детальному и всеобъемлющему изучению в контексте данной проблематики. С научной точки зрения, Арктика с её своеобразием исторического пути, формирования местных сообществ и крайне дифференцированными пространственными условиями развития экономики и общества представляет уникальный объект изучения взаимосвязи пространства, человеческого и социального капитала, культуры и институциональной среды в рамках воспроизводственных процессов. Ключевое внимание в рамках данной статьи уделено рассмотрению дифференциации значимых социокультурных паттернов в муниципальном разрезе и анализу связей между социокультурными особенностями населения на муниципальном уровне и практиками воспроизводства человеческого капитала. Объектом исследования выступает регион Арктической Карелии: один городской округ (ГО), два муниципальных округа (МО) и три муниципальных района (МР). Цель работы — выявление связи между социокультурными характеристиками населения и практиками в области воспроизводства человеческого капитала.

Разработанность темы и методология исследования

Российскому обществу присуща определённая специфика социокультурного профиля населения [1–3]. При этом для разных территорий и социальных групп характерна свои социокультурные особенности. В исследованиях [4–7] рассматривается дифференциация регионов России по социокультурным характеристикам с применением различных исследователь-

ских фреймов. Изучение социокультурных различий в разрезе отдельных социальных групп позволило сделать ряд значимых наблюдений. Так, например, исследования показывают тяготение культурных установок предпринимателей, самозанятых и руководителей к западному менталитету [8], что позволяет говорить о связях между социокультурными характеристиками индивидов и практиками развития их человеческого капитала. В данном контексте едва ли уместно говорить об однонаправленных связях: экономическое развитие и динамика социокультурных характеристик находятся в диалектической взаимозависимости [9]. На страновом и макрорегиональном уровнях с применением эпидемиологического подхода получены свидетельства различий в накоплении человеческого капитала между группами мигрантов из различных стран во втором поколении [10].

В последние годы особое внимание исследователей уделяется индивидуальному уровню измерения социокультурных паттернов [11; 12], находящее широкое применение в анализе экономического поведения индивидов, например, [13]. Наиболее широко применяемым остаётся методологический подход, основанный на концепции Г. Хофстеде, оперирующий шестью измерителями: «маскулинность»/«феминность», «дистанция власти», «коллективизм»/«индивидуализм», «избегание неопределённости», «долгосрочность целеполагания», «допустимость удовлетворения желаний»/«сдержанность» [14]. Операционализация данного подхода применительно к индивидуальному уровню измерений представлена в работах [12; 15]; его развёрнутая русскоязычная апробация — в работе [16].

Настоящая статья нацелена на установление связи между социокультурными характеристиками населения и практиками в области воспроизводства человеческого капитала на материалах полевого исследования, проведённого в субрегионе Арктической Карелии в августе-октябре 2023 года. В первой части исследования решаются задачи выявления значений социокультур-

ных характеристик населения Арктической Карелии и её территорий. Во второй — осуществляется проверка гипотезы о зависимости социокультурных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» от характеристики деятельности респондента. В основе гипотезы лежит предположение о том, что значение показателя «избегание неопределённости» у предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму (бюджетная сфера и частный сектор), а показатель «долгосрочность целеполагания», наоборот, выше. Это предположение основано на том, что предприниматели занимаются деятельностью, сопряжённой с повышенными рисками, готовы действовать в изменяющейся обстановке, а значит, склонны в меньшей мере избегать неопределённости в социально-экономической среде и имеют соответствующие ценностные установки в области долгосрочности целеполагания [17; 18]. В рамках исследования были проверены две гипотезы: 1) H1: Средние значения показателя «избегания неопределённости» в группе предпринимателей ниже, чем в группе работающих по найму; 2) H2: Средние значения показателя «долгосрочность целеполагания» в группе предпринимателей выше, чем в группе работающих по найму. В третьей части исследования рассмотрена связь между значениями социокультурных характеристик и практиками воспроизводства человеческого капитала.

Информационную основу исследования составили данные опроса (осень 2023), проведённого среди постоянно проживающего населения в возрасте 15–72 лет (средний возраст — 43,9 лет). Объём выборки составил 1042 человек. Использовался смешанный метод сбора данных — преобладало личное интервьюирование по формализованному опроснику, для части респондентов анкета оставлялась для самостоятельного заполнения по месту жительства с предварительным инструктажем и последующей проверкой заполнения (с учётом актуальности эпидемиологической ситуации с COVID-19). Характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1
Пространственное распределение выборки в разрезе исследуемых территорий, человек
Table 1
Spatial distribution of the sample in the context of the study areas, persons

Муниципальное образование Карелии	Женщины		Мужчины		Оба пола	
	Количество наблюдений	Средний возраст	Количество наблюдений	Средний возраст	Количество наблюдений	Средний возраст
Беломорский МО	74	48,6	68	43,4	142	46,1
Калевальский МР	58	49,0	42	47,7	100	48,5
Кемский МР	67	46,0	57	43,2	124	44,7
Костомукшский ГО	144	40,9	115	40,3	259	40,7
Лоухский МР	80	46,2	65	44,3	145	45,3
Сегежский МО	160	42,5	112	43,5	272	42,9
Всего	583	44,4	459	43,2	1042	43,9

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Результаты исследования

Значения шести социокультурных характеристик Г. Хофстеде в субрегионе Арктической Карелии, а также их детализация по полу и возрасту представлена в табл. 2.

Сравнивая социокультурные характеристики населения Арктической Карелии с данными более ранних исследований, проведённых по схожей методике на арктических территориях Архангельской области и Республики Коми [7] можно отметить, что

Таблица 2
Социокультурные характеристики Г. Хофстеде по полу и возрасту*
Table 2
G. Hofstede's sociocultural characteristics by gender and age

Группа		Показатель					
		col	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Арктическая Карелия в целом		2,96	2,72	3,65	3,04	2,44	3,89
Пол	Женщины	2,99	2,64	3,71	2,74	2,39	3,83
	Мужчины	2,93	2,82	3,58	3,41	2,52	3,97
Возраст, лет	15–29	2,88	3,11	3,48	3,10	2,67	3,82
	30–44	2,85	2,78	3,65	3,07	2,41	3,88
	45–59	3,02	2,57	3,68	2,95	2,35	3,94
	60–72	3,13	2,45	3,80	3,04	2,39	3,93

* в таблице приняты следующие сокращения: коллективизм/индивидуализм – col; допустимость удовлетворения желаний – ivr; долгосрочность целеполагания – ltowvs; маскулинность/феминность – mas; дистанция власти – pdi; избегание неопределённости – uai.

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

для населения рассматриваемого региона характерно в среднем большее принятие дистанции власти и соответствующих проявлений, склонность к избеганию неопределённых ситуаций и пониженная склонность к риску. Также население Арктиче-

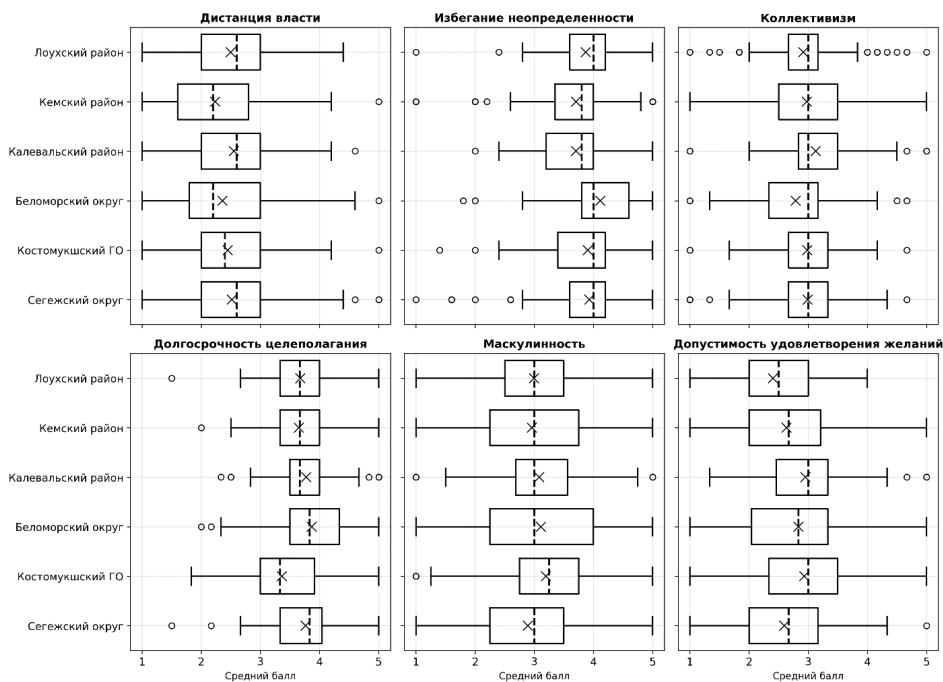
ской Карелии в среднем больше тяготеет к допустимости удовлетворения желаний.

По показателю «пол» пять из шести культурных характеристик различаются статистически значимо (для оценки использовался t-тест, p-value <0,01), исключени-

ем является показатель «коллективизм» (p -value=0,14). Иные различия выявлены при анализе зависимости культурных характеристик от возраста. В ходе исследования, на основе результатов дисперсионного анализа, на основе результатов дисперсионного анализа было выявлено, что присутствует взаимосвязь между возрастом и паттернами «коллективизм», «допустимость удовлетворения желаний», «долгосрочность целеполагания» и «дистанция власти» (p value < 0,0001). Дополнительный анализ на основе теста Тьюки (Tukey HSD test) показал, что значимые различия наблюдаются между некоторыми категориями. Так, например, для культурной характеристики «коллективизм» статистически значимыми являются различия между возрастными группами «15–29 лет» и «60–72 лет», а также между группами «30–44 лет» с одной стороны, «45–59 лет» и «60–72 лет» с другой.

Наибольших значений показатель «маскулинности» достигается в возрастной

группе 15–29 лет (3,10), которая соответствует наиболее активному мужскому возрасту. Аналогичная тенденция характерна для показателя «допустимость удовлетворения желаний» (3,11). Оценка значений показателя «дистанции власти» также свидетельствует о наличии возрастной специфики, наибольшее значение этого показателя наблюдается в группе от 15 до 29 лет. Наибольшее значение показателя «долгосрочность целеполагания» приходится на старшую возрастную группу (3,80). Аналогичные тенденции характерны и для показателя «избегание неопределённости». Отметим, что полученные результаты сходны с ранее проведённым исследованиям. Так в работе [7] было выявлено, что показатели «маскулинность» и «допустимость удовлетворения желаний» у мужчин наиболее выражены, а также выявлена дифференциация значений показателей в зависимости от возраста респондентов.

Рис. 1. Распределение значений социокультурных характеристик Г. Хофстеде в разрезе муниципальных образований Арктической Карелии

Fig. 1. Distribution of values of G. Hofstede's sociocultural characteristics in the context of municipal districts of Arctic Karelia

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

На рис. 1 приведено распределение значений шести социокультурных характеристик Г. Хофстеде в разрезе муниципальных образований Арктической Карелии, среднее значение обозначено крестиком, медиана — пунктирной линией, выбросы отмечены кружками. В целом значения социокультурных характеристик Г. Хофстеде распределяются равномерно, однако анализ средних и медианных значений говорит о некоторых различиях. Для статистического сравнения мер центральной тенденции был использован дисперсионный анализ и Н-критерий Краскала-Уоллиса (Kruskal–Wallis test). Проведённый двухэтапный анализ выявил, что средние и медианные значения каждой из шести социокультурных характеристик у арктических районов Карелии различаются статистически значимо (дистанция власти: p -value $< 0,01$; избегание неопределённости: p -value $< 0,001$; коллективизм: p -value $< 0,01$; долгосрочность целеполагания: p -value $< 0,001$; маскулинность: p -value $< 0,01$; допустимость удовлетворения желаний: p -value $< 0,001$). Для выявления индивидуальных различий был проведён *post-hoc* анализ на основе теста Тьюки (Tukey HSD test), в некоторых случаях использовался тест Даннета (Dunnett's test), так как на общем фоне выделялся лишь один из исследуемых муниципалитетов.

В ходе анализа было выявлено, что для социокультурной характеристики «дистанция власти» статистически значимые различия оказались лишь у Кемского МР, с одной стороны, Калевальского МР (p -value = 0,028) и Костомукшского ГО, с другой (p -value = 0,009). Иная ситуация с характеристикой «избегание неопределённости» — статистически значимые различия наблюдаются между Беломорским МО и другими (p -value $< 0,01$), за исключением Сегежского МО. Показатель последнего в свою очередь отличен от показателя Кемского МР (p -value $< 0,01$).

Для характеристики «коллективизм» значимые различия были выявлены только между Калевальским МР и Беломорским МО (p -value $< 0,001$). Отметим, что такая разни-

ца обусловлена поляризацией этих двух арктических районов — в первом случае среднее значение социокультурной характеристики максимально среди других районов — 3,13, а во втором, наоборот, минимально — 2,79. Для характеристики «долгосрочность целеполагания» статистически значимые различия были выявлены между Костомукшским ГО и другими арктическими территориями Карелии (p -value $< 0,001$). В этом же районе наименьшее среднее значение анализируемой характеристики — 3,37.

Социокультурная характеристика «маскулинность» имеет статистически значимое различие лишь для одной пары регионов Костомукшский ГО и Сегежский МО. Как и в случае с измерителем «коллективизм» различие объясняется полярными значениями показателя: в Костомукшском ГО максимальное значение характеристики среди других арктических районов Карелии — 3,20, а в Сегежском МО минимальное — 2,89. Последняя характеристика, по которой проводился апостериорный анализ — «допустимость удовлетворения желаний». Фактически муниципалитеты разделились на две группы с более высоким и более низким показателями. В первую группу входят Калевальский МР (2,95), Костомукшский ГО (2,93) и Беломорский МО (2,83), во вторую — МР Кемский (2,63) и Лоухский (2,40), МО Сегежский (2,59).

При проведении анализа рассматривались следующие группы респондентов: «работаю по найму в бюджетной организации» — 271 человек, «работаю по найму на частном предприятии» — 235, «государственный/муниципальный служащий» — 112, «военнослужащий» — 23, «индивидуальный предприниматель, работаю сам(а) на себя» — 51 человек. По результатам дисперсионного анализа было выявлено наличие статистически значимых различий между группами занятости в средних значениях показателей «избегание неопределённости» ($F = 6,54$, p -value $< 0,0001$) и «долгосрочность целеполагания» ($F = 8,35$, p -value $< 0,0001$). В табл. 3 приведены средние значения социокуль-

Таблица 3

Средние значения социокультурных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» по группам занятости

Table 3

Average values of sociocultural characteristics «uncertainty avoidance» and «long-term goal setting» by employment groups

Группа занятости	Долгосрочность целеполагания	Избегание неопределённости
Работаю по найму в бюджетной организации	3,69	3,85
Государственный/муниципальный служащий	3,75	3,89
Военнослужащий	3,60	4,30
Работаю по найму на частном предприятии	3,46	4,02
Индивидуальный предприниматель, работаю сам	3,82	3,64
Среднее значение по всем категориям	3,62	3,90

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

турных характеристик «избегание неопределённости» и «долгосрочность целеполагания» для каждой из этих групп.

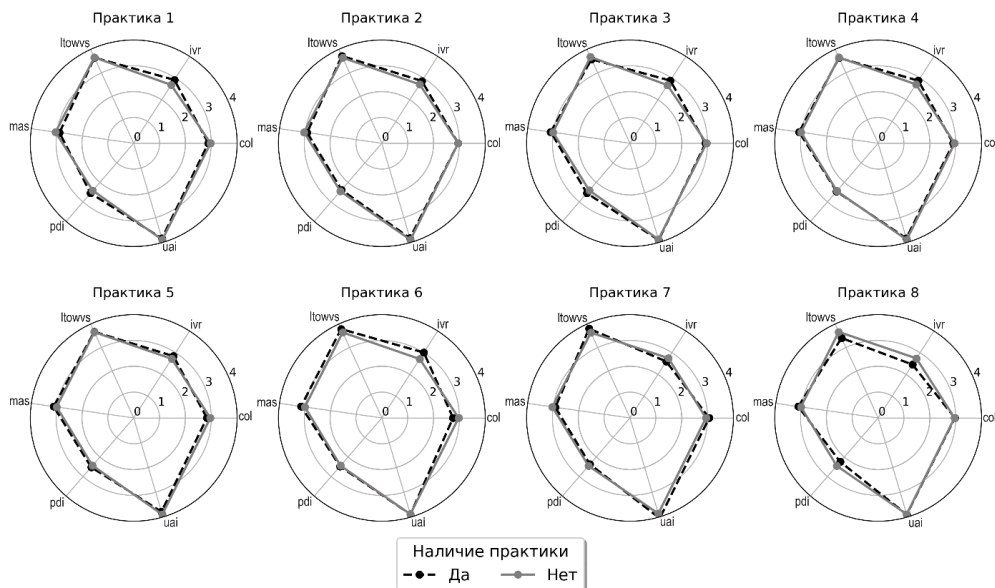
Во избежание множественных сравнений при непосредственной проверке гипотез был использован тест Даннета, где в качестве контрольной группы использовались значения социокультурных характеристик группы «индивидуальный предприниматель, работаю сам(-а)», при расчётах в качестве альтернативной гипотезы использовалось предположение о смещении показателей других групп в одну сторону. Результат показал, что «долгосрочность целеполагания» в группе работающих на себя статистически значимо выше, лишь чем у «работающих по найму на частном предприятии» (p -value $<0,001$), при сравнении с другими группами статистически значимых различий нет (p -value $>0,05$). Аналогичные расчёты для социокультурной характеристики «избегание неопределённости» показывают, что средние значения этого показателя во всех группах статистически значимо выше, чем у группы работающих на себя (p -value $<0,05$).

Таким образом на основе проведённого анализа мы можем подтвердить гипотезу «Н1» — средние значения показателя «избегания неопределённости» в группе пред-

принимателей ниже, чем в группе работающих по найму, то есть предприниматели более предрасположены к действиям в рискованных и неопределённых ситуациях, требующих нетипового решения. Гипотеза «Н2» также в целом подтверждается — среднее значение показателя «долгосрочность целеполагания» в группе предпринимателей выше, чем во всех других рассматриваемых группах. Однако это различие носит статистически значимый характер только в отношении сравнения с группой «работающих по найму на частном предприятии», при сравнении с другими группами оно является менее выраженным. Необходимо отметить, что сравниваемые группы имеют разный объем, однако генерация выборок для этих групп в объёме, схожем с объёмом группы предпринимателей ($n \approx 50$) даёт сопоставимые результаты. В практическом аспекте данные результаты означают, что предприниматели в большей мере ориентированы на стратегическую перспективу в своих действиях.

В заключительной части исследования нами были рассмотрены соотношения между практиками воспроизводства человеческого капитала и выраженностью значимых социокультурных паттернов у населения Арктической Карелии (рис. 2).

Рис. 2. Связанность социокультурных паттернов населения и планируемых мер (практик) в области повышения человеческого капитала
Fig. 2. Connectivity between sociocultural patterns of the population and planned measures in the field of increasing human capital (practices)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Рассмотрены следующие планируемые меры и практики респондентов в рамках повышения своего благосостояния, включённые в инструментарий опроса населения при ответе на вопрос «Какие меры Вы планируете предпринять для увеличения вашего дохода и благосостояния?»: 1) получение образования или дополнительно образования (Практика 1); 2) повышение квалификации при прежнем профиле образования (Практика 2); 3) поиск новой работы (Практика 3); 4) формирование профессиональных связей (Практика 4); 5) формирование неформальных связей (Практика 5); 6) переезд при переводе по работе или при поиске работы (Практика 6); 7) улучшение здоровья (Практика 7); 8) ничего не планирую, меня всё устраивает (Практика 8).

Наибольшие отличия в социокультурных паттернах и теми респондентами, которые не планируют данную практику, наблюдаются среди респондентов, планирующих 1) «получение образования или допол-

нительного образования» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 2) «поиск новой работы» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 3) «формирование профессиональных связей» по измерителю «допустимость удовлетворения желаний»; 4) «переезд при переводе по работе или при поиске работы» по измерителю «коллективизм» (в меньшую сторону) и по измерителю «допустимость удовлетворения желаний» (в большую сторону). Среди респондентов, не планирующих ничего для увеличения своего благосостояния, относительно низки значения паттернов «долгосрочности целеполагания», «допустимости удовлетворения желаний» и «дистанции власти».

Полученную картину связей между социокультурными характеристиками и планируемыми мерами (практиками) по повышению благосостояния мы объясняем в первую очередь возрастом респондентов и присущими отдельным возрастным группам особенностями паттернов.

Выводы и обсуждение результатов

Применение методологии Г. Хофстеде в измерении социокультурных паттернов поведения населения Арктической Карелии позволило получить ряд значимых наблюдений. Выявлены статистически значимые различия в значениях пяти из шести паттернов в разрезе пола респондентов (p -value $< 0,01$), исключением является показатель «коллективизм» (p -value = 0,14). В ходе исследования на основе результатов дисперсионного анализа было выявлено, что присутствует связь между возрастом и паттернами «коллективизм», «допустимость удовлетворения желаний», «долгосрочность целеполагания» и «дистанция власти», однако эта связь различна по своей выраженности между отдельными возрастными группами.

В ходе исследования была также выявлена определённая дифференциация в социокультурном профиле различных территорий Арктической Карелии, однако они носят локальный характер: отдельные значения измерителей различаются в попарном сравнении территорий или в тройках. Наиболее значимые с точки зрения цели исследования результаты были получены при анализе различий социокультурных характеристик между отдельными социальными группами по характеру занятости в средних значениях показателей «избегание неопределён-

ности» и «долгосрочность целеполагания». Средние значения показателя «избегание неопределённости» во всех группах выше, чем в группе работающих на себя (различия всех групп в отношении группы предпринимателей статистически значимы). При рассмотрении показателя «долгосрочность целеполагания» средние значения в группе работающих на себя выше, чем в других группах. Анализ связи между социокультурными характеристиками и планируемыми практиками воспроизводства человеческого капитала показал отличия, которые мы объясняем прежде всего большей или меньшей распространённостью отдельных практик в разных возрастных группах.

Представленные результаты вносят вклад в концептуальное обновление научной и информационной базы институционального проектирования и разработки управленческих решений в сфере обеспечения социальной интеграции пространства Арктической Карелии, совершенствования преференциального режима инвестиционной деятельности этого региона. В частности, развитие представленных наработок и распространение исследований на другие регионы АЗ РФ будет востребовано в рамках спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и самозанятости, взаимодействия власти и бизнес-сообщества, деятельности в сфере НКО.

Литература и Интернет-источники

1. **Аксенова, О. В.** Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко, А. М. Пахарь [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. — 207 с.
2. **Латова, Н. В.** Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Вестник Института социологии. — 2016. — № 4(19). — С. 155–179. EDN: XWETNN
3. **Chimenson, D.** The paradox and change of Russian cultural values / D. Chimenson, R. L. Tung, A. Panibratov, T. Fang // International Business Review. — 2022. — Vol. 31. — Iss. 3. — P. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
4. **Minkov, M.** Is «regional culture» a meaningful concept? Cultural differences across 60 Russian regions / M. Minkov, B. Sokolov, E. Ponarin, A. Almakaeva, E. Nastina // Cross Cultural & Strategic Management. — 2023. — Vol. 30. — No. 3. — P. 637–656. DOI: 10.1108/CCSM-07-2022-0126
5. **Бахтигараева, А. И.** Социокультурные особенности регионов России: общее и различия / А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова // Вестник Московского

- университета. Сер. 6. Экономика. — 2021. — № 5. — С. 29–51. DOI: 10.38050/01300105202152; EDN: SJQDKA
6. **Брызгалин, В. А.** Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике / В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина // Вопросы экономики. — 2020. — № 7. — С. 108–126. DOI:10.32609/0042-8736-2020-7-108-126; EDN: VRFWXN
  7. **Волков, А. Д.** Социокультурные особенности населения арктических регионов России / А. Д. Волков, С. В. Тишков, А. О. Аверьянов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 52–65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5; EDN: WDCJDX
  8. **Латова, Н. В.** Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Мир России. Социология. Этнология. — 2017. — Т. 26. — № 3. — С. 36–63. EDN: YZIDDDV
  9. **Аузан, А. А.** Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А. А. Аузан, Е. Н. Никишина. — Москва : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2021. — 200 с.
  10. **Van Hoorn, A.** Cultural determinants of human capital accumulation: Evidence from the European Social Survey / A. van Hoorn // Journal of Comparative Economics. — 2019. — Vol. 47. — Iss. 2. — P. 429–440. DOI: 10.1016/j.jce.2019.01.004
  11. **Minkov, M.** Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia / M. Minkov, B. Sokolov, M. Tasse [и др.] // Cross-Cultural Research. — 2023. — No. 57(2–3). — P. 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461
  12. **Yoo, B.** Measuring Hofstede’s five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE / B. Yoo, N. Donthu, T. Lenartowicz // Journal of International Consumer Marketing. — 2011. — Vol. 23(3–4). — P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
  13. **Khan, O.** The influence of cultural differences on consumers’ willingness to pay more for sustainable fashion / O. Khan, N. Varaksina, A. Hinterhuber // Journal of Cleaner Production. — 2024. — Vol. 442. — P. 141024. DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.141024
  14. **Hofstede, G.** Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. — New York : McGraw-Hill, 2010. — 561 p.
  15. **Heydari, A.** Hofstede’s individual-level indulgence dimension: Scale development and validation / A. Heydari, M. Laroche, M. Paulin, M. O. Richard // Journal of Retailing and Consumer Services. — 2021. — Vol. 62. — P. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
  16. **Волков А. Д.** Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчёта значений на индивидуальном уровне / А. Д. Волков, А. О. Аверьянов, Н. А. Рослякова, С. В. Тишков // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.
  17. **Мурзина, Ю. С.** Сравнительный анализ ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса с разной продолжительностью работы компаний на рынке / Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков, С. М. Дьячков, А. В. Язовских // Организационная психология. — 2021. — Т. 11. — № 4. — С. 9–35.
  18. **Позняков, В. П.** Взаимосвязь смысложизненных и ценностных ориентаций личности предпринимателей и характеристик их экономического самоопределения / В. П. Поздняков // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2021. — Т. 6. — № 1(21). — С. 150–170. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006

Информация об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; РИНЦ SPIN-код: 2133–8597.

Аверьянов Александр Олегович, младший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН; ведущий специалист Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; РИНЦ SPIN-код: 1194-8767.

Рослякова Наталья Андреевна, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН; Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; РИНЦ SPIN-код: 7405-4998.

Васильева Анастасия Владимировна, к.э.н., старший научный сотрудник, Отдел комплексных научных исследований Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasnask@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6019-819X; РИНЦ SPIN-код: 2815-9484.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE ARCTIC REGION AND PRACTICES OF HUMAN CAPITAL REPRODUCTION: IS THERE A CONNECTION?

Alexander D. Volkov^{1*}, Alexander O. Averianov^{1,2},
Natalia A. Roslyakova^{1,3}, Anastasia V. Vasilieva¹

¹Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Research Center RAS (11 Pushkinskaya str., Petrozavodsk, Russia, 185910)

²Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University
(33 Lenina str., Petrozavodsk, Russia, 185910)

³V. A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS
(65 Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Funding:

The research was carried out within the RSF project No. 23-78-10192. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

For citation:

Volkov A. D., Averianov A. O., Roslyakova N. A., Vasilieva A. V. Socio-cultural features of the population of the Arctic region and practices of human capital reproduction: is there a connection? *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 124-136. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-124-136 (in Russ.)

Abstract. *The presented work is devoted to study of the sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia and identification of the connections between these characteristics and practices of human capital reproduction. The information basis was made up of the data from a survey of the population of the region under consideration (n=1042), carried out in the fall of 2023. The tasks of identifying the values of sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia and its territories, as well as identifying the relationships between the values of sociocultural characteristics and the planned measures and practices of respondents in the field of human capital reproduction were solved. Hypotheses were put forward about the connection between the sociocultural characteristics «uncertainty avoidance» and «long-term goal setting» on the one hand, and the characteristics of respondent's activity on the other hand. Methods of analysis of variance, Kruskal-Wallis H test, Tukey HSD test and Dunnett's test were used. As a result of the study, the sociocultural characteristics of the population of Arctic Karelia were identified. The assumptions were confirmed that the value of the*

«uncertainty avoidance» indicator among entrepreneurs is lower than in the group of employees (public sector and private sector), while the value of the «long-term goal setting» indicator, on the contrary, is higher. While the differences in the planned measures for development of human capital between respondents have certain correspondences with the differentiation of sociocultural characteristics, we associate them primarily with characteristics of age groups, as well as gender of respondents. The presented results contribute to conceptual updating of the scientific and information base of the institutional designing of the Russian Arctic and are intended to lay the information and analytical foundations for a general improvement in the quality of governance.

Keywords: sociocultural characteristics, Arctic region, Arctic, Arctic Karelia, Hofstede model, power distance, uncertainty avoidance, masculinity.

References and Internet sources

1. Aksenova O. V., Levchenko N. V., Pakhar A. M., Pisarevsky V. G., Podlesnaya M. A., Podyachev K. V., Ryazantsev I. P., Khaly I. A. Asimmetriya zhizni sovremennogo rossijskogo obshchestva: sootnosheniye traditsij i innovatij [Asymmetry of Life in Modern Russian Society: the Relationship between Traditions and Innovations]. Moscow. FNISTS RAN [FCTAS RAS]. 2017. 207 p. (in Russ.)
2. Latova N. V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G. Hofsteda) [Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016. No. 19. P. 155–179. (in Russ.)
3. Chimenson D., Tung R. L., Panibratov A., Fang T. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. Iss. 3. P. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
4. Minkov M., Sokolov B., Ponarin, E., Almakaeva A., Nastina, E. Is «regional culture» a meaningful concept? Cultural differences across 60 Russian regions. *Cross Cultural & Strategic Management*. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 637–656. DOI: 10.1108/CCSM-07-2022-0126
5. Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Nikishina E. N., Pripuzova N. A. Sotsiokul'turnye osobennosti regionov Rossii: obshcheje i razlichiya [Sociocultural specifics of Russia's regions: common features and differences]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economic Bulletin]. 2021. No. 5. P. 2951. DOI: 10.38050/01300105202152 (in Russ.)
6. Bryzgalin V. A., Nikishina E. N. Sushchestvujet li regional'naya sotsiokul'turnaya spetsifika v Rossii? Vozmozhnosti ispol'zovaniya sotsiokul'turnogo podkhoda v ekonomike [Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics]. Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]. 2020. No. 7. P. 108126. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-108-126 (in Russ.)
7. Volkov A. D., Tishkov S. V., Averyanov A. O. Sotsiokul'turnye osobennosti naseleniya arkticheskikh regionov Rossii [Socio-cultural features of the population of the Russian Arctic regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 52–65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5 (in Russ.)
8. Latova N. V. Proizvodstvennaya kul'tura rabochikh sovremennoj Rossii kak element ikh chelovecheskogo kapitala (etnometricheskij analiz na osnove kontseptsii G. Hofsteda) [The industrial culture of modern Russian workers as an element of their human capital: an ethnometric analysis using Hofstede's model]. *Mir Rossii [Universe of Russia, Sociology. Ethnology]*. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 36–63. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63 (in Russ.)
9. Auzan A. A., Nikishina E. N. Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika — na kul'turu: kurs leksij [Socio-Cultural Economics: How Culture Affects the Economy, and How the Economy Influences Culture. A course of lectures]. Moscow. MGU imeni M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 2021. 200 p. (in Russ.)
10. van Hoorn A. Cultural determinants of human capital accumulation: Evidence from the European Social Survey. *Journal of Comparative Economics*. 2019. Vol. 47. Iss. 2. P. 429–440. DOI: 10.1016/j.jce.2019.01.004
11. Minkov M., Sokolov B., Tasse M. A., Jamballu, E., Schachner M., Kaasa A. A transposition of the Minkov-Hofstede model of culture to the individual level of analysis: evidence from Mongolia. *Cross-Cultural Research*. 2023. No. 57(2–3). P. 264–293. DOI:10.1177/10693971231153461

12. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*. 2011. Vol. 23(3–4). P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
13. Khan O., Varaksina N., Hinterhuber A. The influence of cultural differences on consumers' willingness to pay more for sustainable fashion. *Journal of Cleaner Production*. 2024. Vol. 442. P. 141024. DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.141024
14. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded. New York. McGraw-Hill. 2010. 561 p.
15. Heydari A., Laroche M., Paulin M., Richard M. O. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 62. P. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
16. Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A., Tishkov S. V. Izmereniye sotsiokul'turnykh kharakteristik po shesti pokazatelyam modeli Khofstede: aprobatsiya instrumentariya dlya raschota znachenij na individual'nom urovne [Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4 (in Russ.)
17. Murzina J. S., Pozniakov V. P., Dyachkov S. M., Yazovskikh A. V. Sravnitel'nyy analiz tsennostnykh orientatsij vladel'tsev malogo biznesa s raznoj prodolzhitel'nost'yu raboty kompanij na rynke [Comparative study of the value orientations of small business owners with different durations of companies in the market]. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]* 2021. Vol. 11. No. 4. P. 9–35. (in Russ.)
18. Poznyakov V. P. Vzaimosvyaz' smyslozhiznennykh i tsennostnykh orientatsij lichnosti predprinimatelej i kharakteristik ikh ekonomicheskogo samoopredeleniya [The relationship of life and value orientations of entrepreneurs and the characteristics of their economic self-determination]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*. 2021. Vol. 6. No. 1(21). P. 150–170. DOI: 10.38098/ipran.sep.2021.21.1.006 (in Russ.)

Information about the authors:

Volkov Alexander Dmitrievich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Elibrary SPIN- code: 2133–8597.

Averyanov Alexander Olegovich, Junior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Research Center RAS; Leading Specialist, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Elibrary SPIN- code: 1194–8767.

Roslyakova Natalia Andreevna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS; V. A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; Elibrary SPIN- code: 7405–4998.

Vasilieva Anastasia Vladimirovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Department of Multidisciplinary Scientific Research of the Karelian Scientific Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: vasnask@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6019-819X; Elibrary SPIN- code: 2815–9484.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-137-152
EDN: AGXGLY

ВРЕМЕНИ В ОБРЕЗ: СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ РОССИЯНЕ УДЕЛЯЮТ ЗАБОТЕ О СОБСТВЕННЫХ ДЕТЯХ?

Антонов А. И.¹, Карпова В. М.^{1*}, Ляликова С. В.²

¹МГУ имени М. В. Ломоносова
(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1. стр. 33)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: wmkarpova@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00518. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

Для цитирования:

Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 137-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-137-152; EDN: AGXGLY

Аннотация. Материалы статьи формируют представление о структуре суточного бюджета времени семей с детьми, анализируется гендерная специфика, характер родительской вовлеченности в семьях с разным типом детности в будние и выходные дни. Эмпирической базой анализа послужили микроданные «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением», проведённого Росстатом в 2019 г., при работе с массивом было отобрано около 7 тыс. респондентов, отвечающих исследовательским задачам. Выявлены основные составляющие бюджетов времени членов семьи в зависимости от её размера. Показано более сильное влияние числа детей в семье на бюджеты времени матерей по сравнению с отцами — вплоть до полной (8+ часов) занятости домашним хозяйством матерей в многодетных семьях. Отметим, что отцы посвящают уходу за детьми в будний день порядка 40 минут, в то время как матери в 3,8 раза больше. Зафиксирован рост вовлеченности отцов в уход за детьми по мере роста семьи. Выявлен характерный скачок временных затрат на уход за детьми при переходе от однодетной к двухдетной семье при последующем плавном и меньшим по величине росте в семьях с 3 и более детьми. Возможным объяснением может служить вовлечение старших детей в присмотр и игры с младшими детьми, которое увеличивается по мере роста семьи. Сделан вывод о большем единстве внутрисемейной деятельности всех членов многодетных семей. Отмечен большой потенциал использования исследований суточного фонда времени при дальнейшем изучении образа жизни семей с разным числом детей.

Ключевые слова: исследование бюджетов времени, семья, вовлечённое родительство, детерминанты отцовства и материнства, уход за детьми, домашний труд.

Введение

Концептуализация времени в рамках эмпирических исследований нередко производится через понятие ресурса. К. Дж. Дэйли считает, что посредством изучения характера использования времени индивидами возможно его понимание как социального конструкта [1]. Исследования бюджетов времени универсальны и подходят для изучения любого вида человеческой деятельности, для реализации каждого из которых требуются временные затраты [2, с. 80–81]. Результаты, полученные в ходе исследования бюджетов времени, открывают широкие возможности для детального изучения повседневной жизни индивидов и их семей, отражая не только структуру разделения труда, но и вкусы, потребности испытуемого, общий культурный фон и т.п. [3, с. 230], а также факторы, влияющие на вовлеченность индивидов в конкретный вид деятельности и принципы его перераспределения. Бюджеты времени — особый индикатор, предоставляющий информацию для разработки эффективной социальной политики [4]. Специфической чертой бюджетов времени является их чувствительность к различного рода изменениям, в том числе экономическим, социальным, политическим¹, что повышает актуальность мониторинга исследовательских данных.

Исследования бюджетов времени, реализуемые через анализ подробных суточных дневников, оказываются трудоёмкими, тем не менее известен ряд международных проектов, широко апробирующих данную методологию, среди таковых Multinational Time Use Study (MTUS) (30 стран-участников)², Harmonised European Time Use Survey (HETUS) (около 20 стран)³. Ряд стран проводят локальные исследова-

ния бюджетов времени, прибегая к опросным методам (UK Time Use Survey)⁴, Повседневные практики населения: потребительский выбор и бюджеты времени (НИУ ВШЭ)⁵, нередко отдельные задачи по изучению бюджетов времени реализуются в рамках комплексных оценок качества жизни населения, например, Better Life Index⁶. При использовании данных о распределении суточного фонда времени исследователи фокусируют своё внимание на поиске баланса между работой и личной жизнью, анализе рабочего и свободного времени [5], анализируют специфику гендерных различий в области распределения домашних обязанностей, единогласно подчёркивающих большую вовлеченность женщин в сферу домашнего труда [6; 7], отдельное внимание уделяется конфликту между женской занятостью и материнством [8, с. 66–94]. Анализ ведётся в ресурсной логике интерпретации времени [9, с. 103–104].

В рамках данной статьи ставится задача не просто на основе актуальных статистических данных всероссийского социологического исследования определить структуру бюджетов времени семей в будние и выходные дни, отследив в том числе гендерную специфику, но и зафиксировать характер родительской вовлеченности в домашний труд и уход за детьми в семьях с разным типом детности. Последнее, как правило, ускользает от внимания исследователей, хотя именно данный аспект представляет особый интерес в контексте модифицирующейся семейно-демографической политики, нацеленной на поиск новых эффективных элементов воздействия при формировании ценностно-ориентационного единства семей и высокого уровня фамилистических ценностей.

¹ Бюджеты — это не только деньги. Как мы тратим своё время? Научный дайджест № 3(20) 2023. — URL: [https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20(1).pdf) (дата обращения: 30.01.2024).

² Multinational Time Use Study (MTUS). — URL: <https://timeuse.org/mtus/access> (дата обращения: 30.01.2024).

³ Harmonised European time use surveys (HETUS). URL: <https://clck.ru/39HJel> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴ UK Time Use Survey. — URL: <https://clck.ru/39HKZf> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵ Бюджеты — это не только деньги. Как мы тратим своё время? Научный дайджест 2023. — URL: [https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20(1).pdf) (дата обращения: 30.01.2024).

⁶ Better Life Index. — URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org> (дата обращения: 30.01.2024).

Методология анализа

Эмпирической базой для анализа являются микроданные «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением», проведённого Росстатом в 2019 г. (ВНИСФВ-2019). В качестве основных переменных для анализа были отобраны показатели временных затрат на домашнее хозяйство с дифференциацией на ведение хозяйства и уход за детьми. Наряду с основными показателями ухода за детьми, используемыми в исследовании Росстата, сопряжёнными с физическим, медицинским уходом, а также временем, посвящённым воспитанию и обучению детей, разговорам и чтению, играм и занятиям спортом, присмотру за детьми (пассивный уход), а также встречам с поставщиками услуг по уходу за детьми и иным видам деятельности, связанным с исследуемым типом ухода (коды переменных: 411–417, 419), в данный раздел были также отнесены временные затраты на сопровождение собственных детей (442). Остальные пункты раздела 3 (оказание неоплачиваемых бытовых услуг членам домохозяйства и семьи)

и 4 (оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства и семьи) отнесены к ведению домашнего хозяйства (без учёта ухода за детьми).

Инструментарий «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением» (2014 и 2019 гг.) фиксирует не только основное занятие, указанное респондентом, но и параллельную деятельность, которая осуществляется одновременно. Также в дневниках отмечаются члены домохозяйства и другие люди, которые присутствуют в каждый момент времени и так или иначе задействованы в деятельности респондента. К сожалению, на данный момент не разработаны микроданные этой части исследования, но потенциал их использования очень велик. Именно на основе этой информации можно будет получить подробную картину жизни семьи, особенности взаимодействия её членов, наличие их совместной деятельности и практик общесемейного досуга.

Социально-демографические характеристики отобранных для анализа нуклеарных семей, в которых хотя бы один ребёнок младше 18 лет, представлены в табл. 1.

Социально-демографические характеристики семей

Таблица 1

Socio-demographic characteristics of the family

Table 1

Характеристики респондентов	Всего		Семья с 1 ребёнком		Семья с 2 детьми		Семья с 3 детьми		Семья с 4+ детьми	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Городская местность	4992	71,8	2629	75,5	1973	70,9	344	60,8	46	36,5
Высшее образование – муж	2619	37,7	1364	39,2	1034	37,2	180	31,8	41	32,5
Высшее образование – жена	3498	50,3	1842	52,9	1414	50,8	209	36,9	33	26,2
Состоит в зарегистрированном браке	6476	93,1	3188	91,6	2637	94,8	535	94,5	116	92,1
Есть дети до 1,5 лет	738	10,6	284	8,2	294	10,6	122	21,6	38	30,2
Есть дети от 1,5 до 3 лет	725	10,4	242	7,0	348	12,5	104	18,4	31	24,6
Есть дети от 3 до 6 лет	2786	40,1	851	24,5	1462	52,5	375	66,3	98	77,8
Есть дети от 7 до 14 лет	4305	61,9	1682	48,3	2028	72,9	479	84,6	116	92,1
Есть дети от 15 до 17 лет	971	14,0	414	11,9	413	14,8	111	19,6	33	26,2
Есть дети старше 18 лет	261	3,8	0	0,0	194	7,0	56	9,9	11	8,7
Вождение авто – муж	5035	72,4	2507	72,0	2057	73,9	396	70,0	75	59,5
Вождение авто – жена	1478	21,3	705	20,3	664	23,9	97	17,1	12	9,5

Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия – муж	6462	92,9	3251	93,4	2599	93,4	504	89,0	108	85,7
Наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия – жена	4574	65,8	2515	72,3	1790	64,3	236	41,7	33	26,2
Доля малоимущих семей (менее 1 ПМ)	1264	18,2	576	16,6	503	18,1	151	26,7	34	27,0
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Возраст – муж	38,4	7,4	38,6	8,2	38,0	6,5	38,9	6,6	39,4	7,3
Возраст – жена	35,6	6,7	35,9	7,6	35,2	5,7	35,4	5,6	35,4	5,8
Возраст младшего ребёнка	6,6	4,6	8,1	4,9	5,4	3,8	3,9	3,2	3,1	2,9
Доход (в прожиточных минимумах)	1,8	1,0	1,9	1,0	1,8	1,0	1,7	1,1	1,5	0,8

Примечание: М – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

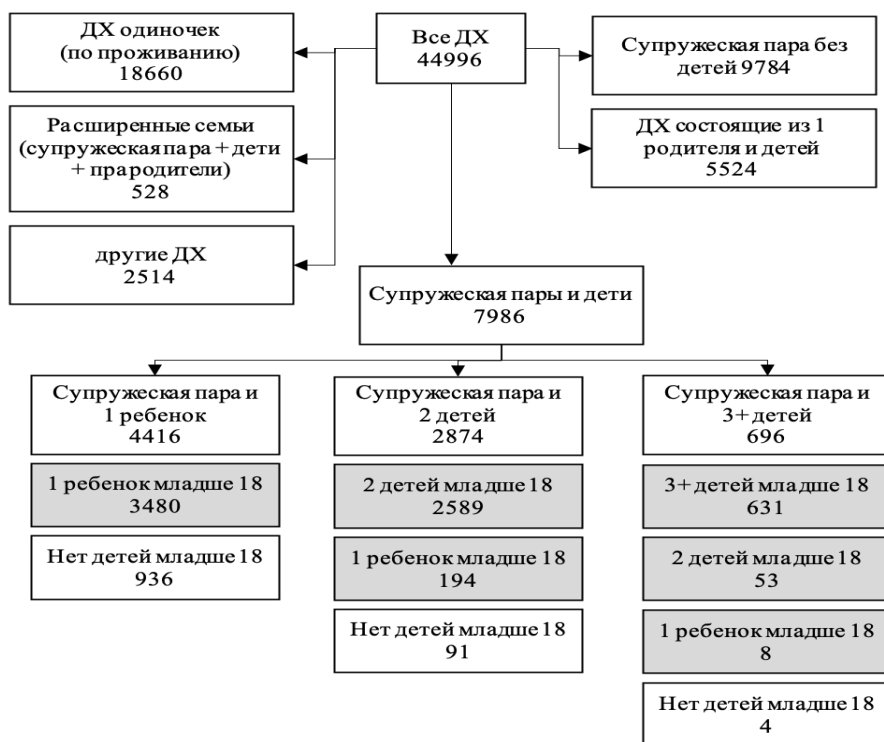

Рис. 1. Схема отбора совокупности для анализа

Fig. 1. Scheme for selecting the population for analysis

Источник: составлено авторами на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

Для описательного анализа были отображены нуклеарные семьи, состоящие из одной супружеской пары и совместно проживающих детей (рис. 1), в которых хотя бы один

ребёнок младше 18 лет (6955 семей из 7986 семей, где родители проживают только с кем-то из детей). Отметим, что непосредственное сравнение бюджетов време-

ни семей с детьми и без детей некорректно, так как среди бездетных супружеских пар встречаются и молодые семьи, не успевшие реализовать свой репродуктивный потенциал, и пары пенсионеров, проживающие отдельно от своих взрослых детей. Следует также учитывать, что одним из значимых факторов нагрузки домашним трудом и распределения домашних обязанностей между членами семьи является характер занятости мужчин и женщин [10], что ещё раз подчёркивает некорректность объединения в одну группу пар пенсионеров с супругами, ещё не имеющими детей.

Таким образом, для детального анализа были отобраны только семьи, состоящие из супружеской пары и детей. Опыт одиноких родителей с детьми также вынесен за скобки анализа в данной статье по причине того, что распределение бюджетов времени в таких домохозяйствах обладает особой спецификой, вызванной наличием единственного взрослого, ответственного за материальное обеспечение и бытовую сферу. Подобные ситуации планируется более детально изучить в будущих работах, так как такие семьи в наибольшей степени нуждаются в социальной помощи, в первую очередь, облегчающей вынужденное совмещение работы и воспитания детей (социальные няни, работа неполный рабочий день, обеспечение дошкольными учреждениями и т.п.). Исключение на данном этапе анализа расширенных семей объясняется сложностью анализа распределения домашней работы в них, а также сильной зависимостью нагрузки на членов семьи в связи с амбивалентным положением прародителей. С одной стороны, они могут оказывать значимую помощь в присмотре за детьми и ведении домашнего хозяйства, позволяя женщине сохранять свою трудовую занятость, несмотря на рождение детей [11]. С другой стороны, в силу возраста и слабого здоровья, представители старшего поколения могут наоборот быть дополнительной нагрузкой и приводить к формированию «сэндвич-синдрома» [12], для которого характерна существенно отличающаяся структура бюджетов времени по сравнению

с семьями, где осуществляется только уход за детьми [13].

Сравнение структуры бюджетов времени проводилось при помощи стандартных статистических методов сравнения средних значений (t-тест для независимых и зависимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ, z-тест и χ^2 для сравнения долевых распределений). Отдельно рассматривались бюджеты времени в будний и выходной дни, а также проводился детальный анализ временных затрат отдельных членов семьи, включая детей старше 10 лет. В отобранной совокупности 6955 семей большинство проживают в городах, но эта доля существенно снижается для семей с 4 и более детьми. Практически все семьи основаны на зарегистрированном браке (более 90%⁷), средний возраст супругов составляет 38 лет для мужа и 35 лет для жены и практически не отличается в зависимости от размера семьи.

Занятость супругов в отобранных семьях существенно отличается в зависимости от числа детей: для мужей она практически не меняется, в то время как доля жён, имевших оплачиваемую работу на неделе, предшествующей опросу, снижается по мере увеличения числа детей с 65,8% до 26,2%. Как было показано в исследованиях взаимосвязи вероятности выхода на работу и наличия в семье детей разного возраста, эта вероятность снижается при наличии детей [14], но наиболее сильное влияние оказывает именно наличие и число детей младше 3 лет [11]. Учитывая, что, с ростом общего числа детей в семье, растёт доля семей, имеющих маленьких детей (младше 3 лет), полученные данные о снижении занятости женщин могут объясняться не только и не столько числом детей, сколько их возрастом. Также значительно меняется уровень дохода: если во всей совокупности среднедушевой доход составляет 1,83 величины прожиточного минимума, то по мере роста числа детей он снижается до 1,52 в семьях с 4-мя и более детьми. Одновременно происходит рост доли мало-

⁷ В связи с этим в статье термины муж/мужчина, жена/женщина используются как синонимы для придания тексту стилистического разнообразия.

имущих семей (со среднедушевым доходом менее одного прожиточного минимума) — с 16,6% до 27,0% при увеличении числа детей от 1 до 4-х и более.

Структура суточного бюджета времени супругов

В табл. 2 представлено распределение суточного бюджета времени супругов в семьях с разным числом детей. Основными занятиями для мужчин в течение суток являются занятость и связанные с ней виды деятельности (включая затраты на дорогу до работы), сон, личная гигиена и уход за собой, а также время досуга. При этом

с увеличением семьи структура бюджетов времени отцов изменяется незначительно: основные виды деятельности остаются прежними. Иная картина отмечена для женщин: в семьях с одним ребёнком основными видами деятельности в течение дня являются сон, занятость и связанные с ней виды деятельности, а также домашний труд (в том числе уход за детьми). С ростом числа детей в семье значительно снижается время, отводимое женщинами на профессиональную занятость (до минимума 1,4 часа в будний день в семьях с 4+ детьми), но при этом существенно возрастает время занятости домашним хозяйством (до 8,9 часа в семьях 4+ детьми).

Таблица 2

Структура суточного бюджета времени супругов в зависимости от числа детей в семье, средние затраты в часах

Table 2

Structure of the daily time budget of spouses depending on the number of children in the family, average time spent in hours

Категория	Семья с 1 ребёнком		Семья с 2 детьми		Семья с 3 детьми		Семья с 4+ детьми	
	муж	жена	муж	жена	муж	жена	муж	жена
Будний день								
Домашний труд (весь)	1,5	5,1	1,7	6,3	1,7	8,0	1,8	8,9
Сон	7,8	7,9	7,8	7,8	7,9	7,9	7,8	7,8
Работа	8,9	6,1	8,9	5,3	8,5	3,2	7,8	1,4
Производство товаров для собственного потребления	0,4	0,3	0,4	0,3	0,5	0,4	0,8	0,9
Личная гигиена и уход за собой	2,8	2,7	2,8	2,6	2,8	2,5	2,7	2,7
Общение + Религия	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	0,8	0,7
Досуг, СМИ, Спорт	2,1	1,4	2,0	1,3	2,0	1,4	2,2	1,4
Другое	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2
Выходной день								
Домашний труд (весь)	3,2	6,2	3,5	6,8	3,3	7,6	3,3	8,3
Сон	9,4	9,3	9,4	9,2	9,2	8,9	8,9	8,3
Работа	1,1	0,5	1,2	0,5	1,5	0,4	1,7	0,2
Производство товаров для собственного потребления	1,5	0,9	1,6	0,9	1,8	0,9	2,0	1,0
Личная гигиена и уход за собой	3,1	3,0	3,0	2,9	3,1	2,9	3,2	3,0
Общение + Религия	1,1	1,1	1,1	1,0	1,2	1,0	1,3	1,1
Досуг, СМИ, Спорт	4,4	2,8	4,1	2,6	3,7	2,2	3,4	1,9
Другое	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2

Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019 г.

Более наглядно этот эффект можно показать, сравнивая структуру суточного бюджета времени супругов в будний и выходной дни. Как показано на рисунке 2 у мужчин в семьях с любым числом детей в выходные дни по сравнению с будними существенно снижаются затраты на профессиональную занятость, а освободившееся время перераспределяется на досуг, сон и домашний труд. Причём если у мужчин в однодетных семьях наибольший рост в выходные по сравнению с будними происходит у досуга и отдыха, то в семьях с 4 и более детьми в первую очередь перераспределение происходит в сторону домашнего труда (1,5 часа).

Для жён характерны, во-первых, меньшие отличия между будними и выходными в целом, которые снижаются по мере роста семьи. У однодетных матерей в выходные дни по сравнению с будними от работы

высвобождается в среднем 5,7 часа, которые перераспределяются в первую очередь на сон (1,5 часа) и отдых (1,4 часа), а потом на домашний труд (1,1 часа). С ростом семьи существенно снижается разница в затратах времени на профессиональную деятельность, и в семьях с 4 и более детьми она составляет в среднем лишь 1,2 часа. Также в многодетных семьях (3+ детей) отмечается снижение времени на домашний труд в выходные, а перераспределение высвободившегося времени происходит на сон и отдых. Домашний труд жён в многодетных семьях в выходные даже ниже, чем в будние дни, однако если посмотреть на его общий объём (8,9 часов в будний и 8,3 в выходной день в семьях с 4+ детьми), можно точно охарактеризовать такую структуру бюджета времени как полную занятость дома с работой на полную ставку, но без выходных.

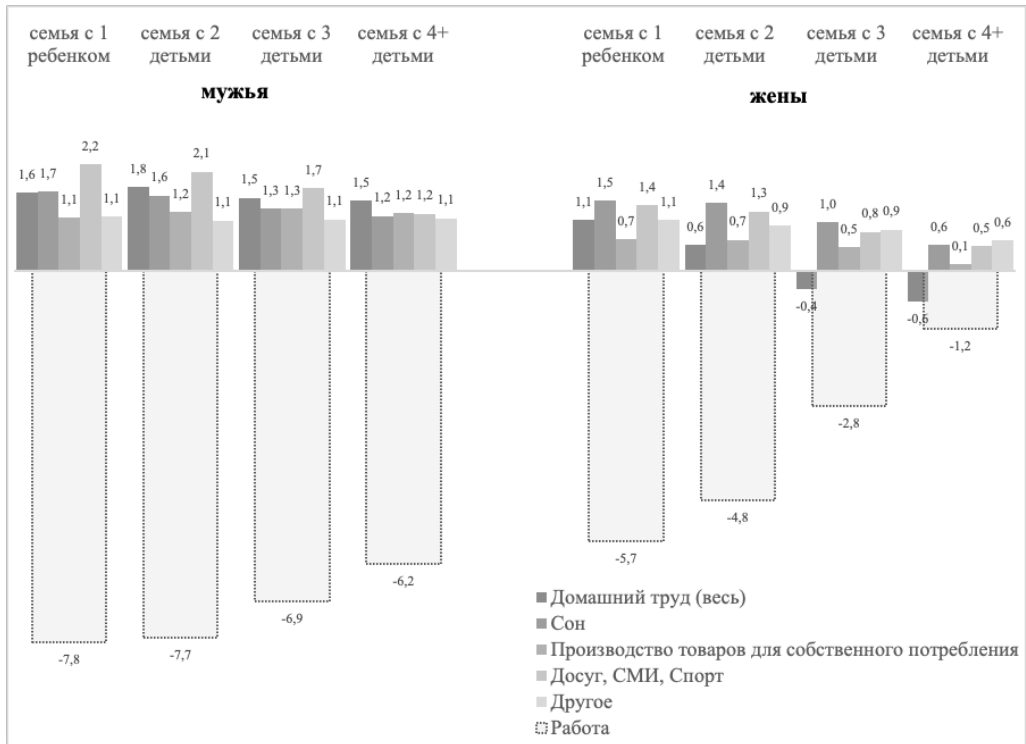

Рис. 2. Разница в затратах времени между будним и выходным днями по основным видам деятельности, в часах

Fig. 2. Difference in time spent between weekdays and weekends by main types of activity, in hours
 Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

Структура домашнего труда у супругов в абсолютных показателях отличается по объёму, а также в зависимости от дня недели и числа детей в семье. В будний день временные затраты жены на уход за детьми в среднем в 3,8 раз больше, чем затраты мужа (2,5 часа по сравнению с 0,7 часа) и в 1,7 раз больше в выходной день (2,0 против 1,1 часа). Затраты на домашнее хозяйство без учёта ухода за детьми также существенно выше у жён как в будний (в 3,5 раза: 3,4 против 1,0 часа), так и в выходной день (в 2,1 раза: 4,6 против 2,2 часов). При этом дифференциация структуры домашнего труда у супругов в относительных показателях почти одинакова и обнаруживает некоторую специфику в зависимости от дня недели: в будние дни затраты на уход за детьми составляют около 40% всего времени на домашний труд, а в выходные эта доля снижается до трети.

Увеличение числа детей в семье приводит к росту доли времени, которое посвящается уходу за детьми у мужей как в будние, так и в выходные дни, а у жён — только в выходные. При этом абсолютные затраты на домашний труд с учётом и без учёта ухода за детьми у жён возрастают с рождением новых детей, а у мужей абсолютная величина затрат остаётся относительно стабильной, но происходит перераспределение времени на уход за детьми. Поскольку данное сравнение проводилось в среднем для всех супружеских пар, то в качестве основной причины такой динамики можно выделить снижение профессиональной занятости женщин при увеличении числа детей в семье: так если среди однодетных семей имели оплачиваемую работу 65,8% жён, то по мере роста числа детей эта доля снижается до 26,2% среди семей с 4 и более детьми [12]. В то время как для мужей такая закономерность хоть и прослеживается, но в существенно меньшем масштабе (даже в 4-детных семьях 85,7% мужей работали).

Структура ухода за детьми у супругов

Существенные отличия наблюдаются в тех видах деятельности, которые осуще-

ствляют родители в рамках ухода за детьми (табл. 3). Для мужчин это в первую очередь игры и занятия спортом с детьми (27% времени в будние и 38% в выходные), а также непосредственный уход (21% и 19% соответственно). В будние дни важное место во взаимодействии с детьми у мужчин занимает воспитание и обучение детей (16%), а также сопровождение детей (15%), а в выходные до 18% времени проводится за пассивным уходом. Для женщин уход за детьми в первую очередь сводится к физическому уходу (обеспечение питания, мытье и подобное), который занимает свыше 40% времени как в будние, так и в выходные. В будние дни значимое время занимает воспитание и обучение (16%) и сопровождение детей (12%), а в выходные дни выше доля времени, которую женщины отводят играм и занятиям спортом с детьми (14%).

Основные закономерности изменения структуры бюджетов времени родителей в зависимости от числа детей в семье являются общими для обоих супругов и мало отличаются в зависимости от дня недели (будний или выходной). Во-первых, растёт общее время, уделяемое уходу за детьми (рис. 3) — у мужей рост от однодетной к четырёхдетной семье составляет 1,5–1,7 раза, а у жён 1,8–1,9 раз. При этом сохраняется большая включенность жён в уход за детьми по сравнению с мужьями как в будний, так и в выходной дни.

Сравнение долевого распределения основных видов деятельности по уходу за детьми в зависимости от размера семьи показывает общую тенденцию увеличения доли временных затрат на физический уход за детьми, то есть обеспечение питания, мытье и пр.: у мужчин она возрастает с 18–20% в семьях с 1–2 детьми до 25–27% в семьях с 3–4 детьми, а у женщин от 46–47% в семьях с 1–2 детьми до 57–64% в семьях с 3–4 детьми. Основным ресурсом для такого изменения становятся игры и занятия спортом, доля этого вида деятельности снижается у мужей с 31% до 20% в будний день и с 40% до 35% в выходной день, а у жён с 11% до 7% в будний и с 16% до 9% в выходной. Таким образом, непосредствен-

Таблица 3

Структура ухода за детьми супругов в зависимости от дня недели

Table 3

Structure of childcare by spouses depending on the day of week

Варианты ухода	Муж будний		Муж выходной		Жена будний		Жена выходной	
	Часов (Минут)	Доля в уходе, %	Часов (Минут)	Доля в уходе, %	Часов (Минут)	Доля в уходе, %	Часов (Минут)	Доля в уходе, %
Уход за детьми (обеспечение питания, мытье, физический уход)	0,14 (8,2)	21	0,22 (12,9)	19	1,07 (64,4)	43	0,94 (56,4)	48
Игры и занятия спортом с детьми	0,18 (10,8)	27	0,43 (25,6)	38	0,22 (13,4)	9	0,28 (16,7)	14
Воспитание, обучение, подготовка детей и помощь детям	0,11 (6,4)	16	0,09 (5,6)	8	0,40 (23,8)	16	0,22 (13,0)	11
Присмотр за детьми (пассивный уход)	0,05 (2,9)	7	0,20 (12,0)	18	0,20 (12,2)	8	0,23 (13,8)	12
Сопровождение собственных детей	0,10 (5,9)	15	0,06 (3,7)	5	0,30 (18,2)	12	0,08 (4,7)	4
Разговоры с детьми и чтение детям	0,07 (4,2)	11	0,11 (6,4)	9	0,14 (8,3)	6	0,15 (9,1)	8
Другое	0,02 (1,0)	3	0,02 (1,0)	2	0,13 (7,9)	5	0,06 (3,6)	3

Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019 г.

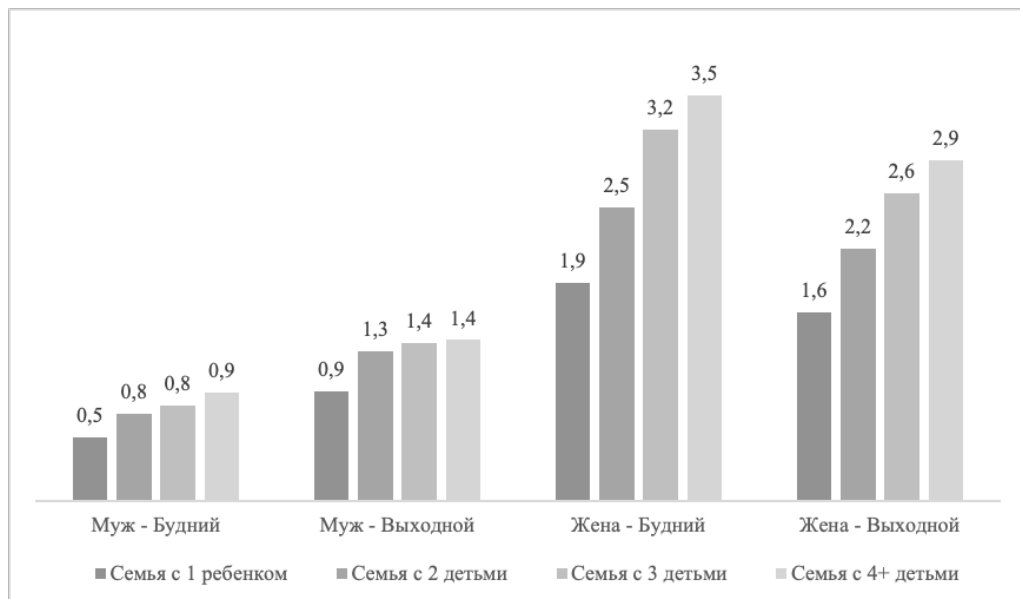

Рис. 3. Затраты времени родителей на уход за детьми в зависимости от числа детей в семье, в часах

Fig. 3. Parents' time spent on childcare depending on the number of children in the family, in hours
 Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

ный (физический) уход за детьми в многодетных семьях становится главным видом взаимодействия с детьми у матерей и лидирует у отцов в будние дни, вытесняя собой игры и занятия спортом.

Альтернативной категорией, которая значимо увеличивается в семьях с большим числом детей в будние дни, становится воспитание, обучение, подготовка и помощь детям: у отцов её доля во всем уходе за детьми возрастает с 17% до 25%, а у матерей с 15% до 20%. Менее распространённые категории пассивного присмотра за детьми, совместное чтение и разговоры с ними также теряют в доле в представленности по мере роста числа детей в семье, однако, здесь отличия не столь значимы, так как в целом этот вид деятельности занимает лишь 3–4 место по временным затратам в общей структуре ухода за детьми. Следует отметить, что несмотря на перераспределение времени ухода за детьми по мере увеличения размера семьи не происходит значимого уменьшения времени, которое отводится на игры, а также разговоры и чтение, несмотря на снижение представленности этих категорий в семьях с 3–4 детьми. Наоборот, для некоторых из них даже происходит рост абсолютных показателей: в выходные дни время, проведённое за играми или пассивным присмотром, растёт у обоих супругов.

Ещё одной общей чертой всех видов деятельности по уходу за детьми являются более скромные временные затраты на уход за одним ребёнком по сравнению с двумя и более детьми. Данный факт прослеживается на рисунке 3, где происходит скачкообразный рост временных затрат каждого из супругов в любой из дней недели при переходе от однодетной семьи к семье с большим числом детей, причём дальнейший рост нагрузки можно охарактеризовать как поступательный, или более плавный. Одним из объяснений такой закономерности может быть вовлечение более старших детей во взаимодействие и уход за младшими детьми. Материалы исследования позволяют осмыслить данный факт посредством анализа структуры бюджетов времени, со-

ответствующей образу жизни детей старше 10 лет, для которых также проводилось заполнение дневников (рис. 4).

Действительно, в бюджетах времени детей старше 10 лет, имеющих братьев или сестёр, появляются затраты на «уход за детьми», однако, они в среднем не превышают 15–20 минут в будний день и 30–40 минут в выходной день и присутствуют лишь у незначительной части детей (не более 25% подростков заботятся о своих братьях и сёстрах в будние дни и не более 35% в выходные). Этот тип временных затрат выше в выходные по сравнению с буднями, что объясняется занятостью детей в школе, а также оказываются несколько выше у дочерей, особенно в многодетных семьях, по сравнению с сыновьями. Основной (с точки зрения структуры бюджетов времени) вид взаимодействия детей в семье как в будни, так и в выходные — это игры и занятия спортом (рис. 5).

Структура взаимодействия старших детей с другими детьми в семье (вероятно, с младшими) в будние дни достаточно *похожа* и не зависит от числа детей в семье: основной вид деятельности — это игры и занятия спортом (40–60% времени), на втором месте — помощь в обучении, возможно, помощь в подготовке домашних заданий (12–23%) и пассивный уход (10–12%). В выходные дни структура существенно меняется — значительно увеличивается доля времени на игры и занятия спортом (от 59% до 73%), а также на пассивный уход (16–21%). Обращает на себя внимание, что структура временных затрат детей на взаимодействие с другими детьми существенно отличается в зависимости от числа детей в семье именно в бюджетах времени выходных дней: наблюдается снижение доли времени, уходящего на игры, при одновременном росте времени на пассивный уход и помощь в обучении. Можно предположить, что в семьях с 4 и более детьми увеличивается доля школьников, поэтому более старшие дети могут чаще привлекаться для помощи в образовании более младшим школьникам. Также в больших семьях старшие дети чаще привлекаются к непосредственному физическому уходу за младшими.

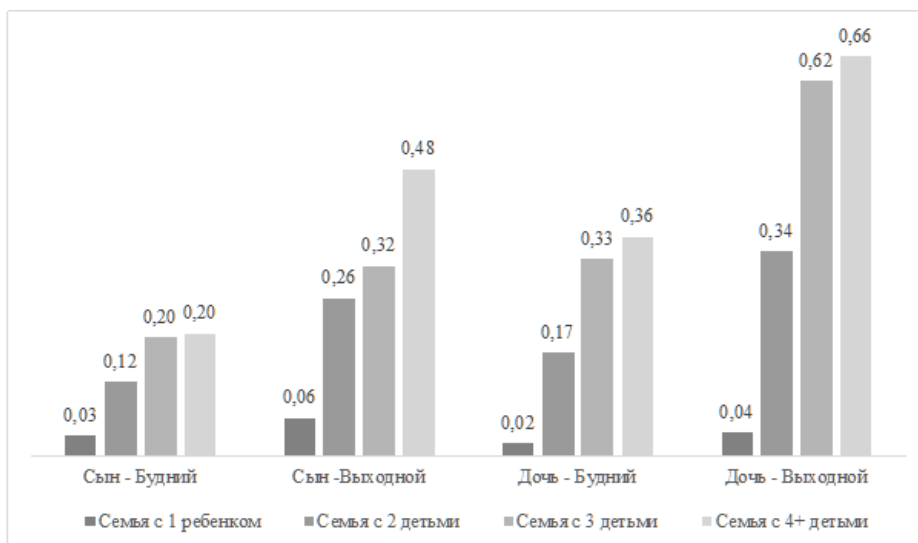

Рис. 4. Затраты времени подростков на уход за детьми в семьях с разным типом детности, в часах

Fig. 4. Teenagers' time spent on childcare in families with different number of children, in hours
 Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

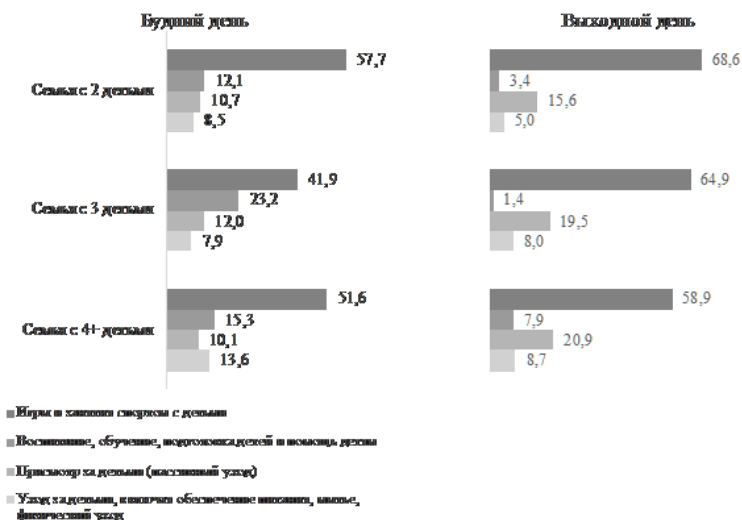

Рис. 5. Структура основных затрат времени подростков на уход за детьми в семьях с разным типом детности*, %

Fig. 5. Structure of teenagers' time spent on childcare in families with different number of children, %
 Источник: расчёты авторов на основе микроданных ВНИСФВ-2019.

* Не приводятся данные для семей с 1 ребёнком, хотя в них были отмечены незначительные, отличные от нуля, затраты на уход за детьми, так как очевидно, что в однодетных семьях осуществлялось взаимодействие единственного ребёнка с другими детьми, не являющимися членами нуклеарной семьи (например, с двоюродными братьями и сёстрами).

Таким образом, многодетные семьи становятся единым организмом, где все члены семьи, по мере возможности, разделяют общие задачи и участвуют в общесемейной деятельности, что является важным фактором сплочения семьи и формирования устойчивого семейного «Мы».

Заключение

В рамках данной статьи проанализирован бюджет времени семи тысяч семей. Показано, что с ростом числа детей в семье снижается уровень материального благополучия семей, растёт доля малоимущих, снижается степень вовлеченности матерей во внесемейную занятость, в то время как характер включенности отцов практически не меняется, немного усиливаясь в двухдетных и многодетных семьях по сравнению с однодетными.

Анализ суточного фонда времени показал, что структура бюджетов времени мужчин практически не изменяется в зависимости от числа детей и связана преимущественно с трудовой занятостью, в то время как для женщин наличие разного числа детей оказывается весомым фактором для изменения образа жизни. Ведущими видами деятельности для однодетных матерей оказываются сон, занятость и домашний труд, а для многодетных — время, предназначенное для реализации домашнего труда, которое существенно возрастает за счёт сокращения времени, отводимого на реализацию внесемейной занятости. Зафиксировано, что образ жизни женщин в отражении структуры бюджетов времени в будний и выходной дни мало отличается, причём с ростом числа детей отличия нивелируются в большей мере, домашнему труду посвящается свыше 8 часов ежедневно, в то время как мужчины, перераспределяют высвободившееся время от профессиональной занятости в выходные дни на досуг, сон и лишь потом на домашний труд.

В будние дни затраты на уход за детьми у мужчин и женщин составляют порядка 40% от общего объёма домашнего тру-

да (в выходные это значение сокращается до трети). При этом женщины оказываются более вовлечёнными с позиции абсолютных показателей, посвящая своим детям в 3,8 раза больше времени в будние дни, чем мужчины (в выходные различия составляют 1,7 раза соответственно). Чем больше детей, тем больше времени требуется от родителей на уход за ними, данное утверждение характерно для поведенческих практик мужа в будние и в выходные дни, а для жён — лишь в выходные. При этом абсолютные затраты на домашний труд с учётом и без учёта ухода за детьми у жён возрастают с рождением очередных детей, а у мужей остаются почти неизменными.

Мужчины и женщины характеризуются специфическими чертами ухода за детьми: если для мужчин это игры и занятия спортом, то у женщин уход за детьми почти тождественен физическому уходу, связанному с обеспечением питания, мытьём и иными сопряжёнными практиками. Последнее оказывается лидирующим типом взаимодействия в многодетных семьях, характерное для женщин вне зависимости от дня недели, и приобретает большее значение для мужчин в будние дни за счёт сокращения времени на игры и спорт. Структура бюджетов времени родителей в зависимости от числа детей схожа у обоих супругов и мало отличается в зависимости от дня недели: растёт общее время ухода за детьми, сохраняется большая включённость женщин в уход за детьми за ребёнком.

По мере роста семьи увеличивается родительский вклад в воспитание, обучение и помощь детям. Категории пассивного ухода за детьми, разговоры и чтение теряют свою значимость. Несмотря на перераспределение времени, отведённого на уход за детьми, с ростом семьи не происходит значимого уменьшения времени, которое родители тратят на игры с детьми. Процесс перехода от однодетной к двухдетной семье сопровождается резким всплеском времени, посвящённого уходу за детьми, а последующее расширение состава семьи характеризуется поступательным (плавным) ростом времени, посвящённым детям. Дан-

ный факт может объясняться вовлечением старших детей в процесс ухода за младшими братьями и сёстрами.

Согласно планам проведения выборочных наблюдений Росстата, следующая волна исследования бюджетов времени должна быть осуществлена в 2024 году. Если эти планы будут реализованы, можно будет существенно углубить полученные первичные результаты за счет анализа не только одномоментного временного среза, но и совокупной динамики на основе трех волн исследования (2014, 2019 и 2024). Реализация исследования такого масштаба с должным репрезентативным охватом и детальным заполнением и кодировкой дневников наблюдений видится маловероятным в рамках работы отдельных научных коллективов, поэтому основные надежды на анализ более актуальных данных связаны с продолжением исследований в рамках деятельности Росстата, а также сохранения и расширения доступа к микро-данным опросов.

Исследования бюджетов времени могут служить основанием для изучения широкого спектра проблем, формировать у научного сообщества, властных структур и обще-

ственных деятелей представлений об особенностях образа жизни индивидов и их семей, выявив долю суточного времени, затрачиваемого на каждую из сфер жизни, определённых исследовательскими задачами. Полученные данные позволяют также определить эффективность использования времени и обозначить возможные направления для государственной поддержки с целью повысить качество жизни и благополучие граждан. В то же время при изучении образа жизни индивидов, в частности времени, которое они затрачивают на уход и заботу о детях, не следует ограничиваться лишь распределением суточного фонда времени, которое по-прежнему показывает существенный гендерный разрыв в сфере домашнего труда и ухода за детьми, важно учитывать и смысловое наполнение обозначенных затрат. В частности, при сокращении фактического времени, уделяемого совершеннолетним детям, может возрасти как финансовая поддержка от родителей, так и их эмоциональная включенность в жизнь взрослых детей, подобные трансформации специфики внутрисемейного взаимодействия видятся привлекательными для дальнейшего изучения.

Литература и Интернет-источники

1. *Daly, K.* Spending time with the kids: meanings of family time for fathers / K. Daly // Family relations. — 1996. — Vol. 45(4). — P. 467.
2. *Барсукова, С. Ю.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье / С. Ю. Барсукова, В. В. Радаев // Мир России. Социология. Этнология. — 2000. — № 4. — С. 65–102. EDN: UBJJWD
3. *Струмилин, С. Г.* Проблемы экономики труда / С. Г. Струмилин. — Москва : Наука, 1982. — 472 с.
4. *Патрушев, В. Д.* Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 112–121.
5. *Патрушев, В. Д.* Жизнь горожанина / В. Д. Патрушев. — Москва : Academia, 2001. — 184 с. EDN: UBVGON
6. *Брайнс, Дж.* Экономическая зависимость, гендер и домашнее разделение труда / Дж. Брайнс // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. и сост. Е. Б. Мезенцева. — Москва : ИСЭПН РАН. — 2002. — С. 328–351.
7. *Мезенцева, Е. Б.* Разделение домашнего труда как ресурс гендерной идентичности / Е. Б. Мезенцева // Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования / ред. Н. М. Римашевская. — Москва : Наука, 2009. — С. 132–154.
8. *Карабчук, Т. С.* Женщины на российском рынке труда после рождения ребёнка / Т. С. Карабчук, М. А. Нагерняк, А. С. Сухова [и др.] // Вестник Российского мониторинга экономического

- положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) / ред. П. М. Козырева. — Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 66–94. EDN: VXXHAZ
9. **Павлюткин, И. В.** Море жизни. Как рождаются многодетные семьи в современной России / И. В. Павлюткин, М. А. Голева, О. Н. Борисова — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2021. — 224 с. EDN: UUKSEQ
  10. **Шайкенова, Ж. К.** Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей / Ж. К. Шайкенова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2019. — № 2. — С. 158–186. DOI: 10.38050/01300105201929; EDN: IGAVSU
  11. **Карабчук, Т. С.** Детерминанты занятости для матерей в России / Т. С. Карабчук, М. А. Нагерняк // Журнал исследований социальной политики. — 2013. — № 1. — С. 25–48. EDN: PZZIYH.
  12. **Miller, D.** The «sandwich» generation: adult children of the aging / D. Miller // Social Work. — Vol. 26(5). — 1981. — P. 419–423.
  13. **Карцева, М. А.** Занятость и здоровье «сэндвич-поколения» в России: эмпирический анализ / М. А. Карцева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 5. — С. 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1844; EDN: HVBYVE
  14. **Addabbo, T.** The Allocation of Time within Italian Couples: Exploring its Unequal Gender Distribution and the Effect of Childcare Services / T. Addabbo, A. Caiumi, A. Maccagnan // Annals of Economics and Statistics. — 2012. — Vol. 105/106. — P. 209–227. DOI:10.2307/23646462

Сведения об авторах:

Антонов Анатолий Иванович, д.филол.н., проф., зав. кафедрой, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: antonov_ai_@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0689-9905; РИНЦ SPIN-код: 3577–2627.

Карпова Вера Михайловна, к.соц.н., старший преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2560-6140; РИНЦ SPIN-код: 4068–8149.

Ляликowa Софья Викторовна, научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000-0002-9043-8158; РИНЦ SPIN-код: 2181–2750.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-137-152

PRESSED FOR TIME: HOW MUCH TIME DO RUSSIANS SPEND CARING FOR THEIR CHILDREN?

Anatoly I. Antonov¹, Vera M. Karpova^{1*}, Sofia V. Lyalikova²

¹*Lomonosov Moscow State University*

(1/33 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234)

²*ISESP FCTAS RAS*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: wmkarpova@yandex.ru

Funding:

The study was funded by the Russian Science Foundation grant № 23–28–00518.

For citation:

Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Pressed for time: How much time do Russians spend caring for their children? *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 137-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-137-152 (in Russ.)

Abstract. The article forms the idea of the structure of daily time budget of families with children, analyses the gender specifics and nature of parental involvement in families with different number of children on weekdays and weekends. The empirical basis for the analysis was microdata from the Sample Observation of the Use of Daily Time Fund by the Population, conducted by the RF Federal State Statistics Service in 2019, that covered about seven thousand respondents who met the research objectives. The main components of the time budgets of family members depending on its size were identified. The number of children in the family has a stronger impact on the time budgets of mothers compared to fathers — up to full (8+ hours) household employment of mothers in large families. The authors note that fathers devote about 40 minutes to caring for their children on weekdays, while mothers spend 3.8 times more. There is recorded an increase in fathers' involvement in childcare as the family grows. A characteristic jump in the time spent on childcare during the transition from a one-child to a two-child family was revealed, with a subsequent smooth and smaller increase in families with 3 or more children. A possible explanation may be involvement of older children in babysitting and playing with younger children, which increases as the family grows. It is concluded that there is a greater unity in the intra-family activities of all members in large families. The authors point to a great potential for using research on the daily time fund in further studying the lifestyles of families with different number of children.

Keywords: time budget research, family, involved parenting, determinants of fatherhood and motherhood, childcare, housework.

References and Internet sources

1. Daly K. Spending time with the kids: meanings of family time for fathers. *Family Relations*. 1996. Vol. 45 (4). P. 467.
2. Barsukova S. Yu., Radaev V. V. Legenda o genere. Printsipy raspredeleniya truda mezhdru suprugami v sovremennoj gorodskoj sem'ye [The legend of gender. Principles of work distribution between spouses in a modern urban family]. Mir Rossii. Soctsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. 2000. Vol. 4. P. 65–102. (in Russ.)
3. Strumilin S. G. Problemy ekonomiki truda [Problems of Labor Economy]. Moscow. Nauka [Science]. 1982. 472 p. (in Russ.)
4. Patrushev V. D., Artemov V. A., Novokhatskaya O. V. Izucheniye byudzhetrov vremeni v Rossii 20 v. [Study of time budgets in Russia in the 20th century]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2001. Vol.6. P. 112–121. (in Russ.)
5. Patrushev V. D. Zhizn' gorozhanina. [Life of a City Dweller]. Moscow. Academia. 2001. 184 p. (in Russ.)
6. Brines J. Ekonomicheskaya zavisimost', gender i domashneye razdeleniye truda [Economic dependence, gender and domestic division of labor]. Gender i ekonomika: mirovoj opyt i ekspertiza rossijskoj praktiki [Gender and Economics: World Experience and Examination of Russian Practice]. Ed. E. B. Mezentseva. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 2002. P. 328–351. (in Russ.)
7. Mezentseva E. B. Razdeleniye domashnego truda kak resurs gendernoj identichnosti [Division of household labor as a resource of gender identity]. Gendernyye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve. Opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya [Gender Stereotypes in a Changing Society. Experience of a Comprehensive Social Research]. Ed. N. M. Rimashevskaya. Moscow. Nauka [Science]. 2009. P. 132–154. (in Russ.)
8. Karabchuk T. S., Nagernyak M. A., Sukhova A. S., et al. Zhenshchiny na rossijskom rynke truda posle rozhdeniya rebenka [Women on the Russian labor market after the birth of a child]. Vestnik Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE (RLMS-HSE) [Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE)]. Ed. P. M. Kozyreva. Moscow. Higher School of Economics. 2012. P. 66–94. DOI: 10.17323/978-5-7598-2038-8 (in Russ.)
9. Pavlyutkin I. V., Goleva M. A., Borisova O. N. More zhizni. Kak rozhdayutsya mnogodetnye sem'i v

- современной России [Sea of Life. How Large Families Are Born in Modern Russia]. Moscow. 2021. 224 p. (in Russ.)
10. Shaykenova Zh. K. Gendernoye neravenstvo v raspredelenii domashnikh obyazannostej [Gender inequality in the distribution of household duties]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. [Moscow University Economics Bulletin]. 2019. Vol. 2. P. 158–186. DOI: 10.38050/01300105201929 (in Russ.)
  11. Karabchuk T. S., Nagernyak M. A. Determinanty zanyatosti dlya materej v Rossii [Employment determinants for mothers in Russia]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki [The Journal of Social Policy Studies]. 2013. Vol.1. P. 25–48. (in Russ.)
  12. Miller D. The «sandwich» generation: adult children of the aging. *Social Work*. Vol. 26(5). 1981. P. 419–423.
  13. Kartseva M. A. Zanyatost' i zdorov'e «sendvich-pokoleniya» v Rossii: empiricheskij analiz [Employment and health of the «sandwich generation» in Russia: empirical analysis]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2021. No. 5. P. 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1844 (in Russ.)
  14. Addabbo T., Caiumi A., Maccagnan A. The allocation of time within Italian Couples: Exploring its unequal gender distribution and the effect of childcare services. *Annals of Economics and Statistics*. 2012. Vol.105/106. P. 209–227. DOI: doi.org/10.2307/23646462

Information about the authors:

Antonov Anatoly Ivanovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antonov_ai_@mail.ru; ORCID:0000-0002-0689-9905; Elibrary SPIN-code: 3577–2627.

Karpova Vera Mikhailovna, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: wmkarpova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2560-6140; Elibrary SPIN-code: 4068–8149.

Lyalikova Sofia Viktorovna, Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lyalikova@socio.msu.ru; ORCID: 0000-0002-9043-8158; Elibrary SPIN-code: 2181–2750.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164
EDN: AFIJIC

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ К УСЛОВИЯМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Корчагина И. И.^{1,2*}, Прокофьева Л. М.^{1,2}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²НИУ «Высшая школа экономики»

(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: ikorchagina@hse.ru

Для цитирования:

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Адаптация российских семей к условиям потребительских ограничений // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 153-164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164; EDN: AFIJIC

Аннотация. Данная работа посвящена оценке влияния экономических санкций 2022 г. на потребительское поведение населения. Исследованы направления формирования адаптационных стратегий и представления населения о собственных возможностях по улучшению материального положения семьи. Информационной базой послужил социологический опрос НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) «Готовность к переменам», проведенный в сентябре-октябре 2022 г., с выборкой 6000 респондентов. Показано, что для большинства респондентов адаптация к новым условиям выражается в стратегии экономии и снижении стандартов потребления. Главными факторами, ограничивающими потребительский спрос в условиях экономических санкций, стали возросшая цена и физическая недоступность определенных товаров в магазинах и на интернет-площадках. Выбирая стратегию экономии, население в первую очередь отказывается от покупок, обеспечивающих потребности высокого порядка — сокращает траты на путешествия и поездки, одежду и развлечения. Снизилась доступность для населения товаров длительного пользования с высокой импортной составляющей: электроники, бытовой техники, автомобилей и т.д. Критическим становится для населения отсутствие возможности оплатить товары, связанные со здоровьем, и в частности, вынужденное ограничение покупок лекарственных средств. Однако население демонстрирует оптимистический взгляд на своё будущее и видит перспективы улучшения материального положения семьи в собственных активных действиях, связанных с увеличением трудовой занятости. Респонденты декларируют стратегии поиска дополнительной работы, приработков, получения новой специальности или дополнительного образования по нынешней специальности. В конечном итоге формируется оптимальная модель поведения, основанная, с одной стороны, на режиме экономии, а с другой — на активной трудовой и образовательной деятельности, что является наиболее конструктивным способом адаптации к меняющимся условиям жизни.

Ключевые слова: экономические санкции, социально-экономическая адаптация, потребительские ограничения, стратегии экономии, пассивная и активная адаптация.

© Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., 2024

Введение

Масштабные санкции против России в 2022 г. стали серьёзным испытанием для всей экономической системы и наложились на проблемы, возникшие в период пандемии [1]. Существенные ограничения отразились на работе финансового сектора, привели к смене рынков экспорта и импорта, а массовый уход международных компаний привёл к потере рабочих мест в отдельных сегментах экономики. По данным Йельского университета, в России на конец 2022 г. более 1 тыс. иностранных компаний сократили свою деятельность или покинули Россию¹. По мнению некоторых исследователей, с учётом высокой зависимости отечественной экономики от импорта, именно снижение импорта выступает для неё ключевой угрозой [2]. Российская экономика долгие годы зависит от конъюнктуры сырьевых рынков, в частности от цены на нефть, а динамика российских экономических показателей в значительной мере объясняется как сырьевыми шоками, так и шоками глобального спроса [3].

Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП, ноябрь 2022) показали, что около половины компаний, принявших участие в опросе, считали, что экономические санкции оказывают негативное влияние на деятельность предприятий. Причём треть респондентов полагали, что влияние оказывают не только санкции со стороны западных стран, но и ответные санкции со стороны России. Наиболее критичным для российского бизнеса стал рост цен на сырьё, оборудование, комплектующие (об этом заявили 65% респондентов). Кроме этого, отмечалось снижение доступности кредитов (49%), уменьшение инвестиций (35%), невозможность оснастить организацию новым оборудованием, технологиями (29%). Причём возможности импор-

тозамещения в «своей» отрасли отрицали 40% респондентов и, соответственно, 60% считали, что такие возможности есть².

Несмотря на то, что масштабные ограничения проходят довольно болезненно, сокращение экономической активности оказалось меньше, чем предполагалось — объем ВВП России в 2022 г. составил 98,8% относительно 2021 года³. Вместе с тем, исследования показывают существенную дифференциацию регионов страны с точки зрения последствий введённых санкций: с первых месяцев санкционного кризиса сильнее пострадали регионы, связанные с глобальным рынком (экспортёры углеводородного сырья и металлов, регионы обрабатывающих отраслей с высокой долей импортных комплектующих). Ожидалось, что уровень безработицы к концу 2022 г. может увеличиться в полтора-два раза, и максимальными будут риски для регионов с промышленной структурой экономики⁴. Однако, по итогам 2022 г. безработица в стране была на историческом минимуме (3,9%)⁵, ввиду того, что российский рынок труда реагирует на последние кризисы ростом не столько безработицы, сколько неполной занятости [4]. В регионах, ориентированных на ОПК, наблюдается рост промышленного производства [5].

Статистика доходов населения также показывает минимальное снижение: реальные денежные доходы населения за три квартала 2022 г. сократились лишь на 1,7%, а в целом за 2022 г. — на 1%. Положительную роль сыграли существенные меры государственной поддержки. Уже в 2023 г. наметилась тенденция на рост доходов — в третьем квартале реальные денежные доходы населения выросли на 4,9% к пре-

¹ Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain – URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (дата обращения: 22.12.2023).

² В анкетировании по данной теме приняли участие 55 компаний. – URL: <https://rsp.ru/activity/analytcs/rezultaty-oprosa-posledstviya-vvedeniya-sanktsiy-dlya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 22.12.2023).

³ Росстат: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts#> (дата обращения: 04.02.2024).

⁴ Рынок труда в новых экономических условиях // ЦСР, март 2022 года. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/9c7/710k2zf8hnufe4qu1o8oowwz4ap8sk71.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

⁵ Росстат: [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force# (дата обращения: 22.02.2024).

дыдущему периоду⁶. Что касается влияния санкций на отрасли экономики, непосредственно касающиеся жизнедеятельности населения, то, по мнению экспертов, в 2022 г. самым явным индикатором остаётся сокращение розничной торговли. Основная причина — сжатие непродовольственного сегмента на 15–17% после ухода глобальных торговых сетей и падения продаж автомобилей.

Как эти изменения в экономике отразились на потреблении российского населения и его самоощущении? Эксперты говорят об изменении поведения россиян, снижении потребительской активности, о сдвиге в структуре потребления населения в сторону продовольствия, вследствие сужения предложения непродовольственных товаров⁷. Но, в то же время, отмечают высокую приспособляемость российского населения к новым условиям жизни. При наличии потребительских ограничений каждая семья выбирает свою стратегию адаптации в соответствии с нормами, ожиданиями и собственными ресурсами, которые, в свою очередь, определяются спецификой этапа их жизни, а также существующими в этот момент историческими, культурными и социальными условиями [6, с. 124]. Россияне стараются максимизировать полезность имеющихся у них ресурсов, однако эксперты отмечают, что основная масса населения обладает низкими показателями ресурсообеспеченности [7, с. 44], поэтому традиционно реализует комплекс адаптационных практик, в число которых входят как активные, так и пассивные способы адаптации, население, прежде всего, прибегает к стратегии экономии. Такая стратегия является самым доступным и самым распространённым способом адаптации, которая характерна для представителей любых слоёв общества, но в первую очередь их практикуют те, кто относится к наиболее уязвимым социальным группам, поскольку другие спо-

собы улучшения материального положения для них недоступны [6, с. 133].

В условиях нестабильной экономической ситуации, даже небедные слои населения отказываются от запланированных покупок не первой необходимости, сокращают траты на путешествия и поездки, одежду и развлечения, а в случае высокого инфляционного роста стоимости товаров — закупают ряд необходимых товаров впрок. Оптимизация расходов проходит по степени их насущности: траты на товары и услуги не первой необходимости сокращаются, а в жизнеобеспечивающих категориях — увеличиваются. При этом потребители становятся более экономными, и даже при выборе продовольственных товаров в большей мере учитывают фактор цены⁸. Из активных способов улучшения материального положения и адаптации к изменяющимся условиям жизни наиболее распространёнными являются трудовые стратегии — действия, связанные с увеличением нагрузки на рынке труда, активизации усилий по поиску дополнительной работы и приработков [8]. Традиционной и массовой формой адаптации выступает также использование приусадебных участков для выращивания необходимых продуктов питания [9, с. 472].

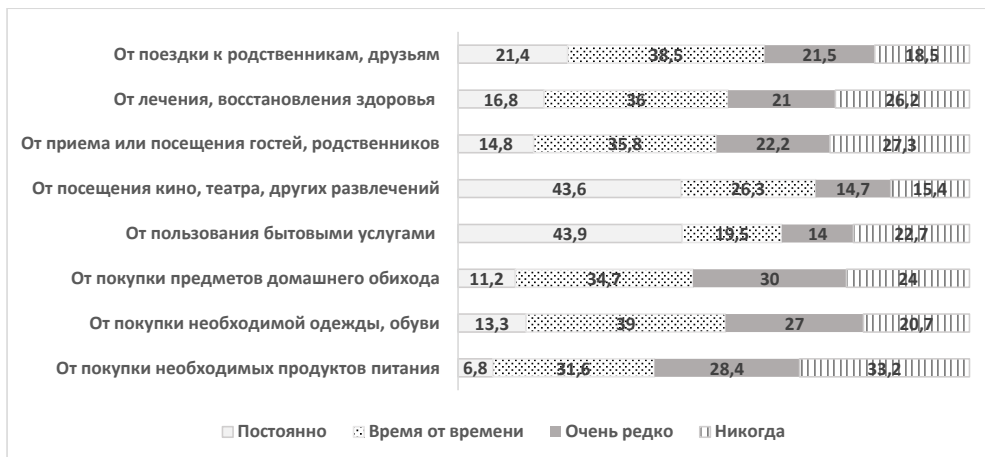
В какой степени традиционные стратегии адаптации российского населения работают в условиях санкционных ограничений? Возможность это понять предоставляют данные социологического опроса «Готовность к переменам». Проведённое по заказу НИУ ВШЭ в сентябре-октябре 2022 г., это масштабное обследование, репрезентирующее экономически активное население РФ⁹, позволяет изучить реакцию населения на изменения в обществе с учётом возник-

⁶ Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Зубаревич Н.В. Лоскутное одеяло: рукотворный кризис — 2022 в разрезе российских регионов. — URL: <https://re-russia.net/expertise/041/> (дата обращения: 22.02.2024).

⁸ Срез потребительских настроений в РФ № 1: новая реальность-2022 // РОМИР. — URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023-01-24/264ea51e-92af-4964-a3f9-92c6197107ac.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

⁹ Онлайн-опрос населения «Готовность к переменам — 2022» был проведён по общенациональной выборке и включал 6100 человек в возрасте 15–72 года, проживающих в 59 субъектах РФ (886 населённых пунктов). Выборка репрезентирует экономически активное население РФ по следующим характеристикам: федеральный округ, размер населенного пункта, пол, возраст и уровень образования респондентов. Сбор данных был проведён с использованием онлайн-панели OMI с самозаполнением анкеты.

Рис. 1. Доля семей, которым последние 3 месяца приходилось отказываться от покупки товаров и услуг из-за нехватки денег (% опрошенных семей)

Fig. 1. Proportion of families who had to refuse to purchase goods and services due to lack of money in the past 3 months (% of families surveyed)

Источник: обследование «Готовность к переменам — 2022».

ших в 2022 г. ограничений. В новых нестабильных экономических условиях особого внимания заслуживает анализ не только трансформации потребительского поведения, но также восприятия населением изменений, происходящих на российском рынке товаров и услуг.

Стратегии экономии в условиях потребительских ограничений

В условиях ухудшения экономической ситуации, как правило, первой реакцией населения становится сокращение расходов на товары и услуги, и даже полный отказ от части покупок, причём в режим экономии включается абсолютное большинство россиян, независимо от материального и социального статуса [10]. Привыкание к новым экономическим условиям происходит в режиме снижения стандартов потребления, при котором все средства тратятся на базовые потребности, а удовлетворение потребностей свободного выбора ограничивается. В 2022 г. российские домохозяйства в очередной раз столкнулись с экономической нестабильностью, что от-

разилось на потребительском поведении. В обследовании «Готовность к переменам» степень экономии и сокращения различных потребительских расходов измеряется частотой отказа от покупки товаров и услуг из-за нехватки денег в диапазоне от «постоянно» до «никогда», включая два промежуточных варианта «время от времени» и «очень редко»¹⁰.

Доля семей, которым постоянно в течение последних трех месяцев приходилось отказываться от потребления из-за нехватки денег, фиксируется по всем потребительским позициям. Часть семей вынуждена отказываться от базовых товаров: 7% — от покупки необходимых продуктов питания, 13% — покупки необходимой всем членам семьи одежды и обуви, и ещё 11% — от покупки необходимых предметов домашнего обихода (рис. 1).

¹⁰ Анализировался вопрос: «Приходилось ли Вам (Вашей семье) за последние три месяца отказываться от чего-то из нижеперечисленного, потому что Вам не хватало денег?» В данном случае мы фиксируем общие тенденции в структуре потребления обследуемых семей через частотность сокращения или ограничения потребления (постоянно, время от времени, очень редко, никогда), но не можем определить размер экономии на потреблении.

Однако чаще отказы фиксируются при удовлетворении потребностей более высокого порядка — на отдых и посещения культурных мероприятий. Из-за нехватки денег в 2022 г. постоянно отказывались от развлечений (посещения кино, театров и подобного) 44% семей. Также высока доля тех, кто отказывается от пользования бытовыми услугами (прачечная, химчистка и прочее). Серьёзным ограничением для населения является экономия на лечении и восстановлении здоровья. С отсутствием возможности оплатить услуги, связанные со здоровьем, постоянно сталкиваются 17% семей, а время от времени — 36%.

В той или иной степени, стратегию экономии использует большинство семей. Например, от покупки необходимых продуктов питания, хоть и не постоянно, а «время от времени» или даже «очень редко», но отказывались из-за нехватки средств 60% опрошенных семей, а от покупки необходимой одежды и обуви «иногда» приходилось отказываться 66% семей. Доля ответов «никогда не приходилось отказываться от перечисленных элементов потребления в течение последних 3-х месяцев» даже по продуктовым агрегатам, составляет треть. Свободно имели возможность тратить средства на лечение и восстановление здоровья только каждое четвёртое домохозяйство. Если же рассматривать возможность удовлетворения потребностей самого высокого порядка, например, на досуг и развлечения, то никогда не отказывались от посещения культурно-развлекательных мероприятий в этот период только 15% домохозяйств.

Конечно, ограничения в потреблении отдельных товаров или услуг в большей или меньшей степени всегда характерно для большинства российских домохозяйств, однако в 2022 г. сложности на потребительском рынке усугубились санкционными ограничениями, что на фоне роста цен ограничило предложения по многим товарам и услугам, и тем самым изменило потребление многих семей. Влияние экономических санкций на потребительское поведение делят семьи на две почти равные и противоположные группы: тех, у кого отсутствуют какие-ли-

бо ограничения в потреблении в результате введённых санкций, и тех, кого эти санкции затронули. При этом главным фактором, ограничивающим потребительский спрос в этих условиях, для большинства домохозяйств стала возросшая цена — её в качестве причины недоступности товаров после введения санкций указали 2/3 домохозяйств, имеющих ограничения в потреблении.

Таким образом, негативное влияние санкций на потребительский рынок оценивается респондентами, прежде всего, с точки зрения роста цен на товары и услуги. Однако кроме стоимостного фактора потребительский спрос вследствие действия санкций также ограничивает физическая недоступность определённых товаров в магазинах и на интернет-площадках. Здесь важную роль играет психологический фактор — наличие у потребителей устойчивой привязанности к определённым брендам. Уход многих фирм с российского рынка ограничивает потребительское предложение, поэтому отсутствие привычных товаров в российских магазинах отметили 44% опрошенных семей, имеющих ограничения в потреблении.

Сложившиеся условия заставляют потребителей изменить привычные места приобретения товаров. Эпидемиологический кризис 2020 г. создал условия для стремительного развития интернет-торговли, однако в 2022 г. покупки на интернет-площадках стали недоступны для части товаров из-за границы. Интернет-торговля распространена в определённых кругах населения и преимущественно в крупных населённых пунктах, и не является характерной для всего населения страны, следовательно, эта причина ограничения потребительского спроса выглядит менее важной по сравнению с первыми двумя: на невозможность оплатить доступные ранее иностранные товары из России указали только 19% семей, имеющих ограничения в потреблении.

Поскольку уровень жизни является одним из основных факторов, определяющих модель потребительского поведения, то от снижения потребительского статуса в связи с санкционными ограничениями в большей степени страдают малообеспе-

ченные семьи. Высокообеспеченные семьи чаще ориентированы в своих потребительских предпочтениях на конкретные бренды, поэтому потеряли возможность покупать товары скорее не из-за роста цены, а по причине их отсутствия в продаже: 63% семей низкодоходных групп населения не могут пользоваться товарами, которые были им привычны, по причине роста их стоимости, тогда как 54% семей из высокодоходных групп отметили в качестве причины недоступности товаров прекращение их продаж в России. Роль увеличения стоимости товара или услуги как причину их недоступности гораздо реже отмечают семьи в крупных городах, чем в сельской местности (55% против 70%). При этом в качестве причины жители крупных городов чаще указывают то, что иностранные продавцы перестали поставлять определённые товары покупателям из России и, следовательно, на отсутствие этих товаров в российских магазинах (58%), тогда как эту причину недоступности товаров называют 33% сельских семей. Также на невозможность оплаты отдельных покупок на интернет-площадках чаще жалуются жители крупных городов (25% против 17% — в сёлах).

Таким образом, большинство семей, столкнувшихся с какими-либо ограничениями в потреблении в результате введённых санкций, выбирают стратегию экономии и отказ от покупок по двум основным причинам, во-первых, из-за возросшей цены, а во-вторых, из-за отсутствия физической возможности товар приобрести. Какие же товары стали недоступны населению из-за введённых санкций¹¹? Необходимо подчеркнуть, что в данном случае респонденты указывали не только потребительские товары или услуги, которые обычно покупали до введения санкций, но и те, которые они имели возможность и планировали приобрести позднее, но в настоящее время эти покупки стали недоступны. Санк-

ционное давление распространяется, прежде всего, на покупки товаров длительного пользования с высокой импортной составляющей (электроника, бытовая техника) и такие дорогостоящие товары, как автомобили, запчасти к ним и другая авто- и мототехника: 42–44% домохозяйств, имеющих ограничения в потреблении, указали на то, что эти товары стали недоступны в результате экономических санкций.

Критическим становится для населения отсутствие возможности оплатить товары, связанные со здоровьем, а именно, вынужденное ограничение покупок лекарственных средств — треть семей из группы домохозяйств, изменивших привычное потребление, имеют такую депривацию. Поездки за рубеж стали недоступны для 35% домохозяйств, отмечающих проблемы с потреблением, а каждый четвёртый имеет проблемы с благоустройством жилья: вынужденное ограничение покупок мебели и товаров для дома, а также строительных, отделочных материалов и сантехники. Проблемы с приобретением перечисленных товаров в связи с введёнными санкциями коснулись больше всего жителей крупных городов (57%) и среди них особенно семей с детьми (65%). Слабее ограничения отразились на сельских жителях (45%). Если рассматривать отдельно товарные агрегаты, например, самые насыщенные — продуктовые, то ограничение в этой области потребления больше затронуло высокообеспеченные семьи (35% против 24% семей с низкими доходами). Здесь роль играет тот набор продуктов питания, который семьи привыкли покупать. Можно предположить, что группа с высокими доходами приобретала продукты зарубежных производителей, которые перестали продаваться в стране или значительно повысились в цене.

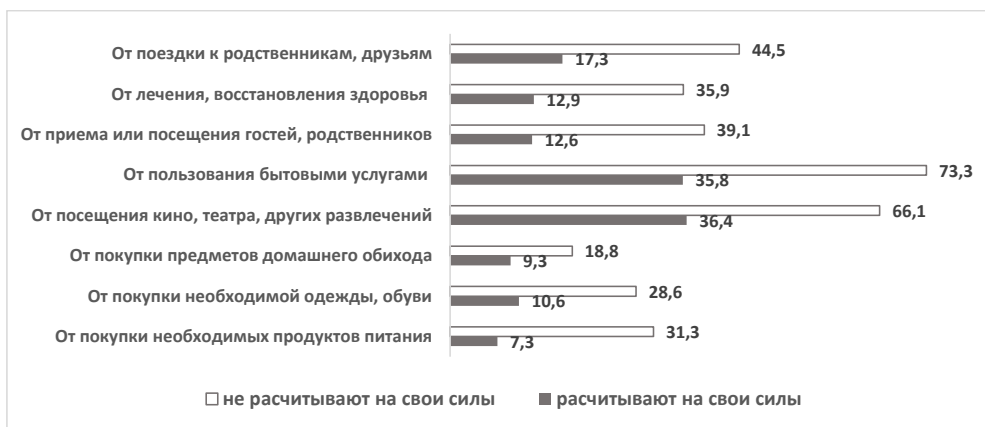
Готовность к активным действиям по улучшению материального положения

Ограничения в потреблении негативным образом сказываются на самооощущениях респондентов — семьи, почувствовавшие ухудшение своего материально-

¹¹ Анализировался вопрос: «Потребительские товары и/или услуги, которые семьи обычно покупали и/или собирались приобрести, но они стали недоступны в результате экономических санкций от других стран?». На данный вопрос отвечают только те домохозяйства, которые испытывают проблемы с потреблением.

го положения, встречаются гораздо чаще, чем семьи, ощущающие его улучшение (41% против 23%), а каждый третий указал на стабильность материальной ситуации. Однако, несмотря на значительное число случаев ухудшения материального положения в 2022 г. подавляющее большинство респондентов имело оптимистический взгляд на своё будущее: 73% заявили о возможности семьи собственными силами изменить жизнь к лучшему. Семьи с детьми в большей степени ориентированы на собственные усилия по улучшению материального положения (79%), что не удивительно, поскольку речь идёт о респондентах молодых и средних возрастов. Мнение о собственных способностях в части улучшения материального положения существенно зависит от места проживания: в крупных городах 87% семей с детьми ощущают себя способными на это, в сельской местности — 72%.

Однако оптимистический взгляд на будущее отчасти связан с тем, что семьи хотя и испытывали определённые затруднения, но для большинства они не были критическими. Так среди домохозяйств, уверенных в своей возможности изменить жизнь к лучшему, только 7% постоянно ограничивали себя в покупках продуктов питания, в то время как, среди домохозяйств, считающих, что у них полностью отсутствует эта возможность, постоянно ограничивали себя в удовлетворении этой базовой потребности 31%. Такие существенные различия в ограничении потребления между группами «оптимистов» и «пессимистов» наблюдаются по всем товарным группам и услугам. Например, если рассмотреть доступность услуг, связанных со здоровьем, то постоянно экономили на лечении и восстановлении здоровья 13% домохозяйств, смотрящих с оптимизмом в будущее, и почти в 3 раза больше — «пессимистов» (рис. 2).

Рис. 2. Ограничения в потреблении (последние 3 месяца постоянно приходилось отказываться от покупки товаров и услуг из-за нехватки денег) среди домохозяйств, абсолютно уверенных в своей возможности изменить жизнь к лучшему, и совершенно не уверенных в этом (% от семей указанной группы)

Fig. 2. Limitations in consumption (we had to refuse to purchase constantly due to lack of money in the past 3 months) among households that are absolutely confident in their ability to change their lives for the better, and those who are completely unsure of this (% of families in this group)

Источник: обследование «Готовность к переменам — 2022».

Вера в собственные возможности отразилась в готовности большинства семей предпринять конкретные активные дей-

ствия для улучшения своего материального положения: такую решимость выразили почти 80% респондентов. Не готовы что-ли-

бо предпринимать для существенного увеличения доходов только 4% респондентов, 3% считают, что в этом нет необходимости, остальные не определились с ответом.

Активные способы адаптации связаны с увеличением трудовой занятости. Наиболее распространённой и доступной для россиян является стратегия поиска дополнительной работы, приработков — чуть более

половины респондентов заявили о желании иметь вторичную занятость. Также к числу важных направлений действий по приспособлению к трансформирующемуся российскому обществу относятся: смена места работы (30%), получение новой специальности (22%) и получение дополнительного образования по нынешней специальности (14%) — рис. 3.

Рис. 3. Что лично Вы готовы предпринять для того, чтобы доходы Вашей семьи существенно увеличились? (% опрошенных)

Fig. 3. What are you personally willing to do for your family's income increases significantly? (% of the surveyed)

Источник: обследование «Готовность к переменам — 2022».

Дополнительное профессиональное образование и получение новой специальности являются определённым капиталом, необходимым для успеха на рынке труда в новых условиях жизни. Однако здесь необходимо отметить, что активные способы адаптации готовы предпринимать преимущественно те, кто имеет для этого необходимые адаптационные ресурсы, а это в основном респонденты молодых и средних возрастов, проживающие в крупных городах, в то время как некоторые группы населения (например, пенсионеры, инвалиды) не имеют никаких адаптационных ресурсов или имеют их в минимальном размере.

К числу важных направлений действий по повышению уровня жизни можно отнести изменение образа жизни, заботу о соб-

ственном здоровье — к этим стратегиям готовы прибегнуть 17% респондентов. Обратим внимание, что для адаптации к новым условиям жизни и увеличения доходов 15% респондентов рассчитывают «подключить» нужные связи. В то же время стратегии повышения уровня жизни, связанные с активным перемещением по стране и за её пределы, не находят широкого распространения. Не так часто люди хотят менять место жительства, уезжать из дома на заработки: в качестве временной меры переезд в другие населённые пункты для подработок рассматривают 12% респондентов; переехать в другой населённый пункт России на постоянное место жительства (ПМЖ) с целью повышения уровня жизни хотели бы 11% респондентов; а переехать на ПМЖ в другую страну — только 8%.

Более активны в своей готовности к действиям семьи с детьми, и в качестве основного направления действий для увеличения своих доходов видят дополнительную занятость (больше работать, подрабатывать готовы 54% семей с детьми против 45% семей без детей) или смену работы (38% против 24%), получение нового образования (26% против 17%). Уровень образования также влияет на готовность к активным действиям — респонденты с высшим образованием говорят об этом чаще, чем лица со средним образованием и ниже. Не хотят ничего предпринимать для роста доходов чаще бедные семьи (17%), тогда как высокообеспеченные семьи о нежелании ничего делать сообщали реже (12%), указывая скорее на то, что не видят необходимости в таких усилиях.

Заключение

Последние годы российское население прошло через несколько этапов экономической нестабильности, однако события весны 2022 г. сформировали нетипичную ситуацию, при которой серьёзно пострадал потребительский рынок: с одной стороны — снизилось предложение товаров и услуг из-за санкционных ограничений, а с другой — уменьшился потребительский спрос из-за возросшей цены. В условиях экономической нестабильности меняется модель потребительского поведения, основанная, прежде всего, на режиме экономии при удовлетворении потребностей разного уровня, но в большей степени это касается потребностей высокого порядка (отдых, досуг и развлечения). Серьёзным ограничени-

ем для населения является экономия на лечении и восстановлении здоровья, вынужденное ограничение покупок лекарственных средств. Причиной недоступности товара или услуги в 2/3 случаев является возросшая цена, а для более 40% опрошенных семей — отсутствие товара в связи с введёнными санкциями.

Российские семьи остро реагируют на негативные изменения в обществе: субъективное мнение респондентов об уровне жизни указывает на рост случаев ухудшения материального положения. При ухудшении своего экономического статуса большинство россиян рассчитывают на собственные силы, при этом наряду с самой распространённой стратегией адаптации, предполагающей привыкание к новым условиям за счёт снижения стандартов потребления, российские семьи выражают готовность к активным действиям. Для повышения доходов половина опрошенных готовы больше работать, искать дополнительную работу и приработки; смену работы как путь к росту доходов отметили 30% респондентов, и каждый пятый указал на готовность получить новое образование.

Таким образом, потребительские ограничения домашних хозяйств в условиях экономической неопределённости формируют оптимальную модель поведения, включающую смешанную стратегию адаптации. Комбинированная стратегия выживания основана на режиме экономии и увеличении участия респондентов в трудовой и образовательной деятельности, что является наиболее конструктивным способом адаптации к меняющимся условиям жизни.

Литература и Интернет-источники

1. **Акиндинова, Н. В.** Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего / Н. В. Акиндинова, В. А. Бессонов, С. Г. Пухов [и др.] // Вопросы экономики. — 2022. — № 5. — С. 5–25. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-5-5-25; EDN: KDQIAR
2. **Ушкалова, Д. И.** Внешняя торговля России в условиях санкционного давления / Д. И. Ушкалова // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 3(55). — С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14; EDN: OGZSKI
3. **Зубарев, А. В.** Оценка влияния глобальных шоков на российскую экономику в рамках факторной модели / А. В. Зубарев, К. С. Рыбак // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 4(56). — С. 48–68. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-3; EDN: VUWBLR

4. **Гимпельсон, В. Е.** Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях коронакризиса / В. Е. Гимпельсон // Вопросы экономики. — 2022. — № 2. — С. 69–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-69-94; EDN: JJJWHG
5. **Зубаревич, Н. В.** Регионы России в новых экономических условиях / Н. В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2022. — № 3(55). — С. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15; EDN: EVVYVQ
6. **Каравай, А. В.** Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 / А. В. Каравай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 2. — С. 121–137. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1837; EDN: HBVFHG
7. **Тихонова, Н. Е.** Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям / Н. Е. Тихонова, А. В. Каравай // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 43–53. EDN: WVJQXP
8. **Бессокирная, Г. П.** Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования / Г. П. Бессокирная, А. Л. Темницкий // Мир России. — 2000. — № 4. — С. 103–124. EDN: SNVDGD
9. **Логинов, Д. М.** Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса / Д. М. Логинов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 6. — С. 470–487. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1708; EDN: SZRTVA
10. **Аврамова, Е. М.** Адаптация населения к «новой экономической реальности» / Е. М. Аврамова, Д. М. Логинов // ЭКО. — 2018. — № 6. — С. 86–102. EDN: XPMFSP

Сведения об авторах:

Корчагина Ирина Ивановна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ikorchagina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541; РИНЦ SPIN-код: 4812–9100.

Прокофьева Лидия Михайловна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617; РИНЦ SPIN-код: 3470–3092.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164

RUSSIAN FAMILIES' ADAPTATION TO THE CONDITIONS OF LIMITED CONSUMPTION

Irina I. Korchagina^{1,2*}, Lidia M. Prokofieva^{1,2}

¹*ISESP FCTAS RAS*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²*Higher School of Economics*

(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000)

*E-mail: ikorchagina@hse.ru

For citation:

Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Russian families' adaptation to the conditions of limited consumption. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 153-164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-153-164 (in Russ.)

Abstract. This work is devoted to assessing the impact of economic sanctions in 2022 on the adaptive behavior of the population. The author examines directions of the adaptation strategies of people and their ideas about the opportunities to improve the financial situation of family. The information base is the representative sociological survey of the National Research University Higher School of Economics «Readiness for Change», conducted in September–October 2022 with a sample of 6,000 respondents. It is shown that adaptation of most respondents to new conditions is expressed in saving strategies and lowering consumption standards. In a such situation, adaptation means getting used to new conditions by reducing consumption standards for the majority of people. The main factors limiting consumer demand in the conditions of economic sanctions were the increased prices and unavailability of certain goods in stores and on Internet sites. According to the savings strategy, people reduce spending on travel, expensive clothing and entertainment. The availability of durable goods with a high import component has decreased: electronics, household appliances, cars, etc. The inability to pay for health-related purchases is becoming critical for the population. It should be noted that people perceive their future economic situation with optimism. For improving their financial situation, they plan to use active forms of adaptation related to increased employment. They declare strategies for finding additional work, obtaining a new specialty or additional education in the current specialty.

Keywords: economic sanctions, socio-economic adaptation, limited consumption, savings strategy, passive and active adaptation.

References and Internet sources

1. Akindinova N. V., Bessonov V. A., Pukhov S. G., Safonov I. N., Smirnov S. V. Inflation challenges of the pandemic period and sanctions. Lessons for the future [Inflation challenges of the pandemic period and sanctions. Lessons for the future] *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2022. No. 5. P. 5–25. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-5-5-25 (in Russ.)
2. Ushkalova D. I. Vneshnyaya trgovlya v Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [Russia's foreign trade under sanctions pressure]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2022. No. 3 (55). P. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14 (in Russ.)
3. Zubarev A. V., Rybak K. S. Otsenka vliyaniya global'nykh shokov na rossiyskuju ekonomiku v ramkakh faktornoy modeli. [The impact of global shocks on the Russian economy: FAVAR approach] *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2022. No. 4 (56). P. 48–68. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-56-4-3 (in Russ.)
4. Gimpelson V. E. Zarplata i potoki na rossiyskom rynke truda v usloviyakh koronakrizisa [Wages and labor market flows in times of the corona crisis]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2022. No. 2. P. 69–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-2-69-94 (in Russ.)
5. Zubarevich N. V. Regiony Rossii v novykh ekonomicheskikh usloviyakh [Regions of Russia in the new economic conditions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2022. No. 3 (55). P. 226–234. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15 (in Russ.)
6. Karavay A. V. Deystviya rossiyan po uluchsheniyu sobstvennogo material'nogo polozheniya v epokhu COVID-19 [The behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the era of COVID-19]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2021. No. 2. P. 121–137. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1837 (in Russ.)
7. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Resursy rossiyan v usloviyakh krizisa: dinamika i rol' v adaptatsii k novym usloviyam [Resources of Russians in times of crisis: dynamics and role in adaptation to new conditions]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2016. No. 10. P. 43–53. (in Russ.)
8. Bessokirnaya G. P., Temniktsky A. L. Sotsial'naya adaptatsiya rabochikh v transformiruiushchemsya obshchestve: osnovnyye polozeniya programmy i nekotorye rezultaty issledovaniya [Social adaptation of workers in the transforming society: main provisions of the program and some research results]. *Mir Rossii [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*. 2000. No. 4. P. 103–124. (in Russ.)

9. Loginov D. M. Sotsial'noye samochuvstviye rossiyskogo naseleniya v period ostroy fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social well-being of the Russian population during the acute stage of the epidemiological crisis]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2020. No. 6. P. 470–487. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1708 (in Russ.)
10. Avraamova E. M., Loginov D. M. Adaptatsiya naseleniya k novoj ekonomicheskoj realnosti [The population adaptation to the new economic reality]. EKO [ECO]. 2018. No. 6. P. 86–102. (in Russ.)

Information about the authors:

Korchagina Irina Ivanovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i.korchagina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541; Elibrary SPIN-code: 4812–9100.

Prokofieva Lidia Mikhaylovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617; Elibrary SPIN-code: 3470–3092.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179
EDN: CSPACE

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Малкина М. Ю.*, Рогачев Д. Ю.

¹Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(603140, Россия, Нижний Новгород, проспект Ленина, 27)

*E-mail: mmuri@yandex.ru

Для цитирования:

Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю. Влияние ценностей на финансовое поведение студенческой молодёжи // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 165-179. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179; EDN: CSPACE

Аннотация. Целью исследования является выявление ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи и их связи с практиками финансового поведения. Информационную базу исследования составили данные авторского опроса, проведённого в 2020 г. на тему «Специфика экономического поведения студенческой молодёжи», в котором принял участие 1291 студент из 17 вузов России. Для установления парных связей между значимыми ценностями, рядом социально-демографических характеристик и практиками финансового поведения использовались коэффициенты корреляции Мэтьюза, анализировалась их устойчивость. В результате исследования было установлено, что наиболее значимыми для студентов ценностями являются здоровье, работа, семья, самореализация. На основе корреляционного анализа предложена группировка ценностей, включающая нравственные, коммуникативные и достигательные. Обнаружено, что, при невысокой в целом объясняющей способности гендера, девушкам в большей степени свойственно стремление к коммуникативным ценностям, а также сохранению здоровья. В то же время юноши чаще делают выбор в пользу достигательных ценностей (популярность, использование других людей в своих интересах). Для практик финансового поведения обнаружена выраженная отрицательная связь между стремлением к самореализации и предпочтением спекулятивных финансовых инструментов, а также отрицательная связь активных банковских заимствований с такой коммуникативной ценностью как общение с интересными людьми. Выявлено, что ценностные ориентации связаны со способами получения дохода, например, студенты, получающие денежные средства от создания видеоконтента в большей степени ориентированы на популярность и использование других людей в своих целях. Исследование практик потребительского поведения показало корреляцию предпочтений безналичной оплаты товаров и услуг со стремлением к путешествиям, активной и интересной жизни. Новизна исследования заключается в установлении взаимосвязи ценностей, профессиональных интересов и финансового поведения современных студентов. Полученные результаты могут быть полезны в управлении эффективным финансовым поведением разных групп студентов.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, ценности, гендер, жизненный успех, ориентации, установки, финансовое поведение.

© Малкина М. Ю., Рогачев Д. Ю., 2024

Введение

Финансовое поведение представляет собой деятельность людей по мобилизации и распоряжению денежными средствами, сопровождающуюся принятием решений относительно расходов, сбережений и инвестирования. Оно также охватывает иные виды финансовой активности: страховой, кредитной, накопительной, пенсионной. Изучение финансового поведения носит междисциплинарный характер, что обуславливает существование множества подходов и методов его исследования. На финансовое поведение влияют внешние и внутренние факторы, к которым относятся: институциональные и инфраструктурные условия в стране, место проживания, уровень дохода, финансовые возможности людей и прочее. Комплексный подход к изучению финансового поведения предполагает исследование влияния как объективных условий, так и субъективных характеристик людей, учёт их принадлежности к определённым социальным группам, выполнения ими определённых социальных ролей и статусов. Также он предполагает определение влияния на финансовое поведение ценностей и разнообразных установок, сложившихся под воздействием привычек, обычаев и культурных особенностей общества.

В классических работах М.Вебера [1], Э.Дюркгейма [2], Г.Зиммеля [3], Т.Парсонса [4], Г.Спенсера [5], Ф.Тённиса [6] раскрыто понятие «социального действия» и рассмотрено поведение с позиции его целей, мотивов и ценностей. Например, Э.Дюркгейм отмечал, что внешние объективные факторы, такие как культура, социальная структура, социальные отношения формируют поведение индивида. Т.Парсонс утверждал, что поведение объясняется социальной ролью человека и особенностями становления личности. Он обратил внимание на зависимость социального действия от общественных норм и воли индивидов. М.Вебер раскрыл мотивационную составляющую финансового поведения, выявил связи мотивации с ожиданиями

людей, определил смыслы управления деньгами в повседневной жизни. В работах таких учёных, как Г.Риккерт [7], М.Шелер [8], М.Рокич [9], Ш.Шварц [10], Р.Инглхарт [11], концептуализируется понятие ценностей и выявляются подходы к изучению этого феномена.

Студенты, как особая социальная когорта, имеют свои особенности финансового поведения. С одной стороны, они находятся в состоянии приобретения необходимых финансовых знаний, первого трудового опыта и собственных доходов, финансовой независимости и навыков управления личными финансами. С другой, финансовая социализация студентов происходит в конкретных институциональных условиях [12]. В период студенчества многие из них получают новые социальные статусы, в частности, некоторые из них вступают в брак и трансформируют навыки управления личными финансами. Студенческая молодёжь в процессе обучения получает знания, в том числе повышающие уровень финансовой грамотности, что позволяет ожидать от них более эффективного принятия решений, чем у трудовой молодёжи. Однако студенческая молодёжь в основном занята учёбой, не обладает достаточным уровнем финансовой самостоятельности и поэтому имеет меньше возможностей в применении получаемых знаний на практике [13, с. 227].

Стремительные изменения экономической и социокультурной реальности создают перед молодыми людьми новые риски. В этих условиях «...особую роль приобретает социально-экономическая адаптация, связанная с проблемами приспособления человека к экономическим и организационным изменениям» [14, с. 54]. Согласно теории Штрауса-Хау, современная студенческая молодёжь представляет поколение Z, взросление которого происходит одновременно с формированием нового информационно-цифрового пространства [15]. Обращаясь к теории М.Мид, можно отметить, что молодые люди слабо могут рассчитывать на поддержку старших поколений [16]. Неосведомлённость родите-

лей о принципах работы современных финансовых инструментов и их установки, сформировавшиеся по причине пережитой политической и экономической нестабильности, нередко подпитывает нерациональное поведение детей. Это выражается в трансляции родителями избегания риска и препятствовании принятия самостоятельных решений детьми, что приводит к невозможности получения практического опыта последними и негативно сказывается на формировании их финансовой культуры в будущем [17]. Для преодоления этой тенденции необходимо развивать способности студентов к созданию и использованию новаций, ориентировать на образование и самообразование в течение всей жизни [18].

Целью настоящего исследования является выявление ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи и их связи с практиками финансового поведения. Задачи исследования: 1) раскрыть понимание составляющих жизненного успеха у современных студентов, 2) установить взаимосвязи между жизненными ценностями молодёжи и предложить их группировку, 3) определить интенсивность распределения ценностей с дифференциацией по гендерам, 4) выявить связь жизненных ценностей студентов с практиками их финансового поведения. Гипотеза исследования: система жизненных ценностей и установок студентов оказывает существенное влияние на направленность их финансового поведения.

Методология исследования

Проверка выдвинутой гипотезы производится на основе обработки данных авторского опроса, проведённого осенью 2020 г. на тему «Специфика экономического поведения студенческой молодёжи» [19]. Опросили 1291 студента различных курсов бакалавриата и магистратуры гуманитарной и технической направленности из 17 вузов России¹.

¹ В опросе приняли участие студенты следующих вузов: Уральский федеральный университет имени Б.Н.Ельцина – Екатеринбург, Уральский государственный экономический

В настоящем исследовании мы анализируем полученные результаты из трех блоков вопросов анкеты. Первый блок касается жизненных ценностей; второй – финансового поведения студентов; третий блок включает вопросы о возрасте, поле, семейном положении, наличии детей и прочее. Для установления связей между ценностями и финансовыми практиками проводится их корреляционный анализ. Поскольку индикаторы являются дихотомическими (присутствие/отсутствие ценности, наличие/отсутствие опыта – 1/0), для оценки связи исследуемых характеристик использовались коэффициенты корреляции Мэтьюза (который даёт результат, аналогичный линейному коэффициенту корреляции Пирсона) (1):

$$MCC = \frac{TP \times TN - FP \times FN}{\sqrt{(TP + FP)(TP + FN)(TN + FP)(TN + FN)}}, \quad (1)$$

где TP – количество вариантов типа (1, 1);

TN – количество вариантов типа (1, 0);

FP – количество вариантов типа (0, 1);

FN – количество вариантов типа (0, 0).

университет – Екатеринбург, Кемеровский государственный университет – Кемерово, Сибирский федеральный университет – Красноярск, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского – Нижний Новгород, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия – Нижний Новгород, Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е.Алексеева – Нижний Новгород, Нижегородский государственный педагогический университет имени К.Минина – Нижний Новгород, Нижегородский филиал Российского университета транспорта – Нижний Новгород, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород, Новосибирский Государственный Университет Экономики и Управления – Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет – Новосибирск, Южный федеральный университет – Ростов-на-Дону, Самарский государственный университет путей сообщения – Самара, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Томский государственный университет (ТГУ) – Томск, Забайкальский государственный университет – Чита. Гендерная выборка определялась фактическим соотношением юношей и девушек в группах, так что 2/3 респондентов – девушки. Средний возраст респондентов составил 19 лет.

Результаты исследования

Результаты распределения ответов студентов относительно жизненных ценностей представлены в табл. 1. Согласно полученным результатам, для студентов состояние здоровья является наиболее значимым индикатором жизненного успеха. Первостепенность данной ценности может быть следствием влияния пандемии COVID-19, во время которой проводился опрос, что обусловило повышенное внимание респондентов к состоянию своего здоровья и практикам самосохранительного поведения. Особая актуализация таких ценностей, как любимая работа и самореализация (2 место), может быть связана

с молодым возрастом респондентов, с тем этапом их жизни, когда происходит активное личностно-профессиональное становление и развитие ценностных ориентаций. Согласие респондентов с утверждением о важности социально-психологического климата в семье, её дружности и сплочённости находилось на 3 месте. Среди других значимых ценностей, отмеченных более 1/2 респондентов, выделяются такие, которые связаны с личностными качествами, позволяющими достичь успехов в карьере и благосостояния. Также выделяются некоторые ценности, относящиеся к самореализации, а именно: интересная жизнь, приключения; общение с интересными людьми.

Таблица 1
Важнейшие составляющие жизненного успеха в представлении студентов, %

Table 1

The most important components of life success as perceived by students, %

Составляющая	Вся выборка	Юноши	Девушки
Здоровье	75,0	67,4	79,3
Любимая работа	72,3	67,4	75,1
Дружная, сплоченная семья	72,0	67,4	74,6
Самореализация	69,9	60,8	75,1
Коммуникабельность, умение наладить контакт с людьми	67,9	61,4	71,7
Умственные способности	62,2	62,9	61,8
Интересная жизнь, приключения	58,3	47,3	64,6
Общение с интересными людьми	54,7	49,7	57,5
Порядочность, честность	53,0	53,9	52,4
Деньги, богатство	50,1	49,5	50,5
Оптимизм	49,0	48,8	49,1
Уважение окружающих	46,4	45,6	46,8
Быть полезным другим людям	44,5	44,6	44,4
Удачный брак	42,8	40,7	44,0
Удача, везение	36,7	39,2	35,3
Личная безопасность	34,9	28,6	38,4
Высокое социальное положение	22,2	21,3	22,6
Власть	15,7	17,9	14,5
Популярность	11,4	15,6	9,0
Способность использовать других людей в своих интересах	10,4	16,8	6,7

Источник: результаты авторского исследования.

Следующая группа менее значимых ценностей, которые отмечают от 20 до 50% студентов, связаны с разными уровнями пирамиды А. Маслоу [20]. Студенты соглашались с важностью таких ценностей, как личная безопасность и удачный брак. Также достижение жизненного успеха они связывают с проявлением оптимизма и стремлением полагаться на удачу. Кроме того, их интересует реализация своего социального потенциала. Для них важно добиться уважения со стороны окружающих, быть полез-

ным другим людям, занять высокое социальное положение. Наименее значимыми ценностями для студентов оказались такие как власть, популярность, способность использовать других людей в своих интересах, что связано, вероятно, с определёнными морально-этическими установками опрошенных.

Полученные на основе расчётов коэффициентов корреляции Мэттьюса устойчивые взаимосвязи между ценностями представлены схематично на рис. 1.

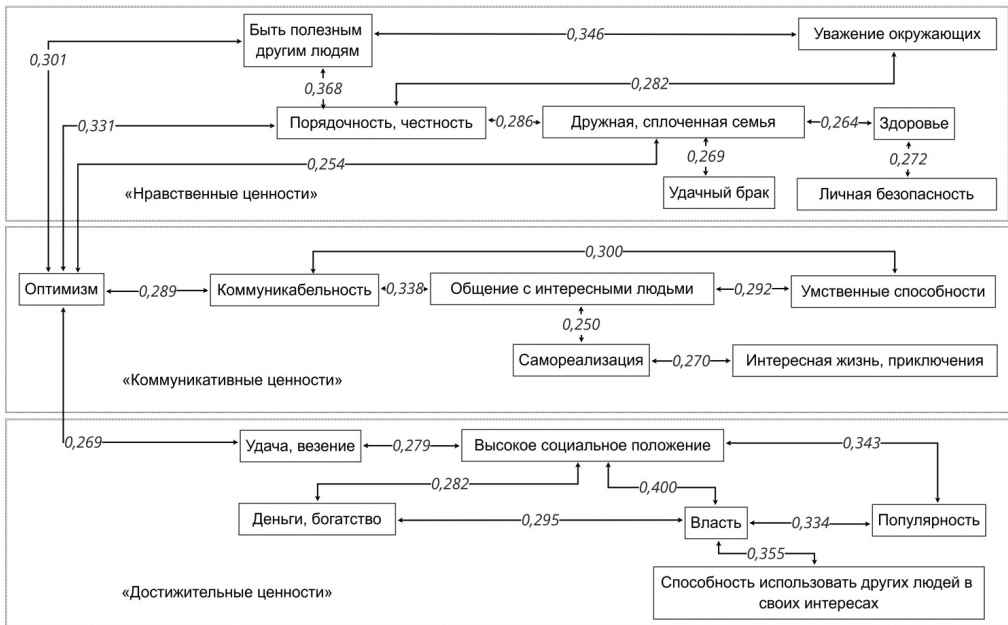

Рис. 1. Связь ценностных установок российских студентов

Fig. 1 Connection between the value systems of Russian students

Источник: результаты авторского исследования.

Корреляционный анализ взаимосвязей индикаторов жизненного успеха между собой позволяет выделить три группы ценностей: 1) нравственные — базирующиеся на отношениях к моральным и этическим принципам, к семье и образу жизни (быть полезным другим людям; уважение окружающих; порядочность, честность; дружная, сплочённая семья; удачный брак; здоровье, личная безопасность); 2) коммуникативные — ориентированные на установ-

ление социальных связей и межличностных отношений (коммуникабельность; общение с интересными людьми; умственные способности; самореализация; интересная жизнь; приключения); 3) достижительные — основанные на стремлении к материальным выгодам, статусам и привилегиям (высокое социальное положение; деньги, богатство; власть; популярность; способность использовать людей в своих интересах; удача, везение).

Далее рассмотрим различия в ценностных установках с учётом гендерного признака. Поскольку гендерный признак является экзогенным параметром, нами анализируется влияние гендера на ценностные установки, а не наоборот. Следует оговориться, что без учёта других влияющих фак-

торов полученные оценки могут оказаться смещёнными. Для снижения вероятности смещения коэффициенты корреляции дополнены оценками статистической значимости различий в ответах юношей и девушек (табл. 2).

Таблица 2
Корреляции гендерного признака студентов с их ценностными установками

Table 2

Correlations of students' gender with their value systems

Ценность	Коэффициент
Популярность	0,100***
Самореализация	-0,150***
Здоровье	-0,133***
Способность использовать других людей в своих интересах	0,160***
Интересная жизнь, приключения	-0,168***
Коммуникабельность, умение наладить контакт с людьми	-0,106***

***оценки значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: результаты авторского исследования.

Полученные коэффициенты корреляции свидетельствуют о выраженной связи с гендером лишь некоторых ценностей. Положительные значения коэффициентов корреляции указывают на более выраженное присутствие у юношей таких ценностей, как стремление к популярности и использованию других людей в своих интересах. В то же время отрицательные значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о большей привлекательности для девушек таких ценностей как: самореализация, сохранение здоровья, интересная жизнь, приключения, коммуникабельность, умение наладить контакт с людьми. Анализ взаимосвязей других социально-демографических характеристик студентов показывает прямую корреляцию семейного положения (состоит в зарегистрированном или незарегистрированном браке — 1, холост/не замужем — 0) с ценностью «удачный брак» ($R = 0,104$). Также отмечается обратная корреляция между проживанием с родителями (совместно — 1, отдельно — 0) и ценностью «самореализация» ($R = -0,11$).

Далее перейдём к изучению взаимосвязей ценностей студентов с практиками их

финансового поведения. В анкете присутствовали вопросы об источниках доходов студентов, их опыта заимствований и работы с финансовыми инструментами (вклады в банках; металлические счета; долгосрочное владение ценными бумагами; краткосрочные операции с иностранной валютой, криптовалютой, ценными бумагами с целью получения спекулятивного дохода), а также предпочтений относительно наличных или безналичных форм расчётов. Ответы респондентов приводились к бинарному виду (присутствие опыта в прошлом или владение инструментами в настоящее время — 1, отсутствие опыта в прошлом или только планирование использовать инструменты в будущем — 0), после чего производился расчёт коэффициентов корреляции Мэтьюза.

Анализ не выявил взаимосвязей для большинства проверяемых показателей, но есть исключения. В табл. 3 представлены варианты, для которых значение коэффициентов корреляции Мэтьюза составляет около $\pm 0,1$. Например, для вариантов инвестиционного поведения получена обратная связь между использованием спекулятив-

ных финансовых инструментов и стремлением к «самореализации». Это означает, что студенты в своих представлениях не связывают самореализацию с финансовой активностью и успехом на финансовом рынке. Для источников дохода обнаружена только слабая взаимосвязь между поступлениями от размещения видеоконтента с такими ценностями, как популярность

и способность использовать людей в своих интересах. Очевидно, эта связь опосредована профессиональными предпочтениями студентов. Также была обнаружена обратная связь кредитного поведения с ценностью «общение с интересными людьми». Вероятно, недостаток общения является обратной стороной материальных трудностей респондентов.

Таблица 3

Корреляции практик финансового поведения с некоторыми ценностными установками студентов

Table 3

Correlations of financial behavior practices with students' value systems

Практика	Популярность	Самореализация	Способность использовать других людей в своих интересах	Общение с интересными людьми	Интересная жизнь, приключения
Операции с иностранной валютой	0,053	-0,105**	0,053	-0,032	-0,043
Операции с криптовалютой	0,091**	-0,103**	0,080**	-0,023	-0,041
Операции с ценными бумагами	0,076**	-0,102**	0,073**	-0,024	-0,043
Получение дохода с видео контента	0,099**	-0,060*	0,152**	0,009	-0,049
Получение кредита за последние 12 месяцев	0,018	-0,073**	-0,006	-0,101**	0,003
Предпочитаемый вид оплаты покупок в магазине, кафе (1 – безналичная форма; 0 – наличная)	-0,028	0,103	0,009	0,065*	0,095**

Примечание: оценки значимы на уровне: *** $p < 0,001$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: результаты авторского исследования.

Анализ практик потребительского поведения свидетельствует о том, что студенты, предпочитающие использовать современные цифровые банковские продукты при оплате товаров и услуг, в большей степени нацелены на самореализацию, интересную жизнь и приключения. Вероятно, это наиболее активная и продвинутая часть респондентов, стремящаяся к мобильности, сокращению времени обслуживания и сохранению высокого темпа жизни (сопровождающих «интересную жизнь, приключения»), склонная к использованию передовых цифровых технологий.

Дискуссия

Проведённый анализ выявил наличие большого числа корреляций у ценности «оптимизм», а также наличие его связей с ценностями всех трех групп (нравственные, коммуникативные, достижительные). Это свидетельствует о том, что, несмотря на различия в ценностях и в представлениях об успехе, оптимизм, по мнению студентов, является важным фактором достижения целей. Здесь важно отметить необходимость критического осмысления действительности, иначе оптимизм мо-

жет стать установкой, фиксирующей лишь положительные эмоции, что приведёт к невозможности «резвой» оценки своих действий [21; 22].

В группе «достижительных» ценностей присутствует такой индикатор жизненного успеха, как «удача, везение». Часть студентов приписывает накопление богатства, занятие высокого положения в обществе воле случая. Нельзя исключать, что «удачное» стечение обстоятельств может стать одной из предпосылок жизненного успеха, однако чрезмерное упование на везение может сыграть и отрицательную роль. Заметим, что сама постановка вопроса не позволяет с уверенностью утверждать, что именно подразумевали те или иные респонденты, выбирая данный ответ. Например, они могли считать, что родиться в богатой семье — это везение, которое с высокой вероятностью приведёт к достижению финансовых успехов и привилегированности в будущем. Кроме того, несмотря на не синонимичность понятий «успех» и «удача», последнее может восприниматься как достижение поставленной цели, общественное одобрение, признание чьих-либо заслуг [23].

Популярность соединяет в себе степень известности личности с её определёнными характеристиками, позволяющими обеспечить внимание к персоне — выделить человека «...в каких-то смыслах из общего ряда людей, обладающих аналогичными профессиональными качествами» [24, с. 46]. В рыночной экономике популярность (известность) является разновидностью социального капитала, предоставляющего «...опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей получать кредиты во всех смыслах этого слова» [25, с. 66]. Данное определение отображает связь между популярностью и способностью использовать людей в своих интересах — манипулятивной направленностью в общении с целью получения разного рода выгод. В ходе исследования обнаружено, что ценности «стремление к популярности» и «использованию других людей в своих целях» в большей степени присущи юношам, нежели девушкам. Заметим, что похожие результаты

были получены в работах и других авторов [26; 27], интерпретирующих их с точки зрения сформированных полоролевых стереотипов, заключающихся в том, что мужчины чаще проявляют склонность к открытой борьбе за власть с использованием агрессивных методов для достижения собственных целей, нередко сопровождающейся пренебрежением интересами окружающих. Напротив, методы, используемые женщинами, чаще характеризуются коммуникабельностью, ориентацией на поддержание отношений и поиск компромисса. В ходе анализа мы также подтвердили, что такая ценность, как «коммуникабельность, умение наладить контакт с людьми», более свойственна девушкам, чем юношам.

Полученный нами отрицательный коэффициент корреляции гендера с ценностью здоровье свидетельствует о том, что мужское общество чаще пренебрегает здоровьем. К аналогичным выводам пришли и другие исследователи. Например, социолог И. С. Кон отмечал, что «...мужчина, последовательно отрицающий симптомы болезни или боль, может создать себе имидж смелого и мужественного человека, но одновременно рискует превратить свои недомогания в хроническую болезнь» [28, с. 8]. В работе И. В. Розмаинского и А. С. Татаркина данная проблема рассматривается в контексте проявления близорукости при «инвестировании в капитал здоровья». Авторы заключают, что мужчины пренебрегают своим здоровьем по причине пессимистических настроений и неудовлетворённости жизнью [29].

Что касается ценности «самореализация», которая оказалась более выраженной среди девушек, формулировка вопроса не уточняла содержание этого понятия. В широком смысле, самореализация — реализация потенциальных возможностей индивида, заключающаяся в достижении индивидом поставленных перед собой целей, сопоставляемых с его способностями и возможностями. В ходе проведённого анализа установлена значимая связь самореализации с группой коммуникативных ценностей, более характерная для девушек, чем юношей. Исследо-

вания, посвящённые гендерным проблемам самореализации, также отмечают более высокую значимость самореализации для женщин, по сравнению с мужчинами, — во всех сферах, за исключением общественно-политической и спортивной [30]. Другие авторы заключают, что мужчинам свойственна личностная самореализация и достижение узколичностных мотивов, а женщины в процессе самореализации во многом проявляют социальный интерес [31].

В ходе проведённого исследования нами обнаружены связи различных видов поведения (потребительского, инвестиционного, кредитного) с ценностями и образом жизни студентов. Это развивает и дополняет анализ влияния социально-экономических факторов, таких как социальное окружение, установки и ценности семьи, а также личностных особенностей и предрасположенностей индивидов на их финансовое поведение [32–35]. Также подтверждено, что финансовая социализация студенческой молодёжи зависит от установок родительского домохозяйства, семейного положения, трудовой занятости. Это влияние проявляется в развитии навыков управления семейным бюджетом и использовании сберегательно-инвестиционных инструментов российскими студентами [12]. Подтверждён вывод о том, что финансовая грамотность в большей степени контролирует финансовое поведение юношей, чем девушек [36]. Настоящее исследование дополнило представления о гендерных особенностях финансового поведения, связав их с особым восприятием ценностей у девушек и юношей.

***

Исследование основано на обработке данных авторского социологического опроса 2020 г. «Специфика экономического поведения студенческой молодёжи» с использованием методов корреляционного и кластерного анализа. В результате выявлена относительно более высокая значимость для студентов таких ценностей, как здоровье, любимая работа, дружная и сплочённая семья, самореализация. На основе расчёта коэффициентов корреляции Мэтьюза и оценки их устойчивости, взаимосвязанные ценности объединены в три группы: нравственные, коммуникативные и достигательные. Показано, что девушки в большей степени руководствуются коммуникативными ценностями, а юноши — достигательными ценностями. Выявлены отрицательные корреляции ценности самореализации со спекулятивным финансовым поведением, а ценности общение с интересными людьми — с активным кредитным поведением. Обнаружено, что студенты, получающие доходы с видеоконтента в большей степени ориентированы на популярность и использование других людей в своих целях. А студенты, предпочитающие современные цифровые банковские приложения, представляют собой наиболее активную и мобильную часть молодёжи, выбирающую интересную жизнь и приключения. Проведённое исследование может быть полезно при формировании программ финансовой грамотности различных групп студенческой молодёжи, с учётом ориентации на их ценностные установки.

Литература и Интернет-источники

1. **Вебер, М.** Понимающая социология (статья из сборника «Праздник для семьи») / М. Вебер; перевод М. И. Левиной. — Москва : АСТ, 2021. — 480 с.
2. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; перевод А. Б. Гофмана. — Москва : Канон, 1996. — 432 с.
3. **Зиммель, Г.** Как возможно общество? / Г. Зиммель; перевод А. Ф. Филиппова // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 102–114. EDN: TZKHRV
4. **Парсонс, Т.** О структуре социального действия / Т. Парсонс; перевод В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — Москва : Академический Проект, 2002. — 880 с.

5. **Спенсер, Г.** Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер; перевод Н. А. Рубакиной. — Минск : Современный Литератор, 1999. — 1408 с.
6. **Тённис, Ф.** Общность и общество / Ф. Тённис, перевод А. Н. Малинкиной // Социологический журнал. — 1998. — № 3–4. — С. 206–229. EDN: PZQJXL
7. **Риккерт, Г.** Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; перевод А. Ф. Зотовой [и др.]. — Москва : Республика, 1998. — 413 с.
8. **Шелер, М.** Избранные произведения / М. Шелер; перевод А. В. Денежкиной, А. Н. Малинкиной и А. Ф. Филипповой. — Москва : Гнозис, 1994. — С. 259–338
9. **Rokeach, M.** The Nature of Human Values / M. Rokeach. New York : Free Press, 1973. — 438p.
10. **Шварц, Ш.** Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал высшей школы экономики. — 2012. — Т. 9. — № 2. — С. 43–70. EDN: QYXAEH
11. **Инглхарт, Р.** Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт; перевод С. Л. Лопатиной. — Москва, Челябинск : Социум, 2020. — 348 с.
12. **Малкина, М. Ю.** Институты финансовой социализации российских студентов / М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев // Journal of Institutional Studies. — 2021. — Т. 13 — № 4. — С. 126–139. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.126-139; EDN: VQBNPS
13. **Резник, С. Д.** Моделирование системы повышения экономической самостоятельности студентов высших учебных заведений России / С. Д. Резник, М. В. Черниковская // Друкеровский вестник. — 2020. — № 2. — С. 220–233. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-220-233; EDN: FYEDOA
14. **Козырева, П. М.** Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) / П. М. Козырева // Социологические исследования. — 2012. — № 7. — С. 54–66. EDN: PBVOFX
15. **Strauss, W.** Millennials Rising / W. Strauss. — New York : Vintage Books, 2000. — P. 59–72.
16. **Mead, M.** Culture and commitment: The new relationships between the generations in the 1970s. / M. Mead. — Anchor Press, 1978. — 178 p.
17. **Грасс, Т. П.** Роль семьи в процессе экономической социализации подрастающих поколений в США и Канаде / Т. П. Грасс, А. Е. Крашенинникова, В. И. Петрищев // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 8. — № 7. — С. 130–141. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-7-130-141; EDN: ZRDYVJ
18. **Ермаков, М. А.** Высшая школа — на пути к информационному обществу / М. А. Ермаков // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. — 2020. — № 1. — С. 74–82. EDN: MSULOK
19. **Рогачев, Д. Ю.** Особенности финансового поведения студенческой молодёжи / Д. Ю. Рогачев // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 41–52. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.4; EDN: LLUSAJ
20. **Maslow, A. H.** A theory of human motivation / A. H. Maslow // Psychological review. — 1943. — Vol. 50. — No. 4. — P. 370–396.
21. **Kahneman, D.** Intuitive prediction: Biases and corrective procedures / D. Kahneman, A. Tversky // Cambridge University Press. — 1982. — P. 414–421.
22. **Lovall, D.** Delusions of success / D. Lovall, D. Kahneman // Harvard business review. — 2003. — Vol. 81. — No. 7. — P. 56–63.
23. **Рассадина, Т. А.** Рационализация сознания и поведения молодёжи: целедостижения, отношения, ценности / Т. А. Рассадина // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. — 2020. — С. 3493–3503. DOI: 10.19181/kongress.2020.417; EDN: LMJJUO
24. **Гринин, Л. Е.** «Люди известности» — новый социальный слой? / Л. Е. Гринин // Социологические исследования. — 2004. — № 12. — С. 46–54. EDN: OWWCNВ
25. **Бурдые, П.** Формы капитала / П. Бурдые; перевод М. С. Добрякова // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74. EDN: OYUVRD

26. **Слотина, Т. В.**, Гендерные особенности тенденции к макиавеллизму и психической ригидности студентов / Т. В. Слотина, Ю. С. Недошивина // Вестник Марийского государственного университета. — 2018. — Т. 12. — № 2(30). — С. 100–108. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-2-100-108; EDN: UQZROZ
27. **Трифонова, С. А.** Гендерная специфика направленности личности в общении // С. А. Трифонова / Человеческий фактор: Социальный психолог. — 2019 — № 1(37). — С. 403–411. EDN: LTYVQE
28. **Кон, И. С.** Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не) здоровья / И. С. Кон // Андрология и генитальная хирургия. — 2008. — № 4. — С. 5–11. EDN: KDNBWF
29. **Розмаинский, И. В.** Неверие в будущее и «негативные инвестиции» в капитал здоровья в современной России / И. В. Розмаинский, А. С. Татаркин // Вопросы экономики. — 2018. — № 1 — С. 128–150. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-128-150; EDN: YKXCWL
30. **Столярская, Е. В.** Самореализация студентов в вузе: гендерные различия / Е. В. Столярская // Женщины-учёные Беларуси и Казахстана: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Минск, 1–2 марта 2018 г.). — Минск, 2018. — С. 210–212. EDN: JIZWJ
31. **Плотникова, Е. С.** Гендерные различия самореализации и самоактуализации / Е. С. Плотникова, В. В. Гордеева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2020. — Т. 9. — № 2(31). — С. 358–362. DOI: 10.26140/anip-2020-0902-0087; EDN: KQKHCS
32. **Andreou, P. C.** Financial knowledge among university students and implications for personal debt and fraudulent investments / P. C. Andreou, D. Philip // Cyprus Economic Policy Review, Forthcoming. — 2018. — Vol. 12. — No. 2. — P. 3–23. DOI: 10.2139/ssrn.3250850
33. **Brown, M.** Culture and financial literacy: Evidence from a within-country language border / M. Brown, C. Henchoz, T. Spycher // Journal of Economic Behavior & Organization. — 2018. — Vol. 150. — P. 62–85. DOI: 10.1016/j.jebo.2018.03.011
34. **Медведева, Е. И.** Финансовые стратегии жителей российских городов / Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, В. Б. Тореев, С. В. Крошили // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — Т. 12 — № 3(336). — С. 4–14. EDN: VQGBPF
35. **Ярашева, А. В.** Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг / А. В. Ярашева, С. В. Макар, Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5; EDN: HRYZTW
36. **Малкина, М. Ю.** Взаимосвязь финансовой грамотности в сфере цифровых технологий и личностных характеристик российских студентов: гендерный аспект / М. Ю. Малкина, Д. Ю. Рогачев // Женщина в российском обществе. — 2018. — № 3(88). — С. 104–115. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10; EDN: YABJDV

Сведения об авторах:

Малкина Марина Юрьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: mmuri@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3152-3934; РИНЦ SPIN-код: 5055-0218.

Рогачев Дмитрий Юрьевич, к.соц.н., научный сотрудник, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: rogistyle@mail.ru; ORCID: 000-0002-0683-3340; РИНЦ SPIN-код: 3078-0177.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179

IMPACT OF VALUES ON FINANCIAL BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH

Marina Yu. Malkina*, Dmitry Yu. Rogachev.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(27, Lenin Avenue, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603140)

*E-mail: mmuri@yandex.ru

For citation:

Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Impact of values on financial behavior of student youth. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 165-179. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study was to identify the value orientations of contemporary university students and their connection with financial behavior practices. The study is based on data from an author-conducted survey in 2020 «Specifics of Economic Behavior of University Students», which involved 1291 students from 17 universities across Russia. Matthew's correlation coefficients were used to establish pairwise relationships between significant values, socio-demographic characteristics, and financial behavior practices; stability of these relationships was also analyzed. The research results showed that the most significant values for students are health, a desired job, a friendly, cohesive family, and self-realization. Based on the correlation analysis, there was proposed a grouping of values including moral, communicative, and achievement-related values. The explanatory power of gender was found to be generally low. However, females tend to show a greater inclination towards communicative values and preservation of health. At the same time, males more frequently opt for a range of achievement-related values (popularity, using others for their own benefit). A negative correlation was observed in financial behavior practices between the pursuit of self-realization and preference for speculative financial instruments, as well as a negative correlation between active bank borrowing and communicative value of interacting with interesting people. The study revealed a correlation between value orientations and income-generating activities. For instance, students who earn money from creating video content tend to prioritize popularity and using others for their own purposes. Furthermore, studying consumer behavior practices showed a correlation between preferences for non-cash payments for goods and services and desire for travel, active and interesting lifestyle. The novelty of the research lies in establishing the relationship between values, professional interests, and financial behavior of contemporary students. The obtained results can be useful in managing effective financial behavior among different groups of students.*

Keywords: youth, students, values, gender, life success, orientations, attitudes, financial behavior.

References and Internet sources

1. Weber M. *Ponimayushchaya sotsiologiya [Understanding Sociology]* (Selected articles from Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951). Transl. by I. Levina. Moscow. AST. 2021. 480 p. (in Russ.)
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labor in Society]*. Transl. by A. B. Gofman. Moscow. Kanon. 1996. 432 p. (in Russ.)
3. Simmel G. *Kak vozmozhno obshchestvo? [How is society possible?]*. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*. 1994. No. 2. P. 102–114. (in Russ.)

4. Parsons T. O structure sotsial'ngo deistviya. [*The Structure of Social Action*]. Transl. by V. F. Chesnokova and S. A. Belanovsky. Moscow. Akademicheskii Proyekt [Academic Project Publ.]. 2002. 880 p. (in Russ.)
5. Spencer H. Opyty nauchnyye, politicheskiye i filosofskiyе [*Essays: Scientific, Political and Speculative*]. Transl. by N. A. Rubakina. Minsk. Sovremenniy literator [Modern Writer]. 1999. 1408 p. (in Russ.)
6. Toennis F. Obshchnost' i obshchestvo [*Community and Society*]. Transl. by A. N. Malinkina. Sotsiologicheskii zhurnal [*Sociological Journal*]. 1998. № 3–4. P. 206–229. (in Russ.)
7. Rickert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture [*Natural Science and Cultural Science*]. Transl. from German. Respublika. [*Republic*]. 1998. 413 p. (in Russ.)
8. Scheler M. Izbrannyye proizvedeniya [*Selected Essays*]. Moscow. Gnozis. 1994. P. 259–338. (in Russ.)
9. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York. Free Press. 1973. 438p.
10. Schwartz S., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Utochnonnaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Theory of basic personal values: validation in Russia]. Psihologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. [*Psychology. Journal of the Higher School of Economics*]. 2012. Vol. 9. No. 2. P. 43–70. (in Russ.)
11. Inglehart R. F. Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskiye motivatsii i kak eto menyayet mir [*Cultural Evolution. How People's Motivations Are Changing and How This Is Changing the World*]. Transl. by S. L. Lopatina. Moscow. Chelyabinsk. Sotsium [Socium]. 2020. 348p. DOI: 10.1093/sf/soz119 (in Russ.)
12. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Instituty finansovoy sotsializatsii rossijskikh studentov [Institutes of financial socialization of Russian students]. Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [*Journal of Institutional Studies*]. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 126–139. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.126-139 (in Russ.)
13. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. Modelirovaniye sistemy povysheniya ekonomicheskoy samostoyatel'nosti studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy Rossii [Modeling the system of increasing economic independence of Russia higher educational institutions' students]. Drukerovskij vestnik [*Drukerovskij Vestnik*]. 2020. No. 2. P. 220–233. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-220-233 (in Russ.)
14. Kozyreva P. M. Finansovoe povedeniye v kontekste sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya (sotsiologicheskij analiz) [Financial behavior in the context of socio-economic adaptation of the population (sociological analysis)]. Sotsiologicheskije issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2012. No. 7. P. 54–66. (in Russ.)
15. Strauss W. *Millennials Rising*. New York. Vintage Books. 2000. P. 59–72.
16. Mead M. *Culture and Commitment: The New Relationships between the Generations in the 1970s*. Rev. ed. Anchor Press. 1978. 178p.
17. Grass T. P., Krashennnikova A. E., Petrishchev V. I. Rol' sem'i v protsesse ekonomicheskoy sotsializatsii podrastayushchikh pokoleniy v SSHA i Kanade [The role of the family in the process of economic socialisation of younger generations in the USA and Canada]. Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. [*Modern Studies of Social Issues*]. 2017. Vol. 8 No. 7. P. 130–141. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-7-130-141 (in Russ.)
18. Ermakov M. A. Vysshaya shkola — na puti k informatsionnomu obshchestvu [Higher school — on the way to the information society]. Sovremennoye obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy. [*Modern Society: Issues of Theory, Methodology, Methods of Social Research*]. 2020. No. 1. P. 74–82. (in Russ.)
19. Rogachev D. Yu. Osobennosti finansovogo povedeniya studencheskoj molodezhi [Features of the financial behavior of student youth]. Narodonaselenie [*Population*]. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 41–52. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.4 (in Russ.)

20. Maslow A. H. A theory of human motivation. *Psychological Review*. 1943. Vol. 50. No. 4. P. 370–396.
21. Kahneman D., Tversky A. *Intuitive Prediction: biases and corrective procedures*. Cambridge University Press. 1982. P. 414–421.
22. Lovallo D., Kahneman D. Delusions of success. *Harvard Business Review*. 2003. Vol. 81 No. 7. P. 56–63.
23. Rassadina T. A. Ratsionalizatsiya soznaniya i povedeniya molodezhi: tseledostizheniya, otnosheniya, tsennosti [Rationalization of consciousness and behaviour of youth: achievement of the goal, relations, values]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions]*. 2020. P. 3493–3503. DOI:10.19181/kongress.2020.417 (in Russ.)
24. Grinin L. E. «Lyudi izvestnosti» – novyy sotsial'nyj sloj? [«People of publicity» – a new social stratum?] *Sotsiologicheskije issledovaniya. [Sociological Studies]* 2004. No.12. P. 46–54. (in Russ.)
25. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*. Transl. by M. S. Dobryakova. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (in Russ.)
26. Slotina T. V., Nedoshivina Yu. S. Gendernyye osobennosti tendentsii k makiavellizmu i psicheskoy rigidnosti studentov [Student's gender features of tendency to machiavellianism and rigidity]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of Mari State University]*. 2018. Vol. 12. No. 2(30). P. 100–108. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-2-100-108 (in Russ.)
27. Trifonova S. A. Gendernaya spetsifika napravlenosti lichnosti v obshchenii [Gender specifics of personality orientation in communication]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial'nyj psikholog [Human Factor: Social Psychologist]*. 2019. No. 1(37). P. 403–411. (in Russ.)
28. Kon I. S. Gegemonnaya maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne) zdorov'ya [Hegemonic masculinity as a factor in men's (un)health]. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya [Andrology and Genital Surgery]*. 2008. No. 4. P. 5–11. (in Russ.)
29. Rozmainsky I. V., Tatarkin A. S. Neverije v budushcheje i «negativnyje investitsii» v kapital zdorov'ya v sovremennoj Rossii. [Disbelief in the future and «negative investment» in health capital in contemporary Russia]. *Voprosy ekonomiki. [Economic Issues]* 2018. No. 1 P. 128–150. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-128-150 (in Russ.)
30. Stolyarskaya E. V. Samorealizatsiya studentov v vuze: gendernyye razlichiya [Students' self-realization in high school: gender differences]. *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Kazakhstana: sb. materialov Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. [Women Scientists of Belarus and Kazakhstan. Proceedings of the scientific and practical conference. (Minsk, 1–2 March 2018)]. Minsk. 2018. P. 210–212. (in Russ.)*
31. Plotnikova E. S., Gordeeva V. V. Gendernyye razlichiya samorealizatsii i samoaktualizatsii [Gender differences of self-realization and self-actualization]. *Azimuth nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psichologiya. [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*. 2020. Vol. 9. No. 2(31). P. 358–362. DOI: 10.26140/anip-2020-0902-0087 (in Russ.)
32. Andreou P. C., Philip D. Financial knowledge among university students and implications for personal debt and fraudulent investments. *Cyprus Economic Policy Review*. 2018. Vol. 12 No. 2. P. 3–23. DOI: 10.2139/ssrn.3250850
33. Brown M., Henchoz C., Spycher T. Culture and financial literacy: Evidence from a within-country language border. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2018. No. P. 62–85. DOI: 10.1016/j.jebo.2018.03.011
34. Medvedeva E. I., Yarasheva A. V., Toreev V. B., Kroshilin S. V. Finansovyje strategii zhitelej rossijskikh gorodov [Financial strategies of urbanites in Russia]. *Natsional'nyje interesy: priority i bezopasnost'. [National Interests: Priorities and Security]*. 2016. Vol. 12. No. 3(336). P. 4–14. (in Russ.)
35. Yarasheva A. V., Makar S. V., Simagin Yu. A. Povedencheskaya ekonomika: naselenije na rynke kreditnykh uslug [Behavioral economy: population in the credit services market]. *Narodonaselenie. [Population]* 2020. Vol. 23. No. 3. P. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5 (in Russ.)

36. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Vzaimosvyaz' finansovoj gramotnosti v sfere tsifrovyykh tekhnologij i lichnostnykh harakteristik rossijskih studentov: gendernyj aspekt [Interrelation of financial literacy in the sphere of digital technologies with personal characteristics of Russian students: the gender aspect]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve. [Woman in Russian Society]*. 2018. No. 3(88). P. 104–115. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10 (in Russ.)

Information about the authors:

Malkina Marina Yurievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: mmuri@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3152-3934; Elibrary SPIN-code: 5055–0218.

Rogachev Dmitry Yurievich, Candidate of Sociology, Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: rogistyle@mail.ru; ORCID: 000-0002-0683-3340; Elibrary SPIN-code: 3078–0177.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192
EDN: CLVVPV

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Белехова Г. В.*, Шматова Ю. Е., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, Горького, 56А)

*E-mail: belek-galina@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10128). – URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Для цитирования:

Белехова Г. В., Шматова Ю. Е., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С. Проблемы обеспечения благополучия старшего поколения в контексте региональной социальной политики // *Народонаселение*. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 180-192. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192; EDN: CLVVPV

Аннотация. Старение населения выступает одним из главных демографических трендов современности. Учитывая его необратимость в условиях суженного воспроизводства населения в России, закономерными видятся усилия органов государственной власти по поддержанию ресурсного потенциала лиц старших возрастов и созданию условий для здоровой и активной жизни в старости, которые находят отражение в различных программных и стратегических документах. Следовательно, важно понимать, насколько осуществляемая в настоящее время государственная политика в интересах граждан старших возрастов отвечает их запросам и потребностям. В рамках статьи данная цель реализована посредством сопоставления особенностей социально-экономического положения лиц старших возрастов, выявленных по данным многолетних социологических наблюдений, с положениями и целевыми показателями регионального проекта «Старшее поколение» (на примере Вологодской области). Выделены ключевые проблемы благополучия старшего поколения: нарушения здоровья в виде хронических заболеваний, которые могут сопровождаться ограничениями социального функционирования; большой гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни и распространённость социального одиночества; низкий уровень материального благосостояния; неудовлетворённость различными аспектами жизни и сниженный эмоционально-психологический тонус. Показано, что реализуемая в регионе комплексная программа повышения качества жизни людей старшего поколения направлена на решение вопросов в области укрепления здоровья и поддержания социальной активности людей старших возрастов, однако мало учитывает вопросы материального достатка и негативных общественных стереотипов в отношении этой категории населения. В заключение определена целесообразность корректировки мероприятий регионального проекта «Старшее поколение» с учётом выявленных проблем.

Ключевые слова: демографическое старение, старшее поколение, благополучие старшего поколения, государственная политика в отношении пожилых граждан.

© Белехова Г. В., Шматова Ю. Е., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С., 2024

Введение

Актуальность обращения к проблемам обеспечения благополучия лиц старшего возраста определяется текущим процессом демографического старения. В результате усиливается потребность общества в адекватном преобразовании социальной и экономической среды с учётом интересов старшего поколения, создании устойчивой пенсионной системы, расширении доступности и повышении качества медицинской помощи, особенно геронтологического профиля. В России на национальном и региональном уровнях реализуются разнообразные программы и проекты, адресованные пожилым людям («Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», национальные проекты «Демография» и «Продолжительная и активная жизнь», федеральный проект «Старшее поколение» и др.).

Несмотря на то, что осуществляемые мероприятия носят комплексный характер, их содержание может не в полной мере соответствовать потребностям старшего поколения, а, следовательно, не приводить к ощущаемым им самим переменам в благополучии. Так, с одной стороны, образ благополучия в старости, тиражируемый в СМИ [1] и принятый в системе государственного управления, зачастую неотделим от идей о продолжении трудовой деятельности в пожилом возрасте и активном долголетии [2; 3]. С другой стороны, у жителей России благополучная жизнь в старости ассоциируется не столько с продолжением трудовой деятельности, сколько с сохранением здоровья, заботой о подрастающем поколении, общением и помощью родным и близким [4, с. 118–119; 5, с. 5–6]. То есть благополучие в старшем возрасте рассматривается населением шире и связывается с возможностью оставаться включёнными в различные сферы жизни общества [4]. Учитывая этот аспект, в данной статье будет рассмотрено соотношение между актуальными проблемами в области благополучия пожилых людей и содержанием региональной социальной политики в интересах старшего поколения.

Материалы и методы

Исследование проведено на материалах Вологодской области как типичного региона РФ по большинству социально-экономических параметров [6, с. 129]. По шкале Ж.Боже-Гарнье – Э.Россета область характеризуется очень высоким уровнем демографического старения, т.к. удельный вес жителей старше 60 лет превышал 18% (24,2% на начало 2022 г.). Информационную базу составили данные Всероссийской переписи населения 2020 г. и выборочные результаты четырёх социологических опросов населения¹, проведённых Вологодским научным центром РАН на территории региона в 2020–2022 гг. (табл. 1). Выделение возрастных границ старости является дискуссионным вопросом [7]. В рамках исследования возрастные рамки были определены нами в интервале от 55 лет и старше для женщин и от 60 лет и старше для мужчин, то есть в границах населения старше трудоспособного возраста до пенсионной реформы 2018 г. (в соответствии с № 350-ФЗ от 03.10.2018 г.).

Категория «благополучие» является многоаспектной конструкцией [8], поэтому однозначного её определения в научных исследованиях не сложилось. Чаще всего благополучие рассматривается как совокупность элементов, обеспечивающих индивидам физическое (здоровье), материальное (доходы и благосостояние), социальное (социальные отношения) и эмоциональное (отсутствие депрессии) благополучие, развитие и активность (работа и свободное время) [8, с. 10].

Применительно к старшему поколению разработано много концепций и взглядов на благополучие. Например, согласно подходу Р.Хэвигхерста, «благополучное (успешное) старение» представляет собой внутреннее ощущение счастья и удовлетворённости жизнью [9]. В соответствии с моделью

¹ Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце и восьми муниципальных округах (районах). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций по территориальному расселению и половозрастной структуре населения. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки – не более 3%.

Таблица 1

Характеристики анализируемой выборочной совокупности

Table 1

Characteristics of the analyzed sample population

Наименование опроса, год	Всего старше 60(55) лет	Из них, (%):			
		мужчин	женщин	город	село
Физическое здоровье, 2020	n=515	29,1	70,9	66,8	33,2
Социокультурный портрет, 2021	n=525	29,5	70,5	66,7	33,3
Активное долголетие, 2021	n=525	29,5	70,5	66,7	33,3
Физическое здоровье, 2022	n=533	30,0	70,0	66,6	33,4

Источник: составлено авторами.

селективной оптимизации и компенсации благополучие в старости строится на адаптации к сокращению биологических, психических и социальных ресурсов [10]. Концепция «продуктивного старения» предполагает обеспечение возможностей для участия пожилых людей в оплачиваемой работе, физической активности, образовании, досуге, общественной деятельности [11]. В последние годы в российском и зарубежном научном и политическом дискурсе на первый план выходит концепция активного долголетия² [12], причём отечественными исследователями подчёркивается важность учёта различий граждан старших возрастов по их ресурсному потенциалу для проработки дифференцированных регулирующих мер [13], а также указывается на необходимость большей синхронизации идей активного долголетия с социальной политикой, особенно в части восстановительной медицины и геронтологической помощи, преодоления социального исключения пожилых, условий для продолжения трудовой деятельности в старшем возрасте [14]. Подчеркнём, что любые концептуальные рамки не способны вместить всё разнообразие реальной картины старения населения.

В данной работе в качестве предмета исследования выбрана субъективная сторона благополучия [15, с. 60], соответственно использовались как показатели, отражаю-

щие самооценку населением наиболее значимых аспектов жизнедеятельности, так и показатели удовлетворённости ими в качестве индикаторов близости жизни к желательному её состоянию. Выбор аспектов жизнедеятельности, формирующих исследовательский конструкт благополучной старости, основывался на жизненных ценностях представителей старшего поколения. Согласно данным опросов населения Вологодской области, для большинства респондентов старше трудоспособного возраста на первом месте в ряду терминальных ценностей располагается здоровье (2020 г. — 89%, 2022 г. — 89%), на втором — счастливая и дружная семья (2020 г. — 72%, 2022 г. — 69%), на третьем — материальное благополучие, а также материнство/отцовство (2020 г. — 36% и 49%, 2022 г. — 49% и 42% соответственно). Гораздо реже как ценности этими респондентами отмечаются любимая работа, образование и общественное признание (2–12%). В связи с этим анализ благополучия старшего поколения проводился в разрезе следующих сфер: здоровье (физическое и психическое), материальное положение (доходы и потребительские возможности), социальные связи (семья, общение, досуг).

Результаты исследования

Свое здоровье оценивал как «хорошее» и «очень хорошее» лишь каждый пятый респондент старшего поколения (17% в 2020 г., 19% в 2022 г.); при этом более трети «мало» и «вовсе» не заботились

² Active Ageing. A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002. — URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

о нём (36% в 2020 г., 33% в 2022 г.). Установка на долголетие была присуща примерно половине респондентов (51% в 2020 г., 56% в 2022 г.), которые хотели бы прожить более 80 лет, но лишь треть (30% в 2020 г., 35% в 2022 г.) верили, что смогут это сделать. Причины данного расхождения связаны с наличием хронических заболеваний и пренебрежением здоровым образом жизни, самосохранительными практиками. Несмотря на адекватное восприятие личной ответственности за собственное здоровье (87%), в 2022 г. умеренность в потреблении алкоголя соблюдали лишь 25% респондентов, контролировали своё психическое состояние — 19%, активно занимались физической культурой и закаливанием — 11%. Качество питания пожилые люди оценивали как нормальное (75% в 2020–2022 гг.), но соблюдал режим питания лишь каждый пятый респондент (22%), а каждый третий употреблял вредную пищу. С указанными проблемами сопряжён гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни: в 2022 г. в Вологодской области среди населения старше трудоспособного возраста было 30% мужчин и 70% женщин, а ожидаемая продолжительность предстоящей жизни составляла 14,86 лет для мужчин, достигших 60 лет, и 25,71 лет для женщин, достигших 55 лет³. Положительными характеристиками образа жизни старшего поколения региона, выявленными по опросам, выступают то, что 84% из них не курят, 43% — обращаются к врачу при первых признаках болезни и регулярно проходят медосмотры, а 29% стараются больше ходить пешком.

В силу высокой чувствительности к негативному социальному контексту и обострённого восприятия событий старшее поколение в значительной мере подвержено стрессу. По данным опроса 2022 г., около 40% представителей группы (особенно городские жители и женщины) испытывали стресс несколько раз за год (34% среди остального населения). Наряду с острой реакцией на внешнеполитические собы-

тия 2022 г., старшее поколение, в отличие от остального взрослого населения региона, болезненнее переживало ограничения плановой медицинской помощи, с которыми оно столкнулось в 2021 г. (41% против 24%), наличие серьёзных травм или заболеваний (16% против 9%), смерть супруга или близких родственников (22% против 12%).

Материальное положение пожилых людей определяется размером пенсии, так как для большинства из них она является основным источником дохода (по данным Всероссийской переписи населения⁴ для 92,6% в среднем по группе лиц старше трудоспособного возраста в Вологодской области, в т.ч. для 94,2% среди мужчин, 91,9% — среди женщин). Согласно данным Вологдстата, средний размер назначенных пенсий существенно ниже среднемесячной начисленной номинальной зарплаты работников организаций (в 2,7 раза в 2019 г., в 3 раза в 2022 г.), поэтому уровень материальной обеспеченности и потребительские возможности пожилых людей ограничены. По результатам опросов, большинство представителей старшего поколения способны приобрести только еду, одежду и обувь, но на более крупные покупки вынуждены копить (49% в 2020 г., 57% в 2022 г.); порядка трети в состоянии оплатить только продукты питания (37% в 2020 г., 30% в 2022 г.). Закономерно, что эта группа населения наиболее острыми общественными проблемами называет (по данным опроса 2021 г.) инфляцию (70%), низкий уровень жизни и бедность (48%), недоступность услуг здравоохранения (37%).

Социальные связи старшего поколения сосредоточены в семье и близком круге общения. Поэтому страх перед одинокой старостью в той или иной степени присутствует у большинства пожилых людей [16], а одиночество можно отнести к числу ключевых преград для достижения благополучия в пожилом возрасте. По данным Всероссийской

³ Официальная статистика. Население. Старшее поколение. Демографические показатели. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ Таблица 4. Население по основному источнику средств к существованию, возрастным группам и полу по субъектам РФ. Итоги ВПН-2020. Том 7. Источники средств к существованию // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom7_Istochniki_sredstv_k_sushchestvovaniyu (дата обращения: 05.03.2024).

переписи населения⁵, по мере увеличения возраста всё больше людей остаются одни по причине смерти супруга: среди жителей Вологодской области 65–69 лет вдовым был каждый четвертый, а в группе старше 75 лет — двое из трёх. Распространённость одиночества нарастает и ввиду раздельного проживания с родными. Согласно опросам, треть пожилых людей региона проживают одни (среди женщин и городских жителей — 36%, среди сельчан и мужчин — 25%), и лишь каждый пятый — со взрослыми детьми.

На досуге основными занятиями у лиц старшего возраста в Вологодской области являлись просмотр телепередач (83%) и «дела по дому» (70%); ещё 37% опрошенных старались гулять на свежем воздухе. Пожилые люди в целом отличаются низкой культурной активностью: многие из них не посещают музеи (59%), театры (63%), клубы по интересам (78%), чаще всего по причине отсутствия желания (38%), недостат-

ка материальных средств и плохого состояния здоровья (по 15%). Большинство из них (88%) не участвуют в деятельности общественных организаций. Следовательно, досуг и включённость в общественную жизнь старшего поколения характеризуется однообразием и пассивностью.

Удовлетворённость жизнью у старшего поколения региона невысокая, особенно материальным положением и состоянием здоровья (рис. 1-а), что соотносится с выявленными выше проблемами. Исключение — отношения в семье, общение с близкими и друзьями, которыми удовлетворены 78% опрошенных. Уровень удовлетворённости менее важными для них сферами (работой, социальной и культурной инфраструктурой, социальным статусом, наличием и разнообразием досуга) варьируется от 27 до 53% (рис. 1-б), что может говорить о латентном переживании старшим поколением региона ограничений в отношении их трудовой и социальной жизни.

Таким образом, анализ эмпирических данных позволяет заключить, что представители старшего поколения высоко ценят, прежде всего, возможность общения с родными и близкими, с чем, в основном, свя-

⁵ Таблица 5. Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации. Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 05.03.2024).

а) важность отметили более 80% опрошенных

б) важность отметили от 60 до 80% опрошенных

Рис. 1. Удовлетворённость (варианты ответов «удовлетворён» и «скорее удовлетворён») старшего поколения Вологодской области различными аспектами жизнедеятельности в разрезе их важности, %

Fig. 1. Satisfaction (answer options «satisfied» and «rather satisfied») of the older generation in Vologda oblast with various aspects of life by their importance, %

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса «Социокультурный портрет», 2021 год.

зывают свои интересы и мотивы для продолжительной жизни. Препятствиями достижения благополучия выступают низкий уровень дохода и ограниченные потребительские возможности, однообразие досуговых практик, подверженность стрессам, риск одиночества и социального исключения. Отдельный пласт проблем связан с неудовлетворительным состоянием здоровья, несформированностью привычек активной заботы о нём, нехваткой ресурсов для полноценного отдыха и оздоровления.

Отражение проблем обеспечения благополучия в региональном проекте «Старшее поколение». В интересах пожилых граждан в Вологодской области реализуется региональный проект «Старшее поколение», рассчитанный на период 2019–2024 гг.,⁶ цель

⁶ Об утверждении региональной комплексной программы повышения качества жизни граждан старшего поколения на территории Вологодской области на 2019–2024 годы. Постановление Правительства Вологодской области

и задачи которого согласованы с соответствующим федеральным проектом и при этом учитывают имеющийся у региона потенциал достижения целевых показателей. Негативное влияние на выполнение мероприятий проекта оказала пандемия COVID-19: из-за высокой нагрузки на медицинские учреждения области и приостановки оказания плановой и профилактической помощи намеченные значения основных целевых показателей на 2021 г. были пересмотрены в сторону уменьшения. По показателю охвата пожилых граждан профилактическими осмотрами и диспансеризацией к 2022 г. так и не удалось выйти на «допандемийный» уровень. Не достигнуто и установленное значение по показателю госпитализации на геронтологические койки (табл. 2).

от 09.12.2019 г. № 1193 // Консорциум Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561641849?ysclid=lrffy0xr3806391207> (дата обращения: 05.03.2024).

Таблица 2

Выполнение целевых показателей регионального проекта Вологодской области «Старшее поколение», %

Table 2

Achievement of the targets of the regional project of Vologda oblast «Older Generation», %

Показатель	2019	2020	2021	2022
1. Уровень госпитализации на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста, условная единица				
Плановое значение	13,90	31,70 / 15,91	52,70 / 21,11	52,70
Фактическое значение	22,1	20,9	36,9	32,98
2. Охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию, %				
Плановое значение	22,50	27,50 / 13,81	33,50	55,70
Фактическое значение	30,5	13,8	18,8	21,76
3. Доля лиц старше трудоспособного возраста, у которых выявлены заболевания и патологические состояния, находящихся под диспансерным наблюдением, %				
Плановое значение	49,60	55,50 / 41,61	61,80	69,10
Фактическое значение	46,8	48,2	50,1	69,22
4. Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, человек				
Плановое значение	443,0	886,0 / 268,0*	1329,0	1772,0

Фактическое значение	740,0	272,0	...**	...**
Справочная информация				
Кассовые расходы (исполненные) на выполнение регионального проекта, млн рублей	56,2	71,7	43,4	0,2
Объём кассового исполнения в % от запланированного финансирования	85,1	100	99,5	100

* жирным выделены плановые значения, скорректированные после пандемии в связи с введением в 2020 г. ограничений на оказание плановой медицинской помощи.

** нет данных по показателю.

Источники: Паспорт регионального проекта Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» в Вологодской области // Департамент социальной защиты населения Вологодской области. — URL: https://socium.gov35.ru/deyatelnost/zadachi-funktsii/realizatsiya-ukazov-prezidenta-rf/files/204/news-2019/pasport_starshee_pokolenie.pdf?ysclid=lrfy3clszt48936289 (дата обращения: 05.03.2024).

Таблица 3

Сопоставление проблем обеспечения благополучия старшего поколения и мероприятий региональной комплексной программы повышения качества жизни данной категории граждан

Table 3

Comparison of the problems of ensuring well-being of older people with the activities of the regional integrated program for improving the quality of their life

Проблемы в области обеспечения благополучной старости	Количество мероприятий
1. Распространение хронических заболеваний, ухудшение здоровья в старших возрастах	15
2. Гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни	1
3. Однообразный, пассивный досуг в старших возрастах	2
4. Социальное одиночество пожилых	2
5. Неудовлетворённость пожилых различными аспектами своей жизни	2
6. Низкий уровень материального благополучия старшего поколения	2
7. Эйджизм в отношении пожилых граждан	0
8. Распространённость проявлений стресса и тревоги среди пожилых	0

Источник: Региональная комплексная программа повышения качества жизни граждан старшего поколения на территории Вологодской области на 2019–2024 годы: утверждено Постановлением Правительства Вологодской области № 1193 от 09.12.2020 // Правительство Вологодской области. — URL: <https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2326751/> (дата обращения: 05.03.2024).

В рамках выполнения регионального проекта «Старшее поколение» на территории региона реализуется комплексная программа повышения качества жизни граждан старшего поколения на 2019–2024 годы⁷. Она направлена на повышение доступности и качества медико-санитарной помощи гражданам пожилого и старческого возраста,

развитие системы гериатрической помощи и профилактических программ (в т.ч. вакцинации), распространение современных форм социального обслуживания, реализацию инициатив в отношении укрепления коммуникативных связей и досуговой активности старшего поколения.

Сопоставление выявленных в благополучии старшего поколения Вологодской области проблем с мероприятиями указанной региональной программы (табл. 3) показало, что наибольшее внимание в ней уделено здоровью старшего поколения и развитию

⁷ Об утверждении региональной комплексной программы повышения качества жизни граждан старшего поколения на территории Вологодской области на 2019–2024 гг. от 09.12.2019 № 1193 // Правительство Вологодской области. — URL: <https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2326751/> (дата обращения: 05.03.2024).

системы социального обслуживания пожилых и инвалидов на дому и в условиях стационаров. В гораздо меньшей степени проработаны мероприятия, нацеленные на создание возможностей для разнообразного досуга пожилых людей и вовлечение их в волонтерскую деятельность, а также направленные на оказание социальной помощи и укрепление материального положения данной группы населения.

Не нашли отражения вопросы высокой подверженности пожилых стрессам и меры по поддержанию их психологического благополучия. Инициативы по психологической поддержке и помощи старшему поколению в стрессовых ситуациях в основном исходят от социально-ориентированных некоммерческих и благотворительных организаций области. Несмотря на то, что в госпрограмме отдельный пункт посвящён значимости профилактики и борьбы с эйджизмом, в плане её мероприятий нет отдельного направления, которое объединило бы усилия разных ведомств, а также не обозначены ожидаемые эффекты, достижение которых могло бы служить маркером преодоления дискриминационных практик в региональном сообществе.

Таким образом, несмотря на то, что региональный проект «Старшее поколение» позиционируется как комплексная инициатива в интересах пожилых граждан, он не охватывает ряд проблем, актуальных для этой группы населения. В определённой степени его дополняют другие программы, реализуемые на территории области. Вовлечение пожилых людей в занятия спортом и физкультурой обеспечивается в рамках выполнения подпрограммы «Физическая культура и массовый спорт» государственной программы «Развитие физической культуры и спорта в Вологодской области на 2021–2025 годы». Так, в 2022 г. доля граждан старшего возраста (женщины: 55–79 лет; мужчины: 60–79 лет), систематически занимающихся физической культурой и спортом, составила 18,5%, что выше планового значения показателя⁸. В целях каче-

ственного и эффективного оказания социальных услуг гражданам пожилого возраста и активизации их участия в жизни общества реализуется подпрограмма «Развитие социального обслуживания и повышение качества жизни граждан старшего поколения» государственной программы «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2021–2025 годы». В частности, в 2022 г. в регионе для данной категории населения было проведено около 6 тысяч социокультурных мероприятий, что позволило вовлечь 48,5% пожилых людей в активную общественную деятельность⁹. Кроме того, в Вологодской области в рамках национального проекта «Цифровая экономика» и программы «Информационное общество — Вологодская область (2021–2030 годы)» реализуются инициативы, призванные повысить уровень владения цифровыми устройствами среди пожилых людей, включить их в число активных пользователей интернета. Среди результатов — обеспечение 100% социально-значимых объектов региона широкополосным доступом к сети «Интернет»¹⁰; ежегодное проведение Областного чемпионата по компьютерному многоборью, в котором принимают участие пожилые граждане¹¹.

Заключение

На основе проведённого анализа эмпирических данных социологических исследований населения Вологодской области к числу основных проблем в области обеспечения благополучия старшего поколения были отнесены: значительные масштабы социального одиночества в старости (особенно среди женщин), неудовлетворительное состояние здоровья пожилых гра-

dostizhenie-pokazatelej?j=&programParam=400000000&VologdaGP_E00028_OPER_RDB_paramPeriod=2015-01-01T00:00:00.000Z&subProgramParam=4010000000&viewCode=VologdaGP_E00028_0001_0002_PassportSubProgram_report (дата обращения: 05.03.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Вологодские пенсионеры участвовали в чемпионате по компьютерному многоборью // Национальные проекты.рф. — URL: <https://национальныепроекты.рф/news/vologodskie-pensionery-uchastvovali-v-chempionate-pokompyuternomu-mnogoboryu> (дата обращения: 05.03.2024).

⁸ Достижение целевых показателей // Портал государственных программ Вологодской области. — URL: <https://programs.gov35.ru/kartochka-gp/godovoj-otchet/>

ждан и высокая распространённость среди них поведенческих факторов нарушения здоровья, гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, низкий уровень материального обеспечения старшего поколения. Препятствиями к достижению благополучия также выступают слабая стрессоустойчивость пожилых граждан, их уязвимость перед проявлениями дискриминации в разных сферах жизнедеятельности, отсутствие благоприятной инфраструктуры в местах проживания, адаптированной к их потребностям.

Изучение комплексной программы повышения качества жизни жителей старшего поколения, реализуемой в рамках соответствующего федерального проекта в Вологодской области, показало, что она нацелена, прежде всего, на поддержание и улучшение их здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни. В то же время слабо проработаны мероприятия по по-

вышению культурно-досуговой активности, преодолению дискриминации и социального исключения. Для некоторых проблем, фиксируемых по итогам социологических наблюдений, направления работы в государственной программе почти не представлены. Среди них высокая подверженность пожилых людей стрессам и, соответственно, потребность в поддержании психологического благополучия.

С учетом того, что часть текущих проектов близятся к завершению (в 2024–2025 гг.), а на федеральном уровне анонсируются и прорабатываются новые инициативы (концепция «активного долголетия», национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»), необходимо учесть имеющиеся пробелы этих проектов и выявленные проблемы социально-экономического положения пожилых людей, чтобы обеспечить разработку новой комплексной стратегии действий.

Литература и Интернет-источники

1. **Елютина, М. Э.** Концептуальная метафора старости / М. Э. Елютина // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 231–248. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.10; EDN: XKLWTG
2. **Барышева, Г. А.** Активное долголетие старшего поколения: долголетие и вовлеченность в региональный социум / Г. А. Барышева, Е. И. Клемашева, В. А. Маланина [и др.]. — Томск : СТТ, 2019. — 136 с. EDN: BGKCMW
3. **Васильева, Е. В.** Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / Е. В. Васильева; под ред. Ю. Г. Лавриковой. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. — 190 с.
4. **Калачикова, О. Н.** Социально-демографические предпосылки реализации концепции активного долголетия в России / О. Н. Калачикова, Л. Н. Нацун // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — № 2(66). — С. 112–125. EDN: ZCQQU
5. **Касьянова, Т. И.** Активное долголетие: возможности, жизненные установки и социальные практики пожилых / Т. И. Касьянова, Л. И. Воронина, Е. В. Зайцева // Социальное пространство. — 2023. — Т. 9. — № 2. — URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29642> (дата обращения: 10.02.2024). DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.3; EDN: MBMND
6. **Ильин, В. А.** Российское общество: трансформации в региональном дискурсе: (итоги 20-летних измерений) / В. А. Ильин, В. В. Маркин, З. Т. Голенкова [и др.]. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. — 446 с. EDN: TYIASC
7. **Антонов, А. И.** Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие / А. И. Антонов, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, С. В. Ляликова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11; EDN: TVZORY
8. **Кислицына, О. А.** Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт / О. А. Кислицына. — Москва : Институт экономики РАН, 2016. — 62 с.

9. **Havighurst, R. J.** Successful aging / R. J. Havighurst // Processes of Aging: Social and Psychological Perspectives / eds. R. H. Williams, C. Tibbitts, W. Donohue. — New York : Atherton Press, 1963. — P. 299–320.
10. **Baltes, P. B.** Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation / P. B. Baltes, M. M. Baltes // Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences / eds. P. B. Baltes, M. M. Baltes. — New York : Cambridge University Press, 1990. — P. 1–34.
11. **Kerschner, H.** Productive aging: a quality of life agenda / H. Kerschner, J. A. Pegues // Journal of the American Dietetic Association. — 1998. — Vol. 98. — Iss. 12. — P. 1445–1448. DOI: 10.1016/S0002-8223(98)00327-7
12. **Парфенова, О. А.** Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия / О. А. Парфенова, К. А. Галкин // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 200–223. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8; EDN: MIXCWZ
13. **Доброхлеб, В. Г.** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
14. **Григорьева, И. А.** Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 / И. А. Григорьева, Е. А. Богданова // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2020. — Т. 12. — № 2. — С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211; EDN: WMGFWL
15. **Сушко, П. Е.** Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) / П. Е. Сушко // Социологические исследования. — 2023. — № 12. — С. 59–71. EDN: CHZYGR
16. **Седых, О. Г.** Проблема одиночества лиц пожилого возраста: социологический аспект / О. Г. Седых, А. И. Гуляева // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32. — № 1. — С. 144–152. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).144-152; EDN: KEFZWI

Сведения об авторах:

Белехова Галина Вадимовна, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: belek-galina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-6373-9043; РИНЦ SPIN-код: 7115–1939.

Шматова Юлия Евгеньевна, к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: ueshmatova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1881-0963; РИНЦ SPIN-код: 3583–2063.

Нацун Лейла Натиговна, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: leyla.natsun@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9829-8866; РИНЦ SPIN-код: 2771–7874.

Соловьева Татьяна Сергеевна, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000-0003-1770-7566; РИНЦ SPIN-код: 9101–5219.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192

WELL-BEING OF THE OLDER GENERATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL SOCIAL POLICY

Galina V. Belekhova*, Yuliya E. Shmatova, Leila N. Natsun, Tatiana S. Soloveva

Vologda Research Center RAS
(56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia)

*E-mail: belek-galina@yandex.ru

Funding:

The reported study was funded by RSF within the scientific project No. 23-78-10128. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

For citation:

Belekhova G.V., Shmatova Yu. E., Natsun L.N., Soloveva T.S. Well-being of the older generation in the context of regional social policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 180-192. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-180-192 (in Russ.)

Abstract. *The global aging of the population is one of the main demographic trends of our time. Taking into account the irreversibility of the situation as concerns the population reproduction reducing in Russia, public authorities' efforts to maintain the potential of older people's resources and create conditions for healthy and active aging of people are logical. These efforts are reflected in various programs and strategic documents. Therefore, it is important to understand how the government's current policy concerning older citizens meets their needs and expectations. Within the framework of the article, this goal is achieved by comparing the characteristics of the socio-economic situation for older people, identified through a long-term sociological research, with the goals and objectives of the regional project «Older Generation» (using the example of Vologda Oblast). The key challenges affecting the well-being of older people are highlighted: health problems in the form of chronic diseases that may lead to reduction of social interaction; a wide gender gap in life expectancy and prevalence of social isolation; low levels of material well-being, dissatisfaction with different aspects of life, and reduced emotional and psychological well-being. The study shows that the comprehensive program implemented in the region is aimed at improving the quality of life of older people by addressing their health problems, maintaining their social activity, but it takes less account of the issues related to the material well-being and negative social stereotypes about this category of population. In conclusion the authors stress the necessity of adjusting the activities of the regional project «The Older Generation» with the account of the identified shortcomings.*

Keywords: *demographic ageing, older generation, well-being of the older generation, public policies concerning elderly people.*

References and Internet sources

1. Elyutina M.E. Kontseptual'naya metafora starosti [The conceptual metaphor of old age]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 231-248. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.10 (in Russ.)
2. Barysheva G. A., Klemasheva E.I., Malanina V.A., et al. Aktivnoje blagopoluchije starshego pokoleniya: dolgoletije i вовлеченност' v regional'nyj sotsium [Active Well-Being of the Older Generation: Longevity and Involvement in Regional Society]. Tomsk. 2019. 136 p. (in Russ.)

3. Vasilieva E. V. Kontseptsiya aktivnogo dolgoletiya: vozmozhnosti i ogranicheniya realizatsii v Rossii [The Concept of Active Longevity: Opportunities and Limitations of Realization in Russia]. Ed. Yu. G. Lavrikova. Ekaterinburg. Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2022. 190 p. (in Russ.)
4. Kalachikova O. N., Natsun L. N. Sotsial'no-demograficheskije predposylki realizatsii kontseptsii aktivnogo dolgoletiya v Rossii [Perception of aging in demographic groups of the population as a social context for the implementation of the active longevity concept]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyje nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. 2022. No. 2(66). P. 112–125. (in Russ.)
5. Kas'yanova T. I., Voronina L. I., Zaitseva E. V. Aktivnoje dolgoletije: vozmozhnosti, zhiznennyye ustanovki i sotsial'nyje praktiki pozhilykh [Active longevity: opportunities, life attitudes and social practices of elderly]. Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]. 2023. Vol. 9. No. 2. Available at: http://socialarea-journal.ru/article/29642?_lang=en (Accessed: 10 February 2024). DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.3 (in Russ.)
6. Il'in V. A., Markin V. V., Golenkova Z. T., et al. Rossijskoje obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii) [Russian Society: Transformations in Regional Discourse (results of 20-year measurements)]. Vologda. ISERT [Vologda Research Center RAS]. 2015. 446 p. (in Russ.)
7. Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Porog nastupleniya starosti: obektivnyje priznaki i subektivnoje vospriyatije [Threshold of old age: objective signs and subjective perception]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russ.)
8. Kislitsyna O. A. Izmerenije kachestva zhizni / blagopoluchiya: mezhdunarodnyi opyt [Measuring Quality of Life / Well-Being: International Experience]. Moscow. Institut ekonomiki RAN [Institute of Economics RAS]. 2016. 62 p. Available at: https://inecon.org/docs/Kislitsyna_paper_20160404.pdf (in Russ.)
9. Havighurst R. J. Successful aging. *Processes of Aging: Social and Psychological Perspectives*. Eds. R. H. Williams, C. Tibbitts, W. Donohue. New York. Atherton Press. 1963. P. 299–320.
10. Baltes P. B., Baltes M. M. Psychological perspectives on successful aging: The model of selective optimization with compensation. *Successful Aging: Perspectives from the Behavioural Sciences*. Eds. P. B. Baltes, M. M. Baltes. New York. Cambridge University Press. 1990. P. 1–34.
11. Kerschner H., Pegues J. A. Productive aging: a quality of life agenda. *Journal of the American Dietetic Association*. 1998. Vol. 98. Iss. 12. P. 1445–1448. DOI: 10.1016/S0002-8223(98)00327-7
12. Parfenova O. A., Galkin K. A. Sotsial'naya aktivnost' i uchastiyje pozhilykh rossiyan v kontekste aktivnogo dolgoletiya [Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 200–223. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8 (in Russ.)
13. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoe starenije v Rossii i novaja sotsial'naja real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
14. Grigoryeva I. A., Bogdanova E. A. Kontseptsija aktivnogo starenija v Jevrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19 [The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic]. Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovanij [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russ.)
15. Sushko P. E. Dinamika pokazatelej subektivnogo sotsial'nogo blagopoluchija rossiyan (2003–2023) [Dynamics of indicators of subjective social well-being of Russians (2003–2023)]. Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]. 2023. No. 12. P. 59–71. DOI: (in Russ.)
16. Sedykh O. G., Gulyaeva A. I. Problema odinochestva lits pozhilogo vozrasta: sotsiologicheskij aspekt [The problem of loneliness of elderly people: a sociological aspect]. Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Baikal State University]. 2022. Vol. 32. No. 1. P. 144–152. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).144-152 (In Russ.)

Information about the authors:

Belekhova Galina Vadimovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: belek-galina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-6373-9043; Elibrary SPIN-code: 7115-1939.

Shmatova Yuliya Evgenievna, Candidate of Economics, Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: ueshmatova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1881-0963; Elibrary SPIN- code: 3583-2063.

Natsun Leila Natigovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: leyla.natsun@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9829-8866; Elibrary SPIN-code: 2771-7874.

Soloveva Tatiana Sergeevna, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000-0003-1770-7566; Elibrary SPIN-code: 9101-5219.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-193-205
EDN: ETWVMS

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Макар С. В.^{1*}, Ярашева А. В.²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: svetwn@mail.ru

Для цитирования:

Макар С. В., Ярашева А. В. Производительность труда: особенности дифференциации социально-экономического пространства Дальнего Востока России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 3. – С. 193-205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-193-205; EDN: ETWVMS

Аннотация. Устойчивый экономический рост и пространственное развитие особенно важны для России в настоящий период в условиях внешних процессов нестабильности. Производительность труда представляет собой один из ключевых параметров роста и развития не только на национальном уровне, но и субнациональном. Очевидна потребность и возможность её повышения за счёт приращения человеческого капитала российских регионов. Целью статьи является выявление особенностей дифференциации социально-экономического пространства Дальневосточного макрорегиона (ДФО) на основе территориальных и деятельностных (отраслевых) различий производительности труда с учётом параметров значимости человеческого капитала в целях эффективного государственного управления для достижения национальных целей, соответствующих Указу Президента РФ от 07.05. 2024 года № 309: реализация человеческого потенциала, повышение квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики, устойчивая и динамичная экономика. Информационной базой исследования стали публикации преимущественно российских учёных, статистические данные и информационно-аналитические источники. В исследовании применена методология пространственного анализа, методы – контент-анализа, статистического, сравнительного анализа, метод экспертного оценивания и другие. Выявлены макрорегиональные особенности и региональные акценты на основе исследования динамики региональных показателей производительности труда Дальневосточного макрорегиона за период 2018–2022 гг., в т.ч. по группам видов экономической деятельности. Повышение производительности труда рассмотрено как фактор устойчивого экономического роста на всех пространственных уровнях, в том числе макро- и мезорегиональном – среди занятого населения с высшим образованием. Выделено макрорегиональное ядро трансформации человеческого потенциала в человеческий капитал (Приморский край). Применение полученных результатов целесообразно в рамках осуществления программ и проектов государственного управления технологическим развитием регионов страны, повышения благополучия людей в ДФО, который представляет геополитический и геоэкономический приоритет России.

Ключевые слова: производительность труда, Дальневосточный макрорегион, дифференциация социально-экономического пространства, образование, человеческий капитал.

Устойчивый экономический рост и эффективное пространственное развитие представляют собой акценты, которые особенно значимы для России в настоящий период геоэкономической нестабильности. Позиционируемая в статье в качестве базовой категория «производительность труда» непосредственно связана с данными акцентами. Она, по мнению авторов, отражает пересечение различных слоёв-субпространств: экономического и социального. Текущим драйвером хозяйственной практики является потребность в достижении национальных целей, обозначенных в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036»¹: реализация человеческого потенциала, повышение квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство. Цель проведённого исследования: выявить особенности дифференциации социально-экономического пространства Дальневосточного федерального округа (ДФО) на основе показателей производительности труда в связи с уровнем образования занятых в экономике его регионов для формирования и проведения госпрограмм их научно-технологического развития.

Разработанность темы

Категория «производительность труда» подразумевает эффективность функционирования рабочей силы, таким образом, она непосредственно связана с показателями благосостояния [1], а также современными параметрами, характеризующими «занятое» население [2; 3]. В исследованиях по мировой экономике традиционно используется страновой показатель производительности труда, что позволяет сравнить страны с разным уровнем и особенностями экономического развития по эффективности рабочей силы. Помимо «странового» по-

казателя рассматривают отраслевую и внутриотраслевую [4] производительность труда. Одинаковые отрасли (виды деятельности) разных стран сравнивают по значениям производительности труда, используется также внутривнутриотраслевое сравнение показателя производительности рабочей силы в различных отраслях (видах деятельности). В современных отечественных публикациях производительность труда рассматривают преимущественно в «отраслевом» аспекте — с точки зрения влияния на зарплату, денежные доходы населения [5]. Исследования региональных различий производительности труда в России в сопряжении с другими аспектами в силу территориального разнообразия представляются актуальными, поскольку данный уровень исследований представлен ограничено, о чём свидетельствует обзор современных публикаций российских учёных. Актуальны также исследования макрорегионов, как пространственных образований с точки зрения выявления «ядер» — полюсов развития [6]. Отметим, что основными факторами роста производительности труда выступают, во-первых, технико-технологический прогресс и, во-вторых, рост качества рабочей силы². Современные представления о факторах и резервах роста производительности труда, его взаимосвязи с человеческим капиталом³ проанализированы в работе [7]. В советский период повышение производительности труда связывали преимущественно с технологическим фактором. Значимость качественного изменения в состоянии рабочей силы авторы отмечали в более ранних публикациях, исследуя, в частности, проблемы повышения квалификации медицинского персонала в Мо-

² Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Учебник. В 2 томах. Т. 1. Пер с англ. изд. — Москва : Республика, 1993. — 399 с.

³ Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи? Доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. / В.Е. Гимпельсон (рук. авт. кол.). — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021; Карлова Н., Пузанова Е., Богачева И. Аналитическая записка «Производительность в промышленности: факторы роста». — URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/90569/analytic_note_20191125_dip.pdf (дата обращения 02.07.2024).

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036». — URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html> (дата обращения: 13.05.2024).

скве [8]. В настоящее время в России образовательно-квалификационный уровень работника рассматривается как научно обоснованный индикатор оценки человеческого капитала на рынке труда.

С точки зрения авторов, важно отметить сопряжённость категории «производительность труда» с экономическим поведением людей, влияние которого на человеческий капитал многоаспектно. Так, «полученные доходы должны помогать реализовывать задуманные цели и задачи, воплощать разные, связанные с образом жизни, устремления, а также отвечать ценностным ориентирам человека» [9, с. 69]. Принятие решения индивидом (получить основное образование, а затем дополнительные навыки и компетенции) имеет «страновые» особенности. Значимый аспект специфики России в контексте образовательного прироста человеческого капитала связан с несоответствием полученного образования (профессии) месту приложения имеющихся знаний и компетенций. Речь идёт о несоответствии как уровня образования, так и полученной специаль-

ности, выполняемой работе [10]. Анализ пространственного развития Дальнего Востока в современном формате ДФО (с 2018 г.) проводился в различных аспектах: демографических и социально-инфраструктурных [11], формирования трудового потенциала [12] и обеспеченности жильём [13].

Результаты исследования

По показателю средней производительности труда, которую отражает производство валовой добавленной стоимости на 1 занятого, ДФО опережает среднероссийское значение. Это касается и темпов роста в 2018–2022 гг., однако темпы роста за пятилетний период показывают снижение параметра в некоторых регионах — Сахалинской области и Камчатском крае (табл. 1).

С точки зрения региональной дифференциации, показатели производительности труда в 2022 г. выше среднемакрорегионального значения в 5 регионах ДФО из 11. Регионами аутсайдерами выступают Забайкальский край, Республика Бу-

Таблица 1

Производство валовой добавленной стоимости на 1 занятого в 2018–2022 гг., тыс. рублей в год

Table 1

Production of gross value added per 1 employed person in 2018–2022, thousand rubles per year

Территория	2018	2019	2020	2021	2022	Темпы роста 2022 г. / 2018 г., %
Российская Федерация	1084,1	1109,1	1111,9	1172,5	1170,3	107,9
ДФО	1150,4	1209,0	1202,7	1264,1	1274,5	110,8
Республика Бурятия	590,6	641,6	672,1	666,8	748,7	126,8
Республика Саха (Якутия)	1874,2	1916,6	1775,0	2047,2	2093,9	111,7
Забайкальский край	628,4	656,4	691,2	720,5	718,8	114,4
Камчатский край	1476,2	1446,2	1435,4	1496,7	1423,7	96,4
Приморский край	919,8	999,1	1000,5	1063,8	1099,6	119,5
Хабаровский край	1005,3	1037,6	1042,0	1071,7	1047,8	104,2
Амурская область	755,8	849,1	879,2	930,2	939,5	124,3
Магаданская область	1836,2	1967,6	2105,2	2198,0	2133,1	116,2
Сахалинская область	2741,1	2773,8	2732,8	2689,8	2555,7	93,2
Еврейская авт. область	806,4	802,7	812,3	871,0	880,3	109,2
Чукотский АО	2254,1	2350,3	2357,7	2414,7	2419,7	107,3

Источник: рассчитано по данным Росстата.

рятия, Еврейская автономная и Амурская области, в то же время в Сахалинской области и Камчатском крае были относительно небольшие темпы снижения по отношению к 2018 году. Как отмечают эксперты [14], производительность труда обусловлена

отраслевыми особенностями хозяйства регионов. Значения производства добавленной стоимости в 4-х группах видов экономической деятельности, (сырьевой, обрабатывающий, инфраструктурный и сектор услуг) представлены в табл. 2.

Таблица 2
Производство валовой добавленной стоимости на 1 занятого по группам видов экономической деятельности в 2022 году, тыс. рублей в год

Table 2

Production of gross value added per 1 employee by groups of economic activities

Территория	Среднее значение	Группы видов экономической деятельности (секторы):			
		сырьевой	обрабатывающий	инфраструктурный	услуг
Российская Федерация	1170,3	2807,0	1267,1	1002,3	748,5
ДФО	1274,5	5844,6	816,5	1096,7	697,5
Республика Бурятия	748,7	1199,2	623,1	886,0	396,5
Республика Саха (Якутия)	2093,9	18440,7	608,0	1288,7	840,2
Забайкальский край	718,8	2956,9	258,8	792,3	431,4
Камчатский край	1423,7	3371,5	1313,3	1025,2	852,0
Приморский край	1099,6	1370,1	887,9	1204,7	770,0
Хабаровский край	1047,8	3145,2	1069,7	1186,2	705,1
Амурская область	939,5	3069,4	570,2	845,9	644,2
Магаданская область	2133,1	38119,1	922,1	1298,3	1141,5
Сахалинская область	2555,7	25683,7	1181,7	1099,1	966,4
Еврейская авт. область	880,3	1901,0	468,7	1186,2	481,9
Чукотский АО	2419,7	14937,7	596,3	2178,1	1348,8

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Наиболее высокие значения производительности труда в ДФО (2022 г.) характерны для отраслей сырьевого сектора (сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, а также добыча полезных ископаемых). Средне-макрорегиональный показатель в данном секторе вдвое превышает среднестрановое значение, что подчёркивает сырьевой хозяйственный профиль макрорегиона. Национальными лидерами являются Магаданская, Сахалинская области, Республика Саха (Якутия) и Чукотский АО – в данных регионах значения отмеченного показателя выше средне-макрорегионального, они отличаются наличием запасов топливно-энергетических и других ресурсов. В Камчатском, Забайкальском и Хабаровском краях, Амурской области значения исследуемого показателя превышает

средне-макрорегиональный уровень. Камчатский край отличается от других «сырьевых» регионов-лидеров преобладанием сельского хозяйства (добыча морепродуктов) над добычей полезных ископаемых. В обрабатывающем секторе ДФО уступает среднему показателю по РФ, однако в Камчатском крае производство валовой добавленной стоимости на 1 занятого в обрабатывающем секторе превосходит среднероссийский уровень.

В инфраструктурном секторе⁴ среднее значение для ДФО находится на уровне сред-

⁴ В инфраструктурный сектор вошли следующие виды экономической деятельности: обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха (раздел D); водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (раздел E); строительство (раздел F); транспортировка и хранение (раздел H); деятельность в области информации и связи (раздел I).

нестранового. В национально-региональные лидеры (выше средне-макрорегионального и соответственно среднероссийского значения) входят более половины регионов ДФО: Чукотский АО, Магаданская, Сахалинская области, Республика Саха (Якутия), Еврейская авт. область, Хабаровский, Приморский края. Такое положение объясняется мощной государственной поддержкой ДФО, обладающей исключительной природно-ресурсной базой, в целях удержания экономически активного населения на данной территории. В секторе ключевых социальных услуг (торговля, ремонт, образование, здравоохранение) средне-макрорегиональное значение исследуемого показателя уступает среднестрановому значению, выше которого показатель у Чукотского АО (почти вдвое), Магаданской, Сахалинской областей, Приморского, Камчатского краёв, в Республике Саха (Якутия), т.е. в половине регионов ДФО (табл. 3).

Учитывая мнение экономистов-классиков о первостепенном влиянии образования на рост качества рабочей силы в контексте повышения производительности труда, отметим особенности распределения и динамики занятых с высшим образованием и выпуска квалифицированной рабочей силы с различными формами высшего образования в ДФО (табл. 4).

Доля занятых с высшим образованием в ДФО в среднем ниже среднестранового значения, которое превышает два региона — Камчатский край и Магаданская область; относительно средне-макрорегионального показателя выше она ещё в трех регионах — Якутии, Бурятии и Хабаровском крае. Для сопоставления регионов был использован нормированный показатель (численность занятых с высшим образованием на 1000 человек населения), что позволило выделить регионы ДФО, в которых значение данного показателя выше

Таблица 3
Регионы ДФО: производство валовой добавленной стоимости на 1 занятого в 2022 году

Table 3
Regions of the Far Eastern Federal District: production of gross value added per 1 employee in 2022

Территория	Ранги по производству валовой добавленной стоимости на 1 занятого, 2022 г.					
	Среднее значение	Сырьевой сектор	Обрабатывающий сектор	Сектор инфраструктуры	Сектор услуг	Ранг по сумме мест в макрорегионе
Республика Бурятия	10	11	6	9	11	10
Республика Саха (Якутия)	4	3	7	3	5	4
Забайкальский край	11	8	11	11	10	11
Камчатский край	5	5	1	8	4	5
Приморский край	6	10	5	4	6	7
Хабаровский край	7	6	3	6	7	6
Амурская область	8	7	9	10	8	8
Магаданская область	3	1	4	2	2	1
Сахалинская область	1	2	2	7	3	2
Еврейская авт. обл.	9	9	10	5	9	8
Чукотский АО	2	4	8	1	1	3

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Таблица 4

Распределение и динамика занятых с высшим образованием, выпуск специалистов с различными формами высшего образования в ДФО, 2022 год

Table 4

Distribution and dynamics of employed people with higher education, graduation of specialists with various forms of higher education in the Far Eastern Federal District, 2022

Территория	Доля занятых с высшим образованием, 2022 г., тыс. человек	Численность занятых с высшим образованием на 1000 чел. населения региона, 2022 г.	Темпы изменения численности занятых с высшим образованием 2022/2018 гг.	Выпуск бакалавров, специалистов, магистров 2022 г., человек на 100 тыс. человек	Темпы роста/снижения выпуска специалистов, бакалавров, магистров 2022/2018 гг.
Российская Федерация	34,8	169,2	101,8	816,3	87,7
ДФО	31,0	154,0	94,2	31,3	84,2
Республика Бурятия	32,2	121,0	88,7	3,5	67,9
Республика Саха (Якутия)	33,6	171,5	104,0	3,7	85,4
Забайкальский край	24,6	110,6	97,6	3,3	86,4
Камчатский край	37,2	212,0	93,9	0,8	87,2
Приморский край	30,1	153,5	90,7	8,1	100,8
Хабаровский край	34,2	178,4	92,4	7,9	83,0
Амурская область	28,6	144,9	90,8	2,4	71,9
Магаданская область	35,8	231,1	97,5	0,4	70,1
Сахалинская область	29,2	174,8	96,4	0,6	53,1
Еврейская авт. область	30,1	128,0	130,9	0,4	72,3
Чукотский АО	28,2	197,6	79,7	0,0	-

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

не только средне-макрорегионального, но и среднестранового уровня: области Магаданская и Сахалинская, края Камчатский и Хабаровский, Чукотский АО, Республика Саха (Якутия). К отмеченным выше регионам «тяготеет» Приморский край со значением показателя, соответствующим средне-макрорегиональному уровню. По выпуску специалистов с различными форматами высшего образования лидерами выступают два региона — Приморский и Хабаровский края и только в Приморском крае отмечается прирост выпуска специалистов с высшим образованием. Итоги дифференциации производительности труда и качества занятой рабочей силы (по наличию высше-

го образования) в регионах ДФО выявили региональных лидеров, значения показателя производительности труда в которых превышают средне-макрорегиональный уровень (табл. 5); в их числе обозначены дополнительно регионы, которые относятся к лидерам, исходя их превышения среднероссийского показателя.

В результате совмещения расчётных данных (показателей производительности труда и квалификации занятых (высшее образование)) в территориальной проекции, очевидно, что большинство регионов — российских лидеров по производительности труда во всех группах-секторах по видам деятельности отмечается более высо-

кой численностью специалистов с высшим образованием по отношению к среднероссийскому значению. Темпы роста производительности труда и темпы роста чис-

ленности занятых с высшим образованием (2018/2022 гг.) сопоставимы по отдельным регионам ДФО (рис. 1).

Таблица 5

Региональные лидеры ДФО по производительности труда и численности занятых с высшим образованием на 1000 человек населения региона, 2022 год

Table 5

Regional leaders of the Far Eastern Federal District in terms of labor productivity and number of employees with higher education per 1000 people in the region, 2022

Группы видов экономической деятельности (секторы)	Регионы-лидеры	Регионы-аутсайдеры
Сырьевой	Сахалинская область*** Чукотский АО*** Магаданская область*** Республика Саха (Якутия)*** Камчатский край*** Хабаровский край** Амурская область* Забайкальский край*	Республика Бурятия Еврейская авт. область
Обрабатывающий	Камчатский край*** Сахалинская область** Хабаровский край** Магаданская область** Приморский край****	Еврейская авт. область Амурская область Чукотский АО
Инфраструктурный	Республика Саха (Якутия)*** Чукотский АО* Магаданская область*** Приморский край**** Еврейская авт. область* Хабаровский край**** Сахалинская область*** Камчатский край**	Забайкальский край Республика Бурятия
Услуг (ключевые социальные)	Чукотский АО*** Магаданская область*** Сахалинская область*** Камчатский край** Республика Саха (Якутия)*** Приморский край****	Республика Бурятия Забайкальский край

Примечания:

*регионы, значение показателя средней производительности труда которых превышают среднероссийский уровень (национальные лидеры);

**регионы, в которых значение показателя числа занятых с высшим образованием на 1000 человек населения, превышает среднероссийский уровень;

***регионы, которые готовят наибольшее число специалистов с высшим образованием (выпуск бакалавров, специалистов, магистров на 100 тыс. человек населения).

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Классики-экономисты отмечают влияние на повышение производительности труда среды проживания рабочей силы. В данном контексте обратимся к оценке положения регионов ДФО в рейтинге научно-технологического развития субъектов РФ за 2022 г. (табл. 6). Приморский край выделяется самой высокой позици-

ей в нём, претендуя на ядро развития человеческих ресурсов в ДФО по совокупности параметров, в числе которых наиболее высокая оценка показателя среды для ведения наукоёмкого бизнеса. Выделяется и Сахалинская область относительно высокой оценкой показателя среды для работы исследователей.

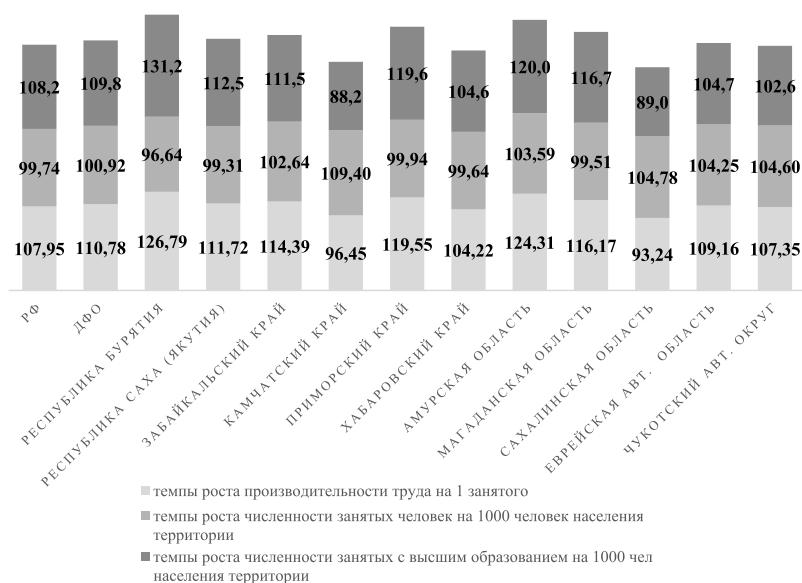

Рис. 1. Темпы роста показателей ДФО 2022 г. к 2018 г., %

Fig. 1. Growth rates of indicators of the Far Eastern Federal District in 2022 to 2018, %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Таблица 6

Место регионов ДФО в рейтинге научно-технологического развития субъектов РФ за 2022 год

Table 6

The place of the subjects of the Far Eastern macroregion in the ranking of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation for 2022

Территория	Место в рейтинге	Итоговая сумма баллов	Целевая группа с наивысшей оценкой*
Приморский край	26	140,4	Среда для ведения наукоёмкого бизнеса (57,1)
Хабаровский край	36	125,6	Органы власти 57,5
Республика Саха (Якутия)	41–42	118,9	Органы власти 49,9
Республика Бурятия	58	92,6	Органы власти 51,9
Забайкальский край	72	39,7	Органы власти 39,7
Камчатский край	62	86,8	Органы власти 49,1
Сахалинская область	64–65	83,9	Органы власти 30,8 Среда для работы исследователей 30,5
Амурская область	66–67	83,7	Органы власти 30,2
Магаданская область	68	79,0	Органы власти 45,1
Еврейская авт. область	77	68,0	Органы власти 39,3
Чукотский АО	82	62,9	Органы власти 29,4

*В России максимальный показатель в целевых группах: «Органы власти» – 63,0 (Нижегородская область); «Среда для ведения наукоёмкого бизнеса» – 82,6 (Республика Татарстан); «Среда для работы исследователей» – 70,0 (Московская область).

Источник: составлено авторами на основе «Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации за 2022 год. — URL: <https://minobrнауки.gov.ru/upload/2023/12/2022%20%BD%D0%B3.pdf> (дата обращения: 16.02.24).

Регионы ДФО не вошли в 20 пилотных регионов, представивших госпрограммы научно-технологического развития (май, 2024 г.), которые должны включать федеральные и региональные меры поддержки, в том числе в высшем образовании, в инновационном предпринимательстве, в подготовке кадров для обеспечения трансфера технологий в приоритетных отраслях промышленности. «В зависимости от собственных приоритетов и задач субъекты могли бы сконцентрироваться на нескольких приоритетных отраслевых направлениях, обеспечивающих ключевой вклад в ВРП регионов. Такой подход позволяет учесть особенности каждого субъекта и возможности для роста в соответствии с экономическими, демографическими, климатическими условиями, текущим и прогнозируемым уровнем НТР, и другими параметрами»⁵.

Заключение

Повышение производительности труда эксперты, обычно рассматривают как условие устойчивого экономического роста страны. С точки зрения авторов, производительность труда представляет собой также один из параметров устойчивого пространственного развития в субнациональном формате. Увеличение производительности труда детерминировано изменением качества рабочей силы благодаря приращению человеческого капитала в сфере образования за счет получения новых навыков, компетенций, перехода на новый квалификационный уровень. Производительность труда, рассматриваемая как результативность человеческих ресурсов, представляет научный интерес для пространственного развития России с позиции дифференциации значений её показателей на макро- и мезоэкономическом уровнях в целях принятия обоснованных решений в государственном управлении.

На основе анализа данных российской статистики по ДФО и проведённых расчётов

авторами обозначены особенности дифференциации социально-экономического пространства Дальневосточного макрорегиона России, средне-макрорегиональное значение которого превышает среднероссийский показатель. Выявлены региональные лидеры по средней и отраслевой производительности труда (по выделенным группам видов деятельности). Наиболее высокие значения показателя региональной производительности труда (2022 г.) формируются в сырьевом секторе (сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство и добыча полезных ископаемых), они и определяют итоговое региональное значение показателя, по которому выделяются «сырьевые» федеральные лидеры — Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия). В обрабатывающем секторе региональными лидерами являются Камчатский, Хабаровский края и Сахалинская область. Производительность труда в инфраструктурном секторе в большей части регионов ДФО превышает макрорегиональное значение, в пяти регионах оно выше среднероссийского значения. В секторе ключевых социальных услуг средне-макрорегиональная производительность труда ниже среднероссийского показателя, однако в пяти регионах значение показателя превышает среднестрановой показатель. Следует отметить высокую поляризацию и низкие значения показателя безусловных аутсайдеров — Республики Бурятия и Забайкальского края.

Высшее образование и его качество сохраняют свою значимость с точки зрения роста производительности труда. Численность занятых с высшим образованием на 1000 человек населения в шести регионах ДФО выше средне-макрорегионального и среднероссийского показателя. По выпуску специалистов с высшим образованием лидерами ДФО выступают Приморский и Хабаровский края. В российской статистике данные, связанные с образованием, не дают исчерпывающей информации о повышении квалификации (получении дополнительного профессионального образования), переподготовке по другой специальности (выпуску специалистов с выс-

⁵ Дмитрий Чернышенко: 20 пилотных регионов представят в мае госпрограммы научно-технологического развития. — URL: <http://government.ru/news/51511/> (дата обращения: 01.07.2024).

шим образованием). Также очевидна необходимость учёта потребности и доступности получения новых навыков и компетенций в критической ситуации, когда получение образования или новой квалификации, переподготовка необходимы человеку с ограниченными возможностями, что актуально для отдельных регионов ДФО [3].

Оценка среды формирования рабочей силы показала, что регионы Дальнего Востока не отличаются высокими позициями в федеральном рейтинге научно-технологического развития регионов. Среди субъектов ДФО наиболее высокий итоговый рейтинг у Приморского края за счёт качества среды для ведения наукоёмкого бизнеса, что подчёркивает потребность в квалификации рабочей силы. Учитывая лидерские позиции данного региона в подготовке специалистов с высшим образованием, Приморский край целесообразно рассматривать в качестве макрорегионального ядра развития человеческих ресурсов Дальнего Востока России.

Дифференциация социально-экономического пространства Дальневосточного макрорегиона по значению показателей

региональной производительности труда с учётом уровня человеческого капитала способствуют обоснованию акцентов госпрограмм научно-технологического развития регионов ДФО. Так, с учётом сырьевого характера развития регионов ДФО, речь идёт о потребности в инновационных технологических решениях, которые должны способствовать сохранению экологического благополучия в данных регионах РФ. Результаты исследования позволяют уточнить параметры госпрограмм, формируемых для макрорегиона в отношении выбора инструментов, определяющих реализацию человеческого потенциала и увеличение человеческого капитала с точки зрения повышения и производительности труда, и эколого-экономического благополучия территории ДФО. Таким образом, речь идёт о возможности достижения в регионах ДФО следующих национальных целей: реализация потенциала каждого человека, устойчивая и динамичная экономика, технологическое лидерство, повышение благополучия людей.

Литература и Интернет-источники

1. **Басовская, Е. Н.** Влияние оплаты труда и дифференциации доходов населения на производительность труда в регионах России / Е. Н. Басовская, Л. Е. Басовский // Научные исследования и разработки. Экономика. — 2019. — Т. 7. — № 4. — С. 15–18. DOI: 10.12737/article_5d53b2cd2ab7b5.00704502; EDN LSQKNC
2. **Ярашева, А. В.** Региональные проблемы занятости населения: зарплатные притязания / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 3. — С. 94–106. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-94-106; EDN: XRGQCL
3. **Ярашева, А. В.** Роль реабилитационно-образовательных учреждений в профессиональной подготовке и трудоустройстве инвалидов / А. В. Ярашева, О. А. Александрова, С. В. Макар // Народонаселение. — 2019. — № 3. — С. 146–161. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00033; EDN: XTUEPD
4. **Воскобойников, И. Б.** Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике / И. Б. Воскобойников, В. Е. Гимпельсон // Вопросы экономики. — 2015. — № 11. — С. 30–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-11-30-61; EDN UXMDAL
5. **Зотиков, Н. З.** Рост производительности труда как условие повышения заработной платы / Н. З. Зотиков // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2022. — № 6(212). — С. 36–45. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-6-212-36-45; EDN: MCZPYZ
6. **Макар, С. В.** К развитию методологии пространственного анализа: концепция ограниченной пространственной поляризации / С. В. Макар // Дискуссия. — 2024. — № 3(124). — С. 6–12.

DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-6-12; EDN NYPREU

7. **Екимова, Н. А.** Факторы и резервы роста производительности труда в России: концепции и количественные оценки / Н. А. Екимова // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. — 2019. — Т. 18. — № 6. — С. 944–966. EDN SJDPJI
8. **Ярашева, А. В.** Региональные особенности национального проекта «Здравоохранение»: потребность и доступность квалификационного роста медицинских работников / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 102–111. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111; EDN: YXWGAR
9. **Макар, С. В.** Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты / С. В. Макар, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 68–78. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.6; EDN: MONYFA
10. **Локоsov, В. В.** Пространственное распределение человеческих ресурсов: сферы образования и труда / В. В. Локоsov, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 4–13. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13; EDN ZCFFDY
11. **Макар, С. В.** Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11; EDN: BIRENT
12. **Ярашева, А. В.** Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 2. — С. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114; EDN: CNVJMV
13. **Шнейдерман, И. М.** Обеспеченность жильём жителей Дальнего Востока: статистический анализ / И. М. Шнейдерман, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Вопросы статистики. — 2023. — Т. 30. — № 3. — С. 53–63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63; EDN: EZPOZD
14. **Рюмина, Е. В.** Качественные характеристики населения и состояние экономики: анализ отдельных групп регионов России / Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 16–26. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2; EDN: CLLZZL

Сведения об авторах:

Макар Светлана Владимировна, д.э.н., главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; ПИНЦ SPIN-код: 4310-0893.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; ПИНЦ SPIN-код: 4700-6733.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-193-205

LABOR PRODUCTIVITY: FEATURES OF DIFFERENTIATION OF THE SOCIO-ECONOMIC SPACE OF THE FAR EASTERN MACROREGION

Svetlana V. Makar^{1*}, Aziza V. Yarasheva²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

For citation:

Makar S.V., Yarasheva A.V. Labor productivity: features of differentiation of the socio-economic space of the Far Eastern macroregion. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 193-205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-193-205 (in Russ.)

Abstract. Sustainable economic growth and spatial development are extremely important for Russia at the present time in the context of external processes of turbulence and instability. Labor productivity is one of the key parameters of growth and development not only at the national level, but also at the subnational level. The need and possibility of raising it by increasing the human capital of Russian regions is obvious. The purpose of this article is to identify the features of differentiation of the socio-economic space of the Far Eastern macroregion (FEFD) based on the regional and sectoral differences in labor productivity, taking into account the parameters of human capital for the purpose of effective public administration in order to achieve national goals in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation of 05/07. 2024 No. 309 — realization of human potential, advanced training of personnel for priority sectors of the economy, sustainable and dynamic economy. The information base for the study consisted of publications by mainly Russian scientists, statistical data and information and analytical sources. The authors used methodology of spatial analysis, methods — content analysis, statistical, comparative analysis, expert assessment and others. There were identified macroregional features and regional accents on the basis of studying the dynamics of regional labor productivity indicators in the Far Eastern macroregion for the period 2018–2022, including by groups of economic activities. The source of increased labor productivity as a factor of economic and social development at all spatial levels, including macro- and meso-regional: human capital (the employed with higher education) is emphasized. The macro-regional core of the transformation of human potential into human capital is identified — Primorsky Krai. Application of the results obtained is advisable within the framework of public administration programs and projects concerning scientific and technological development of the regions of the Far Eastern Federal District, which is a geopolitical and geo-economic priority for Russia.

Keywords: labor productivity, Far Eastern macroregion, differentiation of socio-economic space, education, human capital.

References and Internet sources

1. Basovskaya E. N., Basovsky L. E. Vliyaniye oplaty truda i differentsiatsii dokhodov naseleniya na proizvoditel'nost' truda v regionakh Rossii [The impact of labor remuneration and the differentiation of household income on labor productivity in the regions of Russia]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Ehkonomika [Scientific Research and Development. Economics]*. 2019. Vol. 7. No. 4. P.15–18. DOI: 10.12737/article_5d53b2cd2ab7b5.00704502 (in Russ.)
2. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyye problemy zanyatosti naseleniya: zarplatnyye prityazaniya [Regional problems of employment: payroll claims]. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 94–106. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-94-106 (in Russ.)
3. Yarasheva A. V., Alexandrova O. A., Makar S. V. Rol' reabilitatsionno-obrazovatel'nykh uchrezhdenij v professional'noy podgotovke i trudoustroystve invalidov [The role of rehabilitation and educational institutions in vocational training and employment of people with disabilities]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 146–161. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00033 (in Russ.)
4. Voskoboinikov I. B., Gimpelson V. E. Rost proizvoditel'nosti truda, strukturnyye sdvigi i neformal'naya zanyatost' v rossijskoj ehkonomike [Productivity growth, structural change and informality: the case of Russia]. *Voprosy ehkonomiki [Economic Issues]*. 2015. No. 11. P. 30–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-11-30-61 (in Russ.)
5. Zotikov N. Z. Rost proizvoditel'nosti truda kak usloviye povysheniya zarabotnoj platy [Increase in the labor productivity as a condition for raising wages]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics]*. 2022. No. 6(212). P. 36–45. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-6-212-36-45 (in Russ.)

6. Makar S. V. K razvitiyu metodologii prostranstvennogo analiza: kontseptsiya ogranichennoj prostranstvennoj polyarizatsii [Towards the development of spatial analysis methodology: the concept of limited spatial polarization]. *Diskussiya [Discussion]*. 2024. No. 3(124). P. 6–12. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-6-12 (in Rus.)
7. Ekimova N. A. Faktory i rezervy rosta proizvoditel'nosti truda v Rossii: kontseptsii i kolichestvennyje otsenki [Factors and reserves of labor productivity growth in Russia: concepts and quantitative estimates]. *Vestnik URFU. Seriya: Ehkonomika i upravlenije. [Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management]*. 2019. Vol. 18. No. 6. P. 944–966. (in Rus.)
8. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyje osobennosti natsional'nogo proekta «Zdravookhraneniye»: potrebnost' i dostupnost' kvalifikatsionnogo rosta meditsinskikh rabotnikov [Regional features of the national project «Healthcare» implementation: the need and availability of qualification growth for medical professionals]. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 102–111. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111 (in Rus.)
9. Makar S. V., Yarasheva A. V. Potrebitel'skoje povedeniye rossiiyan: vozmozhnosti i priorityty [Consumer behavior of Russians: opportunities and priorities]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 68–78. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.6 (in Rus.)
10. Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Makar S. V. Prostranstvennoje raspredeleniye chelovecheskikh resursov: sfery obrazovaniya i truda [Spatial distribution of human resources: education and labor spheres]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 4–13. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13 (in Rus.)
11. Makar S. V., Yarasheva A. V., Simagin Yu. A. Prostranstvennoje razvitije Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskije i sotsial'no-ehkonomicheskije faktory [Spatial development of the Russian Far East: demographic and socio-economic factors]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11 (in Rus.)
12. Yarasheva A. V., Makar S. V. Vliyanije demograficheskikh faktorov na trudovoj potentsial regionov Dal'nego Vostoka [The impact of demographic factors on the labor potential of the Far East regions]. *Ehkonomika. Nalogi. Pravo. [Economics, Taxes and Law]*. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114 (in Rus.)
13. Shneiderman I. M., Yarasheva A. V., Makar S. V. Obespechennost' zhil'yom zhitelej Dal'nego Vostoka: statisticheskij analiz [Provision of housing for residents of the Far East: statistical analysis]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 53–63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63 (in Rus.)
14. Ryumina E. V. Kachestvennyje kharakteristiki naseleniya i sostoyaniye ehkonomiki: analiz otdel'nykh grupp regionov Rossii [Qualitative characteristics of population and the state of the economy: analysis of certain groups of Russian regions]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 16–26. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2 (in Rus.)

Information about the authors:

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Elibrary SPIN-code: 4310-0893.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Head of laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700-6733.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024, утверждена 12.08.2024, опубликована 30.09.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-206-212

EDN: HYSKHJ

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА КАК ГЕНЕРАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ» НА IX САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

4–5 апреля 2024 г. сотрудники ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступили с докладами на заседании инициативного Круглого стола «Социальная сфера как генератор человеческого потенциала: состояние, проблемы и направления развития», организованного совместно ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Институтом экономики РАН в рамках работы IX Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2024) «Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход». Модераторами Круглого стола выступили О. А. Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ и В. Ю. Музычук, д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Института экономики РАН.

На круглом столе, участниками которого стали известные учёные — экономисты, социологи, медики и специалисты в области государственного управления — обсуждалось текущее состояние входящих в социальную сферу отраслей с точки зрения их способности выполнять присущие им функции; были определены причины сложившейся траектории их развития; выявлены — с позиций современной науки и практики — направления совершенствования их работы. Подчёркивалось, что усиление глобальной конкуренции на фоне стремительного научно-технического прогресса ещё острее ставит вопрос о ситуации в отраслях, отвечающих за формирование человеческого потенциала страны (образование, здравоохранение, культура). Тем более, что в предшествующее десятилетие

социальная сфера подверглась существенным трансформациям: следование неолиберальной парадигме превратило социальные блага в социальные услуги, а созданные в рамках реформы бюджетных учреждений организационно-правовые формы и экономические стимулы привели к таким явлениям как «оптимизация», чрезмерная коммерциализация государственного сектора, сугубо менеджерский подход к управлению учреждениями социальной сферы, искажение мотивации и профессиональное выгорание занятых в них работников. Всё это негативно сказывается на доступности и качестве того, что принято называть «социальными услугами», а, в конечном итоге, на конкурентоспособности российской экономики и общества.

Своё выступление на тему «Реформа бюджетных учреждений: от прогнозов на старте до видимых результатов» О. А. Александрова начала с того, что напомнила об острых дискуссиях, шедших в Государственной Думе и в экспертном сообществе перед принятием Федерального закона от 10 мая 2010 года № 83-ФЗ, техническое название которого, говорящее о как будто бы всего лишь юридико-технических вопросах, скрывало радикальное изменение целеполагания работы бюджетных учреждений социальной сферы. А также — о тех прогнозах относительно последствий задуманной реформы, которые давали профсоюзы работников образования и здравоохранения, направлявшие свои обращения во все высшие инстанции. Прогнозировались резкий рост платности в сфере образования и здравоохранения, снижение доступности социаль-

ных услуг для малообеспеченных граждан, сокращение сети учреждений и их штатной численности. Аналогичные ожидания имелись у руководителей учреждений образования и здравоохранения, которые были опрошены докладчиком и его коллегами вскоре после принятия данного закона. Тогда же были выявлены причины имевшихся ожиданий, связанные, прежде всего, с неадекватным уровнем финансирования социальных отраслей. Как показали проведённые в тот период исследования, руководство учреждений социальной сферы не ожидало увеличения объёма бюджетного финансирования и признавало, что в условиях дефицита средств, выделяемых на выполнение госзадания, оно будет вынуждено всё больше прибегать к оказанию платных образовательных и медицинских услуг. Не ожидалось и заметного повышения качества оказываемых услуг, что объяснялось, прежде всего, ростом нагрузки на работников учреждений на фоне предполагавшейся «оптимизации». В завершение доклада на основе результатов ряда социологических исследований, проведённых в течение десятилетия, показано, что все прогнозы, высказывавшиеся на старте реформы бюджетных учреждений в 2010 г., сбылись. Изменение целеполагания учреждений социальной сферы при сохранении неадекватно низкого уровня бюджетного финансирования, действительно, привело к радикальной коммерциализации социальных отраслей и, как следствие, к заметному снижению доступности качественного образования и медицинской помощи для существенной части населения. Рост рабочей нагрузки и складывающаяся в условиях коммерциализации нездоровая атмосфера негативно сказываются на социальном самочувствии работников соответствующих отраслей, что ведёт к усилению текучести кадров и профессионального выгорания.

С докладом «Цифровизация социальной сферы: перспективы и риски на пути достижения цифровой зрелости России» выступила Н. С. Григорьева, д. полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ

имени М. В. Ломоносова. Спикер отметила, что цифровизация сферы здравоохранения — несомненный тренд развития здравоохранения в нашей стране, а с учётом современных социальных и демографических тенденций, в целом потребность в медицинских услугах будет, несомненно, возрастать. В применении цифровых технологий в здравоохранении России в последние годы наблюдается значительный прогресс, в первую очередь речь идёт о масштабном внедрении медицинских информационных систем (МИС), применении технологий искусственного интеллекта. IT-технологии смогут не только упростить процессы в здравоохранении, но и вывести качество оказания медицинской помощи на новый уровень. В докладе отмечалось, что цифровизация в здравоохранении началась достаточно давно: уже созданы и функционируют федеральная Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), а также ряд масштабных региональных систем, в частности Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС) в Москве, с 2016 г. реализуется проект «Электронное здравоохранение», направленный на улучшение оказания медицинской помощи за счёт внедрения информационных технологий. К 2012 г. показатель доступности информационно-коммуникационной сети «Интернет» медицинских учреждений достиг 96,5%, а потому больше не отслеживается в качестве статистического. Спикер подчеркнула, что в Указе Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в РФ на период до 2025 г.» одним из направлений развития медицины названо создание единого цифрового контура в здравоохранении для организации процессов оказания медицинской помощи и интеграции в него региональных информационных систем. В 2018–2020 гг. число рабочих мест, подключённых к МИС, увеличилось в 1,5 раза, превысив 1 миллион. За этот же промежуток времени число телемедицинских консультаций пациентов выросло в 34 раза и составило 6437 тысяч. Однако определённые внутренние и внешние факторы замед-

ляют широкое применение цифровых технологий, создавая барьеры для достижения цифровой зрелости, которые могут приобрести характер рисков.

В.Г.Доброхлеб, д.э.н., проф., гл.н.с. ФНИСЦ РАН, в докладе, подготовленном совместно с О.Н.Махровой, к.э.н., учёным секретарём ИСЭПН ФНИСЦ РАН на тему «Вызовы развития нооэкономики в условиях демографического старения современной России» выделила важные для демографического развития России статистические данные: на 1 января 2023 г. в стране проживало 146 млн человек, а к 1 января 2046 г., по прогнозу Росстата, население сократится до 139 млн человек. При этом выделена не только проблема депопуляции, но и гендерной асимметрии (доля женского населения будет выше, чем мужского на всём временном интервале прогноза до 2045 г., ожидаемая продолжительность жизни женщин составит 83,2 года, а мужчин — 75,9 года), а также старения населения (рост количества пожилых людей при сокращении общей численности граждан окажется существенной социально-экономической проблемой для России). Возникает вопрос: как увеличить человеческий потенциал стареющего населения? Исследователи предлагают ответ, включающий в себя рекомендации по продлению здоровых лет жизни, активной трудовой жизни и, тем самым, увеличению численности плательщиков страховых взносов. В.Г.Доброхлеб отметила, что в условиях интенсивного процесса демографического старения в существующих социальных институтах, в первую очередь — занятости, образования и социальной защиты — необходимы системные изменения. Эти трансформации должны способствовать, во-первых, формированию социальных ценностей и установок по сохранению и развитию человеческого потенциала стареющего населения, противостоянию эйдджизму, повышению солидарности разных поколений; во-вторых, совершенствованию механизмов расширенного использования общественных фондов, средств бюджетов разных уровней, начиная с федерального, а также финансовых

и иных возможностей бизнеса для финансирования индивидуального развития российских граждан по сохранению здоровья и образования «через всю жизнь»; в-третьих, переходу от декларативных заявлений о первостепенной ценности человеческой жизни к более эффективной социально-экономической политике, в которой достижение экономических целей обусловлено финансово подкреплёнными целями, характеризующими развитие человеческого потенциала, в т.ч., старшего поколения.

В выступлении Д.И.Маркова м.н.с. Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ «Кому верхки, а кому корешки, или представления молодёжи о социальной справедливости» подчёркивалось, что запрос городской молодёжи на перераспределение богатства стабильно растёт как минимум с 2022 г. (с 63% в 2022 г. до 75% в 2024 г.). При этом представления о социальной справедливости в России, по заключению спикера, во многом будут зависеть от доверия официальной информации и результатов занятости (а именно оплаты труда) молодых людей. В докладе сделан вывод: молодёжь не рефлексирует на тему социальной справедливости российского общества, хотя и сталкиваются с ней на рынке труда. Молодым людям не хватает так называемого «социологического воображения» (Ч. Миллс), позволяющего проследить связь между индивидуальным и структурным уровнями проблемы. Это объясняет, почему представления о справедливости в целом прямо (и существенно) коррелируют с доверием официальной информации, но с приобретением жизненного и трудового опыта корреляция становится менее значимой и даже обратной. Вероятно, информационная повестка «стареется надеть» на молодых людей «розовые очки», демонстрируя положительные изменения в социально-экономической структуре. Однако, когда эти очки разбиваются о рынок труда, запускается процесс рефлексии, ведущий к скепсису и критичному отношению к лю-

бым социальным институтам, даже если они действительно демонстрируют положительные успехи.

В.Ю.Музычук в выступлении на тему: «Коммерциализация сферы культуры в России: проблемы и последствия» продемонстрировала основные тренды в системе управления сферой культуры: унификация (игнорирование специфики культурной деятельности, сведение культуры к оказанию государственных услуг); оптимизация (сокращение количества общедоступных библиотек, клубов, домов культуры, детских школ искусств); коммерциализация (оценка и контроль деятельности в сфере культуры на основе бизнес-подхода); культурометрия (объём государственного задания учреждений культуры рассчитывается не от реальных потребностей, а методом обратного счёта, колоссальное увеличение объёма отчётности и документооборота). Отмечены «провалы» государства (дилетантизм чиновников, подмена целей, асимметрия информации), сделан вывод о необходимости выведения сферы культуры из сегмента оказания государственных (муниципальных) услуг. На примере театров показано влияние существующих трендов, при этом подчёркивалось, что театры, как некоммерческие организации, выполняют культурную миссию и извлечение прибыли не является главным мотивом их работы. Так, например, доходы российских театров от основных видов уставной деятельности в 2019 г.(34,05 млрд рублей) распределились следующим образом: 12,82 млрд рублей (37%) — поступили от 24 федеральных театров; 1,62 млрд рублей (34%) — от театров, расположенных в Москве(8,58 млрд) и Санкт-Петербурге(3,04 млрд); 9,62 млрд рублей (28%) поступили от 501 регионального театра. В.Ю.Музычук подчеркнула, что оптимизация расходов бюджетов в целом на развитие сферы культуры представляет вызовы и угрозы для данной области жизни общества.

В выступлении на тему «Роль социальной сферы в профилактике и преодолении социальных недугов в обществе» А.В.Новгородовой, к.э.н., директора Фонда сохра-

нения и развития научного, литературного наследия академика Ф.Г.Углова проанализирована взаимосвязь физического и социально-психологического здоровья народонаселения с тем, насколько активно государство противодействует распространению социальных недугов, прежде всего, физиологических зависимостей. Используя исторический подход, докладчик в выступлении сфокусировалась на вековом опыте борьбы с социальными недугами. А.В.Новгородова проанализировала характер и содержание системных мер, проводимых российским государством в разные исторические периоды, когда подобные проблемы особенно обострялись. Сделан вывод: систематизация и оценка соответствующих государственных программ, реализованных в разные исторические периоды, которые дали свои позитивные результаты в социально-экономической сфере, доказали положительное влияние на демографическую ситуацию и общественное сознание, позволяют формулировать ряд конкретных рекомендаций по борьбе с социальными недугами.

А.А.Костикова, к.филос.н., доцент, зав. кафедрой философии языка и коммуникации МГУ имени М.В.Ломоносова, представила доклад на тему «Социально-эмоциональный интеллект как требование рынка труда: роль современного буддизма». Спикер среди современных управленческих задач выделила: стратегическое мышление, управление принятием решений, управление персоналом, командную вовлеченность, работу с талантами, а среди ожиданий работодателей: клиентоориентированность, командную работу и лидерские качества. Выделены такие важные требования современного рынка труда, как эмоциональный интеллект (индивидуальный и межличностный) и социальный интеллект, при этом заострено внимание на мировых трендах в педагогике, этике и философии сознания, активно влияющих на трудовой потенциал человека, его креативность, опыт ощущений, гибкость мышления, самовыражение. Именно в буддизме, по мнению докладчика, быстрее всего нахо-

дятся ответы на подобные возросшие требования рынка труда (проект Далай-Ламы «Новая система этического социального и эмоционального интеллекта — внерелигиозное обучение»).

П. А. Ореховский, д.э.н., проф., зав. сектором философии и методологии экономической науки Института экономики РАН подготовил доклад «Образование и наука в постсоветской России: между либертарианской и дирижистской моделями». В выступлении показаны особенности двух моделей и их эффективность, выявлена разница в определении общего уровня качества образования. П. А. Ореховский представил типологизацию вузов с доминированием разных неформальных институтов (университеты («селективные вузы»); высшие школы второй категории; «фабрики по производству и продаже дипломов»). Докладчиком выделена проблема широкого использования библиометрии вместо настоящей науки, а также рейтингования научных журналов и борьбы с «хищническими» журналами, извлекающими ренту из т.н. «публикационной активности учёных».

В докладе А. А. Редько, д.мед.н., проф., председателя правления Санкт-Петербургской профессиональной ассоциации медицинских работников; гл. врача TCI-CLINIC «Основные экономические и демографические показатели в Российской Федерации периода псевдопандемии Covid-19» обозначено: стремительный рост технологий и цифровизации здравоохранения в XXI в., с одной стороны, создали невиданную базу для роста эффективности и повышения качества оказания медицинской помощи, с другой — показатели смертности населения не имеют положительной тенденции и даже, наоборот, значительно ухудшаются. Так, на примере Санкт-Петербурга заметно сокращение конечного фонда; в 2022 г. показатели общей и первичной заболеваемости детей выросли по сравнению с 2021 г. на 8,6% и на 8,3% соответственно. По итогам 2022 г. в сравнении с 2021 г., отмечается рост общей и первичной заболеваемости подросткового населения Санкт-Петербурга на 11,0% и 11,8%

соответственно. Оптимизация здравоохранения в Москве привела к тому, что обеспеченность инфекционными койками для взрослых и детей была сокращена почти в два раза — с 4,7 тыс. до 2,5 тыс.; это сопровождалось ростом смертности от инфекционных заболеваний на 11% — с 12,5 до 13,9 на 100 тыс. населения. Сокращение койко-мест во всех стационарах столицы достигло 30%, обеспеченность койками упала в 1,7 раза (с 7,7 на 1 тыс. населения до 4,5). Коммерциализация здравоохранения принципиально изменила отношение между больным и врачом, превратила бескорыстную медицинскую помощь в платную медицинскую услугу, ввела судебную медиацию между врачом и пациентом и нанесла сокрушительный удар по многовековому авторитету отечественных эскулапов.

Н. Н. Федотова, д.соц.н., доцент, проф. кафедры социологии МГИМО МИД России в докладе: «Рыночные принципы в жизни общества: представления современных западных исследователей» показала, что в западных европейских странах такие социальные сферы как образование, наука, здравоохранение оказались вынуждены функционировать в той или иной степени в соответствии с рыночными условиями ранее, чем это произошло в России. Дискуссии о коммерциализации и её последствиях продолжаются и характеризуют общие и специфические для разных стран варианты её осуществления. Исследователи разных стран используют различные понятия при обращении к этому явлению, иногда вкладывая в них разнообразное содержание, иногда не разделяя содержательное. Кроме коммерциализации, активно используется маркизация, повышение эффективности, экономизация (чаще в немецко-говорящих странах), коммодификация, приватизация и др. Так, исследователи из скандинавских стран указывают, что и они «не избежали тренда» коммерциализации и используют понятие «мягкой приватизации» для процессов вовлечения частного сектора в социальную сферу, в первую очередь в образование. Докладчик отметила, что большинство негативных послед-

ствий коммерциализации, о которых говорят западные исследователи (в частности, применительно к образованию и науке говорят о снижении эффективности тех университетов, которые максимально подчинены рыночным критериям, глобальной стандартизации образовательных концепций, отношении к образованию как к товару, чья ценность определяется глобальным рынком и пр.) можно свести к единой концептуальной рамке с помощью теории макдональдизации, разработанной известным американским социологом Дж. Ритцером. Эта теория описывает упрощённую рациональность, на принципах которой построена индустрия фаст-фуда, распространяясь на общество в целом. К числу этих принципов, Дж. Ритцер отнёс эффективность, как поиск кратчайшего пути до цели, что включает спрямление и упрощение продукта или услуги; калькулируемость или подсчитываемость как замену качественных показателей процесса или явления количественными, которые создают иллюзию качества; предсказуемость как стремление к стандартизации; и, наконец, контроль над человеком или его замену технологиями. Предостережение учёного состоит в том, что стремление к подобной версии рациональности вызывает к жизни оборотную сторону рациональности — т.е. иррациональность. Они и обнаруживаются в деятельности институтов и организаций неэкономической сферы при принижении их статуса до рыночного.

В выступлении К.Н.Царанова, к.мед.н., начальника Управления развития отраслевых образовательных программ, доцента кафедры государственного управления и кадровой политики Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М.Лужкова на тему «Человекоцентричность управления в организации социальной сферы (управление по ценностям): опыт Москвы» были представлены итоги успешной реализации 50 проектов в области обучения государственных гражданских служащих, руководителей и сотрудников организаций здравоохранения и социальной сферы, а также обуче-

ния и социальной адаптации людей старше 50 лет. Одновременно спикером обозначены современные вызовы: дегуманизация; снижение эффективности экономических и административных методов управления; стремительная цифровизация социальной сферы, которая трансформирует человеческий потенциал, но не снижает риски возникновения неблагоприятных событий. Так, в сфере здравоохранения дегуманизация проявляется в низведении жизни человека в исключительно биологическую плоскость; в СМИ и профессиональной среде — озвучивание сугубо материальной проблематики «человека-объекта» (как попасть к врачу или клинику, сколько денег выделено на финансирование здравоохранения, цена и наличие лекарств, страховок и пр.); в утилитарном подходе «потерялся» человек — и пациент и сотрудник — потерялись его интересы, чувства, переживания, эмоции, ценности, религиозные и этические воззрения.

В выступлении Т.В.Чубаровой, д.э.н., руководителя Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН на тему «Финансиализация как тенденция развития современных систем здравоохранения» приведено сравнение основных трендов: коммерциализация, приватизация, маркетизация, финансиализация; при этом показано, что финансирование и финансиализация — имеют разные смыслы для здравоохранения, в котором остро стоит вопрос о соотношении финансовой и гуманитарной составляющих. Выделены частное финансирование получения медицинских услуг (личные платежи и добровольное медицинское страхование) и частные инвестиции в здравоохранении (не только текущие расходы, но и вложения в инфраструктуру), при этом показан рост личного финансирования («платежи из кармана индивида» составляют примерно 90% частных расходов в медицине).

А.В.Ярашева, д.э.н., проф., зав. лабораторией исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём выступлении на тему «Образовательный капитал: возможности обретения и реализации»

осветила актуальные вопросы, касающиеся формирования образовательного капитала человека и возможностей его реализации в России. Подробно рассмотрены внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор будущей профессии, динамика представлений россиян о престижности профессии и её доходности, возможности (доступности) получения образования (основного и дополнительного), соответствие/несоответствие полученной в образовательном учреждении специальности выполняемой работе (в зависимости от уровня образования индивида и территории его проживания). Спикером сделан вывод об отличиях представителей разных возрастных когорт

населения в их представлениях о позитивных и негативных последствиях трудовой занятости по полученной специальности и/или работы по «чужой» профессии, не соответствующей обрётённому образовательному капиталу.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Финансового
университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., зав. лабораторией,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-213-218
EDN IGDDUI

ЧТО БЕСПОКОИТ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»

VI Международная научно-практическая конференция «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» прошла 20–21 июня 2024 года. Она была организована ИСЭПН ФНИСЦ РАН при поддержке Отделения общественных наук РАН, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы (НИИОЗММ ДЗМ), НИИ статистики Росстата, Вологодского научного центра (ВолНЦ) РАН и кафедры социологии семьи и демографии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Пленарное заседание открыл директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН В. В. Локосов. С докладами выступили: Р. И. Нигматулин — научный руководитель Института океанологии РАН, академик РАН; М. Ф. Черныш — директор ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН; А. Р. Бахтизин — директор ЦЭМИ РАН, член-корр. РАН; Р. А. Хамзин — директор НИИ статистики Росстата совместно с О. А. Золотаревой — директором Центра демографии и статистики Института экономических стратегий РАН, г. н. с. НИИ статистики Росстата; А. И. Антонов — зав. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д. филос. н.

Р. И. Нигматулин обратил внимание на то, что в период с 2013 по 2022 гг. среднегодовые темпы роста ВВП существенно замедлились. Весомыми проблемами остаются аномальное расслоение общества и высокий уровень бедности. Страна сталкивается со стремительной депопуляцией: за 4 года (2020–2023 гг.) естественная убыль населения составила 2,6 млн человек. В частности, академик обеспокоен тем, что СМИ и мас-

совая культура сильнее влияют на ценности людей, чем наука и образование.

М. Ф. Черныш описал динамику численности населения крупных и малых городов: за постсоветский период население городов-миллионников выросло на 32,3%, при этом в малых и средних городах, наоборот, сократилось. Основываясь на результатах опроса учащихся с 6 по 11 классы, автор выявил, что в будущем наибольшее внимание будет уделено переезду в крупные города и эмиграции в экономически развитые страны, а также стремлению к жизни в среднем классе. Кроме того, молодёжь продолжит выбирать малодетные, нуклеарные семьи в качестве ключевой семейной стратегии.

А. Р. Бахтизин оценил точность прогнозных данных на примере моделей ООН и ИНМЕ. С использованием цифрового двойника прогнозируется снижение численности российского населения за последующие 15 лет примерно на 11% по причине снижения числа женщин в фертильном возрасте и сверхсмертности мужчин. Общество станет сильно атомизированным — произойдёт сокращение количества родственников, что увеличит нагрузку на пенсионные системы различных государств. В качестве решения ряда социально-демографических проблем предлагается повысить доступность жилья на первичном рынке и увеличить затраты на научно-исследовательские разработки внутри страны.

Р. А. Хамзин и О. А. Золотарева также обратили внимание на проблему депопуляции. Спикеры, как и ряд других докладчиков, отметили негативное влияние переноса материнского (семейного) капитала на первого ребенка: несмотря на его ин-

дексацию в 2023 г., рождаемость вторых детей сокращается быстрее других. Это объясняется тем, что большое количество семей получили основную выплату после рождения первенца (586,9 тыс. рублей в 2023 г.), а оставшаяся часть, причитающаяся на второго ребёнка, оказывается крайне мала — 188,6 тыс. рублей в 2023 г., что не способствует эффективному стимулированию вторых рождений.

А. И. Антонов, описывая актуальную демографическую ситуацию в нашей стране, подчеркнул значимость активизации мер семейно-демографической политики. Методом семантического дифференциала установлено, что в массовом сознании городского населения с 1970-х гг. происходит переориентация от фамилистического общества к обществу бесемейному и бездетному. Изменить сложившиеся репродуктивные и ценностные установки сложнее, чем формировать их. В связи с этим, по оценке докладчика, необходимо сосредоточить внимание на просеимой социализации подрастающих поколений.

Секция 1 «Семейно-детный образ жизни: результаты исследований, проблемы и перспективы» (руководитель — А. И. Антонов, соруководитель — С. В. Ляликова) явилась площадкой для представления результатов социологических и демографических исследований, связанных с современной структурой семьи и основными аспектами семейно-детного образа жизни. Е. К. Рудакова (Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова) дала определение когнитивных угроз в контексте воспроизводства населения, формируемых через язык, понятия, смыслы, а также интерпретации и поведение. М. В. Вдовина (Российский государственный социальный университет) раскрыла специфику и потенциал цифрового благополучия семьи и детства. Представлен концепт трехкомпонентной структуры цифрового благополучия семьи, включающей в себя цифровое благосостояние семьи и детей, применение цифровых инноваций на благо семьи и соответствие цифровизации целям и ценностям развития цифрового общества.

А. Б. Синельников (МГУ имени М. В. Ломоносова) на основании данных массовых опросов описал отношения общественности к многодетным родителям. Согласно исследованию ВолНЦ РАН, лишь 6% многодетных сталкивались с пренебрежительным отношением со стороны общества. По данным Росстата, доля женщин, желающих стать малолетними матерями, увеличивается, в то время как ориентация на большее число детей слабеет. А. В. Жаворонков, Э. И. Бутаев, Н. С. Воронина (ИС ФНИСЦ РАН) с опорой на широкий спектр социологических исследований решают задачи по выявлению наличия или отсутствия связи между переменными и определению ее характера посредством различных коэффициентов корреляции, демонстрируя и обосновывая преимущества коэффициента Тау-б-Кендалла.

Секция 2 «Здоровье населения и его обеспечение» (руководитель секции — И. Б. Назарова, соруководители — О. Н. Калачикова и Т. А. Игнатова) была посвящена отдельным аспектам состояния здоровья населения и возможностям его сохранения. Г. Г. Татарова и А. В. Чиркова (ИС ФНИСЦ РАН), основываясь на результатах авторского исследования, сделали выводы о различии типологических структур молодежи трех возрастных групп, в том числе и об эвристическом потенциале базовых типобразующих признаков. Отмечено, что такие показатели, как употребление алкоголя, курение, питание и физическая активность, для молодежи разных возрастных групп имеют разную значимость.

С. Ю. Шарыпова (Пермский государственный НИУ) по результатам интервью пришла к ряду выводов о стратегиях заботы о здоровье в современном российском обществе. На данный момент не представляется возможным однозначно подтвердить рост самосохранительной ориентации в поведении россиян в результате пандемии COVID-19, стратегия «нового» типа поведения в сфере заботы о здоровье не закрепились. Я. А. Гудкова (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы) подчеркнула, что на образ жизни и здоро-

вье людей оказывает влияние обустроенность городской среды, отражаясь на их общем самочувствии и ощущении счастья. С. С. Селиванова (Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан) пришла к выводу, что ограничительные меры со стороны государства не отличаются эффективностью, так как не способны коренным образом изменить жизненные стратегии людей.

В. В. Зырянов и Д. Н. Вергасова (МГУ имени М. В. Ломоносова) изучают взаимосвязи между трудовой занятостью студентов и уровнем их здоровья. Они подчеркнули, что за последние несколько лет доля работающих студентов возросла. Также отметили, что сон является важным элементом заботы о здоровье, а несоблюдение режима сна негативно сказывается на трудоспособности участников исследования. И. Б. Назарова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, НИИОЗММ ДЗМ) на основе исследовательских данных показала, что свыше половины россиян систематически занимаются физкультурой и спортом, причем различий между жителями городов и сёл практически нет. Проблемы с лишним весом отмечены у каждого пятого мужчины и 27% женщин, меньше всего граждан с избыточным весом проживает в Москве. В докладе И. В. Журавлевой и В. Л. Кожарина (ИС ФНИСЦ РАН) представлены результаты исследований 2009 и 2023 гг., определяющие мотивы, побуждающие население заботиться о здоровье. На протяжении нескольких десятилетий мотивами заботы о собственном здоровье являются желание быть здоровым, особенности воспитания и ухудшение состояния здоровья.

Секция 3 «Формирование и воспроизводство демографического потенциала» (руководители секции — Н. Е. Русанова и А. Е. Иванова, соруководитель — М. В. Цимбал) раскрывала социально-демографические аспекты развития современного общества. А. Е. Иванова (ИДИ ФНИСЦ РАН, НИИОЗММ ДЗМ) описала динамику продолжительности жизни населения в России и за рубежом. Особое внимание было уделено качеству жизни пожилых людей и их установкам на долголетие.

Е. С. Красинец (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) отметил, что в ближайшие годы необходимо существенно пересмотреть правовые меры, поощряющие (или ограничивающие) въезд в страну трудовых мигрантов, которые соответствуют (или не соответствуют) уровню необходимой квалификации и имеющимся в стране потребностям.

И. В. Трегуб (Финансовый университет при Правительстве РФ) совместно с А. П. Исаевой (РАНХиГС при Президенте РФ) представили результаты эконометрического анализа рождаемости в России. Зафиксировано, что в рамках разработанной модели линейной регрессии рождаемость на 69% объясняется изменениями темпа роста ВВП на душу населения, пандемией, военными расходами и расходами на образование. Н. Е. Русанова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) совместно с Л. В. Ерофеевой (Московский финансово-промышленный университет «Синергия») описали факторы репродуктивного выбора студентов-медиков. Показано, что студенты медицинских образовательных организаций, несмотря на высокую информированность о возможных способах предупреждения беременности, предпочитают использовать традиционные барьерные методы.

На секции 4 «Жилищная политика и рынок жилья: социально-экономические проблемы» (руководитель секции — И. В. Пилипенко, соруководители — С. Г. Стерник и С. Ю. Шаров) был рассмотрен комплекс вопросов, связанных с достижением национальных целей развития в жилищном секторе РФ. Е. В. Басос (Университет имени О. Е. Кутафина — МГЮА) показала противоречия, обнаруженные в государственной политике по обеспечению семей с детьми жильем, а также оценила доступность возможностей социального найма, характерную для различных социально-демографических групп населения. Г. В. Ридевский (НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь) сфокусировал внимание на улучшении жилищных условий как важном факторе демографического развития. С. Ю. Шаров (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) описал индикаторы

торы городской жилой среды и их влияние на благополучие и качество жизни населения.

Т. Ю. Овсянникова и О. В. Рабцевич (Томский государственный архитектурно-строительный университет) рассмотрели вопросы государственной жилищной политики, подчеркивая широкое распространение пространственных диспропорций населения во всех макротерриториальных регионах. Е. И. Борковская (Финансовый университет при Правительстве РФ) подтвердила, что жильё является одним из ключевых факторов, определяющих качество жизни населения. С. С. Горелова совместно с В. Н. Афанасьевым (Оренбургский государственный университет) отметили, что в России существует проблема обеспеченности жильём, причем наиболее остро она проявляется в городах-миллионниках. По мнению докладчиков, приоритетной программой для обеспечения граждан доступным и комфортным жильём является «Ипотека и арендное жильё». А. К. Гузанова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), опираясь на серию исследований КОУЖ от Росстата, подчеркнула значимость жилищной проблемы для семей с детьми.

О. В. Грушина (Байкальский государственный университет) дала авторское определение термину «доступность жилья», а также поделилась результатами исследования обеспеченности населения жильём среди различных типов домохозяйств. Д. Б. Литвинцев (Новосибирский государственный технический университет) раскрыл специфику исследований жилищной прекарности как сложного, многомерного феномена и оценил потенциал регионального индекса прекарности жилья, который может быть использован в целях совершенствования жилищной политики в России. И. В. Пилипенко (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) представил типологию регионов по жилищной обеспеченности и доступности жилья, которая может быть использована для повышения эффективности развития жилищного строительства и рынка жилья в России.

Региональную специфику в сфере жилищной политики крайнего Северо-

Востока РФ, обусловленную типом социально-экономического развития этих регионов (северных ресурсных), представила О. С. Фавстрицкая (Северо-Восточный комплексный НИИ имени Н. А. Шило ДВО РАН). Отмечено, что лидерство регионов по показателю «жилищная обеспеченность» не является показательным, так как объясняется преимущественно невостребованностью жилья в периферийных и неперспективных населенных пунктах, которые к тому же не являются опорными. И. А. Шитова (Тихоокеанский государственный университет) показала специфику Дальневосточного федерального округа в вопросах обеспеченности жильём. Отмечается, что наиболее благополучным регионом, относящимся к ДФО, является Сахалинская область, где наблюдается прирост жилого фонда, а на одного жителя приходится 32,5 м², что практически соответствует нормативному показателю (33 м²).

Секция 5 «Кадровое обеспечение отраслей экономики и социальной сферы: риски и возможности» (руководители секции — А. В. Ярашева и О. А. Александрова, соруководители — Д. И. Марков и А. В. Попов) была посвящена вопросам кадрового потенциала в различных сферах, включая медицину, социальное обслуживание, образование и науку. Н. О. Болдышева (Финансовый университет при Правительстве РФ) раскрыла проблему дефицита педагогических кадров в школах Московской области. Автор предлагает следующие пути решения: повышение заработной платы учителя за счет дополнительных образовательных услуг, реализованных на коммерческой основе, поиск учителей в других регионах и помощь в адаптации в новых условиях проживания, переструктуризация кадрового состава школы и привлечение молодежи. А. В. Попов (ВолНЦ РАН) рассмотрел вопросы профессиональной самореализации на периферии и пришел к выводу, что они воспринимаются острее, чем в агломерациях.

О. А. Александрова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, НИИОЗММ ДЗМ) напомнила, что руководители медицинских организаций приняли на себя удар реформы здравоохране-

ния, сопровождающейся существенным сокращением бюджетного финансирования. С. В. Крошилин (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, НИИ-ОЗММ ДЗМ, Рязанский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова) и Е. И. Медведева (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, НИИОЗММ ДЗМ) предложили авторский алгоритм оценки индивидуального потенциала медицинских организаций, в основу которого положены три показателя: накопленный объем знаний сотрудников, интеллектуальный уровень медицинского персонала и опыт использования инноваций (чат-боты, роботизированные системы и другие). Д. И. Марков (НИИОЗММ ДЗМ, Финансовый университет при Правительстве РФ) установил, что до сих пор наблюдаются противоречия в отношениях между молодым специалистами и работодателями относительно достойного уровня оплаты труда. М. О. Назаренко (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) предложил ввести в научный оборот категорию «пространство, дружественное к семьям работников организаций» с целью улучшения демографической ситуации.

Секция 6 «Социально-экономические проблемы человеческого развития и человеческий потенциал» (руководитель секции — Е. В. Моргунов, соруководитель — М. А. Вершинина) была сосредоточена на изучении различных аспектов человеческого потенциала. Исследовались проблемы обеспечения кадровыми ресурсами, влияние информационного пространства и цифровых технологий, социальные и демографические детерминанты развития общества, а также вопросы социальной ответственности и национальной идентичности.

Ю. Н. Гаврилец и А. В. Кудров (ЦЭМИ РАН) раскрыли содержание досуга россиян. Было установлено, что в приоритете у населения посещение разного рода кафе и ресторанов, также популярным видом досуга является кино. Авторы обнаружили корреляцию между уровнем образования и спецификой досуговой деятельности: чем выше уровень образования, тем разнообразнее досуг. Е. В. Моргунов (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

оценил потенциал фиксированного широкополосного доступа к интернету в различных странах мира. Отмечено, что данный тип интернета является наиболее стабильным, но не единственным возможным вариантом быстрого доступа. Высокий потенциал широкополосного доступа к интернету начинается от 12 абонентов на 100 жителей конкретной страны.

М. В. Артамонова и Е. П. Лаврова (Московский государственный технический университет гражданской авиации) представили результаты исследования отношения студентов к эвтаназии в контексте альтруистического и эгоистического подходов. Результаты интервью дают основания полагать, что студенты характеризуются позитивной жизненной позицией. Практика активного обсуждения провокационных и социально значимых тем в различных форматах, включая деятельностные, может рассматриваться как эффективный метод вовлечения обучающихся в научно-исследовательскую деятельность и обладает высоким воспитательным потенциалом. М. А. Вершинина (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) рассматривала социально-экономические проблемы моногорода на примере Тольятти. В России наблюдается отток экономически активного населения из малых и средних городов, что приводит к вымыванию человеческого капитала. Моногорода особенно уязвимы в этом аспекте, несмотря на различные меры государственной поддержки.

И. Н. Молчанов (МГУ имени М. В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что в настоящее время в России идет поэтапный переход на ресурс- и природосберегающие технологии. Участие компаний в деятельности на основе ESG-принципов осуществляется добровольно, однако особое внимание уделяется нормативно-правовому обеспечению. А. Н. Шеремет (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) исследовал показатель уровня социокультурного потенциала региона, выраженного в приобщении населения к искусству, который предлагается измерить через частоту посещения театров и музеев. Обнаружена значительная дифференциация регионов

по посещаемости культурных учреждений, которую следует анализировать в динамике для каждого региона отдельно, а также для групп регионов со схожими культурно-историческими характеристиками.

В рамках круглого стола «Молодёжь за перемены: новые подходы к решению социально-демографических и экономических проблем» (модераторы — Е. И. Медведева и С. В. Крошилин). У. С. Перевалова и М. А. Бушуева (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы) отметили, что перспективным направлением использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовательной сфере является разработка интеллектуальных систем-ассистентов. Одной из главных проблем является конфиденциальность и защита персональных данных. Т. Ю. Логинова (Финансовый университет при Правительстве РФ) в ходе авторского исследования установила, что молодые люди действительно считают себя патриотами, при этом в сознании респондентов понятия «Родина» и «государство» не являются тождественными. А. Р. Акрамова (МГУ имени М. В. Ломоносова), дискутируя на тему пользы и вреда цифровых технологий для современной семьи, заключила, что такие изобретения могут как помогать, так и вредить. Для защиты от возможного вреда следует соблюдать цифровую гигиену, укреплять нравственность, а также повышать значимость института семьи и семейных ценностей. В. В. Данкова (МГУ имени М. В. Ломоносова) подняла вопрос о состоянии женщин в первые годы брака и установила, что молодые женщины часто не обладают достаточным количеством информации о существующих программах поддержки молодой семьи, подобная неосведомленность может способствовать повышению возраста рождения первенца.

Круглый стол «Жизненные стратегии многодетных семей и актуальные социальные нормы семейной жизни» (модераторы — А. Б. Синельников и С. В. Ляликова) был организован при поддержке РНФ (проект № 23–28–00518). Мероприятие стало платформой для обмена мнениями и вы-

работки рекомендаций, направленных на улучшение условий жизни многодетных семей и разработку эффективной семейно-демографической политики. В ходе круглого стола был рассмотрен перечень ключевых тем: адаптационные стратегии многодетных семей, характер взаимосвязи между числом детей и материальным благополучием, различные меры эффективной семейно-демографической политики и потенциал жилищных мер поддержки семей с детьми в улучшении качества жизни населения и создании условий для полноценной реализации имеющейся у семьи потребности в детях, необходимость оптимизации каналов коммуникации для улучшения информированности населения о видах поддержки семей с детьми на региональном и федеральном уровнях, вопросы социальных льгот, а также тенденций в сфере воспитания и образования детей, реализованных в семье.

В заключении конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» была предоставлена возможность для обсуждения насущных проблем в различных сферах жизнедеятельности. Дальнейшие шаги должны включать реализацию выработанных рекомендаций, активное сотрудничество между государственными структурами, научными и образовательными учреждениями, общественными организациями.

Материал подготовили:

Игнатова Т. А.,

младший научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;

Ляликова С. В.,

научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводится после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, РИНЦ AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. *Bednost' v bogatoj Rossii* [Poverty in rich Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. *Potrebnosti i dohod sem'i* [Family Needs and Income]. Moscow. *Ekonomika* [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. *Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki*. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоугольного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785